L. Gordon

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

PATRICK GORDON

DIARY
1635–1659

MOSCOW
NAUKA
2005

ПАТРИК ГОРДОН

ДНЕВНИК
1635–1659

Перевод с английского, статья и примечания
Д. Г. ФЕДОСОВА

МОСКВА
НАУКА
2005

ББК 63.3(0)
УДК 94
Г 67

Серия "Памятники исторической мысли"
основана в 1966 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ"

К.З. Ашрафян, Г.М. Бонгард-Левин, В.П. Буданова (ученый секретарь), *А.Я. Гуревич, В.А. Дунаевский, В.А. Дьяков, М.П. Ирошников, Г.С. Кучеренко, Г.Г. Литаврин, А.В. Подосинов, Л.Н. Пушкарев, В.А. Тишков, В.И. Уколова* (председатель)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *М.Р. Рыженков*

Рецензент
И.О. Гаркуша

Гордон Патрик

Дневник 1635–1659 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова; отв. ред. М.Р. Рыженков. – М.: Наука, 2005. – 278 с. ISBN 5-02-010317-9 (в пер.).

Дневник шотландца Патрика Гордона (1635–1699), ставшего русским генералом и наставником Петра Великого, – уникальный источник по истории Европы и России второй половины XVII в.

Первая часть записок Гордона (до 1659 г.) посвящена прежде всего событиям Северной войны (1655–1660), в которой главными противниками выступали Швеция и польско-литовская держава. Будучи очевидцем и участником военных действий с обеих сторон, автор описывает их подробно и беспристрастно.

Настоящее издание открывает первую полную научную публикацию замечательного исторического памятника.

Для историков и широкого круга читателей.

Без объявления

ISBN 5-02-010317-9

© Федосов Д.Г., перевод, статья, примечания, указатель, 2005
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Памятники исторической мысли" (разработка, редакционно-издательское оформление), 1966 (год основания), 2005

[ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА]

/л. 2 об./ Мне известно, что для любого человека написать историю своей жизни и рассказ о своих поступках считается столь же трудною задачей, как для художника верно нарисовать собственный портрет. И все же, вознамерившись писать для себя лишь в виде журнала, не допуская никаких рассуждений, не порицая и не хваля никакие события моей жизни (и следуя в том совету Катона: "Nec te laudaveris, nec te culpaveris ipse"[1]), я не считаю сие делом непростым. К тому же я не предназначаю оный для всеобщего взора и оставляю другим, если они возьмут труд прочесть его, свободно судить обо всем содеянном. В делах общественных я не упоминал более того, что дошло до моего сведения, передавая слухи как таковые, а вещи подлинные как истину.

Иных общественных событий (разумею военные, ибо в государственных, что вне моей сферы, я был замешан очень мало) я касался последовательно, другие переплетал с повестью о моей жизни (признаюсь, несовершенной из-за недостатка документов и сведений), но в большинстве случаев я присутствовал и наблюдал оные лично. Наконец, не могу привести вам лучшего и вернейшего повода для написания сего, чем желание угодить моей прихоти. Угождать же другим я не стремлюсь, ибо omnibus placere[2] до сих пор было причислено к impossibilia[3].

/л. 3/

1635

Я родился в год Искупления нашего тысяча шестьсот тридцать пятый, в последний день марта[4], около трех часов пополудни на Пасхальный вторник, в Истер Охлухрис в пределах прихода Круден и шерифства Эбердин. Родители мои — Джон Гордон и Мэри Огилви, наследники и владельцы поместья Охлухрис.

1640

В Хлебный праздник[5] меня послали в школу при круденской церкви и поместили на житье и пропитание у вдовы по имени Маргарет Эллан, а учителем моим был Уильям Логан. Здесь я вместе со старшим братом провел четыре года, дойдя до [слов] "Multiplex uno sensu" в первой части грамматики Депотера[6].

1644

Пока отец мой жил в Охриди, в приходе Эллон, меня отдали там в школу при том же учителе, коего туда перевели, а поселился я в доме Александера Скроггса.

Я пробыл в сей школе около года, когда из-за великих смут, и прежних и нынешних[7], все публичные школы были заброшены. Мой отец взял в дом учителя по имени Джордж Меррей, который полгода */л. 3 об./* весьма хорошо обучал нас.

1646

Мой отец перебрался в Хони-Крук, нас же снова отдали в школу в Эллоне и поселили в доме Джона Милла; нашим учителем был мистер Хэри Том.

Тут мы занимались около года. Тем временем отец переехал в Охмэди, а позже в свое поместье, и жил в Уэстертуне[8].

1648

Нас снова отправили в круденскую школу. Мистер Александер Фрэйзер учил нас около года.

1649

Мистер Эндрю Брун занял место учителя. Я с братьями пребывал в школе, а жил и столовался в доме Александера Гэриха, около двух лет[9].

1651

Меня забрали из школы, и я находился дома при отце.

Итак, получив благодаря нежной заботе моих дорогих родителей все знания, кои могли доставить простые сельские школы, и не желая по причине расхождения в религии идти в университет в Шотландии[10], я решил, дабы расторгнуть узы одной захватившей меня юношеской привязанности и удалиться от ее предмета, а также обрести свободу, которая, как я неразумно полагал, скована тщательным надзором моих любящих родителей, но более всего потому, что наследство мое было невелико, как у младшего сына младшего брата из младшей ветви рода, — я решил, повторяю, уехать в какую-либо иноземную страну, не заботясь о предлоге к тому и в какую именно, ибо не имел ни единого друга ни в одной чужой земле.

Решившись на это, мне недоставало лишь согласия и содействия родителей[11], чего я и добился при посредстве моего дяди. Узнав о корабле, вскоре отбывающем из Эбердина в */л. 4/* Данциг[12], я совершил поездку по окрестностям к моим друзьям и простился с ними.

Третьего июня, после грустного расставания с моей дорогой матерью, братьями и сестрою[13], я отправился в Эбердин в сопровождении отца и дяди, кои возвратились через два дня, снабдив меня одеждой, деньгами и всем необходимым. Четыре дня спустя приехала мать; я получил благословение и простился с нею.

12-го числа я поднялся на борт и всю ночь стоял на якоре у рейда. Корабль был большим торговым судном из Данцига, с 18 пушками. Шкипера звали Якоб Бартман.

13-го на борт прибыли купцы и пассажиры, и к вечеру, несмотря на безветрие и туман, мы подняли якорь и медленно двинулись с

отливом. На закате прояснилось, и мы, узнав об этом под палубой, поспешили наверх и со вздохами и слезами простились с родиной, которая, казалось, была в трауре при нашем отъезде. Но вскоре с резким порывом западного ветра мы совсем потеряли ее из вида. Улегшись отдыхать, дабы успокоить душу, мы были встревожены поднятым матросами шумом, ибо появились некие корабли, оказавшиеся по приближении голландскими. Они осведомились, кто мы такие, откуда следуем и куда направляемся. Получив во всем удовлетворение, они спросили, нет ли у нас на борту людей парламента и не видали ли мы английского судна, которое скрылось от них в тумане[14]. На оба вопроса было отвечено /*л. 4 об.*/ "нет", так что после приветствия из больших орудий, по морскому обычаю, мы расстались и два дня держали курс на северо-восток при попутном бризе.

Затем противные ветры занесли нас очень далеко на север, и через две недели мы завидели Норвегию. Когда ветер немного улучшился, мы поплыли вдоль ее берегов, пройдя через Неус ко Скагену в Ютландии, потом остров Лесё, Триндель, малый остров Анхольт[15] и мимо скалы, называемой Коле, где шкиперы требуют от всякого, кто не ходил этим путем прежде, одной предосторожности: по обычаю трижды спускают матросов с конца большой реи в море[16].

Мы пришли на рейд Эльсинора вечером и бросили якорь примерно в половине немецкой мили[17] от побережья. На другой день мы сошли на берег и прекрасно отобедали в доме одного шотландца[18] за двенадцать пенсов с каждого, а ночью вернулись на корабль. Назавтра около полудня, после разгрузки корабля, мы подняли паруса и быстро пошли по свежему ветру мимо островов Вен и Роан на левой стороне и города Копенгагена, резиденции короля Датского, на правой, держа курс через Фальстербу и остров Борнхольм к берегу Малой Померании.

18 июля по новому стилю мы увидали берег. Вечером было затишье, а ночью сильный дождь и гром, так что мы не двигались. На другой день мы прошли Хель и чуть позже начали сбрасывать балласт, то есть песок и камни. Следующий день тоже был тихим, и вблизи берега нас довели на буксирах до земли, где мы бросили якорь у крепкого форта Мюнде. Некоторые из нас сошли на берег и добрались до Данцига пешком, будучи в одной немецкой /*л. 5*/ миле от города, куда мы прибыли в полдень и остановились в доме у шотландца на улице Святого Духа; нашего хозяина звали Джон Доналдсон[19]. Здесь я провел восемь дней.

В пятницу мы с джентльменом по имени Томас Мензис и еще тремя немцами договорились с почтовой каретой, шедшей в Кёнигсберг; мистер Мензис и я уплатили за проезд до Браунсберга[20] по полтора талера каждый. В субботу в 8 часов мы отправились в путь и в тот же вечер прибыли в Эльбинг[21], за 9 миль, а на другой день поспели во Фрауэнбург[22], за 5 миль. Встретив там нашего доброго друга мистера Роберта Блэкхолла, священника и викария при одном из местных каноников, мы по его настоянию отпустили карету и остались на всю ночь.

Сей город лежит на озере, называемом Фриш[е]-хаф, и открыт со всех сторон у подножья холма, где стоит собор, в коем служат, насколько я помню, восемь каноников; у них весьма приятные дома и сады, уходящие в поля. (Здесь Коперников водопровод[23].) Назавтра, после хорошего приема у отца Блэкхолла, наняв открытую повозку, отец Блэкхолл, мистер Мензис и я поехали в Браунсберг, за одну милю; дорога большей частью шла лесом.

Браунсберг лежит в епископстве Варминском, на реке Пассарге[24], которая в миле оттуда впадает во Фриш[е]-хаф. За рекой расположен новый город, разделенный на две улицы: одна ведет на Кёнигсберг, другая вверх по реке. Обе части соединены мостом, старый город окружен стеною, а новый всюду открыт. Тут мы поселились у брата мистера Мензиса, священника по имени Александер Майкл Мензис — настоятеля небольшой церкви в новом городе.

Здесь я обучался в Коллегии иезуитов. Хотя я не нуждался ни в чем, так как иезуиты всегда прилагают необычайные усилия и проявляют великую заботу о воспитании юношей, все же дух мой не мог вынести столь замкнутого и строгого образа жизни.

[1653]

Поэтому я и решил уйти и вернуться */л. 5 об./* домой. Как-то во вторник, часов около десяти, я пустился в путь пешком, дабы избежать расходов, ибо денег у меня осталось всего семь с половиной рейхсталеров, да одно платье, бывшее на мне. Взяв плащ и мешочек с бельем и несколькими книгами, я, как паломник, брел в одиночестве с посохом в руке. Я не выучил немецкого, поскольку в Коллегии мы говорили по-латински, и лишь узнал и записал некоторые нужные слова, чтобы справляться о дороге, еде и прочем. Котомку я для удобства нес за спиною — между деревнями или когда мне никто не попадался, но при входе в деревню или при встрече с кем-нибудь брал оную под мышку. Снаряженный таким образом, я обогнул ук-

радкой старый город, и лишь отец Мензис проводил меня до большой дороги. Я шел хорошо знакомым путем через лес на Фрауэнбург, развлекаясь праздными мыслями или возникавшими по пути предметами.

По приходе во Фрауэнбург я решил не являться к отцу Блэкхоллу, опасаясь упреков за то, что покинул Коллегию; ведь он всегда отговаривал меня от любого иного поприща, кроме науки и обращения к религии. Позже я письменно извинился перед ним, сделав вид, что был со спутниками, кои никак не желали там задержаться. Я прошел через город, никуда не заглянув, и держался большой дороги. Через полмили мне встретилась карета с какими-то господами, кои, остановившись, пристально меня оглядели и что-то спросили по-немецки, но так как я их не понял, двинулись дальше. Еще через полторы мили дорога привела в лес и разделилась. Я сомневался, какую выбрать, и пошел по средней, казалось, наиболее верной.

Зайдя довольно далеко в лес и не будучи уверен в своей правоте, я стал тщательно обдумывать свое положение, */л. 6/* вспомнив, откуда я прибыл — от моих любящих родителей и друзей, и где был ныне — среди иноземцев, языка коих не понимал, направляясь, сам не зная толком куда, всего с семью талерами, которых надолго не хватит, а когда их не станет, я не представлял, где достать еще хотя бы фартинг на задуманное мной большое путешествие. Прислуживать или работать я считал унижением, а просить подаяния — еще того хуже. С подобными мыслями я впал в такое уныние и печаль, что, присев, начал горько оплакивать свое несчастное состояние. Затем, прибегнув ко Всемогущему Богу, я воззвал к Его помощи с обильными слезами, прося также о заступничестве Пресвятую Деву и всех святых небесных. Поднявшись, я пошел вперед, продолжая молитву с великим усердием, как вдруг справа показался едущий верхом старец, чьи седины могли бы вызвать почтение и в самом надменном сердце. Видя мои слезы и пересекая дорогу, он сказал мне по-немецки, насколько я понял, так: "Не плачь, дитя мое, Господь тебя утешит". Я был поражен его внезапным появлением и словами, а также пристыжен тем, что меня застали в таком горе. Однако, продолжая путь, я овладел собою и подумал, что Бог послал оного старца намеренно, дабы отвлечь меня от таких приступов отчаяния. Сия мысль заставила меня ободриться и ступать веселее. Поистине, и тогда и множество раз позднее, как вы услышите, в нужде или крайности я обращался молитвою ко Всемогущему Богу и обретал Его чудесное содействие.

Вечером я пришел в некую деревню и разместился в krue[25] или таверне. Войдя, я попросил полштофа пива, а стол уже был накрыт. Хозяин задавал */л. 6 об./* мне различные вопросы, на кои я не мог дать ответа, ибо не понимал его. Я лишь сказал ему, откуда пришел и куда направляюсь. Он пригласил меня сесть и откушать с ним, на что я охотно согласился и заказал еще пол[штофа] пива. После ужина я спросил у одной из служанок, где мне прилечь; она со смехом принесла мне связку свежей соломы и сказала, что я могу улечься в пустой телеге там, где стоят телеги и лошади. Я пошел туда, разложил солому, постелил половину плаща и укрылся другою, подложив кафтан и сумку под голову; так я и лег, чувствуя крайнюю усталость. Но вскоре явилась служанка и, протянув мне подушку, стала вдруг хохотать, а затем умчалась так поспешно, будто испугалась заразы. Я проспал всю ночь напролет, поднялся за полчаса до рассвета и, отнеся подушку в комнату, спросил о плате. Хозяйка сказала, что я должен ей за штоф пива. Уплатив, я спросил, сколько должен за снедь. Она ответила "ничего"; я поблагодарил и пустился в дорогу.

Поскольку это местечко находилось в миле с небольшим от Эльбинга, а половина пути шла под гору, около восьми часов я добрался до города. Там я не задержался, только купил отличного белого хлеба под названием semels[26] и яблок, и сразу же пошел дальше. За пределами города я остановился в ожидании каких-нибудь попутчиков. Чуть погодя появились двое дюжих парней, у коих я осведомился, не в Данциг ли они идут, на что те ответили "да", и мы двинулись в путь вместе. Они все время донимали меня расспросами, на которые я мог лишь сказать, что не понимаю немецкого.

/л. 7/ По прошествии мили один из парней нас покинул; другой же, настырный оборванец, все разглядывал мою одежду и плащ. Наш путь лежал к темному густому лесу, и я начал подозревать, что этот малый сбил меня с дороги и намеревается завести в тот лес, чтобы там убить ради одежды или чего-то еще, что он рассчитывает у меня обнаружить. Пока мои подозрения росли, мы набрели на домик, где он спросил, не хочу ли я выпить пива. Я сказал, что у меня нет денег. Он спросил пива, а я достал свой кошелек, где было семь или восемь грошей, все в мелкой монете. Я намеренно показал их ему со словами, что на все это я должен добраться до Данцига, и взял малое пиво за два шиллинга. Выпив, мой спутник и провожатый (от коего я бы с великой радостью избавился, если бы мог) вывел меня на дорогу, идущую влево к какому-то селению.

Мы зашли в таверну, где мой спутник [тоже] взял пива, а я малую кружку. Хозяйка стала нас расспрашивать и наконец удоволь-

ствовалась тем, что ей сообщил пришедший со мною парень. Войдя в дом, я заметил в соседней комнате человека, стоящего с тюком и отмеряющего тесьму. В Браунсберге я слыхал, что в Пруссии этим промышляют многие шотландцы, и предположил, что то был мой соотечественник. Хозяйка уже знала, что я не говорю ни по-немецки, ни по-польски, и подозвала этого разносчика. Он что-то спросил у меня по-немецки и, получив мой обычный ответ, что я не понимаю сего языка, спросил из какой я страны. Я сказал, что шотландец. Тогда он весьма доверительно разузнал, откуда я прибыл, куда иду, какое жизненное поприще думаю избрать и почему странствую в сопровождении /*л. 7 об.*/ этого человека, который, как ему известно, был грабителем; он удивлялся, что я так далеко с ним зашел, не будучи ограблен. Он заявил, что если я стремлюсь в Данциг, мне следует отправиться к нему домой, всего лишь в миле оттуда, пожить три или четыре дня, а он уж доставит меня на повозке в Данциг. Я отвечал со всей возможной осмотрительностью и благодарил за его любезное предложение, заметив, что я непременно должен быть в Данциге на следующий день. Он убеждал меня пойти с ним, и чем более он убеждал, тем более я опасался, будто он кое-что замышляет на мой счет. Итак, вежливо отделавшись от него, я собрался в дорогу. Мой земляк отговаривал меня от дальнейшего путешествия с тем малым, но я сказал, что пока не приметил в нем ничего [дурного], и что вечером я намерен нанять повозку назавтра.

Мы вышли вместе и достигли усадьбы, называемой Вейерсхоф. Расположившись в таверне поблизости, мой спутник сказал, что там останется, но заметив мое сожаление, по расспросам нашел двух других людей, направлявшихся в Данциг. Он представил им меня, и мы расстались. Эти люди пошли кратчайшим путем, пересекая множество канав или проходя их по мосткам. К вечеру [мы] добрались до деревни примерно в четверти мили от Вислы. Здесь я провел всю ночь, подкрепившись простою пищей, обычной для тех мест.

На другое утро я не мог двинуться дальше. Мои ноги, не привычные к столь тяжелым переходам, были все в мозолях, а кожа во многих местах слезла. Поэтому, выйдя на большую дорогу, пролегавшую по краю деревни, я ждал возможности взять повозку. Вскоре мимо стали проезжать разные повозки или коляски[27], как их называют, но ни одна из них не подобрала меня. Наконец подъехал один весьма учтивый человек, рядом с коим сидел еще один. Я спросил его, как умел, не возьмет ли он меня до Данцига, и во что /*л. 8*/ обойдется проезд. Он сначала попросил полталера, потом сказал, что возьмет не меньше рейхсорта[28]. Я согласился, зашел в таверну, рас-

считался за ужин, взял свою сумку и забрался в коляску. Тут, как и повсюду, мне досаждали вопросами, которых я не разумел. Мы переплыли Вислу на пароме и достигли Данцига, до коего было три мили от переправы, к 11 часам. Заплатив за проезд, я пошел разыскивать мое прежнее жилище и, после долгих блужданий вдоль и поперек, нашел его и был тепло встречен моей хозяйкой, женщиною видной и решительной.

Здесь я оказался в великом беспокойстве и затруднении, не зная, что предпринять, ибо все корабли уже отплыли, так что надежды добраться на родину не оставалось. У меня не было никаких знакомых, у кого я мог бы занять денег на пропитание до открытия судоходства. Моя одежда и белье уже поизносились. Хуже всего — я никому не мог поведать о своих нуждах, ибо стыдом и позором было бы дать знать кому-либо, что я попал в такую беду. Но хозяйка по моему отрешенному и меланхолическому виду догадалась о моем состоянии и принялась настаивать, дабы я открыл свои замыслы. Я сказал ей о решимости вернуться к родителям как можно скорее. Она сообщила о моем намерении некоторым из моих земляков, часто посещавших ее дом, и о том, что, по ее мнению, мне не хватает денег.

На другой же день за обедом эти купцы стали убеждать меня заняться торговлей, но поскольку сие было противно моему существу, я дал им прямой ответ, не желая, однако, никого оскорбить. Они заявили, что пройдет девять или десять месяцев прежде, чем я найду случай уехать морем в Шотландию; путешествовать по суше очень дорого, да и жить там [в Данциге] не дешевле. Но видя мое нежелание что-либо обещать и решимость вернуться домой, они отступились и сказали, что мне лучше поехать в Польшу, где я смогу так или иначе провести грядущую зиму, а весною делать, что сочту нужным; к тому же один мой земляк и однофамилец */л. 8 об./* живет в городе Кульме[29], примерно в 20 милях оттуда, — человек весьма любезный, который будет очень рад моему обществу. Этот совет я и принял, и попросил их содействия, дабы туда добраться.

На другой день мне сообщили, что плоскодонное судно, обычно называемое шкут[30], должно вернуться в Швец[31], что в миле от Кульма. Я охотно воспользовался сим способом передвижения, хотя долгим и утомительным, зато дешевым. Во вторник, [...][32] августа, рассчитавшись с хозяйкой за стол и проживание, причем принимали меня весьма милостиво, я отправился на судно, на коем мне предстояло странствовать. Часа за два до заката все было готово, и мы тронулись.

То было, как я уже говорил, плоскодонное судно, построенное таким образом из-за множества отмелей на реке Висле. Оно имело около 50 или 60 обычных шагов в длину, при соразмерной ширине. На нем находилось 15 или 20 поляков, или скорее руссов[33], кои не знали ни слова по-немецки; только их начальник мог кое-что сказать. Я расположился в самом удобном месте, какое мог найти в открытой части судна, — защищенном от дождя длинным ниспадающим навесом каюты. Здесь нельзя было заняться ничем, кроме лежания и сидения, для ходьбы же не имелось возможности, если не считать места рулевого, что было очень неудобно. Лучше всего я проводил время за книгой; лишь изредка выбирался на берег и быстро шагал вперед, иногда заходя в какой-нибудь крестьянский дом купить молока. Развлечений почти на всем пути у меня было очень мало; Висла окружена и стиснута с обеих сторон большими плотинами, которые заслоняют вид на окрестности. Виднелись только крыши домов и верхушки деревьев.

Через мили четыре [вверх] по реке и три по суше, с правой стороны, мы прошли мимо города Диршау[34], лежащего на возвышении и укрепленного стенами. В полутора милях за сим городом Висла разделяется: один рукав ведет к Данцигу, другой впадает во Фриш[е]-хаф. Место при разветвлении, называемое Данцигер-Хаупт[35], /*л. 9*/ несколько раз было усилено и снабжено гарнизоном с великим убытком для соседней округи. Через две мили далее мы прошли рукав под названием Ногат, который тоже впадает во Фриш[е]-хаф, протекая прежде через Мариенбург[36] и отделяя большой [остров] от Эльбингсвердера. Это место зовется Монтау-Шпиц[37], и в военную пору тут также находились укрепления и гарнизон. Еще две мили спустя мы проехали Меве[38], расположенный справа на возвышенности и укрепленный каменными стенами. В миле оттуда на левой стороне показался Мариенвердер[39] — город, укрепленный каменной стеною и принадлежащий герцогу и курфюрсту Бранденбургскому. Примерно через четыре мили мы прошли другой город, Нойенбург[40], тоже стоящий на возвышении и опоясанный каменной или кирпичной стеной, а тремя милями дальше — Грауденц[41], хорошо защищенный город с замком, который расположен на холме, откуда прекрасный вид на весьма плодородную и густо населенную местность.

Через три мили мы прибыли в Швец, который лежит в низине и, кажется, в прежние времена был хорошо укреплен кирпичной стеной; ныне остался лишь полуразрушенный замок. Он расположен справа от реки у небольшого ручья, называемого [...]. Здесь один из прибывших со мною проводил меня к дому купца Джона Смита,

очень любезного человека, у коего я провел всю ночь и был отлично принят. Назавтра я раздобыл повозку и после полудня пересек Вислу на пароме — плоскодонном судне, на котором в этом краю перевозят через реки телеги, лошадей и все прочее.

К вечеру я прибыл в Кульм, в миле от Швеца, и был доставлен к дому моего однофамильца. Сей Кульм весьма древен и прежде имел великое значение, как явствует из того, что он дал свое имя целой области; и обычное право, соблюдаемое по всей Пруссии, широко известно как Кульмское право. Он был окружен [...] очень мощной кирпичной стеною большой протяженности. Но он малонаселен и скудно застроен; лишь вокруг рыночной площади есть прекрасные дома с богатыми жителями. Хотя у него множество ворот, только трое из них используются: */л. 9 об./* одни ведут к реке, другие на Кульмзее[42] и Грауденц, а третьи на Торн[43]. Он состоит под юрисдикцией епископа, который имеет по нему титул и обитает примерно в 15 милях оттуда, в местечке Любава. У него есть свой магистрат, особые права и весьма обширные и старинные привилегии. Оный очень приятно расположен на просторном участке высокой местности. Ниже у реки, по всему склону холма в сторону Грауденца, много прекрасных рощ и садов, а на реке — большое предместье, называемое Рыбным. В городе три монастыря — доминиканцев, францисканцев и вотаресс, и большой собор. Городу принадлежат хорошие земли, разделенные между бюргерами, кои живут по преимуществу пивоварением и торговлей зерном.

Здесь я провел зимнее время, пока не познакомился с неким Джоном Диком, бывшим в обучении у купца по имени Роберт Слих. Он убедил меня отправиться далее в Польшу, а поскольку я очень желал стать солдатом, поведал мне, что у князя Яна Радзивилла есть рота охраны, почти вся из шотландцев[44], где мы без сомнения могли бы устроиться.

[1654]

Итак, простившись с друзьями, я вновь пустился в путь пешком в обществе помянутого Джона Дика, оставившего свою службу. Мое состояние было почти таким же, как и по уходе из Браунсберга; по дороге я раздобыл у знакомого четыре талера. Наряд же мой сильно изменился, ибо с приближением зимы я переделал свой плащ в польский кафтан и оторочил его овчиной. В первую ночь мы пришли в одну деревню и разместились у жившего там шотландца. На другой день мы прошли дворянскую усадьбу под названием Гзин, а затем —

прямо на Торн. В пределах мили от города нас обогнали два возчика с древесиной, и мы, подустав, дали каждому по два пенса[45], чтобы /*л. 10*/ добраться до места. Мы въехали в город к вечеру и остановились в большом доме на западной стороне рыночной площади, в старом городе.

Тут мы провели четыре дня. Потом, наняв повозку до Варшавы вместе с двумя немцами-пекарями, уплатили по восемь флоринов каждый и выехали в субботу рано поутру. На следующий день мы миновали Куявский Брест, названный так в отличие от другого Бреста, в Литве, и через Коваль и Гомбин, два небольших селения, [прибыли] в Варшаву, что в 30 милях от Торна.

Мы расположились в Лещинском предместье, именуемом по близлежащему дворцу, что построен знатным родом Лещинских. В ту пору в Варшаве заседал сейм, или парламент, где мы надеялись застать князя Радзивилла. Проведя восемь дней в ожидании его приезда, мы узнали, что его не будет вовсе; это навело нас на новые замыслы. Мой товарищ жил в стране уже два или три года, говорил по-польски и по-немецки, знал толк в торговом деле и потому во многом превосходил меня в способности заработать на жизнь. Я же, не достигнув цели пойти в солдаты, решил последовать прежнему намерению вернуться к родителям. Там было много купцов из наших земляков, знакомству коих мне было стыдно навязываться, да и они оказывали мне не много внимания, прослышав о моем желании стать солдатом и опасаясь, как бы я не принес им хлопот и неудобств. У меня осталось всего 8 или 9 флоринов, на которые я не мог долго там существовать или странствовать дальше. Однако я стал искать кратчайший путь в Шотландию и узнал, что Познань, столица Великой Польши, будет самым удобным местом, куда я мог бы для начала поехать. Вскоре к тому представился случай, ибо дворянин по имени [...], бывший на сейме и купивший несколько лошадей, по рекомендации друга обещал взять меня с собою и содержать /*л. 10 об.*/ безвозмездно, что ввиду моего положения было очень большой удачей.

Итак, во вторник мы отправились верхом пораньше; нас было трое при шести лошадях. Сам дворянин, слуга его и я гнали свободных лошадей, но при въезде в город он давал мне вести одну, а слуге двух других. К первому вечеру мы проскакали 5 миль и разместились в деревне; на другое утро [проехали] через городок [...] и обедали в Ловиче — это большой, но плохо укрепленный город. [Зато] прекрасный, подобный замку, дом архиепископа укреплен стеною и рвом. Той ночью мы остановились в какой-то деревне, на следую-

щую ночь — в местечке Пионтек и, дважды пересекая реку Варту, у второй переправы миновали очень красивую дворянскую усадьбу с обширными садами и парками. За четыре мили от Познани мы проехали городок Срода, где собираются сеймики[46], или областные комитеты по выборам уполномоченных.

В Вербное воскресенье по новому стилю, соблюдаемому в Польше, к полудню, мы ехали прекрасным еловым лесом, с полмили шириною, по прямой, слегка восходящей дороге в 30 или 40 сажен вширь, что являло очень приятное зрелище. По выезде из леса мы увидали славный город Познань, куда прибыли около часа пополудни.

Познань, или Позен, — приятнейший из всех городов Польши по своему превосходному расположению, здоровому воздуху и весьма плодородным окрестностям. Здания сплошь из кирпича, большинство в старинном духе, но очень удобные, особенно те, что недавно возведены. Рыночная площадь просторна, с красивым фонтаном на каждом углу, с рядами лавок отдельно для каждого промысла и величественной ратушей. Улицы широки и содержатся в большей чистоте, чем где-либо в Польше. С западной стороны, в городских пределах, на холме стоит замок, построенный по древнему образцу и несколько обветшавший. Река Варта омывает его с востока и образует остров, который населен немцами, преимущественно кожевниками, откуда идет название Кожевенного предместья. Одна из лучших улиц, длиною полмили, ведет на восток к собору. Собор — величавое сооружение. Множество монастырей различных орденов обоего пола и огромный кафедральный храм */л. 11/* создают великолепный вид. Обширные предместья [тоже] украшены церквами и монастырями. Город укреплен кирпичной стеною, хотя и не слишком надежной из-за ее протяженности. Но превыше всего учтивость обитателей, что вызвано близостью к Германии и частым прибытием иноземцев на две ежегодные ярмарки, да и почти всякий день. Также и поляки, соревнуясь с живущими между ними чужестранцами, стремятся превзойти друг друга учтивостью.

Дворянин, взявший меня с собою, остановился в доме на Еврейской улице, где я отобедал с ним. После обеда он отвел меня к шотландцу по имени Джеймс Линдсей, к коему я имел рекомендательное письмо. Тот сначала высокомерно расспрашивал о моих родителях, образовании, странствиях и намерениях. На все его вопросы я отвечал с почтительной откровенностью. Не могу забыть одной подробности, а именно: когда по его просьбе я назвал имена моих родителей, он произнес презрительным тоном: "Гордон и Огилви! Это два великих клана, — вы, должно быть, джентльмен!" Я знал, что то

было сказано в насмешку, но ответил лишь: "Надеюсь, мне оттого не хуже". Однако впоследствии он был довольно добр ко мне.

Мои соотечественники убедили меня задержаться здесь и ждать какого-нибудь удобного случая для продолжения пути. Во время пребывания в сем месте меня любезно угощали земляки, в том числе Роберт Феркар, Джеймс Фергусон, Джеймс Линдсей, Джеймс Уайт, Джеймс Уотсон и прочие. Затем по их рекомендации я был принят в свиту молодого вельможи по имени Опалинский, который по обычаю польской знати собирался посетить чужие края. При отъезде мои добрые земляки весьма щедро снабдили меня деньгами и всем необходимым, так что теперь я был в лучшем положении, чем когда покинул родителей.

[1655]

В обществе оного вельможи, как один из его спутников, я прибыл в Гамбург, причем всю дорогу со мною обращались весьма учтиво. Мы появились там в середине февраля; после восьмидневной остановки вельможа отправился в Антверпен, и я простился с ним.

В то время здесь стояли шведские офицеры, занятые набором и вербовкой солдат. Все таверны были полны кавалеров, которые кутили и бражничали. С отбытием моего господина его педагог Вильчицкий (говоривший на хорошем французском, немецком и латинском) условился с хозяином гостиницы, */л. 11 об./* где мы жили, о моем пропитании, комнате и постели за 4 любекских марки в неделю; лишь при отсутствии других постояльцев я должен был довольствоваться простою снедью, подаваемой в этом доме. Здесь я пробыл 8 недель.

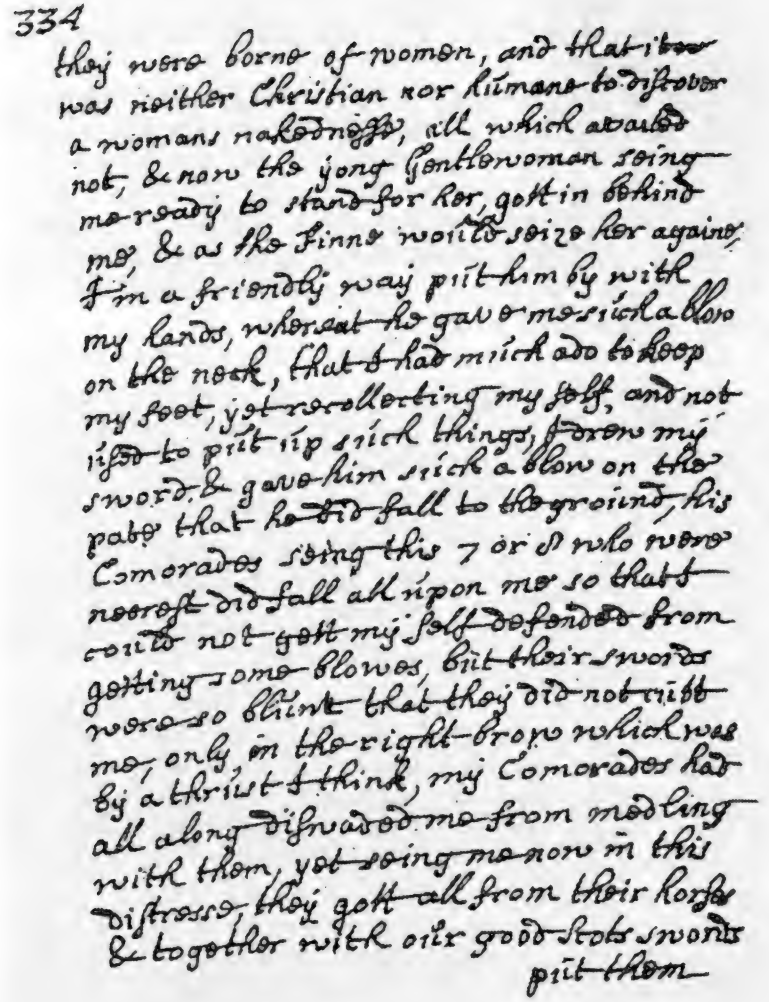
Случилось так, что в той же гостинице жили корнет и квартирмейстер, которые, разузнав у хозяина, кто я такой, и понимая мое положение, сделались со мною весьма любезны и оказывали мне всяческое почтение за обедом и ужином, ибо только тогда я вынужден был беседовать с ними; остальное время я проводил в прогулках либо находился в моей комнате. Во всех своих речах они превозносили солдатскую жизнь, говоря, что богатства, почести и всевозможные мирские блага распростерты у ног солдата и ожидают лишь, дабы он изволил нагнуться и подобрать их. Затем они рассыпались в похвалах нашим соотечественникам, лучше коих не найти воинов ни в одном народе и, хотя природа одарила их гением, способным на все, они презирают покой, выгоду или довольство, доставляемые любым другим ремеслом, и избирают путь солдата, бесспорно, наи-

более почетный. Хотя я и понимал большинство их выражений, и оные были мне по нраву, но вразумительного ответа дать не умел, ограничившись одними отрицаниями и утверждениями. Опасаясь, что они задумали нанять меня, я по возможности избегал близости или общения с ними.

Однажды за обедом квартирмейстер поведал мне, что прибыл мой земляк по имени Гардин, что в его произношении показалось мне похожим на "Гордон". Он сказал, что тот был ротмистром и весьма благоразумным человеком. Пока я находился в сем городе, я не искал ни с кем знакомства по нескольким причинам, особливо ради сокращения расходов, но теперь не мог успокоиться доколе не узнал, где остановился ротмистр, и вскоре решил навестить его — не без мыслей о поступлении на службу.

Явившись к нему домой, я справился о нем и случайно повстречал его слугу по имени Эндрю; он был немец, но хорошо говорил по-английски, прожив несколько лет в Шотландии. Он немедля проводил меня наверх к ротмистру, пребывавшему в обществе двух или трех других офицеров. Я сказал, что услыхав о приезде в город человека таких достоинств, как он, не мог не засвидетельствовать ему почтения */л. 12/* и нанести визит в надежде, что он извинит мое нежданное вторжение к нему в час, когда он, вероятно, поглощен важными делами. Он отвечал, что очень мне рад, и у него нет дел столь важных, чтобы помешать ему должным образом принять друга, тем паче земляка на чужбине.

Предложив мне сесть, он приступил к расспросам о моих родителях и, получив удовлетворение, осведомился, не знаю ли я некоего майора Гардина. Я сказал, что слышал о нем, но не имел чести с ним познакомиться. Он заявил, что приходится ему братом, и что я, должно быть, их родственник. Затем он заказал бокал вина, оживился, вспоминая всех приятелей в Шотландии, и приступив к поименным тостам, мы вскоре изрядно разогрелись. С самого начала и он и другие офицеры подорвали мою решимость вернуться в Шотландию, заметив, что по приезде домой меня поднимут на смех и скажут, что я был за морем, дабы поглядеть, который час, и возвратился таким же умником, как уехал. Да и какое утешение или довольство любой достойный человек, коему не о чем заботиться, мог бы обрести дома, когда родина порабощена и поругана надменным врагом[47], и нет пути к избавлению? Единственный выход для тех, кто держится честных помыслов, — пребывать заграницей и по крайней мере совершенствовать свои суждения, приобретая опыт. Но была ли нужда в уговорах, когда я и сам естественным образом



334
they were borne of women, and that it
was neither Christian nor humane to discover
a womans nakedness, all which availed
not, & now the yong Gentlewoman seing
me ready to stand for her, gott in behind
me, & as the Finne would seize her againe,
I in a friendly way put him by with
my hands, whereat he gave me such a blow
on the neck, that I had much ado to keep
my feet, yet recollecting my self, and not
used to put up such things, I drew my
sword & gave him such a blow on the
pate that he did fall to the ground, his
Comorades seing this 7 or 8 who were
neerest did fall all upon me so that I
could not gett my self defended from
getting some blowes, but their swords
were so blunt that they did not cutt
me, only in the right brow which was
by a thrust I think, my Comorades had
all along diswaded me from medling
with them, yet seing me now in this
distresse, they gott all from their horses
& together with our good Scots swords
put them

Страница рукописи “Дневника” Гордона

склонялся к этому пути? Так что без лишних околичностей я дал обещание следовать ему, и притом не выставляя никаких условий (тогда я был невежествен в подобных вещах).

На другое утро, выспавшись, я стал размышлять о моем вчерашнем обязательстве и очутился в таком лабиринте путаных мыслей, что не знал, как из него выбраться. Однако, согласно моему обещанию и долгу, я неизбежно должен был идти к моему ротмистру. Когда я явился туда, он повел меня вниз к конюшне и показал своих лошадей; там стояли под седлом три отличные лошади, любая из коих, по его словам, будет */л. 12 об./* предоставлена в мое распоряжение, а его слуги готовы столь же скоро подать мне коня, как и ему, и он станет обращаться со мною как с дорогим сородичем. Все эти добрые посулы покончили с моими колебаниями, и, что бы ни случилось, я решил попытать счастья таким образом.

Когда обязанности вызвали ротмистра из сего города в Штаде, я остался на старом месте, но уже не за свой, а за его счет. Он сказал, что через несколько дней заедет за мною. Проведя тут еще две недели, я по невоздержанности (каковой мое существо всегда противилось) или по иной причине впал в озноб, который врачи обычно именуют перемежным жаром; оный приковал меня к постели на восемь дней и перешел затем в трехдневную лихорадку. Пролежав еще 3 недели (что в целом составило 13 недель), я выехал с ротмистром в Рацебург — резиденцию герцогов Саксен-Лауэнбургских, один из коих, Франц [Х]артман, был нашим полковником, а оттуда на другой день в Любек, где ротмистр оставил меня, ибо я не мог передвигаться. Спустя 4 или 5 дней ротмистр, будучи на марше, прислал за мной. В сем походе я пребывал в самом плачевном состоянии и едва мог ехать верхом, [даже] когда избавлялся от лихорадки, а в день приступа был вынужден лежать в открытой повозке поверх клади ротмистра, и очень радовался такому удобству.

Мы продолжали поход через Померанию на Штеттин[48]. Сожалею, что не могу дать здесь точного описания моего пути через этот приятный и плодородный край, ибо по дороге в Гамбург я был скован ездою в закрытой повозке и незнанием немецкого языка, а теперь еще и томительным недугом, отбившим всякую склонность к наблюдениям. В походе у нас были отличные квартиры, и ко времени прибытия в Штеттин я почти совсем */л. 13/* поправился. Меня послали в Штеттин заранее, дабы купить все необходимое, как то: палаши и сапоги для рейтар, кому недоставало.

1655, июля 14. Я выехал из Штеттина и на следующее утро прибыл к войскам, когда они строились на широком лугу. Они состояли

из 34 бригад пехоты и 7000 конницы, всего около 17 000 человек, с прекрасным артиллерийским парком. То было весьма отрадное, яркое зрелище: рейтары на отличных лошадях, хорошо одетая и вооруженная пехота и, всего лучше, офицеры в превосходной экипировке.

Прежде чем продолжать далее, я должен немного отклониться и изложить причины, кои король Шведский выдвинул для вторжения в Польшу[49]. Хотя они подробно приведены в его декларациях и посланиях к другим государям, но если вы не имели возможности рассмотреть оные письма, я приведу вам краткое их описание вкупе с событиями в армии или в иных местах, относящимися к сей экспедиции и дошедшими до моего сведения. Пусть и неполные, они могут пролить свет на важнейшие действия данной экспедиции.

Во-первых, [король Швеции] ссылался на дозволение, потворство или, скорее, тайное поощрение полковнику Херману Бооте напасть на Лифляндию в 1639 году, причем он проследовал через разные провинции Польши, где ему могли бы воспрепятствовать.

2. Набег полковника Кракау на Померанию, когда ему позволили пройти через [польскую] территорию и снабдили его людьми и припасами из Пуцка.

3. Послание короля Владислава[50], [отправленное] через его камергера Шёнбергена к жителям Эзеля, побуждавшее их к мятежу.

/л. 13 об./ 4. То же к жителям Лифляндии, и все это было при короле Владиславе.

5. Сей нынешний король, Ян Казимир[51], невзирая на то, что он был рекомендован польским сословиям королевой Швеции и домогался вечного мира, первым отказался писать в своих грамотах королеве по-латински, ибо на сем языке, согласно Штумсдорфскому договору, титул был изъят у Польши и передан Швеции[52]. Это [сделано] с умыслом, дабы опровергнуть основное положение оного договора.

6. Он побуждал лифляндцев к возмущению и обдумывал, как захватить Ригу.

Казаки были подстрекаемы предпринять нападение и набеги на Лифляндию.

Поляки дважды морочили шведов на любекских переговорах, лишь бы выиграть время и возбудить против них побольше врагов. Их неискренность проявилась в следующем: на первом же заседании в их полномочных грамотах было много неправды, а король Польский присвоил себе шведский титул. После признания [их] представителями ошибки и обещания перед французскими послами доста-

вить другие, выправленные грамоты, и после долгого промедления они не представили ничего и сознались в собственной вине, не дерзая уведомить своего короля о столь предосудительной поправке.

На других переговорах их полномочные грамоты были скреплены печатью, на коей [совмещены] польский и шведский гербы, */л. 14/* что противоречило Штумсдорфскому соглашению, как было хорошо известно Задзику[53], в то время великому канцлеру Польши и главе польской миссии, а также послам Великобритании и Голландии. И хотя шведские послы открыто заявили, что по возможности готовы дожидаться исправленной грамоты, все же, вопреки усилиям посредников, таковая не могла быть получена.

Однако, равным образом, направив в Швецию Канасилиуса, король Польский повелел объявить, что намерен прислать своих и Речи Посполитой послов, коим надлежит заключить договор о вечном мире в присутствии Его Величества. На это король Шведский согласился с условием, что они прибудут немедленно и со всяким поспешением (к чему он не был обязан, прежде уже дважды испытав разочарование). Но вместо них явился один лишь посланец по имени Иоганн Морштейн, не имевший никаких полномочий обсуждать и заключать вечный мир, а только кредитивную[54] грамоту. В ней же было такое предубеждение: под годом правления, относившимся к королю Польскому, разумелось, будто он король Шведский, а титул на обороте кредитива, подобающий по Штумсдорфскому соглашению, был вовсе аннулирован, не считая некоторых других частей, опущенных в титуле, кои следовало соблюдать по договору. Сим ущемлялось равенство обоих королей.

Король Польский привел в Балтийское море иноземные боевые корабли и искал союза с разными государями и народами, обитающими там, исключая одну лишь Швецию, что представало умыслом против Швеции. Ведь по Штумсдорфскому соглашению было решено, что ни король Польский и Речь Посполита, ни король Шведский и [его] держава */л. 14 об./* не должны во время перемирия применять военный флот на Балтике, как известно из договора G. Mag.[55] с городом Данцигом при поручительстве герцогов Пруссии и Курляндии. Да в этом и не было никакой надобности, ибо на Балтике был тогда мир.

Таковы притязания короля Шведского на вторжение в Польшу. Было бы слишком утомительно перечислять протесты и доводы поляков и шведские возражения, но, скажу вам вкратце, главная причина была в следующем. Будучи воспитан солдатом и получив ныне

корону после отречения своей кузины, королевы Кристины[56], король Шведский желал непременно начать свое правление каким-либо славным делом. Он сознавал, что память о почестях и богатствах, кои множество рыцарей стяжали в германских войнах под предводительством Швеции, доставит ему великое стечение солдат при известии, что он берется за оружие[57]. Сие было тем легче осуществить, что с недавних пор в Германии настал всеобщий мир, и многие войска были распущены. По своему честолюбию он уже сформировал армию, а кроме Польши не было государя или народа, к коим он имел бы малейшие притязания (хотя, воистину, у государей никогда нет недостатка в предлогах, дабы насытить свое тщеславие, причем их претензии выставляются как твердые и справедливые основания).

К тому же он не смог бы, возможно, дождаться такого случая, как теперь, ибо уже несколько лет Польшу потрясало победоносное восстание казаков, кои не только соединились с [крымскими] татарами, но и в прошлом году добились поддержки своих интересов от Московита[58]; тот с огромной армией предпринял сильный натиск на Литву и к тому времени привел большую ее часть к покорности. [Карл X] получал также немало благоприятных сведений */л. 15/* и поощрений от ряда опальных польских магнатов, а изгнанный польский подканцлер Радзиевский еще более распалял его честолюбие, так что время, сопряженное с такими преимуществами, не стоило упускать.

Шведский риксрад[59] был весьма сговорчив и набрал три полка на собственные расходы. Также и Кромвель[60] (он никогда не стеснялся трудиться за рубежом, дабы иноземцам было недосуг вникать в его замыслы и действия дома) предоставил деньги, на которые были набраны четыре полка в областях Бремен и Верден. Вот список большинства из тех полков, кои первыми вступили в Польшу:

Конные	Роты
Курт Кристоф, граф фон Кёнигсмарк	9
Граф Понтус Делагарди, полковник	9
Генерал-майор Беткер	10
Кристиан фон Бретлах, полковник	9
Герцог Франц Хартман Саксен-Лауэнбургский	4
Майор Шлахт 1 рота; Майор Броберг	1
Пехотные	
Фельдмаршал Виттенберг	10
Генерал-майор Вюрц	8

Генерал-майор Хорн		8
Граф фон Ханау		8
Полковник Фабиан де Ферзен		8
Граф Оксеншерн[а]	6 эскадронов	
Подполковник Людвиг		5

Все они набраны в областях Бремен и Верден, Гамбурге, Любеке и в их округе, исключая [полк] Виттенберга.

/л. 15 об./ В Вольгасте высадились полки: Упландский, Эстйётский, Синклера и Баниера, а также полковника Ларкина, все конные; сей полковник Ларкин командовал вестйётцами. Впоследствии прибыли полковники Фабиан Барнс[61] и Таубе, генерал-майор Мюллер, полковники Энгель, Роза, Боурман и многие другие, о коих я не могу дать точного отчета. Король также издал указ о доведении армии до 40 000 человек.

Но здесь я отступил от метода журнала, который вначале предполагал, и возвращаюсь [к нему].

Июля 16. Армия под командованием фельдмаршала Виттенберга проследовала к Ухтенхаге[ну] и Зюдерской мельнице, откуда был отправлен трубач к польской армии, расположенной близ Уйсце и Шнайдемюля[62], на реке Нотец, с письменным предложением сдаться под покровительство короля Шведского.

17. Мы прошли через Фрайенвальде и Русише Мюле[63].

18. Сегодня мы не двигались. Фельдмаршал созвал старших офицеров армии и объявил им, что коль скоро сей поход направлен против Польши, надлежит дать указания солдатам (многие из коих не отличались дисциплиной), каким образом себя вести при любом случае, но особливо при вступлении в бой или сражение с поляками, причем не следует обращать внимания на их крики и шум, но плотно держать строй. Ибо поляки — прекрасные наездники и весьма проворны во всяком деле, но опасаются схватки с плотно построенными частями. Хотя он нисколько не сомневался в способностях своих командиров, но все же счел за благо их наставить, поскольку им предстоит иметь дело с новым противником, непохожим на немцев. Они должны также обращаться */л. 16/* мягко с жителями, дабы те, кто сдается, могли быть довольны, лагерь снабжен всем необходимым, а остальные склонены к повиновению. Кто же будет поступать иначе — подвергнется угрозе гибели. Командиры обязались постараться и во всем блюсти крайнюю осмотрительность.

[Июля] 19. Армия очень рано прошла Вангерин и стала у Бернсдорфа.

20. Мы перешли Драге[64] четвертью мили выше Драмбурга и разбили лагерь у Фалькенбурга.

21. Мы прошли Фальк[енбург] и Генрихсдорф, в целой миле оттуда, и на полпути пересекли лесок, который считается пограничьем. Мы остановились близ Темпельбурга и овладели замком Драгхайм, покинутым поляками. Здесь был оставлен майор Саксен с 50 солдатами и кое-какими припасами, дабы держать округу в подчинении. Сегодня же вернулся наш трубач с двумя письмами; оные гласили, что от короля и Речи Посполитой отправлено досточтимое посольство в Швецию, уполномоченное устранить все разногласия, и со дня на день ожидается успешное заключение им вечного мира, а потому казалось невероятным, что тем временем могут вестись против них враждебные действия. Сие завершалось дружеским приветствием фельдмаршалу от польской шляхты. Трубач рассказал, что был хорошо принят и получил в дар десять дукатов.

Мы могли бы пойти на Польшу ближайшим путем, но выбрали этот, ибо мост в Нойведеле не был готов, да и в ином случае мы бы дольше задержались во владениях курфюрста Бранденбургского. Сверх того наша армия была обеспечена хлебом, пивом и солью на шесть дней, а после [ухода из] Померании и Ноймарка мы получили от герцога безвозмездно 50 000 фунтов хлеба и 100 бочек пива.

23. Мы пошли от Драгхайма по направлению к Кроне и стали лагерем в поле у Хофштедта. Отсюда был выслан отряд с целью убедить местных жителей оставаться по домам и обеспечить /*л. 16 об.*/ армию провизией и припасами; [шведы] прибыли в Вейерсхоф, расположенный на полуострове и принадлежащий Людвику Вейеру, Померанскому воеводе[65]. Найдя оный опустевшим, они разместили в нем гарнизон, но на следующую ночь едва не были застигнуты врасплох отрядом из 500 поляков. Стоявшие в селе были схвачены, и лишь немногие укрылись в замке.

24. Армия пошла к Везе, и немного продвинувшись, фельдмаршал выстроил войска в боевой порядок на широком поле, поставив рядом с каждым взводом отборной кавалерии по 50 пехотинцев, что являло прекрасное зрелище (обоз же находился позади). Таким образом армия пошла в наступление, и возле плотины авангард столкнулся с поляками; некоторые из них были захвачены и перебиты; взяли также два знамени, одно красное, другое белое. Перейдя через плотину в виду польского лагеря на другой берег реки, заняли выгодное место поблизости и установили два орудия, из коих стреляли беспрерывно по польскому лагерю, так что ряд пехотных хоругвей[66] был принужден оставить свои позиции.

[Июля] 25. Рано утром к фельдмаршалу прибыл трубач от польских воевод с просьбой о перемирии. С каждой стороны отрядили по десять человек для переговоров между лагерями, но до полудня не смогли ни о чем договориться. Однако позже послали еще девятерых, и они при посредничестве подканцлера Радзиевского приняли следующие условия, ратификация коих предоставлялась Его Величеству:

1. Области Познанская и Калишская отныне и впредь будут состоять под покровительством короля Шведского и присягнут ему в верности и подданстве, как прежде королю Польскому.

2. Король Шведский получит все суверенные права, т.е. свободное распоряжение всеми коронными и церковными землями по всей стране, с их пошлинами и рентами, как то было при короле Польском.

3. Города Познань, Калиш, Мендзижеч, Косцян и все крепости на королевских землях или где-либо, кои будут угодны Его Величеству, должны быть сданы и предоставлены во владение Его Величества.

4. [Стороны] согласны, что Его Величество будет свободно распоряжаться пехотой, принадлежащей к обеим областям.

От имени Его Величества обещано следующее:

1. Всем и всякому, независимо от чина или состояния, будет вольно исповедовать свою религию и беспрепятственно служить в своих церквах.

/л. 17/ 2. Каждый человек будет пользоваться привилегиями, вольностями и поместьями, кои прежде дарованы их королями.

3. Не будет устроено в ущерб [жителям] зимних квартир, а тем паче никакого насилия, вреда, грабежей или захвата зерна, а если это произойдет по дерзости солдат, [они] будут сурово наказаны.

4. Наконец, судебные палаты и все прежние правовые и законодательные дела будут управляться от имени короля Шведского. Места же и должности, кои ранее жаловались королями Польскими, будет по мере освобождения распределять король Шведский только среди природных поляков. Но если кто из уроженцев этих областей не одобрит сего договора и соглашения, перейдя на сторону или примкнув к королю Польскому, то

наследственные земли таковых будут во власти короля [Шведского].

Дано в Уйсце 25 июля 1655 г.

Подписано:

Христофор Брун Опалинский, воевода Познанский, за себя и всех обитателей оной области

Павел Гембецкий

Андрей Карл Грудзинский, воевода Калишский, от имени своего и за оную область

Максимилиан Мясковский, кастелян Каролена

Войцех Пряшковский, кастелян Сампгры[67]

Со шведской стороны главную подпись поставил фельдмаршал и проч.

[Июля] 26. Радзиевский и полковник Мардефельд с 2000 конницы пошли на Познань и провели всю ночь в Мурованс Гослине, за три мили от Познани, куда познанские представители явились с изъявлением покорности и осуждением насилия. Тем временем и Виттенберг с армией наступал через реку Нотец, направляя свой путь к Познани.

29. Радзиевский вступил в Познань с пышной военной процессией. За три дня до того отсюда уехал Иновроцлавский воевода, возражавший против договора о сдаче в Уйсце или Шнайдемюле. С Радзиевским, помимо его домочадцев, прибыла сотня отборных рейтар, кои разместились в городе; отряд */л. 17 об./* стал на постой в миле от собора. Здесь я проводил время в визитах и увеселениях с моими старыми друзьями и знакомцами, хотя, как я легко мог заметить, на душе у них было не так весело.

Августа 2. Фельдмаршал с армией стоял лагерем под Познанью, а помянутый отряд под командой полковника (позже генерал-майора) Беткера[68] прошел 4 мили до Сроды и по всем правилам разбил для армии лагерь — в поле у небольшого ручья, в четверти мили от города. Но на другое утро после ухода отряда из Познани я вернулся [туда] с ротмистрами Гардином и Данканом, а также с одним лейтенантом-цыганом и двумя немцами, квартирмейстером и капралом. Все они отлучились без разрешения, и хотя через день все возвратились к отряду, их отсутствие заметили и по приходе обоих ротмистров отдали под арест. Благодаря настойчивым просьбам полковника Хессена и прочих друзей они избежали суда, но остальные трое были взяты под стражу, затем предстали перед военным советом и были осуждены на смерть. В конце концов им было позволено

бросить кости, и жребий выпал лейтенанту, который был повешен на дубе, росшем на другом берегу ручья.

В то же утро на том же дубе повесили мальчика лет 14 или 15 только за то, что он бросил камень в поляка, который под охраной пытался разыскать между полками отобранных у него лошадей.

Меня же ротмистр оставил в Познани, чтобы раздобыть для него кое-какие вещи. Раздобыв оные, я поехал обратно в сопровождении четырех рейтар нашего полка, кои уговорили меня свернуть с ними в сторону от дороги и посмотреть, чем мы можем поживиться. Мы набрели на дворянскую усадьбу и никого в ней не встретили, зато в зарослях неподалеку взяли шесть неплохих лошадок, а в доме — некоторые легкие пожитки; похоже, все лучшие вещи и имущество были вывезены подальше. Один из коней достался на мою долю.

Фельдмаршал пробыл в Познани четыре дня, подкрепив солдат городскими запасами и получив к тому же немалую сумму денег, и оставил там комендантом полковника Дудерштатта с 1200 пехоты и 300 конницы. Достигнув Сроды, он стал там лагерем *[Августа] 7.*[69] и окружил его валом. Когда он явился, многие */л. 18/* дворяне стали приезжать с жалобами на причиненные им грабежи и всяческие насилия, каковые (коль скоро виновные были известны и схвачены) весьма сурово карались, и даже малейшие проступки — позорной смертью.

Через два дня после прибытия армии меня чуть не постигло большое несчастье, ибо дворянин, чьих лошадей мы забрали на обратном пути из Познани, заявил жалобу и получил конвой для розыска в войсках своих лошадей и их похитителей. Случилось так, что я с однополчанами уезжал из лагеря за фуражом, когда сей дворянин со своим конвоем задержал одного из наших рейтар с отнятой у него лошадью. Видя, как моего товарища уводят против воли по неизвестной причине, я поспешил за ним, дабы освободить. Остальные это заметили, бросились за мною и с большим трудом убедили остановиться, поведав об общей опасности, о коей я не подозревал, да и едва смог их понять, ибо не знал их языка. Бедняга, которого увели, был вздернут в тот же день, после чего мы в страхе несколько дней скрывались.

Два дня спустя фельдмаршал приказал повесить собственного хирурга, человека довольно молодого, за убийство викарного епископа Гнезненского, коему было за 60 лет. Сей лекарь с 20 сообщниками захватил много денег и богатую добычу. Он был повешен на новом эшафоте, [сооруженном] на холме напротив квартиры фельд-

маршала. Некоторые из его сообщников были пойманы и казнены, но большинство разбежалось.

Такова была строгость, если не сказать тирания, сего фельдмаршала, что за малейшую вину пойманный с поличным должен был умереть. Я сам наблюдал, как один пехотинец зашел в бедную хижину и вынес кувшин молока. Фельдмаршал случайно проезжал мимо в карете, так что малый от страха выронил кувшин из рук; хозяйка дома следовала за ним, плача скорее /*л. 18 об.*/ от испуга, чем от понесенного вреда, как явствовало из ее громких причитаний. Упав на колени, она молила [за него], когда увидела, как беднягу по приказу генерала схватили и тотчас повесили на воротах. Из верных рук я узнал, что между Штеттином и Конином, куда к нам прибыл король, казнено около 470 человек, большей частью за самые мелкие проступки. Излишняя жестокость для армии, которой не платили! Так же полагал и сам король; позже многие слышали, как он часто обвинял Виттенберга в крайней суровости.

Мы находились в оном лагере, пока не получили известие о прибытии короля в Познань. Мы снялись и расположились близ
[Августа] 19. городка под названием Пыздры, в 4 милях. Назавтра мы выступили
20. рано и стали у другого селения, Слупца, в 4 милях.

21. На другой день мы выступили и остановились на возвышенности вдоль реки Варты, напротив Конина. Отсюда был выслан отряд из 250 всадников под командой полковника Энгеля; при Коле он сошелся с отрядом из 300 поляков и первой же атакой опрокинул их, перебив многих, а иных взяв в плен. Пленные сообщили, что король Польский прибыл в Лович. Тут я был ранен выстрелом в левый бок, но не опасно.

24. Днем армия вышла из лагеря и построилась в одну боевую линию ровным фронтом. Король, проведший ночь в двух милях отсюда, проскакал перед войсковым строем от левого до правого фланга в сопровождении множества высших офицеров, гвардии из драбантов[70] и кавалерии и нескольких отборных эскадронов. Когда он приблизился к своему шатру на правом фланге, раздались два залпа из 44 пушек и мелкого ружья от всех войск — рейтар, пехоты и драгун.

25. На другой день мы стояли на месте, получив приказ
26. приготовиться к маршу. Армия перешла через реку Варту и Конин и остановилась в миле от города.

27. Мы достигли местечка Коло, где вновь пересекли Варту по мосту и стали лагерем вдоль речного берега. Отсюда был отправлен

сильный конный отряд из 2500 человек во главе с принцем Анхальтом, при коем находились Радзиевский, */л. 19/* генерал-майор Мюллер, молодой Кёнигсмарк и другие полковники. Мы шли всю ночь и к рассвету завидели
28. городок Унеюв. Поскольку оный капитулировал, его не тронули и приставили к уличным воротам драгун, дабы проходившие войска не причинили вреда. Мы расположились на поле за городом и получили от горожан довольно провизии, как то: пива и хлеба, в чем испытывали большую нужду. Подкрепившись, к полудню мы двинулись налево к Ленчице. Вечером, примерно за милю от города, мы собрались на широком поле и выслали на разведку небольшой разъезд. Всю эту ночь мы провели в строю в полной тишине, без единого костра. Часть ночи половина отряда сидела верхом, а остальные стояли или лежали при своих конях с поводьями в руках, и так сменяли друг друга.

29. Назавтра рано утром разъезд вернулся с известием, что вся окрестная шляхта соединяется, и ожидают прибытия туда из Варшавы короля Польского. После этого наш отряд возвратился, посылая во все стороны дозорных, дабы разведать округу. Сегодня же к лагерю подошли войска, прибывшие с королем [Шведским] через Померанию, в составе 6000 человек. С ними явились фельдмаршалы Врангель и Стенбок и генерал от кавалерии Дуглас[71].

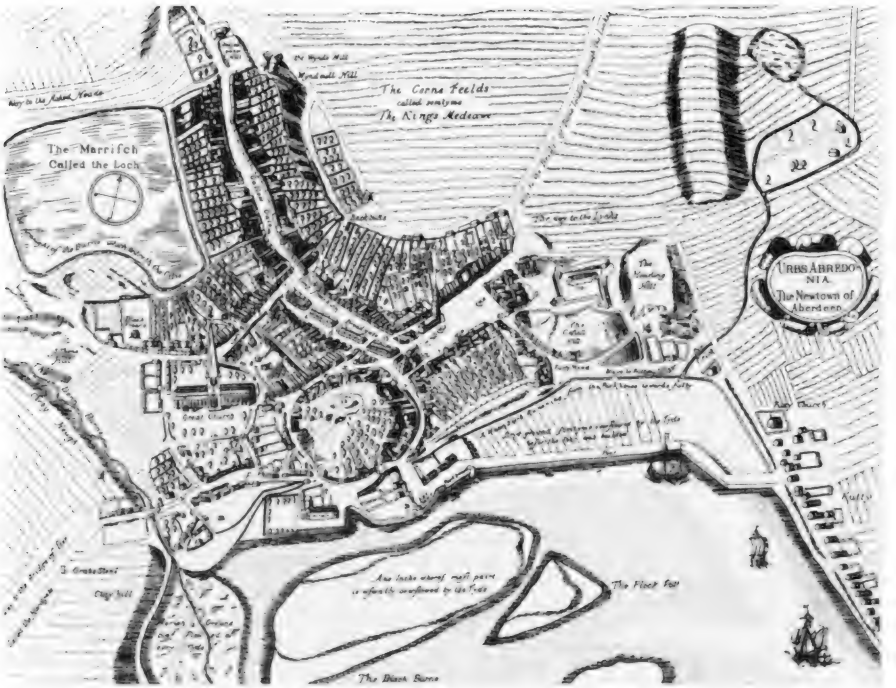
Накануне имел аудиенцию у Его Величества посол от короля и Речи Посполитой по имени Христофор Пшеимский. Он держал речь такого рода: король Польский немало изумлен сим внезапным вторжением шведов до истечения перемирия, ибо он многократно искал случай и использовал все средства к достижению доброго согласия с оной державой, с каковою целью в Швеции ныне пребывает его уполномоченный. К тому же, по его мнению, невозможно узреть никакой разумной причины к настоящему вторжению, а что до их притязаний, оглашенных в прокламациях, то любой беспристрастный человек легко убедится, что они основаны на надуманных обстоятельствах и усугублены, дабы оправдать преднамеренное нашествие. Но */л. 19 об./* если оное совершено из вражды и зависти к королю и Речи Посполитой, либо из желания и надежды обрести великие богатства и сокровища, или же путем покорения Польши расширить свои владения и приумножить свою славу и честь, то прежде стоило бы помыслить о несправедливости и тщеславии столь дерзостных вожделений. Ибо Его Величество король Польский не ведает, чем же он обидел или оскорбил [шведов], но всегда усердно поддерживает со всеми доброе соседство, а особливо со Шведской Короною.

Сверх того он не верит, что столь великий король мог начать войну в надежде на богатства и сокровища. Если его намерение таково, то его ожидает огромное разочарование, ибо Польша истощена внутренней и внешней войною, а хорошо известно, что благосостояние поляков заключено по преимуществу в их воинском снаряжении, домашнем изобилии и хлебопашестве. Наконец, если цель — снискать честь и славу и расширить свои пределы, то было бы более почетно домогаться сего от какой-либо иной державы, нежели от Польши, уже ослабленной долгой и продолжительной войною с мятежным казачеством и татарами, а с недавних пор доведенной до последней крайности вторжением многочисленных ратей московитов. Да и невероятно, чтобы он [Карл X] мог силою оружия получить в мирное владение то, что прежде нельзя было удержать по наследственному праву и добровольному избранию из-за расхождения в религии, наречии, обычаях, нравах, привычках и установлениях. Он желает, дабы Его Величество король Шведский помыслил обо всем этом и предпочел честный и благоприятный мир неправедной и вероломной войне. Пока же [посол] просил прекращения военных действий, обещая от лица своего повелителя полное удовлетворение, если [шведы] не будут наступать далее.

Король Швеции отвечал через п[резидента] Беренклау, что ему весьма приятно, что король Польский со своим советом изволили осведомиться о причинах и побуждениях к сей войне. */л. 20/* Сам же он в прокламациях[72] уже объявил о том всему свету, но со своей стороны никогда не пренебрегал достижением справедливого мира, остается при таком мнении и ныне и желает, дабы посол передал сие своему государю. После некоторых рассуждений король сказал, что Штеттин слишком далек, и его собрат должен выбрать другое место [для переговоров], на что посол ответил, что при сем случае удобнее всего было бы место между лагерями, стоящими лишь в двенадцати милях один от другого. При этом король, улыбаясь, промолвил: "Раз уж мы стоим так близко, я скорее возьму на себя труд моего собрата, пойду ему навстречу и, надеюсь, буду вскоре иметь честь навестить его". Тогда посол с уверенностью и мужеством поляка поднялся и, поклонившись, вышел из шатра. П[резидент] Беренклау последовал за ним и попросил подать его предложения письменно, дабы можно было составить надлежащий формальный ответ. Тот обещал и был препровожден из лагеря в город Коло в карете Его Величества.

[Августа] 30. Отряд принца Анхальта вернулся в лагерь, и здесь я должен рассказать о своих несчастьях в составе сего отряда и о ходе моей жизни в то время.

Старый Эбердин в XVII в.



Новый Эбердин. План 1661 г.

Данциг (Гданьск) в XVII в.

Варшава в середине XVII в.

Краков в XVII в.

“К оружию!” Картина Якоба Дюка

Карл X Густав,
король Швеции

Арвид Виттенберг,
шведский фельдмаршал

Пфальцграф
Адольф Иоганн

Фридрих Вильгельм,
курфюрст Бранденбургский

Ян Казимир,
король Польши

Ян Собеский

Стефан Чарнецкий

Юрий Любомирский

Западноевропейские мундиры середины XVII в.

Поймите же, что мой ротмистр прекрасными и сладкими речами убедил меня воспринять солдатскую жизнь. Я оставался при нем за домочадца; во время моей болезни и похода к Штеттину и польским рубежам он был ко мне очень добр, и житье было довольно сносным. Но как только мы пришли в Польшу, у нас не стало ни бесплатных квартир, ни жалованья, да и мало где можно что-нибудь получить за деньги. Мы были вынуждены перебиваться, как могли, к тому же с неизбежной и постоянной угрозою для жизни. При выезде на закупки с рейтарами нашего полка иногда возникали раздоры, как часто бывает в таких случаях. Я воображал, будто рейтары должны оказывать мне большее или хотя бы равное почтение, зная, что я дружен с ротмистром и состою при нем */л. 20 об./* свободным человеком, а не в качестве прислуги. Но те, кажется, понимали это иначе, поскольку в наших перебранках порой возражали мне, что не стоит тягаться с ними — солдатами и слугами Его Величества, тогда как я всего лишь слуга частного офицера, или в лучшем случае, как они выражались, morode broeder[73].

После нескольких размолвок на сей счет я призадумался и стал искать выход, ибо очутился даже в худшем положении, чем рядовой. По необходимости, поскольку рота была неполной, я иногда нес обязанности рейтара, стараясь больше других при снабжении провиантом и кормом. Но распоряжаться покупками или добычей я не мог, так как ротмистр отбирал все, по крайней мере лучшую часть. Да и более честным путем для повышения в чине было бы записаться и служить солдатом. Поэтому я как-то нашел способ объяснить одному из рейтар мое положение и намерение, и тот посоветовал обратиться к ротному лейтенанту — он был немец и добрый старый воин. Я пошел к нему и заявил, что скорее предпочел бы числиться и служить рейтаром, чем оставаться в моем положении. Он, кажется, был не в ладу с ротмистром и заверил меня, что еще в Штеттине мое имя внесли в полковой свиток, и впредь я должен занять свое место на ротных квартирах, а ротмистр не сможет, да и не станет препятствовать. На другой же день, после выезда на закупки на собственном коне, доставшемся мне на обратном пути из Познани в Сроду (я также обзавелся личным седлом и пистолетами), я перешел в расположение роты, попросив лейтенанта все уладить с ротмистром, что и было сделано с некоторым недовольством.

Став окончательно сыном Марса, я убедился в правоте пословицы "из огня да в полымя". Служба была столь трудной, что за неделю я простоял на карауле четыре ночи, а в иную неделю едва выдавалась и одна свободная ночь. С непривычки это казалось вначале

/л. 21/ невыносимым. К тому же стоило многих усилий и хлопот добывать пропитание для себя и корм для коня. Иногда, с трудом достав какой-нибудь снеди на полковом марше или на карауле, я приходил в лагерь довольно поздно, и прежде чем успевал что-то приготовить и позаботиться о коне, усталость и тяжелый сон настолько овладевали моими чувствами, что пропадал весь аппетит. Или же я скорее поглощал, чем съедал пищу, и ложился отдохнуть под небесным покровом, но не высыпался и наполовину, когда pozell[74], сигнал к заре и оклик капрала будили меня — дабы тут же быть наготове с моим конем. А на часах самое большее одна или две смены почти не давали нам передышки от караула, чтобы подкрепиться или прилечь.

Мои беды весьма усугублялись тем, что я пребывал среди чужаков и не знал языка людей, с коими приходилось общаться. В товариществе с другими рейтарами (простыми мужланами, привычными к молотьбе) каждый ежедневно был обязан промышлять по очереди и заниматься устройством жилья, стряпней, доставкой дров и воды, причем быстро и безропотно. Во всем этом я старался превзойти сослуживцев, но те выглядели недовольными, и мне всегда доставались лишние наряды или поручения. Хуже того, поскольку я был застенчив, не возмущался при всякой обиде — чтобы меня не слышали и не считали строптивым, — это вызывало заносчивое и презрительное отношение товарищей, кои крайне досаждали мне насмешками и издевками над моим поведением и языком. В таких случаях я не знал, как быть.

Однажды я оказался в обществе шотландца по имени Уильям Лодер, лейтенанта-волонтера[75], который сражался в германских войнах и был хорошо знаком с */л. 21 об./* их [немцев] привычками и нравами. Открыв этому человеку мое положение, я спросил совета по поводу обращения товарищей со мною. Он посоветовал, чтобы я ни в коем случае не спускал ни единой обиды, и чуть только замечу их издевки, ухмылки или смех, при малейшем поводе или подозрении, что оные относятся ко мне, я должен с пристрастием расспросить, меня ли имеют в виду или нет. Если они отрицают это — не предпринимать ничего более, но если подтвердят или ответят уклончиво, то немедля затеять с ними свару, оскорбив словами или дав затрещину. То или другое, без сомнения, приведет к поединку, в коем, возьму ли я верх либо проиграю — все едино, ибо они таким образом увидят, что я отважен и не намерен сносить оскорблений. Тогда они скорее предпочтут умолкнуть, нежели так рисковать, зная мой буйный нрав.

Сему совету я тут же последовал и после великих неприятностей и множества ссор добился полного удовлетворения. Они уже не смели говорить вслух ничего, что может вызвать смех, старались объяснить мне, что имеют в виду, и с тех пор всегда обращались со мною по чести. Менее чем за три недели я дрался на шести дуэлях с разными лицами, в коих дважды побеждал и четырежды проигрывал, так что и они и секунданты удостоверились, что я уступаю лишь по недостатку умения и силы, но не мужества. Все сие [произошло] до моего прибытия в Коло. Теперь перехожу к моим невзгодам в отряде, [высланном] из Кола.

Накануне ночью я стоял на страже и почти не спал. Не успел я прийти в лагерь, как меня назначили в оный отряд. Молодой граф Кёнигсмарк командовал 10 эскадронами отборной конницы; я ехал во втором эскадроне и на ночном марше очень хотел спать. Конь мой, то ли сам собою, то ли будучи отогнан кем-то из моих спутников, */л. 22/* понес меня из моего эскадрона к другому и остановился лишь по правую руку от полковника, который, кажется, тоже дремал. Пробудившись и заметив справа от себя седока, он спросил: "Кто идет?" Я же, охваченный крепким сном и уверенный, будто я среди своих товарищей по эскадрону, подумал, что меня дразнят, и отозвался не сразу. Когда он переспросил более резко, я сказал по-немецки: "Помолчи!" — не догадываясь, что то был полковник. Услыхав это и признав во мне покинувшего свою шеренгу рейтара, он два или три раза ударил меня небольшой тростью, прежде чем я мог проснуться и прийти в себя. Когда конь умчал меня далеко от него, я оправился, подъехал поближе и разглядел полковника, коему не посмел ничего сказать. Я вернулся к своему эскадрону и стал расспрашивать спутников, кто же вывел или выгнал из рядов моего коня. Все отнекивались, уверяя, что они тоже спали, но я заподозрил одного, с коим мы враждовали и раньше. Он совершенно не отрицал того, что сделал, и я бросил ему вызов. Днем мы отошли в заросли и сразились на палашах; поскользнувшись, я получил небольшой шрам на лбу, и мы разошлись, ибо обычно бьются только до первой крови.

Проходя на рассвете через Унеюв, мы были весьма голодны, но заходить в дома нам не разрешалось. За рыночной площадью на улице, ведущей к воротам, я заметил подвал с выломанной нашими солдатами дверью. Я отдал коня одному из товарищей и спустился в погреб, где стояли 10 или 12 бочек молодого пива, которое все бродило. Я задержался в поисках сосуда, чтобы зачерпнуть пива, */л. 22 об./* и ничего не обнаружив, набрал в шляпу. Но прежде чем я ступил на лестницу, сильный запах бродившего пива стеснил дыха-

ние, и если бы спутники не помогли мне выбраться на свежий воздух, я бы наверно умер.

Выйдя на улицу и следуя пешком за эскадроном, я увидел раскрытые ворота, куда и проник, миновал двор, перескочил через стену в переулок и случайно забрел в дом пекаря. Там стоял стол, полный пшеничного хлеба, только что вынутого из печи. Я быстро схватил один и набросился на еду. Хозяин, увидев это, предложил мне другой, но я решил забрать все. Я подошел к кровати и сорвал с подушки покрывало, причем этот малый пытался мне помешать, но когда я взялся за палаш, он с женою и все [прочие] выбежали за дверь. Набив мешок, я удалился тем же путем и, выбравшись из города, примкнул к товарищам. Испытывая такой же голод, как и я, они встретили меня с радостью.

Спустя полчаса нам доставили из города пиво и хлеб. В свой черед я, спешившись, стал на караул при полковнике. Когда ему сказали, что именно я был избит им на ночном марше, он подозвал меня и выпил мое здоровье, заставив и меня осушить большой кубок пива. Он некоторым образом принес извинения за то, что сделал, но я толком не понял, что же он говорит, и был отпущен.

Поутру на обратном пути меня послали с лейтенантом (всего нас было 40) в дозорный разъезд направо от отряда. Проехав мили полторы, мы добрались до одной деревни. Местный священник вынес нам пиво в большой кадке, у которой все столпились, и пока один приятель пил за другого, */л. 23/* она долго добиралась до меня. Тем временем поднялась тревога, ибо партия из 150 поляков, как раз когда мы тут стояли, проходила другим краем деревни. Лейтенант в сильном гневе стал выгонять нас из дома в самый миг, когда я поднес кадку ко рту. Он без разбора колотил каждого обнаженной шпагой и приблизился ко мне. Я в спешке выпустил кадку из рук, что еще более его разозлило; он погнался за мною и трижды ударил шпагой по спине, причем мне, легко одетому, показалось, будто он искромсал меня на кусочки. Все сие я должен принимать похорошему, не проронив ни слова.

Весь день мы шли справа от главного отряда; лишь около полудня подкрепились немного в дворянской усадьбе посреди большого села, где никого не застали. К вечеру меня с капралом и десятью другими отправили дальше в правую сторону. Примерно через час после захода солнца мы достигли деревни и разместились у изгороди на окраине оной. Мне первому выпало идти на караул, чем я был доволен, ибо моим товарищам предстояло в то же время добыть корм для моего коня и, по возможности, снедь. Вернувшись из дозора, я

улегся ко сну, который всецело овладел мною (я очень мало спал в течение трех ночей). К полуночи наш часовой выстрелил; капрал с остальными вскочили на лошадей и, прочесав поле, возвратились. Я же ничего не слышал, на что капрал рассердился и, найдя меня все еще спящим, без всяких увещаний так отделал палашом (на шведский лад), что я от изумления не понял, враг то был или друг, и обнажив сперва /*л. 23 об.*/ палаш, стал на свою защиту. Это вызвало еще большую его ярость и новые побои, так что, одумавшись, я вложил клинок в ножны и сказал несколько мирных слов. И тем лучше для меня, ибо при подобных случаях шведская дисциплина в подчинении самая строгая из всех. До темноты мы пришли в лагерь и разошлись по полкам.

[Августа] 31. Назавтра мы выступили рано, при первом движении артиллерии и пехоты. Огромные литавры столь велики, что в каждую из них вместилось бы 9 или 10 бочонков водки. Их везли на большой колеснице, влекомой шестеркой лошадей; позади восседал, а при игре стоял барабанщик. В них били на протяжении половины английской мили, дабы указать армии и гвардии направление марша, что было хорошо слышно и за две немецкие мили. Сегодня первым выступило правое крыло [кавалерии], затем артиллерия, пехота и после — левое крыло. Оба крыла ежедневно сменялись в авангарде. Ночью мы расположились при местечке Опарув.

Сентября 1. Мы рано выступили. К полудню наш авангард, выходя из рощи, завидел на дальней стороне большой топи дымок над селом, а чуть погодя нескольких всадников. Полковник, ведший авангард, приказал майору с конной сотней как можно тише перейти гать и, если возможно, напасть на них. О том же уведомили и короля. Выступая из леса, полки строились в боевой порядок.

Между тем, когда майор добрался до гати, а передовые части последовали [за ним] /*л. 24*/ и подошли поближе, на противоположной стороне прохода с холма преспокойно спустились около 20 верховых, но заметив, сколько нас было по нашему строю и прибытию других частей, обратились в бегство. Гать была шириною сажен в 300, неглубокая и с твердой почвой; мы поспешно перешли оную, и некоторые на лучших лошадях были посланы преследовать их. Но они не смогли нагнать никого из сих господ, убив и захватив у деревни лишь немногих слуг, а также кое-какую поклажу и припасы. То были шляхтичи Варшавского повета[76], или провинции. Пленные сообщили, что король Польский в прошлую субботу проезжал здесь по пути в Пионтек, где теперь стоит со своими силами. При этом известии туда был назначен крупный отряд под командой

2. полковника [...]. Добравшись туда, он обнаружил только пустой лагерь. Король по поднятой помянутыми шляхтичами тревоге ночью быстро отступил на Пшедбуж.

Перейдя гать, на другом краю коей лежал городок Собота, армия остановилась на возвышенности. Здесь я должен описать еще одну большую неудачу.

5-го, в воскресенье, имея нужду в корме и провизии и не зная, как долго мы тут пробудем (ибо шведы */л. 24 об./* весьма скрытно ведут все свои дела), я с одним из товарищей в наш черед выехал на промысел. Мы миновали болото и ручей с мельницей в полумиле от города и, проехав мили три, добрались до деревни, где не нашли ни души, зато изобилие всевозможных припасов. Раздобыв большую подводу, мы набили ее овсом, овцами, гусями, курами и прочей снедью, сколько могли увезти наши лошади. На полпути обратно подвода стала разваливаться и вскоре обветшала и побилась настолько, что мы не могли двинуть ее дальше и не знали, что делать. Затем мы решили кинуть жребий: кому ехать в лагерь и пригнать телегу, а кому остаться с провизией, которую мы не желали бросать.

Мне выпало остаться, хотя уже стемнело. Привязав коня к разбитой подводе, я расхаживал часа два, пока мимо проезжало много солдат, задержавшихся на фуражировке. Сильно утомившись, я взял коня за уздечку и присел у подводы в ожидании моего товарища. Наконец в час пополуночи я от усталости погрузился в столь глубокий сон, что меня не разбудили ни суета и сигнал к отбою[77] в лагере (до коего не было и мили), ни громкие звуки труб и барабанов при */л. 25/* выступлении войск. Сие, однако, дало знак крестьянам, подстерегавшим уход армии в лесах. Они хлынули в лагерь, где, подоспев вовремя и завладев всем брошенным, многие вполне могли возместить свои убытки. 10 или 12 из них проходили там, где я лежал или, вернее, сидел во сне. Видя, что поблизости никого нет, да и вряд ли появится, ибо армия на их глазах уходила прочь, они, похоже, уговорились схватить меня и, отобрав вещи, убить. С сею целью одни увели моего коня, другие же, вытащив мой палаш, набросились на меня.

Как раз тогда меня мучил жуткий сон, и теперь, разбуженный их крепкой хваткой, а не поднятым ими шумом, и оказавшись в подобном окружении, я был охвачен не столько страхом, ужасом или замешательством, сколько изумлением. На сопротивление или мольбы я был равно неспособен, ибо трое или четверо сильных парней крепко держали меня, и я все еще пребывал в изумлении. Но когда они не просто сняли, а скорее сорвали с меня всю одежду, я залился слезами, кои желал бы сдержать, но не смог.

Среди них был старик, который, как будто сжалившись над моим положением и юными летами, стал уговаривать их не убивать меня, чему двое других страстно противились. Пока длился сей спор, я начал приходить */л. 25 об./* в себя, хотя говорить не мог и взывал лишь ко Всемогущему Богу, чье вспоможение, как во многих иных случаях, обрел и теперь.

В ходе спора двое самых свирепых не раз порывались выбить мне мозги своими дубинками, против чего остальные возражали весьма слабо. Те двое доказывали, что если отпустить меня к войскам, то я донесу об их обращении со мною и тогда может быть прислан отряд, чтобы жечь, убивать и истреблять все, что ни найдут; им стоило бы учесть, какие тяготы понесли от шведов они сами, их жены, дети и вся страна. Все это, полагаю, я отлично понял и, видя по настроению большинства, что они поддаются уговорам, я обдумывал, как бы мне от них сбежать.

Один из них крепко держал меня за левую руку. Пока прочие то и дело пытались ударить меня кулаком или дубиной, я уворачивался, извиваясь вокруг него; хотя он был дюжий, грозного вида детина, но, кажется, вовсе не худшего нрава. В один из таких оборотов я увернулся от удара дубинки, и тут он, то ли нечаянно, то ли от страха получить удар самому, выпустил меня. Едва ощутив это, я бросился бежать во всю прыть прямо вперед, а не в сторону лагеря, о чем не успел подумать в таком смятении. Однако на пространстве фурлонга[78] я обошел их всех на треть сего расстояния, ибо испуг придал мне изумительную */л. 26/* скорость. Сначала самые проворные ринулись за мною и метали мне вслед дубинки, одна из коих, отскочив от земли, стукнула меня по бедрам так, что чуть не свалила с ног. Оторвавшись довольно далеко и не слыша никакой погони, я оглянулся и заметил, что трое или четверо стоят там же, где меня взяли, а остальные возвращаются к ним. Но коня моего я не видал; его, похоже, сразу увели, и тут мне повезло, ибо верхом любой из них мог бы нагнать и убить меня с помощью моего же пистолета, палаша или дубинки — ведь мне нечем было защититься. Но сообразив, что конь где-то рядом, и они еще могут преследовать меня, я пустился кратчайшим путем к топи и, миновав оную, примкнул к армии, причем на мне не было ничего, кроме рубахи и портов. Так по собственной глупости и небрежению я подвергся подобной смертельной угрозе и ущербу, который позже едва возместил с великим старанием, трудностью и многими опасностями.

Добравшись до обоза армии весь забрызганный, грязный и почти нагой, я с таким же нетерпением разузнал, где были принадлежа-

щие моему полку подводы, как и [обозные] расспрашивали, что со мною приключилось. Довольствуясь моим кратким рассказом, /*л. 26 об.*/ они заявили, что полк герцога Саксен-Лауэнбургского *[Сентября] 6.* двинулся направо с другим корпусом под командой фельдмаршала Виттенберга. Я поспешил туда и, пробежав с немецкую милю, пришел сначала к обозу полка Бретлаха, а потом и к нашему. При встрече с маркитантской повозкой добрая женщина одолжила мне старый польский кафтан, у другой я раздобыл пару польских сапог, а у третьей шапку. Я остался при обозе, пока мы не прибыли в лагерь, расположенный в поле за местечком Ежув. Там меня ждал холодный прием у моего ротмистра и лейтенанта; вместо сочувствия товарищи вволю посмеялись надо мной. На сей раз я был вынужден все снести терпеливо, не зная, чем оправдаться.

Как я понял, король пошел на Лович и Варшаву с фельдмаршалом Стенбоком и 6000 человек, а нашим войскам приказано следовать за королем на Краков.

7. Армия выступила рано. Так как товарищи не предложили мне никакой помощи при движении вперед, а я не унизился до просьбы к кому-либо из них, то я задержался до тех пор, пока не двинулись все обозы и войска, кроме арьергарда. Затем, проходя по рядам, я выбрал себе коня (в запасе их оставалось немало), который, кажется, был с /*л. 27*/ хорошим норовом, хотя и, к сожалению, с нагнетом. Я обыскал хижины, нашел польское седло, к коему приладил взятые в других местах подпруги и стремена, и верхом последовал за армией. Проехав около мили, я свернул направо в поисках добычи. В полном одиночестве я удалился от армии мили на полторы по правой стороне и завидел деревню, а в ней господский дом. В оном не было ничего, ибо все уже забрали; я лишь случайно нашел на кровати под ворохом сухого гороха старую саблю и пару желтых польских сапог. И то и другое было весьма необходимо, ибо я не имел оружия, а сапоги мои не годились. Ехать дальше я не рискнул, опасаясь, при слабости моего коня, попасть в руки крестьян, и вернулся в лагерь при Раве к заходу солнца.

8. На другой день армия стояла на месте. Я пошел в обитель иезуитов, которую разграбили, не оставив ничего, кроме превосходной библиотеки, хранителем коей был назначен секретарь фельдмаршала. Он допустил меня, дабы помочь ему отобрать особо нужные фельдмаршалу книги, так что я имел возможность отложить кое-какие для себя. Затем я отправился в замок к двум старикам-иезуитам, кои там находились (прочие бежали в Силезию). Я вручил им некоторые реликвии, найденные мною на монастырском дворе. На обратном пути

/л. 27 об./ из замка я увидел лежащего у ворот человека, изо рта коего выходил дым, как из [преисподней][79], что было ужасным зрелищем. Вокруг него собрался народ, и кто-то посоветовал влить ему в глотку молока, что и было быстро исполнено. Его стало рвать, и скоро он пришел в себя, хотя, я думаю, далеко не вполне. Все сие, как я слышал, произошло оттого, что он выпил слишком много горелки[80].

После полудня я пошел смотреть дуэль между лейтенантом и корнетом из полка графа Понтуса Делагарди. Лейтенант, будучи католиком, получил вызов, когда выговорил другому за то, что тот сделал из стихаря попону или чепрак. Лейтенант дрался с большим мужеством, убив у противника коня и ранив его самого (то была конная дуэль). Сей корнет ограбил много церквей и впоследствии был убит чернью в Кракове.

9. Мы выступили в обычное время и стали лагерем у местечка Ст. Бжезины.

10. Мы выступили и разбили лагерь на возвышении близ городка Иновлодзь. Здесь был красивый замок, где оставили гарнизон из 100 человек во главе с финским капитаном по имени Ст[...]фельд[81]. Обыкновенно наш переход — около четырех польских миль в день.

11. В субботу мы пересекли речку [...], что бежит с одной стороны города и впадает в реку Пилица, которая течет по другую сторону, чуть пониже города. Первую [перешли] вброд, а вторую по мосту. */л. 28/* Во время марша небольшая партия поляков напала сзади на наш обоз и тут же отступила, не причинив существенного вреда. Полк графа Понтуса Делагарди под командой подполковника Форгеля, составлявший арьергард, быстро бросился им вослед. Видя, что те ушли далеко, [подполковник] отослал назад штандарты и безрассудно погнался за ними.

Мне тоже довелось состоять в войсках арьергарда и быть во фланговом разъезде с капралом и 12 другими. Подполковник, заметив нас во время преследования, взял с собою. Мы проскакали полторы мили от правого фланга армии и очутились в густом кустарнике. Передовой взвод дал нам знать о подходе неприятеля, и мы, числом около 250 всадников, построились среди зарослей. Внезапно вражеский отряд человек в 300 конницы пошел на нас, как мы полагали, с намерением атаковать. Но приблизившись, они выпустили в нас несколько залпов, как и мы в них, и повернув направо от нас, вклинились между нами и армией. Видя это, подполковник остановился и отправил ротмистра Джеймса Данкана разведать, нет ли рядом еще бóльших сил, и быстро вернуться, ибо он, не ожидая ничего хорошего, решил пробиться обратно к армии.

Ротмистр с 30 всадниками (среди коих был и я) не успел отъехать далеко, как обнаружил 18 или 20 [польских] хоругвей, наступающих на нас. Он послал [вестового] к подполковнику и в тот же миг со своим взводом был ими атакован. /*л. 28 об.*/ Поляки яростно ударили на наш маленький отряд, и хотя мы держались плотно, как могли, они прорвали строй и рассеяли нас с некоторым уроном. Немногие с ротмистром, преследуемые по пятам поляками, добрались до полка. Подполковник и все остальные, как я позже слыхал, сражались весьма отважно, но были превзойдены числом, причем прежде замеченные нами три сотни напали на них с тыла. Вскоре они были совершенно расстроены и бежали, и не спасся никто, ибо поляки были на превосходных лошадях[82].

Сначала поляки их щадили. Однако один корнет, захваченный шляхтичем (towarsis[83], как их называют), будто бы увидел возможность к бегству и, имея заряженный пистолет, неосторожно оставленный у него шляхтичем, застрелил его. Но его самого догнали и со многими другими убили по оной причине. В плен попали подполковник, майор Кёнигсмарк (раненный пулей в руку), два ротмистра — Штайн и Данкан, пять лейтенантов, три корнета и 120 унтерофицеров и рейтар. Спаслись только один капрал и восемь рейтар, кои были в передовом взводе при его разгроме и по счастью незаметно скрылись в кустарнике. Среди этих восьмерых оказался и я сам, получив весьма опасную пулевую рану в левый бок, под ребрами.

Немного отдалившись, мы хорошо слышали, /*л. 29*/ как полк был атакован и разбит, но не стали медлить и во весь опор понеслись к армии. Мы увидели, что войска по тревоге выстроились на большом поле. Нас немедленно привели к фельдмаршалу Виттенбергу, который, страдая от приступа подагры, стоял на фартуке своей кареты и собирался сесть на коня. Когда подошел капрал, фельдмаршал спросил его, что сталось с полком. Капрал отвечал: "Уцелели только я и вон те", — указав на нас. На это фельдмаршал раздраженно заметил: "Дьявол бы побрал вас с прочими!" Затем он осведомился о силе неприятеля и месте нападения; капрал сообщил, что знал, и был отпущен с нами по местам. Сие было на поле у местечка Опочно.

Выслав [вперед] сильный отряд, армия вечером пришла к лагерю. Ночью фельдмаршал отправил к королю, уже бывшему в Варшаве, известия о близости польских войск и других происшествиях. После моего прихода к товарищам ротмистр тут же послал за герцогским хирургом. Осмотрев мою рану в поисках пули, тот не смог ее найти и лишь наложил пластырь с тампоном длиною в палец. На другое утро лекарь через некоторое время обнаружил пулю и сказал,

что, как он надеется, опасности нет. Пока он перевязывал меня, я не ощущал ничего, */л. 29 об./* будучи в обмороке, и потом всю неделю *[Сентября] 12.* при перевязке постоянно терял сознание. По просьбе моего ротмистра хирург в самом деле применял отличные лекарства и прилежно ухаживал за мною. По его словам, я, к счастью, ничего в тот день не ел, иначе подвергся бы великой опасности. Между прочим он не разрешил мне есть и на следующий день. Он давал мне только теплое пиво с добавкой человечьего сала[84], а иногда и собачьего, и непременно с оливковым маслом, при весьма умеренной диете. Да и благодаря моему ротмистру я не нуждался ни в чем, что можно было раздобыть, и против ожидания скоро поправился.

13. Был послан отряд, дабы осмотреть то место, где нас разбили, и похоронить павших, что и было сделано. [Тела] двух корнетов и некоторых других перенесли в лагерь и на другой день похоронили с ружейными залпами, по воинскому обычаю.

14. К армии прибыл король, а с ним и Дуглас с эскортом из 500 рейтар и 300 драгун.

16. Армия выступила. Сегодня я ехал в подвесной повозке ротмистра, которую я приобрел и передал ему в день нашего прихода в Иновлодзь. Когда армия прошла около мили, наши передовые части столкнулись с партией неприятеля, которая была в засаде и своим внезапным натиском вынудила наших к беспорядочному отступлению — без больших потерь. Король, получив известие о близости польской */л. 30/* армии, построил войска в две боевые линии, не считая отборных передовых частей и сильного арьергарда. В первой линии на флангах конных эскадронов были поставлены пикинеры и мушкетеры, а вторая состояла из пикинеров и мушкетеров с рейтарами и драгунами по краям.

Тем временем я, не чувствуя себя удобно в повозке и желая видеть происходящее, сел на своего коня. Поскольку он шел очень легко, я почувствовал себя лучше, чем в повозке. Армия наступала по возвышенности через распаханную землю. Перед спуском мы обнаружили польскую армию, стоявшую на ровном низменном месте. Справа от нее шел пологий подъем на холм с городком Жарнув, а слева [лежал] небольшой лесок. Позади была лесистая местность, а между подножьем возвышенности, где мы находились, и их армией рос низкий кустарник. У поляков вовсе не было пехоты, лишь четыре или пять драгунских рот. Их гусары (3—4 роты) распределялись по флангам и в центре. Сам король с его гвардией из иноземцев [стоял] на невысоком холме в тылу войск.

Шведская армия спустилась со склона в отличном порядке; полковые орудия по обыкновению [располагались] перед полками, а тяжелая артиллерия между боевыми линиями, но при подходе к /*л. 30 об.*/ краю холма большинство пушек были установлены там, перед обозом. Стреляя поверх войск, наступавших в низине, они нанесли полякам урон, хотя и незначительный по причине расстояния и неровной местности. Когда армия сблизилась с поляками на мушкетный выстрел, король, генерал Дуглас и граф фон Зульцбах принялись объезжать войска, расставляя и ободряя их.

Поляки, не будучи едины, не пришли ни к какому решению меж собою; они опасались биться со столь хорошо устроенной армией, не имея ни пехоты, ни артиллерии, — и вдруг отступили или, вернее, бежали прочь. Шведы слишком медленно преследовали их, остерегаясь засады, и один раз подняли тревогу, будто неприятель забрался нам в тыл, так что некоторые полки были отправлены назад, дабы обезопасить арьергард. Поляки стремительно обратились вспять через лес и топи, где многие бросили лошадей в трясине и уходили пешком. На другом краю леса была гать, где, ввиду узости прохода, иноземная гвардия [польского] короля оказала слабое сопротивление; двое или трое из них были схвачены. Поляки уклонились в правую сторону, на Пшедбуж. Им вослед был выслан отряд из 3000 конницы, который настиг их обозы и взял хорошую добычу. Король [Швеции] с армией провел всю ночь возле этой гати.

/*л. 31*/ [Сентября] 17. Армия выступила и стала лагерем у деревни на высоком месте.

18. Мы выступили через проход у железной мельницы и разбили лагерь в поле возле местечка Радошице.

19. В воскресенье мы не двигались, лишь отрядили партию драгун, дабы расчистить дорогу.

20. Мы стояли у Малогоща — небольшого, хорошо расположенного городка.

21. Мы остановились в долине за местечком Енджеюв. Здесь мы получили сведения, что король Польский и все силы, кои он мог собрать, встречаются в Кракове.

22. Мы пошли вдоль реки Ниды и, повернув направо у местечка Ксёнж, разбили лагерь близ Мехува.

23. Мы стояли у Сломников. К сему времени я почти
24. выздоровел и обычно по своей воле ехал с той частью армии, с какой мне угодно.

25. Пройдя две мили, наши передовые отряды вступили в бой, но поляки не удержались, а наши их не преследовали, опасаясь за-

падни. Став на возвышении, мы увидели охваченное пламенем северное предместье Кракова, ибо король при поспешном отступлении оставил начальство над замком и городом Чарнецкому[85] с добрым гарнизоном; тот немедленно поджег сие предместье, дабы оно не служило нам подспорьем, а им обузою. Наш лагерь лежал у подножья холма вдоль речки, в полумиле от города.

26. Генерал Дуглас с сильным отрядом был послан королем [Швеции] обозреть город с западной стороны, */л. 31 об./* что он исполнил и пересек Вислу выше Кракова. Войска стояли на месте до 10 часов, я же избежал тогда большого несчастья.

Я поздно приехал в лагерь и, не зная, что до Кракова так близко, стал на ночлег у майора-добровольца по имени Н.Боу[86], в саду рядом с квартирой генерала Дугласа. Поутру мы спали дольше обычного, и прежде чем были готовы, генерал Дуглас ушел — как нам (неверно) сообщили — преследовать поляков. Тогда мы решили догнать его, в надежде на кое-какую поживу. Выехав из лагеря к речке, которая, судя по большой глубине протока, была подведена сюда от прежнего русла, мы увидели множество всадников и вознамерились примкнуть к ним, но не могли найти брода, хотя и скакали по берегу довольно долго. Наконец мы добрались до широкой доски, переброшенной для пешеходов. От нетерпения я отважился проехать по ней, хотя и не без риска, что удивило и раздосадовало моего спутника, который принялся бранить меня с другого берега. Дабы его утихомирить, я поехал вдоль ручья, пока он не переправился у мельницы. Однако по приближении к коннице мы заметили, что это главный дозор, и решили не идти туда. Повстречав рейтара, который возвращался из отряда [Дугласа], мы узнали от него, куда те отправились, а отошли они недалеко.

Мы с трудом миновали двойные посты и, став на широком поле, увидели сквозь дым пылающего Клепажа[87] множество шпилей и башен. Мы осуждали */л. 32/* неразумие поляков, выжигавших и разорявших собственную страну, тем паче столь прекрасный город, который представал взору. Подойдя ближе, мы решили объехать и обозреть его руины и поспешить далее в уверенности, что нагоним генерала, бывшего неподалеку. Казалось, путь будет недолог, и не представляя, что до Кракова еще около трех миль, мы прошли покинутый накануне поляками лагерь, который с напольной стороны был укреплен траншеей. Когда мы вступили в предместье и различили шпили и башни более явственно, то стали сомневаться, не сделали ли ошибку, но на вопрос о названии города женщина, бродившая среди развалин, ответила: "Клепаж", что укрепило нас в прежнем мнении.

Не успели мы заехать далеко, как я увидал двух переходящих улицу солдат в синих мундирах и сказал [об этом] майору. Тот заметил: "Где двое, там могут быть и двадцать, надо возвращаться". Но я отвечал: "Чего нам бояться двоих? Вперед!" Почти на том же месте, где я видел двух солдат, нас задержал караул из 10 или 12 человек. Они стали расспрашивать, кто мы такие. Признав в них поляков, я сказал, что мы служим в польской армии и отстали от нее, и спросил, не дадут ли они нам напиться. Они потребовали, чтобы мы спешились, и после нашего отказа спросили, из какого мы полка. Я ответил */л. 32 об./* уклончиво, ибо не знал, который назвать. Один унтер-офицер выступил вперед и с проклятьем произнес: "Вы шведы!" Подойдя к майору, он извлек из кобуры его пистолеты. Хотя я призвал его не отдавать их, он не оказал сопротивления; с самого начала он не понимал, о чем речь, и (как он позже оправдывался) полагал преступным противиться часовым, коих принял за наших, ибо я говорил с ними по-дружески. Я же принужден был так поступить, будучи в опасности и не зная, как от них избавиться, ведь четверо или пятеро стояли с запалами наготове. Капрал, отобрав у майора пистолеты, быстро выхватил саблю, а последний, видя это, подался в сторону и при повороте помешал мне. Я был стиснут между ним и каменной стеной, так что тот, промахнувшись, напал на меня. Я на скаку пригнулся, дабы избежать удара, и он раскроил мой кафтан и панталоны и нанес легкую рану в бедро; я еще счастливо отделался!

Нам хотелось бы вернуться тем же путем, но они сразу его отрезали, и пришлось держать по направлению к городу. Они пустились в погоню за нами, но, как ни удивительно, не стреляли. Мы неслись во весь опор, майор впереди меня, пока не увидали широкие ворота с поднятым мостом и каменную стену, густо усеянную вооруженными людьми. Майор был близорук, но */л. 33/* я заметил улицу, ведущую в другую сторону от ворот, и крикнул майору, чтобы он свернул налево. Однако мы очутились менее чем в 20 саженях от ворот. Со стен раздался нестройный гул, на что я отозвался: "Мы свои, не стреляйте!" Но когда мы повернулись к ним спиною и помчались по другой улице, я в страхе ожидал, что нам вслед грянут залпы, а услышал лишь один — от тех, кто преследовал нас по первой улице.

Мы ускакали довольно далеко, когда путь преградили обломки большого дома, который рухнул и все еще горел, так что пробраться было невозможно. Нам пришлось уходить налево через кладбище. При въезде мы легко перевели лошадей через деревянную изгородь, но у другой решетки, из железа, не знали, что делать. Но мешкать не было времени, и я уговорил майора расстелить над решеткой свой

плащ, так что лошади спокойно ее переступили, почти не повредив плаща.

Между тем мы услышали громкие крики городской стражи и погнали коней, пока не оказались в безопасности. Миновав их укрепления, мы остановились, дабы решить, куда направить свой путь. Я хотел следовать за генералом, а майор был за немедленное возвращение в лагерь. */л. 33 об./* Когда же я немного промедлил, осматривая свою старую рану, он в сердцах заявил, чтобы я убирался искать себе другого приятеля, ибо ему не нужны такие, кто станет верхом переезжать [реку] по пешеходным мосткам и в одиночестве штурмовать города; он винил меня во всех опасностях, коим мы подверглись, и в утрате своих пистолетов. Пока мы препирались, я увидел 20 или 30 поляков, которые летели к нам на полной скорости. Мы прервали ссору и бросились бежать. Добравшись до дозорных, мы подняли тревогу, а они своими выстрелами и отступлением к охране вызвали общий переполох. Между тем зная, что нас будут допрашивать об этом, мы поспешили в лагерь к обозу, который только начал сниматься. Здесь мы укрылись как можно лучше, и хотя нас искали, но найти не смогли.

В миле пониже лагеря мы перешли Вислу вброд и стали недалеко от Казимежа, другого предместья Кракова. Оно опоясано стеною, а внутри есть отдельное еврейское поселение. Нынче к вечеру, когда король верхом осматривал город и замок, один паж из [...] был убит пушечным ядром в пяти саженях от него. Первый из конных дозорных, стоявших на высоком кургане[88] (где, */л. 34/* говорят, погребен [...]), был убит ядром из красной башни на юго-западной стороне замка. Однако на его место тут же поставили другого. На него и остальных, его сменивших, было попусту растрачено более сотни выстрелов.

27. В понедельник пригород или, вернее, город Казимеж сдался и выплатил круглую сумму денег, а евреи внесли крупную сумму отдельно. Сегодня мы встретили нашего товарища Иоганна Хольштайна, коего оставили под Енджеювом, и, приняв к нам лейтенанта Уильяма Лодера, стали на постой в доме, расположенном вдали от других, среди зарослей, где мы обнаружили лишь 5 или 6 женщин и детей. Мы обрадовались такому удобству, а они — нашему покровительству.

[Сентября] 28. Армия вновь перешла Вислу и стала лагерем в Дембе, названном так по растущим здесь дубам. Запасшись пластырем и целебными мазями, я вернулся к своей роте, и две недели спустя моя рана совершенно затянулась.

Тем временем король выступил в Войнич, где получил весть, что квартианеры[89] еще держатся воедино, и разбил их. Возвращаясь через Висьнич, он захватил его вместе с хорошим запасом артиллерии (35 орудий). Король Польский бежал через Сонч[90] в Ципс[91], а оттуда в Силезию. Пока король Швеции отсутствовал, имея при себе 4000 рейтар и драгун,
/*л. 34 об.*/ *Октябрь.*
в течение девяти дней, дозоры вокруг Кракова не снимались.

По возвращении король приказал делать апроши[92] с восточной и южной сторон города, чему Чарнецкий — губернатор города и замка — пытался, насколько возможно, препятствовать вылазками и набегами. Однажды он приказал сжечь Страдомское предместье, в другой раз захватил монастырь, который занимали шведы. Три дня спустя шведы отбили оный, но поляки при новой вылазке захватили, сожгли и разрушили его.

10. Генерал Дуглас с партией из 2000 рейтар и драгун был послан очистить холмы от шляхты и крестьян, кои наносили большой урон нашим фуражирам и коих, сказывали, было по лесам 10 или 12 тысяч. После легкого марша вечером мы сделали привал, чтобы накормить лошадей, и выступили часа за два до полуночи.

11. На рассвете мы вошли в лес, где местность была весьма тесной, и спустившись в лощину у небольшого ручья, сделали привал. В соседней деревушке мы раздобыли вдоволь ржаных и овсяных снопов на корм лошадям, для нас же самих — ничего. Мы отдыхали немногим более часа, когда наши дозорные подняли тревогу. Мы сбились в одно целое и, собравшись и получив свежие подкрепления, отбросили врага обратно в лес. Однако мы оказались в очень невыгодном положении, ибо поляки не только могли укрываться в лесу, но и заняли отвесный холм на нашем фланге, откуда скатывали на нас огромные камни. Большинство из них составляла пехота, которая держалась в теснине, так что наши /*л. 35*/ всадники ничего не могли поделать. К тому же те были гораздо проворнее наших драгун. Проведя в неравной схватке около часа, генерал решил возвращаться прежним путем и отрядил в арьергард самых ловких рейтар с частью спешившихся драгун. Мы отступили туда же, откуда пришли. Видя это, поляки обрушились на нас со всех сторон, так что мы с трудом удерживали их от прорыва наших рядов. Примерно на [расстоянии] четверти мили мы пребывали в великой опасности и смятении.

Выбравшись из леса, мы столкнулись с какими-то отрядами и бились с ними, пока наши драгуны не сели на лошадей. В одной из

этих стычек мне вновь, к несчастью, прострелили навылет правую ногу чуть ниже подвязки, причем конь был убит подо мною тем же выстрелом. Как только я почувствовал, что мой конь ранен, я поспешил вперед, опасаясь самого худшего. Когда я добрался до передовых, в доброй полумиле от леса, генерал стал собирать войска и строить их под защитой небольшого холма, заросшего густым кустарником. В чаще мы потеряли несколько человек, и генерал, охваченный яростью, намерился отомстить. Поэтому он послал частям арьергарда приказ поспешно отступать, будто в замешательстве, дабы выманить [поляков] из леса под удар. Сие имело желанный успех, ибо не только польская конница, но и великое множество пехоты, хотя и в беспорядке, с ужасным криком преследовали наших людей на большом пространстве. Генерал, заметив, что они остановились, стремительно развернулся вокруг холма и набросился на них, прежде чем те это /*л. 35 об.*/ осознали. Захваченные врасплох, они оказали лишь малое сопротивление. Конница, будучи окружена, тут же обратилась в другую сторону и оставила пехоту на произвол судьбы. Великое число было перебито при их бегстве обратно к лесу, всадники же скрылись без большого урона, ибо были на отличных лошадях и гораздо легче наших. Убитых было около 1600.

Я не присутствовал при расправе, ибо конь пал подо мною до начала атаки. Генерал велел отдать взятых у неприятеля лошадей мне и еще 12 или 15 другим, у коих оные были убиты. Генерал отправил полковника Кёнигсмарка с отрядом преследовать далее этих поляков, пока они не рассеялись совершенно. Тот получил весть, что многие из них забрались в Лянцкоронский замок, выступил туда, и по его требованию они сдали замок на его милость. Однако, схватив их, он приказал перевешать всех, около 400 человек, за что позже подвергся большим неприятностям. Генерал же возвратился в лагерь.

12. Тем временем нога моя так распухла, что, когда я приехал в лагерь, пришлось разрезать сапог.

13. Я получил квартиру в Казимеже.

Польские квартианеры прислали уполномоченных для переговоров, дабы добиться хороших условий. Предводителями квартианеров были Конецпольский, коронный хорунжий Ян Собеский[93] — староста[94] Яворовский [и] Ян Сапега. После сдачи Кракова эти поляки примкнули к шведам и отправились в Пруссию.

[Октября] 17. Уполномоченные от гарнизона и города Кракова заключили договор на следующих условиях:

/*л. 36*/ 1. Всеобщее свободное исповедание католической религии. Духовенство, костелы, коллегии, монастыри, приюты и все духовные учреждения и лица будут избавлены от всяких насилий, грабежей и, без крайней к тому надобности, постоев. И люди всяческого состояния будут избавлены от любого принуждения или ущерба, если они не совершают ничего против Шведской Короны, но пребывают верными и покорными. С церковных земель выплачивается такая же контрибуция, как и с прочих.

2. Чиновники и дворяне, относящиеся к замку и области, будут располагать свободой и безопасностью личности, имущества и поместий. Если они остаются в пределах королевства, то поклянутся быть верными, миролюбивыми и покорными королю Шведскому, а если кто-либо возжелает покинуть королевство и оставить свой сан и должность, ему вольно будет уехать со всем, что имеет.

3. Город Краков со всеми гражданами и обитателями удержит нерушимыми свои привилегии и свободы, кои даровали им прежние короли, а равно

4. Академия[95] сохранит свои права и вольности, подтвержденные в установлениях королевства, а также свои доходы.

5. Наместник Чарнецкий, кастелян Киевский, с комендантом полковником Вульфом, всеми военными чинами и солдатами с их имуществом и обозом, распущенными знаменами, барабанным боем и 12 орудиями выступят из города 19-го сего месяца по новому стилю, в 8 часов утра, свободно и беспрепятственно. Одновременно, коль скоро сие соглашение будет подписано, запечатано и передано обеим сторонам, городские ворота Страдомские, /*л. 36 об.*/ а также ворота Св. Николая и Цворецкие с башнями между оными будут очищены, дабы их занял король [Швеции].

6. Гарнизон на четыре недели получит квартиры на королевских землях у силезских границ — в Заторе, Освенциме, Козихеве[96], Бендзине и др., с условием не предпринимать ничего враждебного против Шведского короля и войск и воздерживаться от всякого вреда и грабежа жителей и путников, в чем дать надлежащие ручательства. По истечении четырех недель им будет вольно идти, куда пожелают. Однако, если король Польский не станет содержать их на службе, они сделают предложение о том королю Шведскому прежде кого-либо иного.

7. Пехотинцы, набранные в сей гарнизон из округи, свободно разойдутся по домам со своими офицерами и оружием, но будут жить мирно и не чинить ничего враждебного против короля Шведского ни тайно, ни явно.

8. Челядь и слуги короля [Польского] будут безопасно препровождены к Его Величеству с трубачом и получат охранные грамоты.

9. Пленные, взятые с обеих сторон во время осады, будут освобождены, а московские пленники доставлены к королю Шведскому.

10. Все публичные грамоты, регистры канцелярии, доходов и проч., регалии и дворцовые документы, спрятанные в городе или замке, будут переданы в руки уполномоченных короля Шведского без порчи и подлога, а вся артиллерия (кроме означенной в 5-й статье), боевые припасы и провиант со всеми необходимыми военными устройствами в замке и городе будут оставлены, и вывезено лишь то, что лично принадлежит */л. 37/* наместнику, офицерам и солдатам. В этом, а также в том, что в замке и городе не будут устроены или оставлены пожары, мины или прочие опасные вещи, наместник представит достаточные ручательства.

[Октября] 19. Гарнизон выступил, числом около 6000, согласно договору, с распущенными знаменами, 12 пушками, 20 бочками пороха и обширным обозом. В замке и городе было найдено 96 чугунных орудий. Город уплатил 300 000 рейхсталеров — так называемый brandshats[97].

В то время как армия стояла в Кракове, вот что происходило в других местах. Три тысячи конницы и пехоты под командою генерал-майоров Мюллера и Вржесовица были посланы осаждать знаменитый Ченстоховский монастырь, что в итоге оказалось бесплодным.

Ландграф Фридрих Гессенский, обычно именуемый "Безумным Фрицем", который женился на сестре Шведского короля, подошел к Косцяну в Великой Польше и выслал вперед своего секретаря и трубача. Когда те не вернулись, он сам поехал дальше и, допущенный туда со всеми знаками почтения, был убит выстрелом при самом въезде. Несколькими днями ранее поляки застигли город врасплох и перебили коменданта и гарнизон.

Король Шведский отправил послов к Ракоци — князю Трансильвании и ко Хмельницкому — предводителю казаков, который

стоял с войском под Русским Лембергом[98]. Оба обязались в дружбе, а Хмельницкий пожелал узнать, куда ему отправиться со своею армией, дабы быть полезным Его Величеству.

Король также написал из Казимежа 12 октября к Римскому императору, который потом прислал графа Поттингена с богатыми дарами — двумя турецкими конями, чье убранство оценивалось в 20 000 рейхсталеров. Император предложил свое посредничество по просьбе короля Польского; то же сделал и французский посол. /*л. 37 об.*/ Король Польский находился тогда в Ополе, в Силезии.

Фельдмаршал Стенбок разбил мазуров и взял ряд городов в Мазовии и Куявии.

Что до моих частных дел, то мой ротмистр после какой-то размолвки попросил увольнения у герцога, который в запальчивости дал такое обещание, а я использовал случай, чтобы самому уволиться от ротмистра. Однако в ходе осады ротмистр опять помирился с герцогом, я же оставался свободен, пока армия не отправилась из Кракова на зимние квартиры, и затем нанялся добровольцем к ротмистру Джеймсу Данкану в полк графа Понтуса Делагарди; говорили, что зимою оный получит хорошие квартиры, так как был разгромлен под Опочно.

Король с армией пошел к Варшаве, оставив генерал-майора Вюрца губернатором в Кракове с 4000 конницы и пехоты. Подполковник Стюарт стал комендантом замка.

Полк графа Понтуса Делагарди выступил на зимние квартиры в Новый Сонч. Я еще не мог передвигаться и последовал за ним через 5 или 6 дней. Первую ночь мы провели среди наших новоявленных друзей — квартианеров — не без риска для жизни, коего не могли избежать, ибо отошли от дороги и оказались в их власти. Назавтра мы обедали в местечке Лиманова[99] в десяти милях от Кракова, а к ночи прибыли в Сонч, в двух милях оттуда. /*л. 38*/ Полком командовал ротмистр Лихтон, пока подполковник и майор не возвратились из плена.

Сей город состоял в суверенном владении Константина Любомирского, младшего сына покойного воеводы Краковского. Река Дунаец, текущая с Карпатских гор, омывает его с запада, с двух других сторон он защищен природой и весь окружен стеною, довольно надежной при внезапном приступе, но не при осаде регулярной армией. Также на западной стороне стоит господская усадьба, обнесенная палисадом. В городе нашлось несколько чугунных пушек, кои мы поставили на лафеты и расположили в удобных местах. Мы не были желанными гостями в этом городе и крае, что было прекрасно видно по их отношению к нам.

Как только прибыл подполковник, он выслал разъезды, получил изрядные суммы денег от окрестных местечек и обложил округу контрибуцией, которую платили довольно исправно четыре или пять недель, но позже она поступала очень медленно. Когда был отправлен отряд из 20 рейтар, дабы взять недоимки силой, крестьяне набросились на них из леса и убили девятерых, а прочие бежали. Два или три дня спустя трое наших людей были убиты в полумиле от города. Сие, как и то, что ни один из селян не являлся на рынок по своему обыкновению, да и бегство некоторых жителей, не сулило нам ничего доброго. Тогда подполковник отобрал у горожан все оружие, заставил их присягнуть на верность, приказал починить стены и держать крепкие караулы, а
/л. 38 об./ *Декабрь.*
также иметь наготове на рыночной площади дозор из 24 рейтар [во главе] с лейтенантом. Каждое утро, прежде чем открыть доступ [в город], они выезжали из северо-западных ворот вокруг города, обыскивая предместье и осматривая окрестности примерно на полмили, и возвращались через другие ворота. Каждой роте был дан для обороны участок городской стены, и все устроено наилучшим образом, хотя наши люди, многие из коих побывали в плену, были раздеты и лишены необходимого вооружения.

Подполковник, узнав от одного арианского[100] дворянина по имени Шлихтинг, что крестьяне, называемые goraly (т.е. горцы) и rusnatsy (т.е. руссы), собираются все до единого с несколькими господами и замышляют против нас недоброе, вдруг среди ночи отослал свою супругу и большую часть имущества в Краков. Двое суток спустя у нас была тревога из-за замеченных в лесу огней. Посланный на другой день отряд обнаружил костры, но при них — никого.

12 декабря, в воскресенье, во втором часу ночи, наши часовые увидали множество лесных огней к северо-в[остоку] от города и подняли тревогу, так что каждый отправился к своему посту. Отряд из сотни рейтар был отправлен на разведку, атаковал их дозоры и привел несколько пленных; среди них был шляхтич, говоривший по-немецки. Когда кое-кого из них подняли на дыбу, а другим пригрозили, те сознались, что у них */л. 39/* всего около двух или трех тысяч крестьян, 200 драгун из свиты епископа Краковского и прочих магнатов, и несколько шляхтичей под началом двух братьев Вонсовичей; что они намерены напасть на усадьбу того немецкого дворянина в миле пониже города и захватить оную, а затем приступить и к городу; что лучшие из крестьян вооружены натянутыми на длинное древко косами, нарезными ружьями и топориками.

Подполковник (весьма отважный джентльмен, но в этой войне очень неудачливый) созвал главных офицеров на военный совет, где было положено поутру выступить со всеми нашими силами и атаковать [поляков], не допуская, чтобы они захватили дворянский дом.

13. С сею целью сам подполковник, майор со всеми офицерами (кроме бывших в разъезде и дозоре) и около 240 рейтар выступили к тому же месту, где те располагались прошлой ночью. Городские ворота были заперты, но перекидные мосты не подняты. Мы [считали себя] в полной безопасности в городе и ожидали успеха нашего похода, а главный дозор не произвел разведку предместья, как обычно. Похоже, неприятель получил известия и сигналы от своих сообщников в городе после вылазки, устроенной нами против них в первые ночные часы; они очень тихо и скрытно проникли в предместье и, поскольку мы обычно обыскивали только дома, попрятались по амбарам и пристройкам. Как только отряд наш скрылся из глаз, они */л. 39 об./* выслали полдюжины добрых стрелков, кои прохаживались как можно ближе к воротам с беззаботным видом, словно простолюдины из предместья. Наша стража на стенах не обратила на них внимания, как вдруг те, обернувшись и прицелившись, убили двух часовых без особого шума. (Их тяжелые нарезные ружья заряжаются очень маленькими пулями, не более крупной горошины, берут немного пороха и стреляют весьма метко без громкого хлопка; замок особливо называется czeshinka[101].)

Убив часовых, они стремглав бросились к воротам, и пока одни топорами вырубали в них брешь, другие раздобыли лестницы, поднялись на стену и, не встречая сопротивления, пробрались внутрь. Моя квартира была возле сих ворот; я услыхал шум и вышел посмотреть, что произошло — по улице бежала женщина с криком, что поляки ломают ворота. Я прошел чуть дальше, дабы удостовериться; бегущий рейтар это подтвердил и сказал, что они к тому же взбираются на стену. Я помчался обратно к квартире и предупредил тех, кто там находился. К несчастью, этим утром я распорядился снять подковы с моей лучшей лошади, чтобы поточить их. У меня стояла низкорослая лошадка под только что сделанным немецким седлом с отпущенными подпругами. Вскочив на нее, я явился к воротам с 10 или 12 другими; с нами был и ротмистр Донклау.

Напротив ворот */л. 40/* стояла пушка, из коей ротмистр пытался открыть огонь, но она оказалась испорчена горожанами и не выпалила. Между тем неприятель проделал в воротах широкую брешь, просунул в оную дюжину ружейных стволов и дал по нам залп, ранив двух человек и лошадь. Мы рассеялись. Я повернул домой за

другой лошадью, прискакал на передний двор и попросил хозяина ее привести. Он отказался наотрез, но наконец мне ее подал слуга (сам я боялся спешиться). Не успел я выехать за ворота, как увидал, что по улице валит толпа вражеской пехоты в белых кафтанах и черных шапках. Я во весь опор поспешил к рыночной площади, но по дороге подвергся большой опасности, ибо лошадка, на коей я сидел, была иноходцем и не обладала скоростью. Они с жаром преследовали меня и почти настигли, а своей стрельбою и метанием топориков (в чем крайне искусны) так напугали лошадь, которую я держал на поводу, что та, с одним только недоуздком на голове, едва не стащила меня с седла.

Добравшись до рыночной площади, я имел время оглядеться кругом. Видя, как стража садится по коням, а остальные бегут к другим воротам и господской усадьбе, туда отправился и я. Из дома моего ротмистра выезжал верхом вышепомянутый майор Боу, коему я крикнул: "Не забудьте вашу книгу, майор, ведь сегодня мы, похоже, совсем разоримся!" Он */л. 40 об./* часто сказывал мне и прочим близким друзьям, что у него есть книга, по которой можно обучить полдюжины добрых малых богатому житью в большом городе, если у каждого в запасе всего по сотне дукатов. Впоследствии сие вызвало много веселых шуток.

Достигнув противоположных ворот, я увидел, как ротмистры Донклау и Данкан собирают наших людей для отпора, и подумал, что мы еще побьемся. Памятуя, в какой опасности я находился на маленькой лошаденке, когда любой проворный плут мог меня догнать, я предпочел рискнуть своей лучшей лошадью, хотя бы и без подков — ведь было очень скользко. Я едва успел ее оседлать и отдать другую какому-то пехотинцу по его просьбе, как ротмистры, собрав взвод из 20 или 24 рейтар, выступили к рыночной площади.

Прийдя на площадь, занятую этими негодяями, мы сразу же ударили на них и отогнали на дальнюю сторону, за ратушу. Но тут раздался крик, что они бросились по другой улице, дабы отрезать нас от ворот, и мы отошли тем же путем. При сем отходе моя лошадь упала вместе со мною, а новое и плохо закрепленное седло сползло, но пока ротмистр Данкан очищал оную улицу и ставил в ее конце охрану, чтобы прикрыть наше отступление, я был наготове и вновь направился к рыночной площади */л. 41/* с уже поредевшим взводом. Невдалеке от площади мы наблюдали, как вольный рейтар по имени Ханс Юрген, коего ротмистр послал за штандартом при первой атаке, на обратном пути был внезапно убит неприятелем, а наше знамя захвачено, причем помочь мы ничем не могли.

Когда мы вступили на рыночную площадь, этих негодяев было уже полным-полно, не менее двух или трех тысяч, по моему разумению. В сей атаке мы мало чего добились, ибо неприятель охватывал нас со всех сторон, так что иные погибли. Ротмистр Данкан с большим риском пробился назад сквозь густую толпу наших противников и обеспечил успех отступления по улице, причем враг упорно преследовал нас. В глубине улицы несколько наших пехотинцев с мушкетами беспорядочно палили по своим и чужим. У края улицы, когда мы разворачивались, дабы отбросить врага, моя лошадь снова рухнула со мною, а седло опять сбилось. Хотя ротмистр, вынужденный отходить и заметивший мое падение, задержался, чтобы я успел поднять лошадь, он не мог долго меня ждать. Поскольку ротмистр удалился, а я в смятении и спешке не сумел поправить и закрепить седло, я вынужден был перерезать подпруги и бросить оное. По Божьему провидению неприятель боялся наших людей, простреливавших улицу, ушел с середины мостовой и двигался под прикрытием зданий. Поднявшись, я получил удар (кажется, топором), который чуть не свалил меня вновь, но очнулся и изо всех сил погнал к воротам. С другой стороны ими уже овладел /*л. 41 об.*/ неприятель, истреблявший всех, кто попадался на пути. Многие, не зная, что те уже захватили ворота, сбегались прямо к ним в руки и нашли свой конец.

Приблизившись к воротам, я увидел, что они забиты врагами, занятыми тем, о чем я сказал. Я не стал медлить, вверился заступничеству Всемогущего Бога и положился на мою лошадь, подняв палаш над головой, дабы ее прикрыть. Лошадь весьма отважно промчалась через стенные ворота, опрокинув кое-кого по дороге. В частоколе за стеной был проезд с двумя створками, а справа — другой, поменьше. Двое или трое (как я позже узнал, драгуны епископа Краковского) затворяли большой проезд, что я заметил и устремился к меньшему. Но прежде, чем я его достиг, несколько вооруженных чем попало людей накинулись на меня. Один с косою, надетой на древко, ударил меня со всего размаха по голове (уклониться я не смог), так что, если бы добрая бредская шляпа[102] не смягчила мощь удара, тот, верно, рассек бы меня до плеч. Однако я получил большую рану и был так оглушен и потрясен ею, что оказался далеко за воротами, прежде чем пришел в себя. Милосердный Бог сделал мою лошадь орудием спасения, ибо я пребывал в каком-то забытьи. Собравшись с силами, я увидал своих друзей у подножья холма и прискакал туда, весь залитый кровью. Ротмистр в немногих словах изъявил свою радость, что я, коего он несомненно считал погибшим, был спасен.

/л. 42/ Ротмистры решили пешком перебраться через палисад в замок, или господскую усадьбу, и удерживать оную до возвращения нашего отряда. Когда все мы спешились и приготовились к подъему, из боковой двери выбежала прислуга подполковника и сообщила, что усадьба тоже захвачена неприятелем. Один из сих слуг при выходе запер дверь за собою, дабы помешать погоне, — это стало гибелью для многих, кто мог бы скрыться таким образом.

Тут же мы снова были объяты страхом. Отряд наш возвращался другим путем, и мы, приняв оный за вражескую конницу, бросились через реку. Офицеры приказали тем, кто имел лучших лошадей, перевозить бежавших из города пеших, большинство из коих были цыганки (при этом полку было больше подобного сброда, чем при любом другом во всей армии). Первым я переправил позади себя шотландца по имени Эйлхус[103], главного обозного нашего полка. Во второй раз за мною усадили одну цыганку и, поскольку у реки стояла большая суета, разместили другую рослую[104] девку спереди. Река была глубокой, а эти женщины от испуга сидели нетвердо и едва не увлекли меня в поток. Чтобы удержаться в седле, пришлось свесить ноги в воду. Обутый всего лишь в башмаки, я промочил ноги, так что ночью они замерзли.

Тем временем мы поняли, что замеченные нами всадники — наши люди. [Засевший] в городе неприятель открыл огонь из двух пушек — одна [стояла] */л. 42 об./* в замке, другая у ворот; они были наведены высоко и не причинили вреда. На южной стороне города какой-то невежда подпалил несколько мешков пороха, лежавших на орудийном лафете, отчего произошел большой взрыв. Одно обстоятельство, как я уяснил позже, способствовало спасению тех из нас, кто выбрался из города, о чем не могу здесь умолчать. Среди наших врагов были две или три сотни хорошо вооруженных драгун и пехоты, коим при первом приступе было велено обогнуть город до других ворот и там напасть на нас и помешать отходу. Если бы они сие исполнили, не уцелел бы ни один из нас. Но на полпути вокруг города они услыхали, что оный взят и крестьяне ворвались туда, и сочли за лучшее вернуться и войти через захваченные ворота, нежели идти к другим, где их, верно, ожидала схватка и, возможно, никакой добычи. Так они и сделали — и освободили нам путь.

Когда наши люди добрались до нас, мы без задержки выступили дальше по направлению к Кракову. В полумиле от городка мы разорили дворянский дом, где мне досталось кое-какое белье, весьма пригодившееся позднее. Вечером мы прибыли в местечко Лиманова и, не останавливаясь там, перешли через гору в деревню Грабя, в

6 милях от Кракова и на полпути от нашего гарнизона. Сей ночью было очень холодно, и любое сердце опечалилось бы при виде бедных брошенных младенцев, лежавших на дороге без всякой помощи.

Мои ноги, */л. 43/* как уже сказано, промокли (да я и не мог ходить по причине сильной головной боли) и окоченели; я не чувствовал этого, пока не подсел к огню. Кровом нам служил большой kruke, т.е. трактир или таверна, какие встречаются в сих краях. Возле наших лошадей мы развели большие костры, а я из-за своей раны получил право расположиться с офицерами в комнате; там было еще более 20 человек — сколько она могла вместить. Рану мою перевязал один из наших лекарей, но он не имел средств ее зашить (ибо сзади свисал большой кусок кожи), что вызвало нагноение впоследствии, когда я был в плену.

[Декабря] 14. Мы рано выступили и остановились в деревне в полутора милях от Кракова, где по столь холодной погоде нашли скромный приют в жалких черных сушильнях. Здесь мы провели два дня, затем ушли и расположились по другую сторону Кракова, близ места, где находился наш первый лагерь. Тут мы простояли две ночи и, получив квартиры, определенные нам в замке, отправились туда.

Когда полк строился в предместье, возник спор между нашим лейтенантом Барнсом (он был англичанин) и лейтенантом из эскадрона ротмистра Хальберштадта, если я правильно помню, — из-за старшинства (наш ротмистр был в разъезде). Наш лейтенант подскакал к другому и, по-видимому, затеял с ним ссору. */л. 43 об./* Тот, будучи человеком вспыльчивым, при каких-то словах обнажил шпагу, ударил его и, держась поближе, дабы он не смог выхватить свою, оттеснил его обратно к роте. Видя сие, я воскликнул: "Как, во имя Господа, неужели мы это стерпим?!" Никто не шелохнулся, я же выехал из рядов с палашом наголо и вынудил лейтенанта обороняться. Затем прискакал ротмистр Хальберштадт со взведенным пистолетом и приставил его к моей груди. Мои земляки из нашего эскадрона все время призывали меня отойти и не вмешиваться в подобные дела. Я увидел, что мой лейтенант уже стоит наготове с обнаженной шпагой, а прочие офицеры собираются их разнять, и по возможности сохраняя достоинство, вернулся к эскадрону.

Сею ночью мы квартировали в Казимеже. На другой день мой лейтенант дрался с тем на дуэли и большой чести не снискал. Здесь мы пробыли с неделю, а затем перешли на квартиры в замок. Я остановился в городе в одном доме с моим лейтенантом. Через два дня мы отправились с сильным отрядом в Прошовице и узнали, что

король Польский выступил из Силезии в Ципс и держит путь на Кросно, а татары намерены ему помогать.

По возвращении в Краков были разосланы отряды, дабы доставить припасы из отдаленных мест, кои отказывали в контрибуции. Как-то в пятницу вечером, вернувшись с одним из сих разъездов, я обнаружил, что полк снялся еще поутру.

/л. 44/ **1656**

Январь.

Назавтра, продав кое-что из добычи, взятой мною в разъезде, после полудня я намеревался последовать за отрядом, [но] оказался в гостях и провел большую часть ночи в занятиях, не подобающих христианину.

На другое утро я поторопился идти за полком вместе с лейтенантом Барнсом, двумя другими офицерами-добровольцами и двумя слугами. По приходе к местечку на холме, называемому Добчице[105], милях в пяти от Кракова, я был послан туда, дабы спросить провожатого. Дворянин по имени Иордан, управлявший городком (то было частное владение), с некоторой неохотой предоставил нам проводника — конного шляхтича, знавшего о движении наших отрядов не более того, что прошлой ночью они квартировали в Грабе. К тому же ни в Кракове, ни по дороге посредством усердных расспросов мы не смогли получить никаких известий об их замысле и направлении пути. Прибыв в Грабю, мы узнали, что на марше они разделились на правую и левую стороны, и бóльшая часть ушла влево или, вернее, прямо вперед.

Здесь мы посовещались, какой дорогой идти. Поскольку в Кракове ходили слухи, что то был карательный поход на Сонч и предстоит доставить туда орудия из Висьнича, мы заключили, что так и есть, и вообразили, будто пехота пошла с главными силами на Висьнич за орудиями, а наш полк, лучше всех знакомый с местностью, выступил кратчайшим путем, дабы окружить город. С сим вероятным */л. 44 об./* предположением мы двинулись по правой дороге. С вершины холма мы различили вдали всадника, мчавшегося по направлению к дворянской усадьбе и деревне; мы приняли его за дозорного. К заходу солнца мы повстречали трех поселян и осведомились у них о наших людях; они сообщили, что те прошли через Лиманову, по-видимому, собирались вернуться туда на постой и что их не более сотни конных. Из сего мы поняли, что это лишь разъезд из отборных солдат, и пожалели, что не пошли другой дорогой. Такие

разъезды обычно имеют хороших лошадей и действуют стремительно, а наши лошади, проскакав 10 немецких миль без корма, не выдержали бы обратного пути. Мы решили ехать дальше и накормить лошадей в городке до возвращения отряда или провести всю ночь, если отряд там расположится.

Меня выслали вперед с нашим проводником, дабы занять квартиру. Въехав в городок, я увидал десять или двенадцать жителей, собравшихся на торговой площади, коих я спросил о нашем отряде. Они сказали, что около часа назад оный проходил через город и, по их мнению, возвратится туда на постой. Я занял квартиру в доме войта[106], где однажды уже обедал, оставил проводника позаботиться обо всем необходимом для нас, а сам повернул навстречу лейтенанту.

Я выехал из города и ожидал их появления. Немного погодя я пустился обратно почти /*л. 45*/ до того места, где их покинул, но никого не увидел и предположил, что они отправились в город другим путем, ибо оный отовсюду открыт. Вернувшись к нашему жилищу, я их не обнаружил и начал опасаться наихудшего. От хозяина, человека весьма честного, я узнал, что отряд наш захватил несколько шляхтичей в миле оттуда и поспешно возвратился по другую сторону от местечка. Я призывал нашего проводника ехать вслед за отрядом, но он отговорился незнанием дороги и тем, что его лошадь не может тронуться без корма, убеждая меня остаться и накормить лошадей, пока не взойдет луна.

Уже стемнело, оставаться я не хотел и искал провожатого, предлагая доставить меня в Висьнич за любые деньги, но никто на это не соглашался. Тогда я снова отважился покинуть город в одиночку. Неподалеку какая-то женщина, заметившая, как я сновал туда и обратно, рассказала, что до моего первого выезда из городка она видела четырех направлявшихся туда шведов; те, повстречав несколько отставших от отряда солдат, быстро обратились вспять.

Я продолжал путь в надежде встретить кого-нибудь один на один, чтобы заставить его проводить меня. Проехав половину английской мили, я добрался до каких-то домов, рассыпанных по склону крутого холма и хорошо прикрытых изгородью со стороны дороги. На тропинке я приметил парня, коего спросил, не видал ли он проходивших здесь шведов. Он невозмутимо мне отвечал, но я плохо понял, что он говорит. Сначала я собрался удержать его и заставить показать мне дорогу, но поравнявшись с ним, заметил, что он держит в руке топор, а сзади волочит огромную дубину и готов ею /*л. 45 об.*/ воспользоваться. При этом я выхватил пистолет и пригрозил застрелить его, если он не пойдет со мною. Но тот, перемах-

нув через ограду, принялся свистеть и громко кричать, на что ему тут же откликнулись из всех уголков, а через мгновение за мной поднялась погоня. Я бросился прочь, но из-за полной темноты и неровной дороги не мог гнать во весь опор. Прежде чем я достиг окраины деревни, они заняли и прикрыли калитку, отделявшую ограждение от поля, и заслышав мое приближение, дважды выстрелили в меня. Я не видел возможности пробиться в одиночку и, опасаясь попасть в руки крестьян, в коих столь же мало учтивости, сколь и милосердия, решил повернуть назад. Оказавшись вне опасности, я подумал, что лучше всего постараться обогнуть город и как можно тише проникнуть в мое жилище. Так я и поступил, и никто меня не заметил.

В комнате за боковым столом выпивали семь или восемь поселян. Я спросил воды и корма для лошади и кое-какой снеди для себя, намереваясь при восходе луны уехать с моим провожатым. После еды меня так одолели усталость и сон, что я не мог поднять голову. Хозяин был весьма любезен и уверял, что мне не стоит страшиться никакой угрозы от горожан. Я прилег на скамью немного отдохнуть. Около полуночи я пробудился от ужасного сна. Мне чудилось, будто конь мой так отощал и выдохся, что еле мог плестись по дороге. В каком-то очень убогом, грязном месте */л. 46/* на меня напало великое множество волков с человечьими лицами; после долгой погони они стащили меня наземь и собирались разорвать...

Проснувшись и прийдя в себя, я позвал бывшего со мною дворянина и сказал, что хочу ехать и отдал бы свою лошадь, лишь бы попасть в Висьнич. Он ответил, что не выспался и испытывает большой страх. Не успел он умолкнуть, как мы услыхали, что кто-то тихо стучит в наружную дверь и просит пива. Опасаясь дурного, я велел принести свечу, запретил кого-либо впускать, вызвал хозяина и спросил, каким путем можно скрыться. Он заявил, что в город, верно, явилась шляхта и проведала о моем приезде, и если они не заняли черный ход — это единственный путь. Я тут же вскочил в седло и взял с собою моего проводника, чью лошадь пришлось взнуздать мне; он же был не столько напуган, сколько изумлен.

Хозяин вышел отпереть ворота и увидел, что их окружила дюжина верховых, не считая пеших. Поняв, что побег невозможен, я повернул назад и решил удерживать комнату, дабы по крайней мере сдаться на хороших условиях. Итак, бросив лошадей, мы засели в комнате и забаррикадировали[107] вход, в коем было маленькое стеклянное оконце прямо против наружной двери. Дворянину я поручил следить за окнами в стене дома.

Неприятель, не сумев войти приличным способом, стал взламывать дверь. /*л. 46 об.*/ Одновременно они вели переговоры с хозяином, который просил, чтобы мне не делали вреда, ибо я еще очень молод, а они призывали его отговорить меня от сопротивления. Я крикнул хозяину, чтобы он открыл дверь или позволил им сорвать ее, а я еще погляжу, кто осмелится войти. Слыша это, они утихомирились и попросили хозяина убедить меня, что если я не буду сопротивляться, они не причинят мне вреда, а один из них громко произнес на ломаном немецком: "Сдавайся на милость!" Я отвечал: "Готов сдаться на хороших условиях". Когда они подкрепили сие клятвами, скрестив пальцы, я позволил дворянину отодвинуть стол от двери, положил пистолет на стол, присел на лавку напротив двери и стал ждать их появления.

Как только мой проводник распахнул дверь, они ворвались в нее, а четверо или пятеро приставили карабины к моей груди, и мне подумалось, что они и вправду убьют меня. Однако сердце не могло смириться с покорной мольбою, дабы они пощадили мне жизнь. Среди них был шляхтич по имени Ян Стоцкий, который, кажется, имел превосходство над прочими. Вмешавшись, он взял меня под охрану, немедленно усадил на худую кобылку и повез в свое поместье, примерно в миле от города.

/*л. 47*/ Часа в два пополуночи он отвел меня во внутреннюю комнату, где на постели лежала его жена, разложил поверх соломы ковер для нас обоих и запер дверь на висячий замок.

Сам шляхтич спал очень крепко, а жене его вздумалось завести со мной беседу, из коей я уяснил лишь немногое. Она поведала, что ее брат или близкий сородич был в Германии генералом, и множество других вещей.

Когда занялся день, шляхтич приказал готовить лошадей и принести мне что-нибудь поесть. Он заявил, что знает обычай иноземцев кушать рано поутру, хотя у меня такого желания не было. Затем он стал объяснять, что должен доставить меня в Новый Сонч, где гайдуки[108] будут держать меня под строгим надзором, и что меня тщательно обыщут до самой рубашки; если при мне есть что-либо стоящее, деньги или драгоценности, то их отберут, а получу я всего лишь скудное пропитание. Посему мне следует все имущество передать ему, а он уж позаботится о моих нуждах в плену и будет хлопотать, дабы я обрел свободу и жил у него в поместье, доколе король, гетман или Любомирский не распорядятся на мой счет.

Я сознавал, что он мог повелеть то, о чем столь дружески просил, да и только затем, чтобы я не разглашал перед его товарищами

все полученное им от меня. Я отдал ему кошелек, где было 9 дукатов, 4 талера и около 8 флоринов мелкой монетой. Он говорил о деньгах, словно одолжил их, повторял прежние обещания обеспечить мне все необходимое и намекал, что он-то обходится со мною учтиво, но если бы я попал в другие */л. 47 об./* руки, будучи так хорошо одет, то не уцелел бы. Все сие он изложил на ломаной латыни, дабы я мог лучше его разуметь. Тогда я, чересчур доверчиво положившись на его великодушие и опасаясь обыска, о коем он вел речь, извлек потаенные сокровища, которые скрыто носил при себе: два золотых браслета с эмалевыми замками, тонкую цепочку в полтора локтя длиной, три кольца с каменьями, одно с большим сапфиром, а два других с бриллиантами, четыре дюжины серебряных с позолотой пуговок, амулет и еще кое-какие безделушки общей ценою 150 дукатов или более.

Когда он увидал сие, то не мог сдержать радости, а жена его — скрыть свое довольство. Затем мне дали немало набожных заверений, сколь много они готовы сделать ради меня, но так как уже совсем рассвело, он поспешил с отъездом и сказал мне вскользь, что нет нужды сообщать кому-нибудь, что он от меня получил. По дороге к нему присоединились те, кто был при моем захвате.

Итак, в очень холодное утро и в еще более прохладном настроении от подобной неудачи, в первый понедельник нового года я прибыл с ними в город. Шляхтич, у коего я останавливался, восседал на моей лошади (молодой, рослой и подвижной — она вполне стоила 25 или 30 монет) и ехал, бахвалясь, впереди, за ним пятеро шляхтичей в ряд, потом я один на дрянной приземистой твари, а позади 10 или 12 слуг. Кажется, меня везли по той самой улице, где я квартировал до внезапного нападения на нас. Узнававшие меня люди, по-видимому, скорее сострадали моему положению, нежели глумились над ним, особливо женщины, кои по природе милосердны.

Город возглавлял некий капитан Коллет, немец, обедавший в это время у подстаросты[109]. */л. 48/* Меня привели к нему, и он прежде допрашивал, по какой причине я выехал из Кракова, каким образом попал в плен, а особенно — куда направляется наш отряд. Я отвечал на все совершенно правдиво, насколько знал. Что до отряда, я не предполагал другого замысла кроме похода на сей город. При всем том он и прочие выглядели недовольными и отослали меня под стражей на его квартиру, где дали отличный обед.

Часа в два пополудни сержант с 12 мушкетерами препроводил меня оттуда к ратуше. Там сержант с шестью мушкетерами спустился со мною в каземат, а другие шестеро остались наверху. В каземате

было трое или четверо дюжих парней, стоявших у небольшого очага. Сержант заявил, что невзирая на увещание говорить правду о замысле отряда, я этого не сделал, а посему меня приказано поднять на дыбу, чтобы сознался в истине. Я был поражен сими словами и на мгновение онемел. Овладев собою, я попросил сержанта (он казался добродушным малым, хотя его физиономия не предвещала ничего подобного) сообщить коменданту и остальным, что я уже рассказал чистую правду, насколько знаю; что меня не было в Кракове, когда выступил отряд, и я не видал оный, дабы оценить численность. К тому же я и мои спутники ни в Кракове, ни в пути не смогли допытаться об их намерении, как я уже поведал, а комендант, будучи солдатом, прекрасно осведомлен о скрытности шведов: никто в отряде, независимо от звания, не знаком с основным планом, кроме главнокомандующего, да и тот нередко получает запечатанный приказ, который ему надлежит вскрыть в присутствии старших офицеров, когда он дойдет до какого-либо места. Поэтому /*л. 48 об.*/ они вполне убедятся, что я, не будучи офицером, и не мог ни о чем знать.

Сержант, похоже, внял этим доводам и сказал, что пойдет доложить о них коменданту и совету. После краткой отлучки он вернулся и объявил, что те оными не удовлетворены и утверждают, что тотчас получили иные сведения, чем принес я, так что я им просто врал, и меня ждет дыба. Я возразил, что не сообщал об отряде ничего положительного, а лишь одни слухи, в коих мог обмануться — и вроде бы так и вышло. Однако тот стоял на своем, сказал, что на дыбе я запою другую песню, причем приказал людям раздеть меня и вдобавок показать, как они со мною обойдутся: они не только собирались вывернуть мне конечности, но и прижечь бока смоляными факелами, кои держали наготове.

Тут я весьма устрашился, не мог сдержаться и, обливаясь слезами, воскликнул: "Лучше отрубите голову или пристрелите меня, чем так истязать тело!" Я уверял, что даже если буду разорван на части, не смогу ничего прибавить. После множества угроз с их стороны и протестов с моей сержант сказал, что опять пойдет к коменданту. Через четверть часа он явился и вновь стал мне угрожать, но видя мою непреклонность, удалился. Никто из парней также не тронул меня.

Когда он вывел меня из каземата, солнце уже зашло. Снаружи стояло несколько человек, а иные, особенно женщины, даже в слезах сочувствовали моему положению. Меня доставили в комендантский дом и посадили под караул в маленькую комнату. Я был /*л. 49*/ столь напуган, и ужас произвел во мне такую перемену, что не мог

ни есть, ни пить. Под сей охраной я находился до субботы, когда меня известили, что в ратуше содержатся несколько шведских пленных, среди коих и мой старый приятель Иоганн Хольштайн. Сие побудило меня, совершенно одинокого, просить о переводе к остальным, ибо "solamen miseris socios habuisse doloris"[110]. Я добился этого, и в субботу, в день ярмарки, меня провели при большом стечении народа в ратушу, где мой товарищ и прочие меня приветствовали. Многие, не видав меня по дороге, столпились, дабы меня навестить. Нескольких дворян и дворянок впустили, и они по доброте своей кое-что мне пожаловали, так что сегодня я получил около 4 флоринов.

В сей тюрьме находилось 15 человек всякого звания. Один из них был капрал по имени Фридрих Хооде, уроженец области Бремен, где жили его жена и дети; другой — мой старый знакомый и товарищ Иоганн Хольштайн; третий — немец родом из Пруссии, превосходно говоривший по-немецки и по-польски, что весьма пригодилось мне в изучении оных языков, пока я здесь пребывал; четвертый — простолюдин, родившийся в Польше от отца-шотландца, — позднее он женился на дочери одного городского чиновника (или, вернее, служителя, как их там называют) и тем самым обрел свободу. Прочие были поляки, послужившие шведам, люди низкородные и незначительные.

К вечеру капрал повздорил с одним из этих парней и дал ему оплеуху. Когда тюремщик донес о сем бургомистру (в чьей юрисдикции мы отныне находились), пришел приказ посадить капрала в темницу, а заодно с ним и меня. Я выразил возмущение тюремщику, но довольствовался лишь ответом, что я еще раскаюсь в своем прошении состоять у них под стражей. /*л. 49 об.*/ Так я понял, что мое прибытие туда столь же обременительно для них, сколь и унизительно для меня. Нас с капралом вывели, спустили на веревках в темницу в 4 или 5 сажен глубиною и велели идти направо, где был склеп без двери. Вошедши туда, мы очутились в таком крайнем холоде, что не знали, как быть. Тьма и неровный пол не позволяли нам двигаться. После долгих безмолвных рыданий мы стали собирать нечто похожее на солому или мякину и прилегли; он держал в руках мои ноги, а я — его, из боязни окоченеть. Затем мы повели рассказ о многих несчастьях и злоключениях и о ходе нашей жизни до сих пор. В подобной беседе мы провели всю ночь, не сомкнув глаз.

Часов в десять тюремщик спустил вниз веревку и крикнул, чтобы я поднимался. Обвязав веревку вокруг пояса, я был вытащен наверх и оставил капрала в большой печали. Однако через два часа

подняли и его. Затем капрала, англичанина[111], пруссака и меня сковали вместе тяжелой железной цепью и запором за одну ногу и по двое — за руки, что причиняло нам великое неудобство и боль. Когда любой из нас хотел отойти в сторонку, все должны были ступать за ним и терпеливо ждать, пока он сделает свое дело.

В сей день явился с визитом шляхтич, взявший меня в плен и забравший мои деньги и драгоценности. Он послал за водкой[112], угостил меня и заявил, что дал денег и припасов моей прежней хозяйке, очень доброй женщине, которая не допустит, чтобы я нуждался. Хозяйка, пришедшая позже, сказала, что он прислал ей только одного гуся и дал 20 пенсов. После этого моего доброго шляхтича не было видно и слышно ни разу. Лишь /*л. 50*/ три-четыре года спустя, когда я состоял на польской службе и приехал в те края, я узнал о нем историю, которую, по ее бесчеловечности, должен поведать.

Его отец, пожилой дворянин с добрым именем, видя еще при жизни, что дети его возмужали, обеспечил им почтенное супружество, особливо ему и другому сыну, и выделил им довольно своих земель и имущества для достойного житья. Себе он оставил только свой дом, небольшую деревню и, кажется, какие-то деньги, посуду и ценности, отложенные или спрятанные в одном месте. Эти два бессердечных сына, то ли из огорчения, что их отец живет столь долго, то ли из страха, что он раздаст тот небольшой клад другим, более заботливым детям, решились на жестокий поступок. Они переоделись горцами с полдюжиной своих вернейших слуг, пришли, окружили и ворвались в отцовский дом, схватили старца и жестокими пытками заставили сказать, где спрятано добро. Пока его истязали, старик по их маскам, а также по голосу Яна, подстрекавшего слуг с неохотой и, казалось, с отвращением к подобному насилию, заподозрил, кто они такие, и молвил сему Яну: "Сын мой, сын мой, неужели завидуешь ты немногим дням, кои осталось мне прожить? Господь не оставит сего без кары!"

Взяв то, ради чего явились, они разошлись по домам. На другой день, когда разнеслась весть, что в доме их отца побывали грабители, они поспешили туда и изобразили чрезвычайную скорбь. Отец сначала не обращал на это внимания, лишь горевал еще более при виде столь вопиющего лицемерия. Наконец он открыто заявил, что именно двое его сыновей совершили сие деяние, /*л. 50 об.*/ что он узнал голос своего бессердечного сына Яна, и по многим приметам — поведению, стати, телосложению их и их слуг — то был никто иной. Это внушило присутствующим столь сильные подозрения и догадки, что и глубокое притворство не смогло их убедить. Уехав оттуда до-

мой, те вознамерились бежать, что и сделали со своими женами и семействами. Через неделю старик скончался, а о них говорят лишь то, что они отправились в Моравию и жили там безвестно.

Однако возвращаюсь к рассказу о моем положении во время заточения — настолько ужасном, что я едва способен выразить. Во-первых, касательно нашего питания: обеденной порцией было блюдо сухой репы, сваренной без соли или другой приправы [и делившейся] на девятерых; каждому доставалось по 5-6 ложек да ломоть хлеба ценою два гроша, что скорее возбуждало аппетит, чем утоляло голод. Вечером нам давали миску густо сваренной гречневой крупы без соли, лепешек, хлеба или другой пищи. Но и такой паек иногда бывал запоздалым, нечистым и недостаточным (лишь изредка с добавкой по кое-каким праздникам) и выдавался в соответствии с прихотью нашего кормильца, правящего бургомистра, коего здесь меняют ежемесячно. Время от времени моя хозяйка без ведома своего мужа (этот пьяница и злобный пес не был моим доброжелателем) украдкой потчевала меня небольшим, хорошо приправленным кушаньем, которым вполне мог бы насытиться я один, но для общества из нас четверых, сцепленных вместе, от него было мало проку.

Нашей кроватью был холодный пол с жалкой подстилкой из соломы, которая превратилась в мякину и не служила большим удобством, */л. 51/* а вскоре в ней развелось столько насекомых, что порой мы коротали унылое время, наблюдая, как те переносят соломинки туда-сюда; отсутствие чистого белья, свежего воздуха и питье воды способствовали их размножению. Не последним из наших бедствий был крайний холод, и в довершение страданий подлого рода поляки из любопытства то и дело приходили поглазеть на нас, поносили и оскорбляли, а пьяные горожане, навещавшие по ночам стражников, а с ними и нас, обращались с нами весьма жестоко, часто с тяжелыми побоями.

Но более всего угнетал нас страх смерти, коей нам грозили ежедневно, буде против нас поступят какие-либо доказательства о разграблении церквей, насилии над женщинами, хладнокровных убийствах или подобных гнусных преступлениях. Хотя со своей стороны я знал, что в таковых неповинен, но все же не представлял, какие недоразумения, утверждения и ложные доводы могут выдвигаться против нас недругами, во власти коих мы пребывали. Однажды пришли двое горожан и заявили, что поскольку наши шведы в Висьниче заморили их людей до смерти холодом и голодом, они поступят с нами так же. Но получив право говорить, мы доказали иную суть дела, ибо пленники в Висьниче были не солдатами на законных основаниях, а всего лишь мужланами, разбойниками, и нигде не почи-

тались достойными пощады, тем паче хорошего обращения в тюрьме. Едва удовлетворясь этим, они удалились.

Всеобщая молва, будто против нас замышляют нечто подобное, проявлялась и в предложениях женитьбы, сделанных некоторым из нас женщинами самого худого звания. Таким образом мы могли бы избавиться от опасности, /*л. 51 об.*/ ибо в Польше есть обычай, что девица может освободить осужденного, получив прежде у магистратов дозволение, в коем отказывают редко, разве что отъявленному злодею. Обычно сие происходит, когда он преклоняет колени, дабы принять удар правосудия; тогда появляется девушка с длинным белым покрывалом, которое она набрасывает на него. Если он согласен жениться на ней, их немедля ведут в церковь и венчают. Однако я слыхал, что один, поднявшись и внимательно поглядев на свою невесту, по облику догадался о ее низком состоянии, склонился вновь и пожелал, дабы палач исполнил свой долг.

Но продолжаю. Одна из сих невест, служанка какого-то бургомистра, присылала [нам] два-три блюда отборной снеди два дня подряд, в полдень и вечером, а на третий попросила тюремщика добиться категорического ответа. Иные [из нас] возражали [против этого], дабы подать ей определенные надежды и тем самым и дальше получать ее стряпню, каковой мы могли лишиться при полном отказе. Однако я никак не соглашался, считая недостойным шутить в подобных делах. Прочие же держались своего метода, и всех их обслуживали наравне.

В оной тюрьме я томился 13 недель.

Как-то, выглянув из окна, мы разговорились со шведами, только что взятыми в плен. На другой день всех нас вывели, сбив прежде кандалы, и доставили в более тесное помещение, где нам едва хватало места улечься, притом еще надо было отвести уголок для естественного облегчения. Здесь не было света, кроме продолговатого узкого окна в двух саженях от пола, так что нельзя было ни читать, ни толком видеть друг друга. В комнате было две двери, одна с крепкой железной решеткой, другая, тоже железная, — на запоре.

/*л. 52*/ Когда меня сюда привели, должен признаться, я не сомневался в наихудшем, и это ощущение исторгало потоки слез и у меня и у остальных. Хуже того, через два или три дня ночью нас предупредили, дабы мы готовились к исповеди на следующее утро, и ясно намекнули, что сожалеют о нашей участи, так что предстояло нечто зловещее. Ночь мы провели в полном отчаянии, плакали и причитали, горюя о наших тяжких бедствиях, украдкой озирали прежнюю жизнь и безмолвно примирялись со Всемогущим Богом.

Что до меня, то я призвал себя ко строгому ответу за ход и все события прожитой жизни. Хотя я и находил, что многое по праву заслуживает всеобщего осуждения и кары Всемогущего Господа, но чувствовал, как Его великодушная воля дает мне такой прилив уверенности и убеждения в милосердии, что я обрел большую решимость и мужество.

Наутро с приходом тюремщиков мой товарищ Иоганн Хольштайн и я попросили, дабы ради вящего благочестия нам позволили исповедаться и причаститься в монастыре или соборном храме, в чем нам отказали и отвели наверх, в ратушу. Там мы, католики, исповедались и восприяли Св. Таинство от монаха-францисканца, коему я представил наше прискорбное положение и великую вину, которая ляжет на тех, кто вопреки всем божественным и людским законам собирается хладнокровно умертвить нас — солдат удачи и узников войны. Он, казалось, весьма сочувствовал нашему несчастью, призвал ободриться и утешиться и обещал похлопотать о нашем /*л. 52 об.*/ деле, насколько оное от него зависит. Отправившись обратно в тюрьму, мы провели несколько дней в размышлениях, подобающих нашему ужасному состоянию.

По прошествии пяти или шести дней сюда случайно прибыл отец Иннес[113] — провинциал Францисканского ордена в Польше, совершавший свой ежегодный объезд. Он явился к нам в тюрьму и, призвав меня с Хольштайном, стал сурово порицать по двум поводам: во-первых, что я, будучи католиком, сражался за еретиков против католической веры, и к тому же, будучи шотландцем, воевал против Польши, где наши соотечественники имеют столь широкие привилегии и покровительство, а многие получили обширные поместья и обладают великими вольностями. Я оправдывался как можно более смиренно, что, по моему разумению, недовольство короля Шведского — дело государственное, а не религиозное, я же, поступив на службу к шведам, не знал, куда они обратят оружие, а впоследствии не смог уволиться. Дабы искупить сей проступок, если возможно найти службу здесь, я буду стремиться выказать преданность и мужество, равно достойные доверия и хорошего содержания.

После дальнейшей беседы он обещал вступиться за меня перед старостой, который недавно прибыл в город, о чем мы не знали. В тот же день я изыскал способ через человека, служившего прежде шведам, а ныне бывшего конюшим у коменданта, тайно передать от нашего общего имени прошение о службе коменданту — полковнику Герлеховскому. Моя добрая /*л. 53*/ хозяйка снабдила меня бумагой

и моей же карманной чернильницей, которую сохранила, когда город был у нас отбит.

Назавтра, когда комендант был приглашен к обеду у старосты вместе с отцом Иннесом, наше дело зашло так далеко, что староста распорядился послать за нами. Нас привели на двор, и после краткого ожидания к окнам подошел староста с несколькими шляхтичами. Он велел прислать одного из нас к нему наверх; мы уговорили лейтенанта по прозвищу Bowle[114] Ханс — старика, который сидел с нами в тюрьме с самого начала, как только оправился от болезни. Мы просили его говорить весьма почтительно и обещать от нашего лица всяческую преданность, если нас могут взять на службу. Он предстал перед старостой и на вопрос, желаем ли мы служить Польской Короне, ответил, что теперь мы в их власти, и они могут делать с нами, что угодно. Сей ответ так не понравился вельможе, что он немедля отправил нас обратно в тюрьму, чем все мы были крайне удручены.

Отошедши на несколько шагов, я был призван обратно благодаря заступничеству отца Иннеса. Когда я стоял под окном, староста лично спросил меня по-латински, стану ли я служить Польской Короне. Я отвечал: "Весьма охотно". Затем он осведомился, хочу ли я состоять в королевской гвардии или же при нем. Я отозвался, что скорее при нем. Тогда он спросил, останусь ли я здесь в гарнизоне или пойду с ним в поход. Я сказал, что будучи */л. 53 об./* человеком молодым, предпочел бы, если на то его воля, служить в полевых войсках, где легче снискать честь и производство в чине. На его вопрос, есть ли среди нас кто-либо еще с моим образом мыслей, я довольно уверенно заявил, что можно положиться еще на двоих. За сим меня отпустили.

Капрал, Хольштайн и я были доставлены в тюрьму, откуда пришли, а остальные в темницу, где мы с капралом провели одну ночь. Конвоиры уверяли нас троих, что назавтра старосте предстоит поход, а за нами пришлют и освободят. Но следующий день наступил, об освобождении ничего не было слышно, и мы стали сомневаться, не было ли это лишь пустым обещанием, как не раз случалось прежде. Сей день показался нам дольше любой предшествующей недели.

Однако на другое утро за нами прислали очень рано, выдали коней и седла, и около 10 часов мы выступили из города вслед за старостой в составе роты его драгун, коих было человек 80 — все поляки в синих кафтанах немецкого образца. Капитаном был немец по имени Захариас Митлах. Прапорщик говорил по-немецки, но был

поляк. Днем моего избавления стала пятница. Я провел в тюрьме около 17 недель, пока не освободился милосердным промыслом Господа и содействием добрых людей.

Пройдя милю, староста сделал привал в усадьбе подстаросты, и нам выставили бочку пива. Ночью мы расположились в местечке Грыбув, где из-за перемены воздуха и свежей пищи мне сделалось дурно. Поистине, когда я вышел [из тюрьмы], то едва мог стоять на */л. 54/* ногах от слабости. Однако благодаря умеренности и хорошему питанию я вскоре восстановил былые силы. Но при всем том нам не доверяли: у каждого была своя квартира, нам же троим приказали провести всю ночь под охраной с капралом.

Вельможа, под чьей командой мы отныне находились, был младшим из трех [известных] тогда в Польше Любомирских. Старший был коронным шталмейстером, или конюшим, а позже воеводой Краковским, как и его отец; второй, наиболее знаменитый, был коронным маршалом и польным гетманом[115]; сей младший, по имени Константин, был коронным чашником. Все трое титуловались графами[116] в Висьниче и Ярославе. Младший обладал совсем иными качествами, чем двое других: он был весьма алчен и скареден и любил праздность.

Мы прошли городами Беч, Жешув, Ланьцут и Пшеворск в Ярослав, где остановились на 8 дней. Мне поручали подготовку квартир, высылая вперед, и я нашел способ обзавестись пистолетами и немецким палашом. Затем мы отправились в Замосць, перейдя реку Сан под Ярославом, и далее в Люблин, куда король Польский прибыл из Львова к месту сбора своих войск. Тут мы провели дней восемь и выступили к Варшаве, которую уже три недели держала в осаде литовская армия. Но теперь я кратко расскажу о ходе войны до сей осады.

Король Швеции со своей армией пошел через Варшаву в Пруссию; при нем находились послы Римского императора и короля Франции, и вся страна ему покорялась. Сандомирское воеводство, или палатинат, получило охранную грамоту не только для городов, но и для */л. 54 об./* отдельных дворян. Военные лица повсеместно подчинялись и приносили клятву верности, не исключая коронного гетмана Потоцкого и польного гетмана Лянцкоронского. Генерал Дуглас остался в Сандомире, дабы устроить оную область, король же приблизился к Пруссии, где фельдмаршал Стенбок после сдачи Варшавы и поражения мазовецких сил овладел некоторыми местами на польской стороне Вислы и тотчас вместе с Радзиевским взял Штрасбург[117]. Оттуда король направился к Торну, а Радзиевского

выслал вперед с кое-какими войсками, большей частью польскими. Он провел ряд переговоров с магистратами, кои завершились сдачей, и король вступил в город 5 декабря [1655 г.]. Генерал-майор Мардефельд был назначен комендантом с тремя полками — полковников Герфельда, Нэрна и Фиттингофа.

Здесь король дал аудиенции послам Римского императора, Москвы и Трансильвании. (Грауденц также сдался генерал-майору Левенгаупту.) Здесь же короля известили почтою о рождении юного принца, который появился на свет 24 ноября по старому стилю между 12 и часом ночи и был наречен Карлом. Его восприемниками были курфюрсты Саксонский, Бранденбургский и Хайдельбергский, герцоги Шлезвиг-Голштинский и Вюртембергский с пфальцграфом Адольфом Иоганном; восприемницами — курфюрстина Саксонская, герцогини Альтенбургская, Голштинская, Мекленбург-Гюстровская и супруга графа Магнуса [Делагарди].

/л. 55/ Тем временем курфюрст Бранденбургский[118] располагал полностью укомплектованной армией из 23 272 человек и 80 орудий, стоявших лагерем в Пруссии. Из Торна король [Швеции] отправил требование сдать Мариенбург и Эльбинг, а от Данцига добивался двух миллионов в монете, присяги на верность и передачи в залог [крепости] Вайксельмюнде. Он также послал герцогу согласительное предложение, после чего их уполномоченные встретились в Редене[119], но ничего не достигли. Тогда король выступил из Редена и покорил Эльбинг; однако воевода Померании и полковник Шпарр решились оборонять Мариенбург. Принц Адольф с фельдмаршалом Стенбоком были посланы осаждать оный и вскоре вынудили горожан к сдаче города, а на четвертую неделю — и замка, по соглашению, невзирая на то, что на подмогу шел сильный данцигский отряд.

После бесплодных переговоров в Редене король велел графу Магнусу Делагарди наступать на Пруссию, сам же намерился идти на соединение [с ним]. Бранденбургская армия, числом около 16 000, стояла у Браунсберга и при вести о движении короля отступила к Кёнигсбергу, где находился сам герцог с сильным резервом.

/л. 55 об./ Генерал-майор Лоренц фон дер Линде был оставлен комендантом в Эльбинге со значительным гарнизоном. Король, будучи на марше, после кое-каких переговоров и инициатив герцога о новом соглашении, отправил в Кёнигсберг канцлера Оксеншерну, против риторики и резких убеждений коего герцог устоять не смог. По прибытии в королевский лагерь генерала Канненберга был составлен и заключен договор, многие детали которого считаются неразглашаемыми, но те, что дошли до общего сведения, таковы:

1. Курфюрст не будет принужден к присяге на верность королю прежде, чем он будет избран и венчан королем Польши на всеобщем съезде.

2. Присяга курфюрста не будет изменена без согласия сословий Польши.

3. В отсутствие короля курфюрст учредит новый трибунал из шести советников и президента, от лица коих можно подавать апелляции королю Польши.

4. Армия курфюрста будет распущена и предоставлена королю Швеции, который обещает не использовать оную иначе, как против короля Польши.

5. За ущерб, содеянный шведами, курфюрст получит епископство Варминское.

6. Курфюрст дарует королю Шведскому половину от пошлин Пиллау[120].

7. Гарнизон означенного Пиллау будет наполовину шведским, наполовину бранденбургским.

8. Допускается свободное исповедание реформатской веры и строительство для них [реформатов] церкви в Кёнигсберге.

/л. 56/ 9. Город Данциг не включается в сей договор.

10. В пределах 4 недель после ратификации сего договора курфюрст освободит Мариенбург от гарнизона и передаст оный во владение короля [Швеции].

11. Пошлины Пиллау не будут повышены при условии, что все вывозимые из Польши и поступающие туда товары будут доставляться через Эльбинг.

12. Военным кораблям Его Величества при необходимости позволяется свободно и беспрепятственно заходить в Пиллау.

13. Когда сей договор между королем и курфюрстом будет ратифицирован, союз с Голландией против Шведской Короны и ее сторонников будет нарушен и расторгнут.

Шведский канцлер, а также генерал-майор Канненберг получили королевские подарки. Однако голландцы, чьи послы прибыли для посредничества в примирении между Коронами Швеции и Польши, были не слишком довольны герцогом из-за сего договора, как и прусское Riddershaft, т.е. рыцарство, ибо оный был принят без согласия [прусских дворян], опасавшихся, что некоторые из тайных статей ущемляют их привилегии.

В то же время полковник Дубальд, бывший комендантом в Данциге, переметнулся к шведам и пообещал уладить важные вопросы. Данцигцы же приготовились к защите, подожгли предместья Нобис-круг, Нойкирх, обитель Fratres Misericordiae[121], а затем Мотла[у]-штрассе и Шотландскую сторону до Петерсхагена и Нойгартена, и решительно воспротивились шведскому игу.

/л. 56 об./ Между тем король Швеции и курфюрст, сойдясь в Холланде[122] и Бартенштайне[123], пировали и пили за братство при множестве заверений и обещаний теснейшего союза. Однако после столь благодетельного вихря король Шведский все же столкнулся с весьма опасною бурей, вызванной возвращением короля Польского из Силезии и восстанием польских войск. Здесь я должен отвлечься и вкратце изложить причины, по коим поляки так легко приняли сторону шведов, а ныне столь быстро вернулись к покорности своему бывшему государю. Я часто слышал об этом от знатных и весьма рассудительных лиц.

Уже несколько лет пред сим поляки боролись со многими тяготами, причиненными восстанием их природных подданных — казаков, кои, соединившись с крымскими татарами, нанесли полякам ряд поражений и разгромили их войска при Жванце, Глинянах[124], Пилявцах, а под Збаражем и Зборовом принудили короля к миру на следующих условиях:

1. Да будет вечный мир, дружба и братство между королем Польши и ханом с семейством его.

2. Обычное ежегодное жалованье хану будет доставлено в Каменец-Подольский и там передано, как подобает.

3. Король по просьбе хана простит запорожских казаков, подтвердит их прежние права новою грамотой, установит постоянное число привилегированного казачества[125] в 40 000; Чигиринское староство будет дано Хмельницкому, когда они */л. 57/* признают свои провинности и испросят королевского прощения (что Хмельницкий и сделал весьма почтительно).

4. С другой стороны, хан будет обязан помогать королю Польскому со своим войском против любого неприятеля.

5. Королевство Польское избавится ото всех набегов, вторжений, разорений и грабежей татарских.

6. [Казаки и татары] отступят и распустят свои войска, дабы [польская] армия, окруженная под Збаражем, беспрепятственно прибыла к Его Величеству.

7. Греческая вера, церкви и имущество пребудут в том же состоянии, что и прежде. Все сие подлежит утверждению на очередном парламенте[126].

Однако сей договор длился недолго. Когда возникли новые раздоры, казаки двинулись на Польшу с могучим войском, и под Берестечком на Волыни были разбиты поляками. Осознав, что сами не смогут долго держаться против поляков, они предались и подчинились московитам, заклиная тех силою единой веры защищать и поддерживать их. Московиты, счастливые такой возможностью подорвать могущество Польши, если не покорить ее совершенно, приняли их под свое покровительство. Они сразу же затеяли вражду с поляками и в год спасения нашего 1654 начали войну, вступив с огромной армией в Польшу и Литву.

Итак, поляков ныне атаковали с одной стороны столь грозные враги, как московиты, с другой — казаки и татары, а с третьей — шведы. Смятение и панический ужас охватили их настолько, что они дошли до последней крайности. Ибо в оный год московиты разбили князя */л. 57 об./* Радзивилла, захватили Вильно и остальную Литву, разорили Люблин, обложили Русский Лемберг и совершали набеги до самой Варшавы и Ярослава. По всей Польше не было ни единого уголка, не опустошенного ее врагами. Королю после отступления из Кракова негде было укрыться в собственном королевстве, так что пришлось бежать в Силезию. Тем временем войска, брошенные своим государем и полководцами, лишились зимних квартир и какого-либо содержания. К тому же у солдат хватало своих поводов для недовольства, вроде невыплаты жалованья, что они приписывали дурному управлению делами и казною Речи Посполитой, а равно неудачам против собственных холопов и прочих врагов.

Все сие они относили к злосчастию своего государя, помимо подозрений, что подобные бедствия скрыто разжигались придворными, а особенно казаками, с намерением унизить их и создать власть, могущую при случае обуздать их чрезмерные вольности. Это побуждало войска и многих отдельных лиц, утративших государя, соревноваться, кто из них первым снищет расположение удачливого короля своевременной покорностью. Армии посулили жалованье за три четверти года и добрые зимние квартиры, а вместо оных были розданы лишь кое-какие награды и подарки магнатам и вельможам, и предпринят долгий изнурительный поход в Пруссию на зимние квартиры.

В Сандомире король [Швеции] также обронил слова о том, что в Польше не может быть хорошо, доколе не сократятся влияние и привилегии прелатов и шляхты. Когда эти речи получили огласку, поляки истолковали их как твердую решимость /*л. 58*/ короля Шведского, буде он станет королем Польши, низвергнуть церковь и государство подобно завоевателю и установить религию и законы согласно собственной прихоти.

Все это порождало среди поляков недовольство. Как только они получили известие, что король Польский вернулся из Силезии и идет к Русскому Лембергу, и разнесся королевский призыв к военным предводителям и магистратам всех прусских городов возвратиться в прежнее подданство, Конецпольский и Собеский с войсками, кроме нескольких рот, внезапно восстали и двинулись в Польшу. Это так разгневало короля Швеции, что невзирая на время года и отложив все прочие дела, он бросился за ними к Варшаве с 10-тысячной армией и артиллерией. Он перешел Вислу у Казимежа, где его брат принц Адольф, упав с коня, сломал ногу и был препровожден обратно в Варшаву с полковником Синклером и его полком.

Февраля 18. Под Голембом[127] поляки, соединившись с Чарнецким, общим числом 80 хоругвей, встретили шведов — и отступили с некоторым уроном, причем многие утонули при переправе через реку [...].

За три недели до того оба гетмана бежали к королю из Люблина. Генерал Дуглас был также вынужден покинуть Сандомир, ибо после прибытия короля Польского из Силезии шляхта уже не могла выносить дерзости шведов, и менее всего — их святотатство, восстала, взялась за оружие, особенно в Сандомирском воеводстве, и перебила всю охрану, числом, по слухам, около тысячи человек. Это заставило Дугласа поспешить к своему королю, оставив гарнизон только в замке.

После поражения поляков под Голембом король Шведский пошел /*л. 58 об.*/ на Люблин и далее на Замосць, владетель коего поднялся на свою защиту. Были устроены батареи, поставлены орудия, и два дня город осыпали ядрами. На требование короля о сдаче владетель отвечал, что поскольку город состоит в его законной наследственной власти, он ни по какому праву не может уступить оный никому; что до Его Шведского Величества, то до сих пор он был лишь наблюдателем и не предпринял никаких враждебных ему действий, кроме самозащиты; когда же Его Величество станет королем Польши, он сам и все его подданные будут ему покорны. Таким ответом король, похоже, удовлетворился и приготовился к отходу.

На совете возникли прения, каким путем следовать и идти ли к Русскому Лембергу, где, по слухам, стоял король [Польский] с могучей армией. Говорят, отважный и горделивый король Швеции весьма настаивал на походе к оному, но большинство на совете держалось иного мнения. Решили выступить к Ярославу ввиду его близости к Трансильвании, с князем коей вот-вот будет заключен союз, а также для удобства в перевозке артиллерии и боевых припасов по рекам Сану и Висле с приближением весны.

Марта 2. Король с армией прибыл под Ярослав и послал отряд, дабы захватить врасплох Пшемысль, в [...] милях оттуда, но оный был отражен. И здесь, и на марше многие поляки при удобной возможности ускользали; некоторые из них были схвачены и повешены или расстреляны[128]. Из людей видных при короле Швеции остались только Корицкий и Немирович, первый из коих пребывал с ним до заключения мира, а затем по амнистии вернулся [на польскую службу] и получил должность.

Шведский */л. 59/* король был извещен, что вся страна берется за оружие, а коронная армия во главе с Любомирским и Чарнецким приближается вместе с литовской армией, дабы поймать его в западню.

12. Он выступил из Ярослава, [отправил] артиллерию и снаряжение по реке Сан и намеревался пересечь Вислу у Сандомира, но подошед к реке, оказался стиснутым со всех сторон: на другом берегу Сана стояло литовское войско, на другом берегу Вислы — коронный маршал Любомирский и Чарнецкий с квартианерами, а позади вооружалась вся страна, так что он словно оказался в осаде. Шведы собирались навести мост через Вислу под Сандомиром, но им препятствовали поляки, коим недоставало лишь хорошей пехоты, дабы теперь же положить конец войне. Поистине, в ходе сей войны король Швеции никогда не подвергался подобной опасности. Он просил своего брата в Варшаве прислать ему на помощь возможно бóльшие силы, пока армия, расположенная в низине, добывала, как могла, фураж и провиант путем разъездов.

По взятии города Сандомира поляками шведы укрылись в замке, и тут поляки словно в ослеплении ринулись его штурмовать, но сначала были отброшены и потеряли капитана Коллета (когда меня привезли пленником в Сонч, он был там комендантом, а теперь пал от выстрела на мосту). Однако король Швеции, уже не надеясь перейти здесь Вислу и зная, что удерживать замок невозможно и бесполезно, приказал очистить оный и угостить поляков так называемым "шведским напитком". В казематы заложили порох с затрав-

кой; шведы отошли к лодкам, лежавшим наготове под зàмком, и хотя и подверглись
/*л. 59 об.*/ *Март.*
атаке польских дозорных на берегу реки, все-таки добрались до своей армии. [Стоявшие] в городе поляки, видя, что шведы упорхнули из замка, скоро ворвались туда, но через полчаса дело приобрело печальный оборот, ибо порох был зажжен, и все взлетело на воздух. При этом погибло около 500 поляков, правда то были добровольцы низкого звания.

Шведский король, сделав вид, что пытается навести мост через Вислу, наконец приказал тысяче пехотинцев ночью перейти через Сан и окопаться на другом берегу. Накануне на том берегу, где стояла армия, была устроена батарея, где поставили несколько пушек, грянули по противоположной стороне и заставили литовцев убрать свои посты подальше от реки. Назавтра пехота укрепилась на дальней стороне с полевыми орудиями. Лодки и древесину для моста заготовили заранее, так что оный тотчас соорудили, и армия переправилась, причем литовцы почти не оказали сопротивления.

Поляки в самом деле держали тогда шведов в сетке и уже никогда не получали подобной возможности. Они убедились, сколь необходимы пехотинцы и драгуны, без коих нельзя осуществить ни одного важного маневра. Далеко, даже в других странах, разнеслась весть не только о разгроме шведской армии, но и о гибели самого короля. Однако, хотя и с великим трудом, он вышел оттуда с честью, проложил себе дорогу с главными силами сквозь ряды неприятеля и после неспешных переходов с утомленной армией благополучно прибыл в Прагу близ Варшавы.

Но на другом берегу Вислы поляки, видя, что король ускользнул, и узнав о подходе войск ему на выручку, бросились /*л. 60*/ им наперерез. Когда принц Адольф получил известие о затруднениях короля и приказ о помощи, он собрал около 2500 солдат и отослал их под началом маркграфа Баденского и графа Шлиппенбаха. По прибытии в Варку они спешно отправили приказ коменданту Радома снять оттуда гарнизон и немедля идти им навстречу. Но сей комендант, человек жестокий и алчный, хотя и получил приказ вечером, промешкал всю ночь и часть утра, распоряжаясь своим неправедно нажитым добром, что было пагубно для оного небольшого войска.

Маркграф узнал о приближении поляков от передового отряда из 150 всадников во главе с майором, лишь немногие из коих возвратились, но вынужден был простоять на шесть часов дольше, чем следовало, в ожидании коменданта и гарнизона. Когда те пришли,

поляки уже показались на другом берегу реки. Маркграф приказал уничтожить мост, отправить обоз в Варшаву и сам стал осторожно отступать. Поляки же, подойдя к реке и увидав разрушенный мост, не допустили задержки и переплыли реку на лошадях; тем временем горожане доставили припасы и починили мост.

Построившись, поляки двинулись по лугам, кои там весьма широки. Шведы отходили к лесу, но резвость польских лошадей вскоре привела к столкновению. Шведы отступали и прикрывали друг друга в полном порядке и много раз заставляли поляков
/л. 60 об./ *Апрель.*
остановиться. [Последние,] будучи в нетерпении и не желая подпускать их к лесу в таком строю, отчаянно атаковали конный эскадрон во главе с майором Джоном Уотсоном; в оном были новобранцы из полка г-на Самуэля Бозы, правда на добрых конях. Они пришли в замешательство, но были поддержаны доблестным эскадроном рейтар, в большинстве шотландцев, под командой ротмистра Джона Мелдрама. Уотсон успел отступить, хотя не сумел перестроиться. Мелдрам, задержав отряд поляков, развернулся, чтобы отойти, но не увидел никакого прикрытия, ибо к тому времени все уже бежали. Поляки напали на него с тыла, так что ему пришлось сделать поворот и снова атаковать, но вскоре он был вынужден отойти в некотором беспорядке. Поляки сильно потрепали его арьергард, причем он потерял свой штандарт, лейтенант был схвачен, а почти половина эскадрона перебита.

Ведя погоню повсюду, поляки вдруг натолкнулись в лесу на преграду в лице мушкетеров, коим маркграф приказал занять там оборону, дабы отбить или по крайней мере сдержать натиск; их было около 400 — все финны под командой подполковника Ритера, который и был комендантом в Радоме. Непрерывно стреляя, они оказывали сопротивление на краю леса, и многие поляки продолжали преследование другими путями. Наконец, финны должны были просить пощады у драгун и прочих солдат коронного маршала, кои, спешившись, подожгли траву, очень сухую в это время года; сие настолько устрашило [финнов], что невзирая на угрозы своих офицеров, они побросали оружие — и получили пощаду. Лишь немногие погибли в пылу первой схватки. Подполковника */л. 61/* позже хладнокровно умертвили за то, что он велел повесить каких-то шляхтичей, будучи радомским комендантом. Солдаты же, отправленные в Любомль, затем служили в пехотном полку коронного маршала.

Поляки преследовали шведов за милю от Варшавы. Главная бойня и захват добычи произошли у гати, где шведский обоз был ос-

тановлен, и все досталось в жертву полякам. Там было и множество женщин, чьи горестные крики никто из мчавшихся шведов не мог или не хотел замечать, не говоря уже о помощи. Маркграф укрылся в Черском замке с пятью или шестью сотнями людей, и едва ли столько же добралось до Варшавы. Все остальные были перебиты и пленены. Варка от Варшавы в восьми милях, а гать — место захвата обоза и главной резни — в пяти.

Принц Адольф разослал из Варшавы уведомления и приказы всем гарнизонам быть настороже, в том числе в Лович, что в 12 милях от Варшавы, и к генерал-майору Исраэлю[129], стоявшему со своим конным полком на квартирах недалеко оттуда. Поляки, устроив браваду под Варшавой, стремительно пошли к Ловичу и с рассветом захватили в городе несколько заспанных шведов. Шедший туда с полком генерал-майор Исраэль с большим трудом и потерей трех штандартов и обоза проник в замок. Попала в плен и его супруга. Не видя пути к спасению, она выпрыгнула из кареты и забралась в повозку маркитанта. Когда ее задержали, она поведала, будто приходится женою маркитанту, а муж ее спрятался в замке и готов дать за нее разумный выкуп. Поляк, коему она досталась, всему поверил, ибо она была женщиной дородной и /*л. 61 об.*/ одеждою напоминала людей подобного разряда. Он испросил разрешения на ее выкуп и, получив оное, уговорился о сотне дукатов, на что она с видимой неохотой согласилась. Она написала полковнику записку с просьбой отыскать ее мужа и дать ему распоряжение о выкупе. С трубачом привели кого-то другого, имевшего при себе обещанный выкуп. После уплаты тот заполучил сию даму, которая не отделалась бы столь дешево, если бы стало известно, кто она такая.

Оттуда поляки направились в Великую Польшу, чтобы добиться возвращения того края в прежнее подданство. Тем временем король Швеции в Праге дал аудиенцию послу Римского императора графу Поттингену и, оставив захворавшего фельдмаршала Виттенберга со всеми больными, женщинами и достаточным гарнизоном в Варшаве, выехал со своим братом, Врангелем и Дугласом в Торн и явился туда 1 мая.

Королева Шведская прибыла с шестью военными кораблями и высадилась в Пиллау несколькими днями прежде. Курфюрст Бранденбургский оказал ей великолепный прием и проводил с рейхсканцлером морем в Эльбинг, куда поспешил и король, будучи уведомлен.

Чуть ранее шведов постигла страшная беда в Жемайтии, где около 3000 человек, расквартированных по всей стране, были полностью истреблены, а генерал Левенгаупт бежал в Ригу. В то же

время посол Римского императора Аллегретти де Аллегретто[130] (лицо духовное) добился */л. 62/* у государя[131] Российского годичного перемирия с поляками и решения напасть на шведов, что дало полякам передышку.

300 шведов в городе Лешно[132] в Великой Польше, как сказывали, из-за недостатка припасов покинули оный и увели большинство жителей с собою; его осаждал Чарнецкий, перешедший от Варшавы через Торн. В Люблине шведы капитулировали с тем, чтобы уйти под конвоем в Варшаву, укрепленную довольно слабо. Там было оставлено тело графа Вальдемара, внебрачного сына короля Датского (его некогда весьма почитали в России[133]), но затем вывезено оттуда.

Однако неудачи короля Шведского несколько смягчил приезд двух секретарей короля Франции с восемью бочонками золота, а шведский посол Койет вернулся с большим успехом из Англии: 2500 [наемных] шотландцев под началом милорда Крэнстона прибыли в Штаде и Пиллау. Голландский посол, сновавший по Польше в поисках короля, наконец удостоился аудиенции в Мариенбурге. Фельдмаршал Стенбок вновь занял Бромберг[134]. Принц Адольф, Врангель и Дуглас с 5000 шведов сошлись с поляками при Жнине, где староста Дзялинский был взят в плен, а поляки, понеся потери, отступили. Это повторилось и под Гнезно с тем же исходом. Затем Любомирский и Чарнецкий, подняв шляхту трех великопольских воеводств на осаду Варшавы, отправились туда и сами, а шведы — в Пруссию.

Стенбок, взяв Оливу, Пуцк, Члухув[135] и Кониц[136], подошел к Хаупту. Между тем король */л. 62 об./* с 5000 солдат прибыл в Пруст и захватил усадьбу Гребин, принадлежащую Данцигу, а в ней 50 человек. Оттуда он явился в Гютланд, или форт Штиблау, где находилось 350 солдат. Когда они не сдались по его требованию, форт был атакован и после третьего приступа взят, причем погибли 120 данцигцев со своим капитаном. Притеснив таким образом Данциг, король послал туда [парламентеров] в надежде склонить [горожан] к соглашению, но те отказались наотрез. Тогда шведы соорудили мост через Вислу в Кеземарке и укрепили Хаупт-шанц[137], стремясь отвести реку [...], приводящую в действие их мельницы, а также и Вислу. Но все это не могло поколебать верность данцигцев. Набрав 5 или 6 эскадронов конницы и имея сильный гарнизон пехоты, помимо [ополчения] бюргеров, они не давали шведам скучать и не допускали блокады своего города, особенно со стороны Малой Померании.

Я часто слышал мнение, что в ходе сей войны король Швеции совершил большую ошибку, ибо сразу после соглашения с курфюр-

стом Бранденбургским не обратил все свои силы против Данцига. Полагали, что так он по меньшей мере мог бы навязать им нейтралитет. Теперь же, когда король Польский с могучим войском обложил Варшаву, королевство вновь во всеоружии поднялось за свободу, [заключено] перемирие с московитами, а у последних возникли раздоры со шведами, [данцигцы] не хотели и слышать о капитуляции.

Король Швеции возвратился в Мариенбург, дал аудиенцию татарскому послу и имел сношения с голландцами. Он отправил принца Адольфа, Врангеля и Дугласа с 6000 человек к Варшаве. Они укрепили свой лагерь при Новом Двуре, в 5 милях от Варшавы, где реки Нарев и Буг, соединясь, впадают в /*л. 63*/ Вислу. Пока они там стояли, были заготовлены материалы и наведен мост через Вислу. Генерал Дуглас быстрым маршем освободил осажденный мазурами Тыкоцин, чему тщетно пытался препятствовать Гонсевский, шедший с сильным отрядом от Варшавы к Пултуску.

В Кракове генерал-майор Вюрц приказал взять под стражу нескольких видных горожан и пытать их, отчего один скончался, а другой был обезглавлен за переписку с поляками. Затем он выгнал из города все духовенство. В то же время и в Торне изгнали иезуитов, а в Кракове шведы захватили огромную добычу, принадлежавшую королеве Польской.

Король Швеции, отчаявшись полностью покорить Польшу в одиночку, вступил в более тесный союз с курфюрстом Бранденбургским и послал новые предложения князю Трансильвании. Условия союза с курфюрстом Бранденбургским:

1. Курфюрст по необходимости будет содержать 4000 солдат в лагере шведов, а король — 6000 у курфюрста.

2. Король передаст курфюрсту и его наследникам три воеводства Великой Польши со всеми городами и землями, кои оным принадлежат.

3. Сей союз будет оборонительным в Великой и Малой Польше против любого неприятеля.

4. Главное начальство над армией иметь королю, за исключением походов войск на территорию герцога, когда герцогскими силами будет командовать сам герцог[138] либо его полководцы.

5. Герцог и его мужское потомство будут иметь в вассальном владении герцогство Прусское и епископство Варминское, предоставляя королю ежегодное отчисление в 40 000 рейхсталеров.

6. Его Величество никоим образом не станет присваивать означенные земли, но передаст [курфюрсту] все места, кои уже им заняты или будут заняты, со всем, что содержится в оных, а провизия, */л. 63 об./* боевые припасы и военное снаряжение, там находящиеся, подлежат оплате.

7. То, что герцогу предстоит получить от Московита, будет определено не ныне, а в будущем.

По заключении оных статей герцогские послы вернулись в Кёнигсберг. Через них король пожелал свидания с герцогом в Холланде, что было принято с готовностью. Король, отпустив московского посланца ни с чем[139], а турецкого в некотором довольстве, уехал в Прейсиш-Холланд, где с прибытием герцога союз был утвержден. С обеих сторон последовало много дружеских празднеств и увеселений, торжественно отмечавших узы братства. Среди сих утех герцог изъявил согласие соединить свою армию с королем Шведским и лично выступить к Варшаве на ее избавление и на битву с поляками, что он вскоре и осуществил. Но предоставим теперь королю и герцогу собирать, объединять и направлять свои силы к Варшаве и вернемся к осаде, к коей я отовсюду подвожу враждующие стороны.

До прибытия под Варшаву короля Польши литовские войска, как уже сказано, три недели осаждали или, вернее, блокировали оную. Коль скоро явился король, были заняты позиции, сделаны апроши и воздвигнуты батареи, особенно в трех местах: одна в Краковском предместье, другая к северо-западу от усадьбы епископа Краковского, третья ближе к Новому городу, у доминиканского монастыря; все они соединялись нерегулярной линией коммуникаций.

/л. 64/ Варшава не была хорошо укреплена ни природою, ни искусством. С трех сторон она лежит на равнине — при слабых стенах и пересохшем рве. В качестве аванпостов шведы использовали монастыри и усадьбы, например в Краковском предместье — женский и бернардинский монастыри и дом Радзиевского, к западу — дворец епископа Краковского, а в Новом городе — обитель доминиканцев. Все они охранялись.

Июня 4. На Пятидесятницу, около полудня, шведы сделали вылазку с двумя эскадронами конницы под командой полковника Форгеля и двумя сотнями пехоты. Конница дошла до старого земляного вала в направлении цейхгауза, а пехота отбросила охрану батареи, заклепала две пушки, подтащила еще две к городскому рву и отошла, потеряв всего 5 или 6 человек. Это заставило поляков

впредь быть осторожнее. Из Замосци доставили отборные пушки, одна из коих, под названием "Дым", стреляла весьма точно.

Когда дворец епископа Краковского был взят штурмом, и шведы с небольшим уроном отступили, батареи выросли напротив дворца Радзиевского, западного участка городских стен и ворот Нового города. У поляков недоставало пехоты и драгун, и при атаках они использовали свободную прислугу и всех прочих, кто вызывался [идти в бой] в надежде на поживу, из ненависти, жажды мести или славы, либо по иным причинам. Многие шляхтичи — towarises — добровольно принимали вызов и, переодевшись слугами, вели и воодушевляли своих людей. Заграждения, лестницы и /*л. 64 об.*/ другие приспособления для штурма обычно готовили немногочисленные драгуны и пехота, чьей главной задачей было всего лишь охранять свои посты и орудия, а также стоять в резерве на случай опасности при внезапном отражении атаки.

После одного общего приступа, длившегося около 4 часов, поляки были отбиты с тяжелыми потерями, бросив заграждения и прочие припасы. Несколько сотен все же спустились с Гнойовой горы к spichliers[140], или амбарам, и овладели там слабо защищенным постом, но когда подоспел комендант с ротой отборной пехоты, они были тоже опрокинуты, а около двухсот, укрывшихся в амбарах, расстались с жизнью.

Однако вскоре стена к западу от города стала уязвимой, в усадьбе Радзиевского также проделали брешь, и вечером был объявлен всеобщий штурм, как обычно, по звуку трубы.

Июля 1. На другое утро, когда рассвело, великое число разного рода воинов изготовились к нападению, которое длилось несколько часов с бóльшим ожесточением, нежели порядком. Все же через брешь они проникли во дворец Радзиевского и выбили шведов не только оттуда, но и благодаря умелому и решительному натиску еще из бернардинского и женского монастырей, кои были немедленно заняты сильной охраной. На других направлениях они были отброшены с уроном.

Видя, что поляки овладели наиболее крепкими местами с той стороны, откуда город и королевский дворец простреливаются даже из мелкого ружья, шведы ударили шамад[141]. После ответного сигнала /*л. 65*/ Кантерштайн и полковник Форгель явились в польский лагерь для обсуждения и с кое-какими оговорками приняли условия, выдвинутые за несколько дней до того. По возвращении в город им было дано всего два часа на ратификацию у фельдмаршала: польскую чернь едва можно было убедить отказаться от нового нападе-

ния. Но когда два часа истекли, а от фельдмаршала ничего не было слышно, залпом из двух орудий подали знак к приступу.

Достойно восхищения, с какой быстротой и решимостью отовсюду сходились полчища, ободренные прежним успехом и надеждою на богатую добычу, которая была обещана, дабы их воодушевить. Даже после того, как шведские парламентеры были допущены в лагерь, черни посулили значительную сумму денег.

Шведы, казалось, понимали, что город не отстоять, и едва услыхав сигнал к атаке, снова забили шамад и прислали помянутых парламентеров с ратификацией. Однако чернь уже невозможно было удержать от приступа, несмотря на то что польный гетман Лянцкоронский и Чарнецкий прилагали к тому все усилия, вплоть до опасности самим подвергнуться оскорблению. Наконец тех обуздало заверение, что король немедля выплатит обещанную сумму, после чего они сразу же повалили к королевской резиденции, находившейся во дворце Лещинских. Когда там от них отделались щедрыми посулами и отсрочкой в надежде, что те разойдутся, они обнаглели до того, что пригрозили влезть во дворец по лестницам, ибо ворота были заперты, и выволочь тех, кто обманул их пустыми уверениями. Слыша сие, кто-то из придворных заявил, что им должно достаться добро живущих в городе армян. Слова эти передавались из уст в уста */л. 65 об./* и в итоге были восприняты так, будто они вправе отнять все имущество у армян, имевших лавки на рыночной площади позади дворца. Все они тут же ринулись туда и похитили у сих невинных торговцев все, что у них было, и хотя королевские гвардейцы и прочие спешили на выручку, явились они слишком поздно.

Условия сдачи были таковы:

1. Все офицеры и солдаты — урожденные шведы или иноземцы — получат свободный выход; поляки же и подданные Короны Польской останутся.

2. Все, кто способен двигаться, будут безопасно препровождены в Торн.

3. После подписания и ратификации статей соглашения трое городских ворот и замок будут открыты и переданы полякам. Однако шведы вольны оставаться по своим квартирам в течение трех дней, а затем выступить по солдатскому обычаю.

4. Все орудия остаются в городе.

5. Больные будут доставлены по реке в шведский лагерь при Новом Двуре.

6. Также и мертвые, но под сим предлогом ничего не вывозить.

7. Шведы вправе унести все, что им принадлежит, исключая церковные украшения и имущество.

8. Шведские женщины также будут безопасно препровождены водою к своим войскам при условии, что граф Виттенберг постарается освободить всех польских женщин из шведского плена.

9. Все книги из собрания Королевской библиотеки будут возвращены.

10. Шведы расплатятся со всеми своими долгами.

11. Всех пленных в городе надлежит освободить.

/л. 66/ 12. Город и дворец будут сданы без всяких попыток заминировать оные.

13. Всем выступающим не носить оружия и ничего не предпринимать против Польши в четырехнедельный срок.

Три дня спустя, согласно сему договору, выступило около 900 человек пехоты и 300 конницы. Пехота разместилась в Уяздуве, конница — во дворце Оссолинских; позже они были отправлены в Торн. Женщин, среди коих супругу генерала Дугласа и ее сестру, а также больных и умерших, доставили водою к армии в Новый Двур. Однако несколько человек были задержаны во исполнение условий, либо из-за нарушения некоторых статей или по какой-то иной причине, а именно: фельдмаршал граф Виттенберг, граф Бенедикт Оксеншерна, Кантерштайн, Шлангфельд, верховный комиссар Пюхер[142], Форгель и еще один полковник, бывший комендантом.

Во время сей осады меня поставили в охранение двумя милями ниже Варшавы в деревне Мале Лумны, принадлежащей коронному шталмейстеру — старшему брату моего начальника. Здесь меня прекрасно принимали. Пожилая жена подстаросты была ко мне очень добра, хотя муж ее, по имени Арцишевский, был несколько ворчлив. Когда квартианеры вернулись из Великой Польши, сюда для охраны прислали еще двоих towarises — любезных дворян, с коими я жил в доброй дружбе. Пока я обитал здесь, я часто отправлялся в лагерь, особенно при вести о каком-либо предстоящем бое или приступе, с целью приучиться к опасностям и усовершенствовать познания в военном деле. К тому же тут я использовал случай овладеть основами польского языка, в чем мне немало помогали жившие в доме юные шляхтянки. Они заботливо исправляли мою речь и да-

вали мне */л. 66 об./* задания из любовных сонетов, загадок и прочих безделиц, кои я не без удовольствия выполнял.

В мою бытность здесь я узнал, что на реке Висле есть остров, где крестьяне с другого берега со своим добром и скотиной прячутся под моим покровительством (ибо они относились к Малым Лумнам), но без моего ведома. Я с двумя-тремя слугами отправился туда в лодчонке и, угрожая бросить оных и объявить, что они живут без защиты, заставил их дать мне 16 флоринов за прошлое и по 4 флорина в неделю на будущее. Проведав также о коне, украденном ими у шведов, я забрал его и уплатил за это только 7 флоринов. Прочие крестьяне мне содействовали и помогли заполучить коня у его владельца.

В стаде, бывшем под моим присмотром, пасся также скот шляхтичей из Вельких Лумен и других людей. Из-за сварливости подстаросты они не награждали меня за труды, и я нашел путь расквитаться с ними. Часто посещая лагерь, я подговорил своих знакомцев прийти и угнать часть скота, когда оный был в поле. Я всегда держал наготове коня под седлом, погнался за ними и, стреляя для вида, вернул скотину. Проделав так пару раз, я прямо заявил, что не могу рисковать жизнью против отъявленных разбойников и изнурять лошадей при защите или возврате чужого добра, кое мне не приказано охранять, без вознаграждения за труд. Тогда они охотно снизошли до того, чтобы давать мне по рейхсталеру за каждый гурт и два — если я верну весь [скот]. Так я наладил сей промысел, и два-три раза в неделю имел подобные случаи. Я всегда делился с */л. 67/* приятелями тем, что добывал сим способом, как и они — тем, что угоняли. Мой сварливый подстароста ничего и не подозревал, ведь моих сообщников всегда было по меньшей мере шестеро или семеро, а при мне — в лучшем случае двое слуг. Я изображал, и довольно убедительно, невозможность изловить никого из них. Если позволительна pia fraus[143], то и такое может быть допустимо, как necessaria[144].

Когда шведы соорудили свой мост через Вислу, всем нам пришлось перебраться в город, и я был отстранен от сторожевых обязанностей с некоторой неохотой. Дочь моего хозяина — подстаросты — во время осады жила в Варшаве у шотландца по имени Джон Росс. Услыхав о сдаче города, подстароста попросил меня сопровождать оттуда его дочь, единственное его дитя. И тогда, и за краткое время, проведенное в деревне после того, я из юношеской прихоти снискал расположение в ее глазах, как уже прежде — в глазах ее матери. Сие, кажется, внушило им мысль о более тесных отношениях, кою я не без удовольствия поддерживал. Однажды старушка

весьма доверительно сказала, что когда я оставлю военную службу, то сделаюсь одним из ее дражайших друзей. На это я отвечал уклончиво, но за время моего житья в Варшаве, пока битва не была проиграна, мои визиты стали частыми и весьма приятными[145].

Король Швеции с курфюрстом Бранденбургским и войсками между тем прибыл в лагерь при Новом Двуре. Они совещались, перейти ли Вислу и напасть на поляков на том берегу или двигаться по той же стороне, где стояли. Последнее [мнение] возобладало.

/л. 67 об./ После сдачи Варшавы поляки получили известия о соединении короля Швеции и курфюрста Бранденбургского с войсками и об их марше на Варшаву. Поэтому они распределили свои силы по обоим берегам реки, на коей они возвели широкий понтонный мост с фортами на каждой стороне, так что при случае могли стянуть [силы] полностью, или сколько потребуется, на один берег.

Коронная армия стояла на городской стороне вдоль реки, на возвышенности пониже Нового города, литовская — на другом берегу вместе с татарами. По фронту своих войск, между рекою и песчаными холмиками по направлению к Непоренту, литовцы устроили траншеи с орудиями на болверках[146] и флангах. О других сторонах лагеря заботились мало: справа лежали песчаные холмы и ельник, по левую руку — река, а в тылу — город Прага, что казалось достаточным. К тому же у них не хватало пехоты, чтобы занять всю линию вокруг лагеря; оной едва набралось для надежной обороны фронта. Со стороны города их стан был также укреплен, хотя и менее тщательно, поскольку при необходимости они могли опереться на большую старую стену предместья. Кроме того подход армии [неприятеля] с этой стороны был затруднителен.

Шляхта трех великопольских воеводств получила право вернуться домой, да и многие другие шляхтичи тоже удалились: добрый король и полководцы не желали строго настаивать на их услугах в столь щекотливом положении. Слух о нападении шведов на Великую Польшу несколько скрасил их отъезд.

/л. 68/ Июля 28. В пятницу, около 10 часов утра, король Польши и гетманы при вести о приближении шведско-бранденбургской армии перешли мост со своими силами. Войска собрались внутри окопов. В полутора милях от лагеря польские дозорные и добровольцы схватились с разведчиками и передовыми частями шведов. Поляки отходили, шведы наседали и пикировались с ними, теряя самых храбрых убитыми и ранеными.

Шведским авангардом командовал генерал-лейтенант Шпарр, преследовавший поляков в плотном строю до самых траншей, коих

он не мог видеть, ибо уже стемнело. Когда поляки вошли [в лагерь] через широкий незавершенный проем, их орудия тут же дали залп и нанесли большой урон; среди прочих был убит полковник [...] Синклер[147], доблестный воин. Шведы очутились в опасной близости, развернулись, сохраняя порядок, и заняли позицию на достаточном расстоянии. Через час подоспела шведская артиллерия и в течение двух часов наудачу палила по нашему лагерю. Потом все стихло до рассвета.

Шведская армия выстроилась ровным фронтом от реки до леса и в самом лесу. Бранденбуржцы находились на левом фланге. Общие силы состояли из 60 эскадронов рейтар и 4 драгунских полков, поровну разделенных между флангами, и 12 бригад пехоты — всего около 24 000 [человек], из коих шведов насчитывалось едва ли более половины.

Польские войска состояли из 8000 квартианеров, 16 000 поместной шляхты, 5000 литовцев, 6000 татар и 4000 пехоты и драгун — итого примерно 40 000. Поляки, правда, имели преимущество в числе, ибо разного рода солдат у них было вдвое больше. Однако шведы */л. 68 об./* и бранденбуржцы далеко превосходили их порядком, дисциплиной и военным снаряжением.

Чуть свет шведы (их усердие и бдительность в любое время выше всяких похвал), обнаружив и заняв за ночь заросший пригорок, поставили там два орудия и начали стрелять по нашему лагерю, который открывался им полностью. Поляки, избегая огня, ушли с самых высоких мест, а два-три взвода — не знаю, по приказу или без — весьма решительно бросились к сему пригорку. Но когда они подошли на выстрел, шведы так угостили их из крупного и мелкого оружия, что те, потеряв нескольких собратьев, были рады уклониться влево.

Часов в 9 король Польский, гетманы и главные армейские чины, среди коих генерал-майор сэр Джон Хендерсон, держали военный совет под небесным покровом, сидя на бревнах (там когда-то рос лес). Слишком утомительно пересказывать мнения и доводы отдельных лиц — я слышал всё и записал в тот же день. Результат же был таков: поскольку шведы вышли из своего стана с запасом провизии не более чем на 3—4 дня и не смогут долго держаться на позиции, полякам надлежит оставаться в лагере и предоставить шведам невыгодную возможность атаковать их траншеи, хотя и не очень хорошо прикрытые пехотой и артиллерией. Татары тем временем должны препятствовать им в добыче провианта.

Примерно в десять часов татары, стоявшие в чаще в тылу шведской армии, заметили свое преимущество, напали на посты шведов и отбросили их к своим частям. Но будучи обойдены конными отрядами, посланными с сею целью, и встречены */л. 69/* пушечным и ружейным огнем арьергарда, они вынуждены были отступить с потерею. Многих загнали в трясину, где им пришлось бросить лошадей, но человек 40 или 50 из них смело прорвались сквозь бранденбургское крыло и привели с собою к королю Польши двух пленных всадников.

Часом позже к дальнему краю моста подъехала в карете королева Польская. Видя, что на реке хозяйничают шведы, она приказала привезти на берег две пушки на собственных запряжных лошадях, сама же спустилась пешком. Словно амазонка, она велела установить пушки, дабы потревожить шведов на другой стороне реки и мешать им в доставке воды, что и возымело желаемое действие.

К двум часам пополудни шведская армия совершила контрмарш, поменялась флангами и двинулась через лес, дабы занять новую позицию. С началом выступления поляки возомнили, будто оная бежит, и бóльшая часть их кавалерии вышла из лагеря, как бы для преследования. Но едва они подошли вплотную к траншее, проложенной шведами ночью вдоль фронта своих войск, шведы развернулись и загремели по полякам крупными и мелкими зарядами, так что те удалились столь же резво, сколь и нападали. Они вошли в лагерь, ожидая там исхода сей военной хитрости, каковой она им теперь представлялась.

Около 3 часов пополудни шведы показались из леса в полном боевом строю и направились к Непоренту. Заняв довольно большое пространство на обширном и ровном поле, они обратились вправо и расположили свои войска — главные силы и резерв — двумя широкими */л. 69 об./* фронтами, причем теперь лес оказался на их правом фланге. Поляки вначале думали, что шведы, зная о намерении взять их измором и испытывая недостаток провианта, решили захватить Непорент — загородный дом и усадьбу короля, где было вдоволь припасов. Поэтому они немедля послали полковника Боккуна[148] с 500 драгун, чтобы поджечь усадьбу, а литовским войскам, стоявшим по ту сторону песчаных холмов до усадьбы, приказали сблизиться с главными силами. И то и другое было исполнено добрым порядком.

Король Польский, гетманы и другие военачальники с песчаных горок, где они располагались, обозрели строй шведско-бранденбургской армии, стоявшей в ожидании битвы, и по настоянию го-

рячих голов осмелились на атаку ее левого крыла. Там, по их сведениям, были бранденбуржцы, коих они считали худшими солдатами, нежели шведов, и против коих (своих же вассалов) питали бóльшую злобу. В случае успеха предстояло его по возможности развить. На это вызвались 500 литовских гусар под командою [...] Сапеги[149]. */л. 70/* Их было велено поддержать 4000 квартианеров, наполовину pantzerny, или закованным в латы, наполовину kosatsky, или легким всадникам, во главе с прославленным Чарнецким. Были наготове и остальные войска.

Король Швеции, ввиду нависшей над его левым флангом бури, сразу же лично отправился туда между боевыми порядками со своей гвардией из драбантов и рейтар. Он приказал всем бригадным и полковым командирам, когда гусары или копьеносцы ударят на них, расступиться и дать волю их яростному напору, который, как он знал, нельзя было в то время сдержать никакою силой или тактикой.

Гусары наступали с великой отвагой, но помянутый резерв сильно отстал и ушел влево. Чарнецкий то ли не стремился их поддержать, то ли видел невозможность что-либо сделать. Множество добровольцев со всех сторон тоже в беспорядке бросилось за гусарами с жутким шумом и криком. Из-за сухой погоды лошади поднимали столько пыли, что померкло небо и ничего не было видно; противников словно окутала туча.

Шведские полевые орудия беспрерывно били по наступавшим полякам. */л. 70 об./* Дойдя до первой линии, они получили свободный проход без сопротивления, кроме пулевого обстрела флангов. Дистанция между [шведскими] линиями была велика, и когда гусары вышли туда, они стали метаться во все концы, подобно коню без седока, и отовсюду, особенно со стороны резерва, подвергались мощным ружейным залпам. В этом положении на них обрушился со своей гвардией сам король, несмотря на грозившую его особе опасность. Те немногие храбрецы, атакованные со всех сторон, оказались в сетях и, как сухое топливо при сильном пламени, были вскоре поглощены. Лишь единицы выбрались обратно. Основной резерв, как и добровольцы, не оказали им никакой помощи, не повели настоящего боя или атаки, а с очевидной гибелью сих доблестных гусар в беспорядке ретировались.

После этого шведская армия в полном боевом строю двинулась к песчаным горкам, непрестанно обстреливая их из полевых орудий, что заставило поляков покинуть свои позиции, а также и пушки. Если бы шведы продолжали наступление, дело было бы решено в тот же вечер.

/л. 71/ Часам к 6-ти шведско-бранденбургская армия повернула на восток к Непоренту, что дало полякам время снова занять своими дозорами песчаные холмы. Видя, что шведы направляются к лесу восточнее Праги, они отрядили полковника Боккуна с его драгунским полком и прочими силами, дабы овладеть лесом и укрепиться там наилучшим образом. От холмов через лес до самого его края они провели окоп и устроили бруствер с обычными флангами и заграждениями.

Вечером король Польский переправился по реке в Варшаву, а шведы и бранденбуржцы отдыхали сей короткой ночью у Непорента. До рассвета польские гетманы и другие высшие чины армии, предвидя исход, отослали свои повозки и обозы в Варшаву. Я заметил сие и, не имея поручений как простой доброволец, решил, что не время мешкать, и тоже переправился.

За час до восхода солнца шведско-бранденбургские войска выступили полным боевым порядком к лесу и выслали сильные [...][150] напрасные надежды атаковать их в лесу. Бранденбуржцы по желанию герцога шли в авангарде и, как только приблизились к окопам, поляки приветствовали их несколькими залпами. После получасовой перестрелки и короткой стычки у окопов поляки были сбиты с парапета и обращены в бегство. */л. 71 об./* Король Польский (он прибыл к армии с рассветом) и его полководцы при первых признаках подхода врага сместили фронт войск в том направлении и отрядили на подмогу засевшим в лесу пехоту и самые боеспособные части, сколько могли выделить. Но шведы уже надвигались без сопротивления и, ловя удачу, сметали все на своем пути, подобно неистовому потоку.

При виде бегущих из леса частей и пехоты поляки поняли, что все кончено. Кавалерия большей частью умчалась к Праге, за коей, возле гати, ее встретил и остановил генерал Дуглас со шведской конницей, но с некоторым уроном поляки прорвались и ушли. Другие кинулись к реке. Король со многими военачальниками и инфантерией перешел реку по мосту. Шведы большими отрядами наступали из леса через польский лагерь к мосту; его край был защищен фортом, в коем находилось около 500 солдат. Дав несколько выстрелов по наседавшим шведам, они отошли по мосту и подожгли оный в двух-трех местах. Несколько понтонов быстро сгорели, что сделало мост непригодным.

/л. 72/ В этом сражении поляки потеряли около 2000 человек и более 40 орудий разного калибра. Шведы и бранденбуржцы потеряли не свыше 700. Шведов при опознании хоронили, а поляков нет —

в отместку за шведов, брошенных без погребения под Варкой. Король Шведский приказал похоронить только Сапегу, командира гусар, из великого уважения к его доблести[151]. Захваченная добыча не была ни обильной, ни богатой, ибо все лучшее уже переправили через реку. Из людей видных у шведов был убит лишь полковник Синклер, а у бранденбуржцев ранен пушечным ядром генерал-майор Канненберг.

Польские поместные шляхтичи, многие из коих пересекли реку вплавь или иным образом, спешно уложили вещи и разъехались. Король со всеми вельможами и военачальниками тоже приготовился к отъезду и вечером, после захода солнца, направился к Пясечно и Варке. В Варшаве по болезни оставались граф Бенедикт Оксеншерна и генеральный комиссар Пюхер. В полночь горожане пришли ко графу Оксеншерне и попросили его послать свою прислугу для охраны городских ворот, а двоих отправить с ними, дабы поднести ключи королю Шведскому. На это */л. 72 об./* тут же было дано согласие.

Назавтра шведы, восстановив мост, переправились и овладели городом. Всем генералам и высшим военным чинам отвели квартиры в городе, хотя главные силы армии не трогались с места и расположились в польском лагере. Генерал Дуглас с 5000 конницы преследовал поляков и явился на четвертый день, не добившись особого успеха. По возвращении он был произведен в фельдмаршалы-лейтенанты[152] — и по достоинству, ибо его заслуги в сей войне блестящи с самого начала.

Здесь я должен поведать кое-что о собственной судьбе в это время. В пятницу при первой тревоге о приближении шведских войск я поскакал на другой берег к армии, а потом навстречу неприятелю, с милю от лагеря. Вблизи сражавшихся противников я встретил много отходящих раненых, что укрепило мое желание понаблюдать за событиями и при случае попытать счастья. Но подобраться еще ближе мне помешали поляки, заявив, что в такой переделке и сумятице меня, одетого в немецкое платье, могут принять за врага. Они советовали мне вернуться в */л. 73/* лагерь, что я и сделал.

Ночь я провел у маркитанта (или, как их называют, suttler[153]), а весь следующий день повсюду разъезжал с генерал-майором Хендерсоном[154], благодаря чему имел хорошую возможность слышать и видеть все, что передал выше. Вечером я, предвидя, как обернется дело, попробовал пересечь реку по мосту и сказался раненым, но охрана меня не пропустила. Тогда я поехал к Праге с целью раздобыть или нанять лодку и переправить лошадей вплавь, но по пути туда был мгновенно окружен шайкой негодяев, таившихся за изгородью.

Не успел я опомниться, как они схватили поводья, вытащили у меня патронташ и, наверно, ограбили бы совершенно, если бы я не высвободился с помощью пистолета. С большим трудом я отбил своего слугу, который лишился сабли, но два других моих спутника дорого поплатились, ибо у них все отобрали. Эти мошенники делали вид, будто поступают так по приказу, дабы задерживать беглецов.

Я вернулся назад, прилег у большой дороги невдалеке от моста и поочередно со слугою стоял на страже. Когда занялся день, я увидал генеральские повозки и обозы, шедшие мимо с конвоирами, в числе /*л. 73 об.*/ коих среди повозок рассеялось несколько иноземцев. Я ухватился за сию возможность, примкнул к остальным и перебрался [через реку] без допроса.

Поднявшись на вершину холма, я заметил, что прямо на меня едет полдюжины всадников, с коими я хотел разминуться из боязни, что меня допросят и силою вернут обратно. Так я и сделал по другой дороге, которая очень кстати вела оттуда, но одного из них послали выведать у меня о происходящем. Я рассказал, что знал, и уже отъехав, понял по опущенному isnatshek (знамени), что то был направлявшийся к лагерю король.

Я добрался до своей квартиры, поставил лошадей и пошел на берег реки к монастырю доминиканцев, откуда наблюдал все события во время бегства поляков. Вечером, когда все стремглав разбегались, я, потеряв в толпе своего слугу, выбрался из города к Уяздуву и остановился, дабы отыскать слугу и каких-нибудь иноземцев для дальнейшего пути. В темноте и при такой сумятице я опасался, что мне проломят голову, ибо поляки по вине шведов теперь открыто проклинали всех чужестранцев. Немного погодя мне попались два шотландца, а вскоре мы собрали десяток верховых — всех из иноземцев. Каждый /*л. 74*/ радовался обществу других по той же причине.

На пути нас часто обгоняли польские отряды и, проезжая, поносили и бранили нас. Они говорили, что всем нам следует перерезать глотки, ведь мы заодно со шведами. Хотя это было сказано подонками и негодяями, но все же внушило нам немалый страх, что они нас в конце концов одолеют и будут угрожать нашей жизни. Мы решили отойти в сторону и сделать привал, пока все не проедут.

Выжидая, мы обсуждали, куда нам направиться, как продолжать путь после многочисленных предложений и каким образом отомстить тем, кто нас оскорбляет, и им подобным. Большинство заключило, что надо идти по дороге на Лович и избавить разлетавшуюся по домам поместную шляхту от кое-каких вещей, которые того стоят. С общего согласия туда мы и двинулись.

Ночной порою мы встречались с разными отрядами, слишком сильными, чтобы с ними связываться, и вели себя смирно. К рассвету нам попалось 20 или 30 поляков, таких же искателей приключений, как и мы. */л. 74 об./* По их совету мы свернули в какую-то деревню накормить лошадей. Из сей деревни, примерно в миле от Блоне[155], большинство людей бежали. Мы разбрелись по ней, не страшась никакой опасности, и одни лишь мы, иноземцы, поставили лошадей в двух строениях, поодаль друг от друга. Мы даже не выставили охраны или дозора, что стоило бы сделать, и весьма уверенно расхаживали по деревне в поисках поживы.

Спустя чуть более часа мы услыхали тревогу и выстрелы на дальнем краю деревни, что заставило меня и четверых моих спутников броситься к лошадям. Едва мы добежали до нашей квартиры, как деревня уже наполнилась неприятелем. Нас обложили со всех сторон. При выводе лошади из приземистой конюшни я получил пистолетную пулю в левое бедро, хотя из-за дальности выстрела рана была легкой. Двое моих товарищей вскочили на коней и выбрались через задние ворота в длинный переулок, но дюжина верховых быстро отогнала их обратно к нам. Будучи повсюду окружены, мы были вынуждены принять условия сдачи, */л. 75/* кои нам учтиво предложили. Они перебили большинство бывших с нами поляков; из немцев двое тоже были убиты, а трое ранены, не считая меня самого. В оном отряде было свыше 120 всадников, главным образом бранденбуржцев. Накануне они перешли реку по новодвурскому мосту и при вести об отступлении и бегстве поляков забрались так далеко в целях промысла и разведки.

Нас всех вывели в поле к каким-то офицерам и допросили порознь. Чтобы добиться лучшего обращения, я рассказал, что раньше служил под началом генерала Дугласа, попал в плен под Краковом, и меня заставили служить [полякам]. Бранденбургский ротмистр — кажется, командир отряда — взял меня к себе и сказал, что доставит к Дугласу.

Узнав от нас, что король и все прочие покинули Варшаву, и подкормив лошадей в другой деревне, они пошли прямо туда. Мы прибыли [в Варшаву] к вечеру. На другой день ротмистр взял меня с собою за реку, где я пробыл на его квартире сей день и следующую ночь.

[Августа 2.] Назавтра, в среду, он повел меня к генералу Дугласу. Добившись приема у */л. 75 об./* генерала (который только что вернулся после преследования поляков), он доложил Его Превосходительству, что взял в плен молодого человека, уверяющего, будто

прежде служил у Его Превосходительства. Меня сразу же вызвали, и генерал осведомился по-английски, где и когда я у него служил. Я отвечал, что прошу извинения, что прибег к имени Его Превосходительства — единственно дабы со мною лучше обращались; я никогда не имел чести служить под началом Его Превосходительства, хотя в самом деле состоял на шведской службе у других [начальников], попал в плен, и мне пришлось после долгого и тяжкого заключения служить полякам. Тут генерал обратился к ротмистру со словами, что я ему известен, и попросил предоставить мне свободу. Ротмистр заявил генералу, что ради него готов возвратить мне еще и коня и снаряжение, что весьма обрадовало генерала, и он сердечно поблагодарил ротмистра за это.

Я вернулся с ротмистром на его квартиру. На следующее утро, получив своего коня и оружие, я явился к генералу, который приказал поставить /*л. 76*/ моего коня к своим и подождать здесь. После полудня генерал призвал меня и сообщил, что собирается завести лейб-роту из шотландцев; что с пехотными полками лорда Крэнстона прибыло много офицеров-добровольцев, которых он намерен принять в оную роту вместе с другими достойными людьми, коих сможет отобрать[156]; что они получат широкие привилегии, как то: свободу от дозорной службы, кроме заботы о своей личной безопасности; добрые, просторные квартиры; они образуют офицерскую школу, а если срочная необходимость призовет кого-либо домой в отечество, таковой по его просьбе получит увольнение. То были хорошие условия, и в дальнейшем они честно соблюдались, кроме последнего. [Дуглас] повелел, дабы я объехал войска и город Варшаву и подыскал вольных людей, готовых принять такие условия.

Назавтра я отправился в Варшаву и случайно повстречал двух шотландцев, коих знавал при поляках во время осады. [Тогда] они слыли волонтерами, но теперь подверглись метаморфозе, носили польское платье, оскудели и боялись быть /*л. 76 об.*/ узнанными. Я обратился к ним, и после кратких опасливых приветствий, дабы не привлечь внимания на улице, они пригласили меня в таверну, где за кубком лучшего вина мы стали обсуждать наши приключения и нынешнее состояние. Со своей стороны я (по естественной привычке) поведал им обо всем прямо, не скрывая посулов генерала Дугласа.

Через некоторое время вошли еще трое шотландцев — не знаю, по уговору ли, или потому, что обычно там собирались. После долгих толков о том, о сем все они открыли мне свое положение и просили совета. И все-таки они, кажется, не слишком мне доверяли. Я видел и заключал по их речам, что все они люди свободные, преж-

де имели содержание от поляков, а ныне боятся, что их приметят и станут допрашивать. Я повел себя с ними еще более откровенно и доверительно, убеждая поступить на службу в оную роту, где они могут получить столь почетные условия, а когда им угодно — и увольнение.

Все это представлялось им лишь пением сирен. Они стали упрашивать меня не обращать внимания на них и не сообщать ничего */л. 77/* о месте их пребывания. Но применив сильные доводы и даже прямые угрозы, я зашел так далеко, что они обещали обдумать дело и дать мне ответ на другой день. За полным прощальным кубком они прибавили, что раз уж нужно наниматься, они могут найти много других [желающих]. Я ухватился за это и заявил, что увеличение числа будет тем более приемлемо и придаст им еще больший вес, вплоть до [составления] письменного контракта. Однако я добился всего лишь обещания дать ответ назавтра и с тем вернулся в лагерь.

Сим вечером генерал допоздна пребывал у Его Величества, домой его провожали важные особы, и я счел за лучшее не беспокоить Его Превосходительство. Но наутро я появился у него чуть свет и был допущен, пока он одевался. Я поведал Его Превосходительству о моих вчерашних похождениях, кои он велел мне продолжать с великим усердием, и приказал выдать денег на мои расходы.

Я отправился в город и, подождав в назначенном месте, встретился с моими друзьями. Вначале они казались мне слишком щепетильными, */л. 77 об./* но развеяв тучи несколькими бокалами лучезарного напитка, я добился того, что они пошлют своего представителя со мною к генералу, дабы услышать подтверждение условий, о коих я говорил. Я попросил только список их имен. Это заняло некоторое время, ибо они послали разыскивать других для включения в тот же договор. Ради завершения дела я должен был провести там всю ночь.

В список мы внесли 18 человек, не считая их представителя Эндрю Стрэйтона, который ранним утром пошел со мной. По прибытии к генералу я доложил ему об успехе. Он приказал ввести представителя, подтвердил обещанное мною, добавил еще множество великодушных обещаний и отпустил нас обоих. После тщательных поисков мы нашли и приговорили еще с полдюжины [шотландцев].

К вечеру, расставшись с друзьями, я нанес визит дочери моего хозяина и двум молодым дамам, жившим с нею. Они обитали в дальней комнате аптекарского дома, ибо в том же доме стал на постой один молодой шведский граф. Юные */л. 78/* шляхтянки при

виде меня изумились. После кратких сердечных приветствий им непременно вздумалось поручить мне, и притом как дело чести, съездить в их сельское жилище и доставить весть о том, что там происходит.

На следующий день я исполнил сие с некоторым риском. Хозяин мне не доверял (как и я ему) и не появился, зато хозяйка, вызванная из густого болотистого леса, пришла, приняла меня весьма любезно и подарила 5 дукатов. Она прямо заявила, что бóльшая часть их состояния находится у дочери, увещала меня отвезти и дочь, и оное, и ее спутниц в безопасное место, и тогда я могу повелеть, что мне угодно. Она просила отвезти дочери доверительную записку с этой целью. Получив оную, я уехал обратно к моим юным шляхтянкам, кои не умели выразить своей радости.

Я показал им тайную записку и попросил к завтрашнему дню собраться к отъезду со мною в Пруссию. Дочь моего хозяина знала, что главная искомая награда — она сама, и вела себя наиболее стеснительно, прочие же были чрезвычайно довольны, особенно молодая вдова, /*л. 78 об.*/ коей мерещились безрассудные вещи. Оставив их в таком настроении, я пошел домой.

На другой день, согласно обещанию, я возвратился и застал полный переполох по поводу отъезда. Дочь моего хозяина наставили и вышколили так, что даже она изъявила согласие. Однако я, посовещавшись со своей подушкой, сменил декорацию и в искренних выражениях сказал им, что уже удостоился стольких знаков внимания от их семейства, а ныне еще такой исключительной милости и доверия, что не могу предпринять ничего недостойного возложенных на меня упований или признательности, коей я им обязан. По зрелом размышлении о сих временах, настоящем состоянии дел, об их положении, а также и моем собственном я нахожу, что не дóлжно опасаться насилия и утраты того, чем они обладают — ведь в этом главная причина, побудившая их искать моего заступничества, на что я едва ли способен по молодости лет и невысокому званию, и мог бы обмануть их надежды в силу многих случайностей.

Итак, я убеждал их /*л. 79*/ принять решение остаться, ибо мне доподлинно известно, что шведы вскоре удалятся оттуда, не сделав никому в городе вреда, и они обретут свободу, а это наилучшее состояние для равноправных и истинных отношений. С такими и еще более пространными доводами они, чувствуя мою твердость, согласились без видимого недовольства. Только молоденькая вдова не могла утаить своего горя, что проявилось так: когда на прощанье другие дарили мне любовные безделушки, она промолвила, что я

уношу с собой нечто такое, что не позволяет ей дать мне ничего более.

Через несколько дней фельдмаршал Дуглас выступил и пересек Вислу по мосту чуть выше Закрочима, где был учинен строгий смотр всем перешедшим [войскам], а затем пошел на Закрочим, [...] и Плоцк. Оттуда мы, разделясь на небольшие отряды или партии, двинулись на поиски приключений. Мы с дюжиною прочих, за неимением лучшей добычи, согнали */л. 79 об./* около 700 быков и коров и 1500 овец и довольно дешево продали их в Торне; из оных денег сотня рейхсталеров досталась на мою долю. Здесь мы провели 8 дней и потом выступили в Кульмзее и Грауденц, откуда нас, сопровождавших фельдмаршала — всего 27 человек, отправили с ротмистром Джоном Мелдрамом на квартиры в Реден, мили за три. Сей ротмистр имел при себе всего 18 солдат — остаток бывшего эскадрона, состоявшего по преимуществу из шотландцев. (Продолжение сего на стр. 243)[157].

Король Швеции, по должном рассуждении с курфюрстом Бранденбургским и их советом, решил вывести свои силы (я имею в виду шведов) из большинства городов Великой и Малой Польши, где стояли их гарнизоны. Соответственно таковые сохранялись только в Кракове, Ловиче, Познани и Калише в Великой Польше, а в Букшанце повыше Закрочима были оставлены майор Андерсон и 500 солдат. У майора было 8 орудий и хорошие запасы снарядов и зерна из варшавских хранилищ, но очень мало денег. Он имел право привозить */л. 80/* соль с соседнего склада[158], сколько ему нужно, и все это он весьма усердно и исправно доставлял или прямо на остров или — под прикрытием пушек — на берег реки. В дальнейшем сие оказалось его наилучшим средством к существованию и безопасности. Хотя армия располагалась в полях окрест Варшавы, он по возможности сам снабжал себя провизией, скотом и зерном, а позже посредством малых сил, кои мог выделить на отправку разъездов, время от времени добывал все необходимое для житья, особенно скот.

Однако в конце концов польские войска, стоявшие в Закрочиме и других ближних местах, так его прижали, что он уже не смел никого высылать из-за нехватки конницы и был вынужден тратить предусмотрительно собранные запасы. Когда оные к весне [1657 г.] подошли к концу, он уведомил Его Величество и попросил помощи, но взамен получил приказ уничтожить форт и */л. 80 об./* отойти по реке в Торн. То было делом отнюдь не легким: ниже по реке острова кишели шляхтой и поселянами, кои не испытывали недостатка в

боевых припасах и оружии. Да и речной путь был незнаком, полон отмелей и непроходим без опытных лоцманов, каковых не имелось.

Но пока комендант обдумывал, как превозмочь эти трудности, ему явилась возможность получить достаточную помощь и всяческое изобилие, а также сохранить форт, который весьма пригодился королю для транспортировки войск будущим летом. Чтобы избежать ущерба, причиняемого разъездами из сего гарнизона, поляки разместили несколько рот в близлежащих городах, как то: в Закрочиме и Пултуске. Благодаря их бдительности округа хорошо охранялась, а гарнизон должен был расходовать накопленные запасы. Когда они почти истощились, [майор] стал добиваться перемирия с ближайшими гарнизонами через неких шляхтичей, сидевших в плену у него на острове, и договорился с оными об определенном /*л. 81*/ количестве зерна за их выкуп. Сие было проделано так искусно, что поляки при первом же шаге дали согласие и пожелали наладить обмен. Их побуждала к тому великая нехватка соли в тех краях, о чем губернатор[159] был осведомлен. Когда поселяне с припасами и деньгами приходили за солью, он все отпускал и приобретал по собственной цене и, узнав о военном союзе и соединении с князем Трансильвании и о трепете поляков, набивал свои закрома и пополнял сундуки большими деньгами за соль.

Пока поляки торжествовали покорение Варшавы, а шведы — свою последующую победу там же, Краков был блокирован поместной шляхтой и жителями оной области, стоявшими лагерем в Тынце[160], милях в трех от города. Шведы, удостоверясь в своей безопасности и слабости [польской] охраны, решили обрушиться на их стан и избавиться /*л. 81 об.*/ от прозвища осажденных. Они собрали все свободные силы, приняв прежде тщательные меры к умиротворению горожан, дабы те ничего не учинили, и вечером выступили в Тынец. С рассветом они напали на польских разведчиков, разбили их и преследовали до самого лагеря столь стремительно, что поляки не успели и помыслить об отпоре. Каждый был предоставлен самому себе, и при всеобщем смятении была достигнута полная победа с великой добычей и множеством пленных.

Примерно тогда же пленный полковник Форгель, коего поляки отослали из Варшавы в Замосць, договорился о своем выкупе и был отпущен в Краков, но по пути схвачен татарами. При посредничестве неких польских магнатов, узнавших о его беде, он освободился и прибыл в Краков. Проведя там недолго, [он вышел] с другими офицерами и прислугой конвоировать обоз с богатыми трофеями, принадлежавшими /*л. 82*/ офицерам оного гарнизона. Они — всего

около 500 человек — направлялись в Померанию, но были перехвачены поляками и после жестокого боя разбиты и пленены. Полякам досталась тут огромная добыча, а полковник вскоре скончался от ран, полученных тогда и при его прежнем захвате татарами.

Поскольку Калиш находился в плотной осаде со стороны поляков под началом Померанского воеводы Вейера, шведы выслали из Познани столько сил, сколько могли, — свыше 2000 под командой генерал-майора Вржесовица. На пути туда они встретили сильный польский отряд, отправленный на рекогносцировку, и отбросили оный. Но остерегаясь засады, шведы недалеко его преследовали, к тому же их лошади были утомлены долгим и быстрым маршем, так что было решено остановиться в одной деревне, дабы дать отдых людям и лошадям и выступить рано поутру. Большинство этой партии составляли */л. 82 об./* новобранцы, кои по беспечности или по роковому случаю не улеглись должным порядком и не выставили надежных караулов, как требуется: они презирали уже разбитого и прогнанного неприятеля.

Поляки же, видя, что их никто не преследует, остановились в лесу неподалеку от деревни, где ночевали шведы. Воевода явился лично и послал крестьян разведать, каким образом расположились шведы и их охрана. Получив достаточно сведений, он намерился ударить на их лагерь, хотя и много уступал в числе, имея не более 500 человек. Он разделил своих на четыре отряда: три отправил для нападения с разных сторон, а сам с четвертым остался на удобном для сбора месте, каковое благоразумно определил для безопасного и спокойного отхода в случае упорного сопротивления. Он дал приказ, чтобы они сбили охрану, вслед за нею ворвались в деревню и запалили оную во многих местах.

Все */л. 83/* сие удалось превосходно. Почти не встретив отпора от часовых, кои своим бегством привели в смятение подмогу, они подожгли деревню с нескольких сторон. Шведов объяли такой ужас и замешательство, что никто и не думал о противодействии. Все спасались, как могли, и многие переплывали близлежащую речку — единственный путь к бегству. Генерал-майор бросился туда полураздетым и, не умея плавать, либо утонул либо пропал без вести. Тело его так и не нашли, хотя поляки усердно его разыскивали. Поляки взяли здесь крупную добычу и несколько полевых орудий. Большинство шведов были перебиты тут же или захвачены на обратном пути поселянами. Затем и осажденные [в Калише] шведы были вынуждены сдаться.

Фортуна все еще отворачивалась от шведов, ибо у них возникли кое-какие раздоры с московитами по различным делам, как то: московиты /*л. 83 об.*/ расставили гарнизоны и взимали контрибуцию в отдельных частях Жемайтии, на каковую область шведы предъявили права как ее первые покорители и обладатели; небольшие отряды и некоторые лица с обеих сторон были разорены без возмещения, и многое другое, что весьма утомительно здесь перечислять. Все это легко можно было уладить, если бы более веская государственная причина не привела к разрыву между оными государями, а именно: Римский император отправил посла к царю Русскому, дабы предложить свое посредничество между царем и королем Польши. Сей министр — духовное лицо по имени Аллегретти де Аллегретто — следовал за царским двором даже в походе на Литву и использовал все средства для достижения мира между Польшей и Россией в интересах Римской Империи и католической веры, кои во многом зависели от участи Польши. На сих переговорах он действовал столь искусно, что предъявив самые сильные доводы царю и его совету, убедил его заключить годичное перемирие с Польшей и напасть на Швецию.

Русские, от природы подозрительные и недоверчивые, были крайне возмущены победами и могуществом /*л. 84*/ короля Шведского и ясно видели, что если он завоюет Польшу, что было весьма вероятно, они вскоре будут вынуждены сражаться с обеими [державами] вместе. Посему для своей же безопасности они легко согласились отвлечь шведские войска и появились у них на пороге так внезапно, что близко подступили к Лифляндии прежде чем пришла весть, куда они направляются. Король Швеции ничего не ведал, пока Кокенхаузен и ряд других небольших крепостей не были взяты, а Рига осаждена самолично царем со 100-тысячною армией, артиллерией и военным снаряжением[161].

Августа 19. При первом приближении [русских] шведская конница сделала вылазку, но была отброшена с потерею графа де Торрена, тело коего было два дня спустя передано его супруге одним ротмистром, получившим в награду 100 дукатов.

Осада продолжалась почти шесть недель, и обе стороны понесли урон. Самым достопамятным событием стала вылазка [2 октября], предпринятая шведами на стан князя[162] Якова Куденетовича Черкасского около полудня, когда русские после обеда обычно /*л. 84 об.*/ ложатся спать. Это было сделано с такой отвагою, что они полностью отбросили русских от окопов, многих перебили и взяли несколько пленных и 18 знамен, кои затем вывесили на стенах с великой гордостью.

После этого царь велел генералу Лесли[163] и иноземным полковникам держать военный совет, рассмотреть, какими средствами можно овладеть городом, и письменно подать общее мнение с их доводами. Так они и сделали через два дня, заключив о невозможности взять город в то время по следующим причинам: 1) позднее и неподходящее время года; 2) скудость припасов и невозможность достаточного снабжения таких полчищ в краю, повсюду опустошенном многочисленными войсками; 3) болезни, ежедневно усугубляющиеся в армии; 4) крепость города, надежно защищенного стенами, валами, глубоким и широким рвом, который можно наполнять водою или осушать по надобности; 5) численность, смелость и упорство гарнизона и жителей, [а также] неспособность пресечь */л. 85/* помощь городу с моря без великих усилий, опасности и большей траты времени, чем позволяет время года.

Оные доводы, хотя и довольно уместные, были восприняты царем и его советом с некоторым негодованием. Они воображали, будто иноземцы могут изобрести и указать сверхъестественные способы к покорению города, и принимали за истину, что те не станут прилагать крайних усилий против своих земляков-шведов, ибо считали, что все чужестранцы происходят из одной страны.

Когда это выяснилось, один полковник предложил осушить ров с помощью мельницы. Сей замысел высоко оценили и поручили ему осуществить, но когда он уже 5 или 6 дней утруждал себя и многих других, путем геометрических измерений было обнаружено, что уровень воды в реке выше, чем во рву, так что пришлось отступиться. Затем царь сделал приготовления к отъезду и послал тяжелую артиллерию рекою в Кокенхаузен, куда оную доставили с великими усилиями и трудами. Армия */л. 85 об./* выступила вдоль реки Двины и, проходя по уже выжженной и опустошенной ею стране, страдала от многих опасностей и лишений. Добравшись до России, царь отбыл с частью войск в Москву, прочие же были посланы в гарнизоны на покоренных землях.

Король Швеции на обратном пути из Варшавы в Пруссию узнал о вступлении царя Московского в Лифляндию и осаде Риги и приказал фельдмаршалу-лейтенанту Дугласу с 3 или 4 тысячами солдат отправиться морем на помощь Риге, но накануне похода пришла весть о снятии царем осады. Тем временем король Шведский во Фрауэнбурге принял голландских послов, предлагавших посредничество между Швецией и Польшей, и отпустил их с благодарностью.

Шведский король уведомился, что татары, участвовавшие в битве под Варшавой, обретаются в Литве и замышляют /*л. 86*/ набег на Пруссию. Он посоветовал курфюрсту Бранденбургскому выделить войска для обороны границ. Тот выслал своего генерала графа Вальдека с князем Богуславом Радзивиллом и девятью полками. Король отрядил туда же генерал-майора Исраэля с четырьмя шведскими полками, которые расположились у речной плотины между Райгрудом и Августувом.

Октября 8. Здесь их атаковал фельдмаршал Литвы Винцент Корвин Гонсевский с литовской армией и оными татарами и после вялого сопротивления разгромил их, при множестве убитых и пленных, среди коих оказались князь Радзивилл и генерал-майор Исраэль, несколько полковников и немало других офицеров. [Литовцам] достались все боевые припасы и 7 полевых орудий. Сам граф Вальдек едва спасся.

При вести о походе литовских войск на Пруссию шведы и бранденбуржцы объединили свои силы и выступили к границам. Узнав об этом поражении, они двинулись в обход в надежде на подкрепления, которые /*л. 86 об.*/ сходились со всех сторон. Собрав воедино около 9000 человек под командою фельдмаршала Стенбока, графа Вальдека, генерал-майора Дорфлингера и многих [других] военачальников, они неожиданно напали на поляков и татар под Филипувом в тот миг, когда те чуть не рассорились из-за 8000 рейхсталеров выкупа за князя Радзивилла. Он был под стражей у поляков, татары же домогались либо его самого, либо денег. Однако вследствие внезапной и решительной атаки конфедератов и собственной размолвки они были разбиты, а князь Радзивилл ускользнул с ведома или, вернее, при потворстве Гонсевского и поляков, кои не настолько противятся своим землякам и не так дружат с татарами, чтобы добровольно отдать князя в их руки. Поляки с татарами отступили без /*л. 87*/ особых потерь, ибо все они были на лошадях.

Октября 19. Спустя несколько дней граф Кёнигсмарк, перевозивший морем войска из Бременской области и Померании, в густой туман и штиль был вынужден бросить якорь на данцигском рейде, и после измены кое-кого из его людей, которые сбежали и предупредили данцигцев, его захватили врасплох и доставили в Данциг пленником. На его корабле было две роты шотландцев, коих взяли на абордаж прежде чем они кого-нибудь заметили и различили врага; они пытались сопротивляться, но большинство находилось под палубой, и данцигцы их одолели. Те сначала украдкой подошли [к шведам] на корабле, взятом и уведенном в Данциг предателями, и были

приняты за своих, пока не сцепились с ними. Они быстро смели тех, кто находился на палубе, а вскоре с помощью подоспевших шлюпок захватили и бывших внизу. Несколько офицеров, кои обретались в каюте у генерала, были готовы выйти оттуда и защищаться, но он удержал их и, не видя */л. 87 об./* возможности что-либо предпринять, сдался.

Ноября 2. Сие вкупе с кончиною шведского государственного канцлера графа Эрика Оксеншерны, одного из величайших политиков своего времени, весьма удручило короля Швеции. Остальные корабли Кёнигсмарка, услыхав тревогу и поняв при виде шлюпок [неприятеля], что произошло, снялись с якоря и отплыли в Пиллау.

Король и королева держали двор в резиденции каноников во Фрауэнбурге, дабы находиться поближе и к курфюрсту, и к литовским рубежам, откуда последнее время ожидали помянутого нападения. Генерал Дуглас стоял с войсками в Данцигер-Хаупте, чтобы притеснять данцигцев и обеспечить отвод реки Вислы от города в озеро Фриш[е]-хаф: пускали ко дну суда, наполненные камнем, забивали огромные сваи, скрепленные толстыми досками, и чинили всяческий ущерб, ибо жители Данцигер-вердера[164] покидали свои дома и отказывались давать контрибуцию */л. 88/* в требуемом размере. [Шведы] прорезали насыпи и дамбы, окружающие Вислу, и залили всю прекрасную и благодатную округу, насколько могли, но Бог не допустил, чтобы оный способ возымел желанное действие. Хотя будущей весною река и затопила большую часть вердера, но все-таки проложила себе путь в верном направлении, невзирая на все препятствия и преграды, а впоследствии плотины и насыпи были восстановлены, и все вошло в обычное русло.

Пока шведы занимались тут фуражировкой, разоряли все окрестности Данцига частыми разъездами и использовали все средства, дабы вынудить данцигцев к переходу на свою сторону или по меньшей мере к нейтралитету, король Польский с целью предотвратить что-либо подобное и упрочить верность сего города решил прибыть туда лично, предоставив своим силам неторопливо следовать за ним.

Ноября 5. 5-го числа текущего месяца ему устроили в Данциге */л. 88 об./* великолепную встречу, а 17-го бургграф дал в его честь королевское торжество и преподнес от города два бочонка с золотом. Польская армия стала лагерем у Лангенау, милях в двух от Данцига, силою отвоевала Кониц и наводнила всю Малую Померанию до самого Штеттина.

Тогда король Швеции отправился в Грауденц и приказал построить там мост через Вислу, но огромные льдины и ненастная по-

года дважды сносили его, когда оный был уже почти окончен. Эти неудачи и очевидная невозможность навести [мост] там привели к решению строить его ниже, возле Меве. Когда древесина была уже полностью готова и большей частью собрана, началась такая лютая стужа, что река стала замерзать. [Шведы] способствовали этому, растягивая над водой льняные сети и постоянно поливая их, а в других местах тонким слоем разбрасывали солому и поливали ее [также], так что за два-три дня лед сделался очень толстым и прочным. Шведская /*л. 89*/ армия выступила из лагеря с достаточным количеством артиллерии, благополучно пересекла реку у Меве и две ночи простояла в низине вдоль реки, между Меве и Диршау.

Дав некоторый отдых войскам, король Швеции ранним утром стянул их воедино и произвел смотр на возвышенном поле. Пройдя еще с милю в полном боевом порядке, он остановился и приказал выстрелить из двух наших крупнейших орудий — то был шведский сигнал. В ответ на это тут же раздались три выстрела из Данцига, что немного обеспокоило короля Швеции, ибо он был недоволен, что ему отвечают данцигцы, а не [его] армия, и не думал, что в Данциге находится король Польский.

После часового ожидания в оном месте, откуда были видны Данциг, Диршау, оба вердера и польские дозоры, хотя стоявшая только в миле от нас армия поляков не показывалась, король приказал перейти на Данциг-вердер и расположить главную квартиру в Штиблау, правое крыло в Летцкау, а левое в Гютланде. Конные полки
/*л. 89 об.*/ *Декабрь.*
заняли свои квартиры вовремя, пехота — к двум часам ночи, а арьергард — около полуночи. Поляки сочли невозможным сражаться со шведами без пехоты и артиллерии и ночью отошли, о чем шведы узнали от перебежчиков в пятом часу утра.

За два часа до рассвета выступил сильный шведский отряд, который держал путь через Гребин на Пруст. В полумиле оттуда, удостоверившись, что поляки ушли в Малую Померанию, оный возвратился. Проходя близ Гребина каменную усадьбу со рвом, принадлежащую данцигцам и занятую 60 солдатами [во главе] с лейтенантом, несколько добровольцев с показной храбростью подскакали к замку. По ним открыли огонь, не причинив вреда. Трое шотландцев под градом пуль проникли к зданию с ближайшей стороны рва; один из них влез в окно, набрал добротной одежды в качестве добычи и, невзирая на обстрел, прибыл в отряд невредимым к немалому удивлению и зависти остальных.

Когда мы вернулись в лагерь, милорду Крэнстону с тысячей пехотинцев было приказано взять Гребин. */л. 90/* Он явился туда и призвал коменданта к сдаче; тот, видя все приготовления [для штурма] и сомневаясь в поддержке, сдался при условии [свободного] выхода с оружием.

Взятый сею ночью пленный сообщил, что поляки за два дня до отступления отправили свою артиллерию в Данциг. Полковник Ашемберг[165] двинулся в Малую Померанию с отрядом из 1500 всадников, ночной порою неподалеку от Коница напал на польский стан, поджег несколько деревень, сокрушил полк князя Димитрия Вишневецкого и другие, но отступил с потерею и в большом беспорядке ко Члухуву. В лесу его эскадроны растеряли друг друга и своих провожатых, а поляки пылко преследовали их.

1657

Французский посол Л'Омбр, выступавший посредником в перемирии, прибыл от короля Шведского в Данциг со следующими предварительными условиями для переговоров, назначенных в Штутхофе:

1. Не допускается никаких посредников, кроме французских послов.
2. Король Швеции не станет вести переговоры раздельно, но лишь со всеми своими союзниками, для посланцев или комиссаров коих он требует охранных грамот.

/л. 90 об./ *Январь.*

3. Король Швеции будет вести переговоры совместно с королем Польши и ее сословиями.
4. Договор и соглашение получат гарантии и заверения, что все условия будут учтены и соблюдены.
5. Фельдмаршал Виттенберг и офицеры, задержанные при сдаче Варшавы, будут освобождены до начала переговоров.
6. Требование короля Польского, дабы к нему явился граф Бенгт Оксеншерна, лишено оснований, ибо он освобожден в Варшаве силою, а не отпущен [из плена].

Польский великий канцлер с прочими уже давно получил полномочия для переговоров, а ныне король Швеции назначил своими комиссарами графа Бенгта Оксеншерну, президента Беренклау, фельдмаршала Врангеля и графа Шлиппенбаха. Поляки же, догадываясь по жесткости предварительных условий о шведских притязаниях, отказались принять сей договор.

Король Швеции отправился в Мариенбург и оставил фельдмаршала-лейтенанта Дугласа с 5000 солдат на Данциг-вердере, в Нойкирхе близ Хаупта, откуда тот беспокоил данцигцев и разорял их /*л. 91*/ вердеры постоянными набегами. Один из таких, 4 января, особенно замечателен.

Шведы стянули около 2000 конницы в миле от Данцига. Данцигцы, своевременно узнав об этом, вывели всю свою кавалерию и часть пехоты и пошли по теснине между окопами. Вердер, почти весь затопленный и оледеневший, был скользким, как стекло. Это давало большое преимущество данцигцам, чьи лошади имели острые подковы, тогда как у шведов каждый десятый не мог и ступать по льду, не говоря уже об атаках или разворотах, из-за плохих и неподкованных лошадей. Посему, когда данцигцы приблизились, шведские полки остались на незатопленном возвышении и выслали свою лучшую конницу. Положиться можно было лишь на солдат королевской гвардии, шотландцев из лейб-роты генерала [Дугласа] и еще на два эскадрона, около 60 верховых в каждом. У данцигцев было почти шесть сотен конницы, разделенных на 10—12 эскадронов, из коих два или три при атаке иногда объединялись.

Атаки и контратаки продолжались с /*л. 91 об.*/ переменным успехом и без заметного превосходства какой-либо из сторон. Шведы постепенно выигрывали пространство, но один из эскадронов преследовал данцигцев слишком далеко и был завлечен в место, где засели 40 или 50 стрелков, кои открыли по нему мощный огонь и убили шестерых солдат и несколько лошадей прежде, чем [шведы] смогли от них отдалиться. В сей схватке был убит шотландский капрал и многие из оной роты ранены; погибли еще 14 шведов и более 50 получили ранения. Позже мы узнали, что данцигцы потеряли 26 человек убитыми и свыше 60 раненными. С наступлением вечера оба отряда отошли[166].

Генерал-майор Данкворт, как и прежде, использовал все способы для отвода реки Вислы от Данцига. Данцигцы уведомили об этом Голландские Штаты, кои поручили своему послу Масдаму отговорить от сего короля Швеции, ибо это могло ущемить свободу торговли. Король отвечал: "Если я не стану досаждать Данцигу, воздержатся ли данцигцы /*л. 92*/ от любых враждебных действий против меня?" Голландский посланник Исбрандт также подал мемориал об этом курфюрсту Бранденбургскому, но не в интересе курфюрста было препятствовать. Ведь если оная гавань разорится — тем лучше для его [порта] Пиллау.

Пока король Шведский стоял с армией под Данцигом, мазуры собрали все свои силы, вторглись в Пруссию и причинили великий

вред. Туда был отправлен со значительным войском фельдмаршал Стенбок, который отплатил им тем же. Дугласа отрядили в Мариенбург и далее, чтобы следить за перемещениями поляков. С прибытием генерала Стенбока те исчезли, и войска возвратились. Дугласу с 400 солдат было снова приказано стать у Вайскирха для наблюдения за данцигцами,

[Января] 26. которые в отсутствие [шведской] армии овладели Гребином, перебив и захватив там 50 или 60 человек, разграбили Нойтайх[167], Гросс-Лихтенау и другие места, взяли множество пленных и многих умертвили, */л. 92 об./* особенно больных в Лихтенау, кои не могли передвигаться. Оттуда же они угнали запряжных лошадей генерала Дугласа.

Король Швеции имел свидание с князем-курфюрстом в Холланде, где были назначены новые переговоры в Браунсберге. Тогда же прусские сословия представили князю-курфюрсту прошение о многих делах, что было ему не по нраву, ибо он не ведал, как исправить оные.

Между тем д'Изола, министр императора Римского, прибыл в Данциг с намерением ратифицировать договор с Польшей. В то же время в Данциге скончались Померанский воевода Якоб Вейер и генерал-квартирмейстер Персеваль, главнокомандующий голландскими силами в Данциге[168].

Из Данцига вышел отряд и опустошил Толькемит[169]. Генерал Дуглас послал майора, дабы договориться с данцигцами о пленных из Гребина, а также уладить дело о тех, числом 91, коих они */л. 93/* отпустили три недели назад[170]. После 10-дневной остановки в Вайскирхе генерал Дуглас был отозван в Мариенбург. Он отправился в Нойтайх, где провел четыре дня, и затем явился в Мариенбург. Одновременно в Данциг приехал генерал Мидлтон, и большинство стоявших в Диршау шотландцев перебежали в Данциг.

Коронный маршал Любомирский с войском почти всю эту зиму утеснял Краков. Узнав о больших приготовлениях [к войне], проведенных Трансильванским князем Дьёрдем Ракоци, он отправил к Ракоци двух шляхтичей — своего родственника Станиславского и Собигурского, одного из придворных, —

Января 27. с верительными грамотами и весьма патетическим письмом. Оно разубеждало князя что-либо предпринимать против Польши; доказывало, что польское дворянство питает к нему доброе расположение и привязанность; уверяло, что в случае смерти правящего короля его будут рассматривать первым [претендентом на трон]; объявляло, что все поляки скорее предпочтут смерть любому

принуждению. Поэтому [Любомирский] просил и увещал его не терять доброго отношения поляков путем /л. 93 об./ враждебного вторжения. Он пожелал, дабы князь не рассчитывал на посулы, могущество или содействие шведов, но помыслил бы о сущности сих времен, и сообщал [Ракоци], что этим летом театр войны переменится.

По прибытии к князю оные шляхтичи обнаружили, что все его силы сходятся в направлении Польши, но получив грамоты, он усомнился в своих действиях, собрал войска и созвал совет, голоса и мнения коего разошлись. Однако он выступил с армией к Мункачу[171], где пересек Карпатские горы, отделяющие Польшу от Венгрии. Сказывали, что когда посланные от Любомирского шляхтичи увидали большие приготовления, войска и боевое снаряжение князя, они убедили его поторопиться, уверяя, что он почти не встретит сопротивления; несмотря на возмущенное послание Любомирского, их тайно наставили заверить князя, что тот ему не враждебен. Будучи так ободрен, [Ракоци] тотчас отправился на сие предприятие с еще большей решимостью.

В начале февраля Чарнецкий, шедший из Польши с сильной партией легкой конницы, по дороге из Мариенвердера в Грауденц натолкнулся на отряд из 80 шведов, который конвоировал боевые припасы в Торн. Он взял и перебил их всех и уничтожил все припасы, кои /л. 94/ не смог увезти. Перейдя Вислу,
Февраля 7. он прибыл в Данциг. Два дня спустя французский и голландский послы имели аудиенцию у короля Польши. Он заявил им, что желает положить конец сей войне и тем самым прекратить дальнейшее пролитие христианской крови. Он мог бы отказаться от своих наследственных прав на корону Швеции и потомственных владений там и не использовать титул короля Шведского ни в чем, что касается оной Короны, но лишь [при сношениях] с другими государями, равно как и герб, ибо он происходит из шведского королевского рода. И если здесь возникнет какое-либо осложнение, это не должно препятствовать миру. Далее, он и Речь Посполита готовы отречься от прав на все земли, города и области в Лифляндии, коими обладала Швеция до начала сей войны в силу Штумсдорфского договора 1635 года с тем, чтобы оба [короля] могли использовать титул герцога Лифляндского. Напротив, пусть король Швеции прямодушно объявит, что же он предпримет со своей стороны для приближения мира. Его Величество и Речь Посполита несомненно провозглашают, что буде король Шведский не решится возместить все, что завоевал в Польше и Пруссии, без каких-либо оговорок о

потерях, расходах, выгодах или всех прочих /*л. 94 об.*/ притязаниях, они ни за что не унизятся до мирных трактатов. Что же до интересов курфюрста Бранденбургского, то он [Ян Казимир] согласен даровать амнистию за все происшествия сей войны.

На следующий день король покинул Данциг и проследовал через Малую Померанию и Великую Польшу в Ченстохову, куда съехались большинство магнатов и на совете положили созвать там парламент. Оттуда король Польский послал гонца к Порте с жалобой на князя Трансильвании за его вторжение в Польшу. Видя, что теперь надежды на соглашение [со шведами] невелики, они решили поспешить с заключением договора с Римским императором о поддержке, а также побудить Данию к разрыву со Швецией.

Король Шведский известился, что князь Трансильвании подписал с ним договор об альянсе, собрал свои войска, двинулся в Польшу и намерился выступить на соединение с ним. Для этого он, приняв присягу на верность от прусских городов, отправил графа Шлиппенбаха к курфюрсту Бранденбургскому за силами, обещанными при походе на Польшу.

Тем временем Чарнецкий, прибывший в Данциг к королю [Польскому], совершил набег на большой вердер, предал огню ряд деревень и вернулся /*л. 95*/ в Данциг в тот же день. Сие заставило шведов собрать воедино кое-какие силы, ибо они не знали, что означает внезапное возвращение польской армии, и побаивались того или иного умысла против прусских городов, уставших от шведского ига. Еще прежде стало очевидно недовольство оных, что проявилось в жалобах и прошениях (и чего заметно опасался король [Швеции]) при аресте польского подканцлера Иеронима Радзиевского. Дабы искупить свои былые проступки, тот, по слухам, сговорился с поляками о сдаче им Эльбинга и Мариенбурга. Король получил об этом сведения и повелел запереть его в мариенбургский замок, а ныне, решив идти в поход на Польшу, приказал отослать его в Швецию. Полковник Роза был также взят под стражу за произнесенные им речи, кои клонились к мятежу и умаляли славу королевского оружия.

Но сии догадки о намерениях поляков вскоре отпали, когда те покинули Данциг с королем [Польским]. /*л. 95 об.*/ Шведы отправили за Вислу сильный отряд, дабы разведать, куда ушли поляки. Отбив Кониц, оный возвратился.

Король Швеции пребывал тогда в большой растерянности, хотя он и добился соглашения с князем Трансильвании и вступил в более

тесный союз с курфюрстом Бранденбургским, который также участвовал в альянсе с Трансильванским князем. Итак, они разделили Польшу между собою, как некогда триумвиры — Римскую империю: королю должна была достаться Королевская Пруссия, Кашубия и Малая Померания, курфюрсту Бранденбургскому — Великая Польша и епископство Варминское, а князю предстояло сделаться королем Польским, если сможет. Несмотря на то что годом ранее король Швеции в своих мечтах, да и в самом деле, почти поглотил Польское Королевство, теперь, ощущая собственное бессилие, он был рад втянуть в спор двух других и уступить им то, что, как он понимал, сам /*л. 96*/ сохранить не может, причем сомневался, удастся ли это им. Хотя его партия таким образом изрядно укрепилась, но все же повсюду были заметны признаки великих бурь.

Он знал, что поляки вступают в соглашение с Римским императором, а в Дании обсуждается ее участие в войне. С сею целью в Оденсе на [острове] Фюн был созван съезд сословий, на который и он сам и курфюрст Бранденбургский отправили гонцов, дабы в 24 часа потребовать категорического ответа, будет ли король Датский другом или врагом. Тех отпустили без какого-либо ответа, что не сулило ничего хорошего. Датские сословия и впрямь высказались за войну и предоставили королю 40 000 рейхсталеров ежемесячно в течение года, рассчитывая вооружить 70 000 человек. Они выказали такую резвость, что 15 датских дворян обязались /*л. 96 об.*/ набрать по полку каждый на собственные средства.

Московиты открыто враждовали с ним в Лифляндии и владели большей частью Литвы, а [их] перемирие с Польшей еще не истекло. К тому же ему было известно: турки не допустят, чтобы трансильванцу привелось так упрочить свою власть и могущество[172]. Обдумав все это, он распорядился перевезти королеву в Швецию и оставил главнокомандующим в Пруссии своего брата, принца Адольфа Иоганна, а при нем графа фон Зульцбаха и фельдмаршала Стенбока, который держал небольшую, [но] хорошо устроенную армию под Данцигом. Он также отрядил кое-какие силы в Лифляндию и поставил надежные гарнизоны в прусских городах и твердынях. Получив от курфюрста Бранденбургского 4 полка рейтар и драгун под командою графа фон Вальдека, он приказал своим полкам выступить к Торну. Фельдмаршал-лейтенант Дуглас повел авангард, /*л. 97*/ король же задержался в Мариенбурге, дабы заняться послами иностранных правителей и другими государственными делами.

Шведская армия вместе с 4 полками курфюрста составила всего около 6 или 7 тысяч человек — сплошь рейтары и драгуны с не-

сколькими легкими орудиями. Так как время года не позволяло разбивать лагерь в поле, полки для наилучшего пропитания и удобства разошлись в разные стороны и стояли по еще не полностью разоренным селам. Воистину, не последняя трудность короля Швеции состояла в том, что ему нечем было платить своим солдатам, многие из коих не имели ни хороших лошадей, ни оружия. Хотя он недавно получил субсидию из нескольких бочонков с золотом от Франции и Швеции, всего этого едва хватало, чтобы набирать рекрутов для новых полков его армии, поставлять боевые припасы, поддерживать обличье двора и изредка выдавать третью часть так называемого "ленунга"[173]
л. 97 об. *Март.*
пехотным полкам в гарнизонах, дабы они не обременяли жителей. Конница же, как гарнизонная, так и полевая, всегда перебивалась, чем придется.

Пройдя Торн и Служево, армия сначала разбила общий полевой лагерь в двух милях оттуда, а с продолжением марша располагалась в деревнях поблизости от Куявского Бреста и далее до Коваля, где было дано несколько дней для отдыха войск и прихода полков, кои еще не подтянулись. Затем армия выступила к Соботе и разместилась в городке и окрестных селах.

[Марта] 17. Здесь король получил письмо от князя Трансильвании, который при своем появлении в Польше в кратком манифесте объявил причины вторжения:

> 1. Справедливые притязания, кои он имел, дабы унаследовать Польскую Корону.
>
> 2. Невзирая на многие добрые услуги, оказанные им державе *л. 98* Польской, сословия Польши предлагали свою корону другим, им же пренебрегали.
>
> 3. Многие из магнатов и шляхты учтиво просили его предъявить свое право. Посему он прибыл ныне, дабы потребовать от польских сословий декларацию. Если они этого не сделают, он покарает их огнем, мечом и всеми бедствиями войны. Но буде они выскажутся в его пользу, он обещает охранять всех людей любого чина и состояния с их привилегиями, вольностями и иммунитетами.

Столь воинственная риторика не могла не оскорбить слух поляков. При своем появлении [Ракоци] щадил все поместья Любомирских, что породило среди поляков большие подозрения. Тем более разнеслась молва, что коронный фельдмаршал из своего лагеря под

Краковом отправил к князю двух шляхтичей с грамотами, приглашая его совершить сие нападение. Но когда отставшая часть /*л. 98 об.*/ его войск была отрезана отрядом, который выслал коронный маршал, и не допущена в Ланьцут — принадлежащий оному хорошо укрепленный замок, [Ракоци] приказал поджечь город Ланьцут и впредь подвергать его земли таким же жестокостям, как и прочие. С тех пор оба шляхтича, Станиславский и Собигурский, уже не пользовались у него таким уважением и доверием, как прежде.

В Соботе король Швеции получил также известие, что польская армия стоит у Сандомира, а литовские войска во главе со своим гетманом Сапегой идут от прусских границ, где они следили за перемещениями шведов и бранденбуржцев, в Польшу, дабы соединиться с коронной армией. Отсюда же захворавший генерал Дуглас был препровожден в Лович, в 12 милях, где все еще находился шведский гарнизон.

/*л. 99*/ После 3-дневного пребывания в Соботе король пошел к Раве и затем на Пётркув. Вперед был выслан большой отряд из 2000 конницы, который призвал город сложить оружие. Комендант, майор Лонский, ответил, что не отдаст его так легко. Об этом спешно уведомили короля; армия выступила и появилась под городом. Когда была установлена артиллерия, комендант пошел на переговоры и, сдав город на приемлемых условиях, покинул оный два дня спустя. Король оставил здесь скорее охрану, чем гарнизон, не желая растрачивать и терять людей.

Армия двинулась [дальше] и расположилась теснее, чем обычно, хотя и по деревням. Сей ночью поднялась тревога, и мы всю ночь стояли под ружьем, а назавтра узнали, что польская армия прошла в полумиле от нашего лагеря, направляясь к Сандомиру. На следующий день мы выступили не рано и разбили лагерь в полутора милях оттуда.

/*л. 99 об.*/ Мы отправились ко Пшедбужу, а затем на Радошице, где к королю пришли вести от князя Трансильвании. Тут мы узнали, что князь стоит милях в 12 отсюда; в его войсках около 20 000 трансильванцев, 5000 валахов, 5000 молдаван и 6000 казаков, а также 30 орудий и 1000 подвод со всякого рода боевым снаряжением[174].

Здесь же к королю явился генерал-майор Вюрц и получил приказ передать город и замок Краков князю Трансильванскому, когда он того потребует, и идти с гарнизоном в Пруссию или Померанию, куда наиболее удобно. Мы известились также, что Фердинанд III, император Германский, скончался, а сын его Леопольд, король

Венгрии и Богемии, завершает вербовку полевой армии до 32 000 человек. Теперь поляки имели большие надежды заключить */л. 100/* с сим королем и Австрийским домом союз, к коему они никак не могли склонить покойного императора. Я слыхал, что после битвы под Варшавой он дал такой ответ польским послам: принимая во внимание лишь недавно подписанный мир со Швецией, а также благо и спокойствие Римской империи, он не может порвать со Шведскою Короной. Однако ввиду участия и расположения, кои он питает к Короне Польской, он будет использовать все средства, как самолично, так и через союзников своих, дабы побудить или принудить Швецию к миру в случае ее слишком безрассудных домогательств. Между тем он станет помогать [полякам] наилучшим советом и заявляет, что им никоим образом не следует решаться на генеральное сражение со шведами, ибо им недостает пехоты и должной дисциплины, а шведы славятся и тем и другим. Он увещал их только посредством легких и небольших отрядов препятствовать [шведам] в */л. 100 об./* фуражировке, благодаря чему те вскоре окажутся в малом числе и великой нужде. Полякам с их подвижным и легким родом конницы делать это весьма просто.

Армия вышла из Радошице и миновала Пиньчув, где Ракоци держал караулы. Вступив в Сандомирское воеводство, король повелел предать всю округу огню в отместку за избиение более тысячи шведов, стоявших на дозоре в здешних краях. Для соединения с князем Трансильвании он пошел на Свенты Кшиж. Княжеские войска шли в нескольких милях правее нас, так что наши фуражиры часто встречались и знакомились друг с другом.

/л. 101/ В последний день марта князь Трансильвании прибыл на встречу с королем Шведским у деревни Мендзибеж[175]. Князь вместе с королем произвел смотр армии, построенной единым фронтом на весьма выгодном участке местности. Когда они отъехали от фронта, были даны два залпа, первым из коих граф Вильгельм Адольф фон Нассау был, к великому несчастью, убит перед строем своего полка, но никто не знает, кем именно.

Отсюда армия двинулась на Завихост, где созвали военный совет. Было решено навести мост через реку Вислу и идти на поиски польской армии, которая, по слухам, стояла возле Люблина. На эти совещания и на постройку моста ушло восемь дней. Войска перешли по мосту и направились к Ужендуву. Тут поступили сведения, что армия поляков уже под Варшавой, и посему было приказано сжечь все излишние обозы. На другой день войска выступили и, минуя Люблин, усиленными и длинными переходами

двинулись к Варшаве. /*л. 101 об.*/ В одном дне пути от нее мы узнали, что поляки ушли на Венгрув и Брест, после чего армия перебралась к Венгруву. Здесь князь пожаловался королю Швеции на большие грабежи и воровство, чинимые шведами против его людей. Возмещение и правосудие были обещаны, поэтому двоих конокрадов повесили.

Отсюда армия двинулась в Кжемень. Когда поляки показались близ нашего стана, на другом берегу реки Буг, сам король вскочил на коня и переправился с теми, кто был под рукою, хотя поляки быстро исчезли. Однако король с большей частью войск всю ночь провел в поле.

Затем армия выступила к Бресту Литовскому, который на требование покориться ответил отказом, но после нескольких пушечных выстрелов они начали переговоры и сдались на условиях выхода со своими знаменами, оружием и обозом.

Мая 6. Два дня спустя кастелян Явицкий, Война и около 300 человек, преимущественно гайдуки, вышли под конвоем в Парчев. Тут мы /*л. 102*/ узнали, что польские войска стоят лагерем у Сокол[176]. Князь Ракоци порывался их преследовать, но завтрашний день принес иные вести, кои встревожили всех.

Король Швеции уведомился о широких [военных] распоряжениях короля Датского на море и суше и о его готовности вступить в дело, а также о том, что договор Короны Польской с королем Венгрии и Богемии почти подписан, и решил повернуть вспять. Сие весьма удивило и опечалило князя Ракоци, однако войска разделились и пошли обратно в Кжемень, где провели 8 дней в совещаниях и ожидании вестей от шедших из Пруссии сил. Наконец прибыл фельдмаршал граф Стенбок, который оставил свои войска в Закрочиме с шестью полукартаунами[177] и большим количеством боевых припасов; в лесу более половины из оных по случайности взорвались, и около 80 человек и множество /*л. 102 об.*/ лошадей при этом погибли. Генерал-майор Горцки[178] командовал бранденбургскими силами, кои были при нем.

Князь Ракоци оставил сильный гарнизон в Кракове, а теперь и другой в Бресте Литовском под командою генерал-майора Гауди; оные города были ему переданы в силу соглашения с королем Швеции. Теперь же постановили идти к Варшаве, королевской столице Польши, где, по слухам, обретался Чарнецкий с летучей армией, дабы наблюдать за перемещением сих войск и охранять собрание сословий, или парламент, заседавший ныне в Ченстохове. Однако князя, замечу, весьма волновала мысль, что король Швеции его покинет

и оставит одного в опасном столкновении с поляками, германцами и татарами; сказывали, что последние тоже выступили из Крыма. К тому же он прослышал, что фельдмаршал */л. 103/* Любомирский напал с войском на Трансильванию и обрек страну на все бедствия войны, а король Польский отправил в Порту жалобу на его вторжение в Польшу, и султан оным недоволен.

В самом деле, учитывая все это, неудивительно, что он встревожился и с жаром упрекал короля Швеции за то, что тот вовлек его в спор, а теперь покидает. Но что было делать? Он видел, что король Шведский в столь же большом смятении и окружен такими же опасностями, как он сам — а природа учит каждого получше заботиться о самом себе.

Тем временем при их приближении к Висле Чарнецкий сделал вид, что собирается помешать переправе, но новодвурский шанц на острове */л. 103 об./* сослужил добрую службу. Этот шанц был возведен годом ранее, когда шведская армия стояла при Новом Двуре недалеко от Закрочима, а после битвы под Варшавой передан под надзор майору Александеру Андерсону с 200 отборных солдат из разных полков. (Сие рассказано на стр. 152)[179]. С самого своего прибытия, пока армия стояла под Варшавой, он собирал провиант, сколько мог, и особенно запасался солью, коей было вдоволь на одном из соседних королевских складов, или магазинов. Сначала он доставлял оную под защитой орудий на берег реки, а затем не спеша и на остров. В хлебе он вскоре испытал большой недостаток и, уведомив о том короля, получил приказ освободить [шанц] и спуститься по реке в Торн. Но когда он послал разведать путь, сие сочли невозможным, ибо на множестве островов ниже по течению обитали поляки, а иные его блокировали. Хотя [шведы] получили известие о его уходе, прорваться оказалось невозможно.

Итак, он был вынужден обходиться своим провиантом как можно лучше. Наконец */л. 104/* поселяне, имея великую нужду в соли и узнав от откупившихся пленных, что в шанце или форте оной в изобилии, нашли способ для перемирия, так что за соль он получал и зерно и все прочие припасы, в коих имел потребность.

Поскольку [шанц] еще находился в руках шведов, оный весьма пригодился для скорой постройки моста через реку. Убедившись в этом, Чарнецкий со своими поляками вовремя отбыл к Ченстохове, где [на сейме] было предусмотрено набрать большую армию из пехоты и конницы под началом иностранных офицеров. Впоследствии сие осуществилось с помощью благочестивых пожертвований духовенства.

В Варшаве король Швеции с князем и войсками провели 8 дней в обсуждении своих дел. Однако по взаимной необходимости они расстались, кажется, добрыми друзьями. Король Шведский после того, как были опустошены дома, розданные его офицерам в Варшаве, пересек Вислу у Закрочима и через Мазовию
Июня ст. 3/н. 13. прибыл в Штрасбург,
/л. 104 об./ *ст. 8/н. 18.* а оттуда в Торн, где ожидал графа фон Зульцбаха от курфюрста Бранденбургского, а также силы, кои намеревался взять с собою.

После кончины в марте Римского императора его [сын] Леопольд, король Венгрии и Богемии, вступил в тесный союз с поляками на следующих статьях:

1. Между сторонами установится вечный мир.

2. Король Венгрии и Богемии предоставляет королю Польскому вспомогательный корпус из 16 000 человек с достаточной артиллерией.

3. Сия армия, пока она необходима в Польше, находится в распоряжении и под командою короля Польского. Слияние с польскими войсками будет на усмотрении Его Величества, но с тем, чтобы оная подчинялась Королевскому Величеству, а не кому-либо из польских генералов.

4. Король Польский обеспечит сию армию провизией и боевыми припасами во время пребывания [имперцев] в Польше, и с этой целью при них будет польский комиссар.

/л. 105/ 5. Что касается их оплаты или жалованья, то король Польский передаст соляные копи assecurationis loco[180], дабы король Венгрии и Богемии с учетом расходов при наборе сей армии получил с оных соляных копей сумму в 500 000 дукатов. Однако эта сумма подлежит уплате не единовременно, а за десять лет.

6. Оба короля будут иметь своих управляющих при оных копях, из доходов от коих армия получит плату, прибыль же короли используют совместно.

7. В случае, если доходов от оных копей будет недостаточно для выплаты указанной суммы в 500 000 дукатов и содержания армии, король Венгрии и Богемии получит возмещение за счет прав и интересов, кои король Польши имеет в княжествах Опольском и Ратиборском, в той мере, в какой другие гарантии, доходы и выплаты окажутся неполными.

8. Во взятых австрийской армией местах до окончания войны будут стоять ее же гарнизоны salvo tamen numero praememorati succursus[181].

9. Ни одна из сторон не пойдет на мир или войну без согласия другой.

/л. 105 об./ 10. К сему союзу по своему желанию допускаются государи Австрийского дома, Дания, Голландия, Московия, татары, курфюрсты и князья Империи, особливо курфюрст Бранденбургский — при условии возвращения ablata[182], отделения от Швеции и союза с Польшей в качестве вассала оного королевства.

Дано 27 мая 1657 г. в Вене.

После заключения сего договора об альянсе было отвергнуто предложение французского посла Л'Омбра о переговорах от имени Швеции при условии участия всех шведских союзников. Король Польский отказался идти на какие-либо переговоры без согласия короля Венгрии и Богемии и других своих союзников, да и прежде любых обсуждений шведам следовало бы освободить его территории.

Чуть ранее Чарнецкий отбил у шведов Пёткув, и король сделал его воеводою Русским.

После расставания с королем Швеции в Варшаве князь Ракоци выступил оттуда без задержки и переправился через Вислу у Казимежа. Он получил вести, что */л. 106/* австрийская армия уже прибыла в Польшу, а Любомирский, причинив великий урон в Трансильвании, на обратном пути расставил крепкие гарнизоны на всех карпатских перевалах, и весь Подгурский край вооружился, дабы воспрепятствовать маршу [Ракоци] до подхода австрийских войск. Он опасался западни и окружения от всех этих сил, и бывшие с ним казаки под началом некоего Антона Колова[183] убедили его уклониться влево. Казаки обещали сопровождать его и послали за подкреплениями, с коими, как они говорили, можно проложить путь в Трансильванию поблизости от их страны. Однако, по словам поэта, "incidit in Scillam cupidus vitare Charibdim"[184], — так и случилось с трансильванцами.

Дойдя до границ Подолии, казаки узнали от земляков, что на Украине объявился крымский хан со своими татарами, бросили князя и разбежались по домам, хотя и князь получил от добытчиков провианта сведения о приходе татар на Украину, что повергло его в еще большее смятение, чем прежде. Но поскольку */л. 106 об./* не осталось времени долго рассуждать, он снова в великой спешке обратился в правую сторону.

Почти одновременно пришла весть, что татары и поляки совсем близко. В столь тяжком положении, ввиду невозможности безопасного отхода, на военном совете было решено капитулировать перед поляками. На длительные прения времени не было, и трансильванцы охотно согласились на все польские требования, тем более что оные не выглядели непомерными. Уговорились, что все пленные с обеих сторон будут освобождены, польские города, где князь держал гарнизоны, возвращены, а гарнизонные солдаты отпущены под конвоем к рубежам Трансильвании со своими знаменами, оружием и обозами, с коими они пришли в страну. За нанесенный Польше ущерб князю надлежит выплатить [...] миллиона дукатов, во исполнение чего двое главных вельмож останутся в заложниках.

Любомирский обещал сопроводить под охраною князя и тех, кого тот пожелает взять с собой. Однако за всю армию он не поручился, ибо поблизости со всеми своими силами стоял хан, коего он /*л. 107*/ *Августа 11.*[185] не дерзал оскорбить или прогневать. Он обязался лишь не помогать татарам, а в случае несчастья — ходатайствовать о милостивом обращении [с пленными]. Когда сие было условлено, подписано и утверждено, а заложники переданы, в тот же вечер князь и около 1500 конницы выступили под польским конвоем и благополучно достигли своей страны.

Войска же снялись на другой день в добром порядке, но были исполнены дурных чувств, ибо князь их покинул. Они пребывали в большом замешательстве и страшились опасностей, в коих очутились. Главнокомандующим стал генерал Comineanus[186] — весьма храбрый и опытный вельможа. Сказывали, что хотя князь позволил ему и даже просил поехать с ним, тот не захотел бросить армию.

К вечеру фуражиры были отброшены к своим войскам передовыми разъездами татар. С рассветом армия двинулась вновь, держась поближе к своему вагенбургу[187] и то и дело встречая атаки татарских отрядов. Около полудня хан со всеми своими силами, примерно 60 000 человек, /*л. 107 об.*/ предстал перед ними и немедленно повел ужасный натиск со всех сторон, рассчитывая прорвать их строй. Однако венгры весьма доблестно оборонялись и в тот день много раз отражали их, прогоняя подальше пушечным и ружейным огнем. Ночь они провели очень тревожно и как бы в загоне, так что травы едва хватало для лошадей и скота. К тому же татары не давали им передохнуть и беспокоили устрашающими воплями.

Поутру [венгры] продолжили марш и целый день подвергались яростным налетам татар, кои стремились сломить их и вынуждали делать частые остановки. Множество было убито и ранено с обеих

сторон, но больший урон несли венгры, ибо татары, проносясь мимо, выпускали такие тучи стрел, что меркнул свет. В этот день уйти далеко не удалось, а ночь почти не принесла покоя, поскольку их зажали еще крепче, чем прежде. Здесь бросили много подвод, так как тащившие их лошади и волы были перебиты, и закопали несколько самых тяжелых орудий, дабы */л. 108/* ускорить марш.

Назавтра [венгры] прошли через те же опасности и вскоре после полудня достигли местечка и замка Mezeboze[188], расположенного в красивой, но заболоченной долине. Тут они провели ночь и следующий день, причем татары не очень их донимали, и совещались, что делать дальше. Одни предлагали там остаться и взять татар измором, но из-за недостатка припасов для солдат и лошадей сей замысел быстро рухнул. К тому же им ни от кого не стоило ждать помощи; хотя князь при отъезде и обещал поднять всю страну и явиться им на выручку, те, кто был поумнее, мало в это верили. Многие советовали капитулировать за большую сумму денег и выдать заложников, но более отважные твердо против сего возражали. Наконец было решено идти дальше, вопреки всем преградам, в надежде через несколько дней добраться до теснин, где татарам будет неудобно, ибо у них одна конница. Да ведь татары ни разу и не сломили их, несмотря на всю мощь своих атак. Теперь боевые приемы оных им неплохо знакомы, и [венгры] вполне могли надеяться, что благодаря своей храбрости выдержат все их наскоки и дойдут, */л. 108 об./* куда пожелают.

Итак, построив и распределив всех наилучшим образом, они выступили в 3-м часу дня. В полумиле от городка на них жестоко обрушились татары, которых, правда, они смело отразили. Но пехотинцы, преимущественно молдаване, кои бились лучше всех и с наибольшими усилиями, то ли заметив среди татар множество одетых по-турецки (турки[189] применяли сию хитрость для вящего устрашения), то ли отчаявшись осуществить задуманное, вдруг взбунтовались и перешли к татарам. Это непредвиденное несчастье так поразило венгров, что они долго не могли ни на что решиться, но поскольку нависшая опасность не допускала формальностей и чинных совещаний, они в беспорядке, почти в смятении, обратились вспять к городу. Там они стали всерьез обсуждать, как быть дальше.

Татары теперь не сомневались в победе и решили больше не атаковать венгров, ибо те не могли долго держаться из-за недостатка припасов, а только блокировать их, препятствуя доставке провизии и фуража. В этот и на следующий день между ними были легкие стычки, */л. 109/* но на третий, 11 августа, венгры отчаялись в помощи и

освобождении, единодушно решили капитулировать и пошли на переговоры, кои вскоре прекратились, ибо генерал и некоторые из предводителей армии отправились сами и были задержаны татарами. Войскам немедленно послали приказ сдаться военнопленными. Так как спасения не было, венгры вышли и сложили знамена и оружие. Отобрав все имущество, их всех увели в Крым, откуда они были впоследствии выкуплены за крупные суммы денег.

Германская[190] армия явилась в Польшу примерно в означенном числе под верховным командованием Н.Хатцфельда. Главными военачальниками были фельдмаршал Шпарр, граф Монтекукколи[191] — генерал-лейтенант от кавалерии, Суза — генерал-лейтенант от инфантерии, генерал-майоры Хойстер и [...]. Они двинулись на Краков и, подойдя к оному, командующий отправил двух трубачей, одного к шведам, другого к венграм */л. 109 об./* или трансильванцам. Шведам было объявлено, что от короля Венгрии и Богемии нет распоряжений воевать против них. Посему, если губернатор согласно приказу, который, как известно, у него имеется, выйдет из замка и города, то дается обещание безопасно проводить их до любой из ближайших шведских территорий. В случае отказа от шведов требуется не поддерживать венгров, коих [имперцам] велено изгнать из сего места. Если же те окажут им помощь, то поневоле придется вести военные действия против обеих сторон. Шведский губернатор генерал-майор Вюрц, человек благоразумный и опытный солдат, оправдывался, что не будет выходить из замка (коим только и владеет, ибо город он в соответствии с приказом передал венграм), доколе венгры находятся в городе, но обещал не давать им никакой поддержки.

Венграм же было предложено очистить город и обещано, что если они это сделают до установки артиллерии, их */л. 110/* благополучно проводят со всем, что им принадлежит, до ближайшего места в их краях. Сие было отвергнуто, и поскольку германская артиллерия еще не появилась, несколько дней прошло в стычках и вылазках, причем некоторые шведы попали в плен. Их отослали в замок к губернатору с наставлением не разрешать своим людям объединяться с венграми для враждебных действий. Тот, извинившись, дал обещание.

Король Польши прибыл к германской армии под Краков и, получив полномочный приказ, отданный князем Трансильвании о сдаче Кракова, отправил оный губернатору. Тот созвал военный совет, на коем было решено подчиниться и просить встречи для [обсуждения] капитуляции. На это последовало согласие, и после принятия обычных воинских условий

Августа 22. венгры выступили и под конвоем достигли своей страны невредимыми. Шведы тоже согласились выйти из замка с орудиями, боевыми припасами, реющими стягами, барабанным боем и звуком труб. У них было около 1500 солдат под 26 пехотными знаменами, 2 роты драгун — */л. 110 об./* 80 человек, 12 рейтарских рот — 672 человека, 500 отборных рейтар и мушкетеров при обозе, 317 обозных подвод, 27 карет, 46 колясок, 132 лошади на поводу, конных и пеших женщин — 221. Их конвоировали 9 эскадронов германских рейтар. Чарнецкий, известившись об их марше, преследовал их с 6000 конницы, но настичь не сумел. Упустив их, он совершил набег на Померанию и причинил там великий вред.

После сдачи Кракова король Польский с имперской армией двинулся к Пруссии. Тем временем генерал-майор Гауди, получив приказ от князя, уступил Брест Литовский полякам и вместе с гарнизоном по воинскому обычаю был безопасно препровожден в Трансильванию.

Но вернемся к шведам. Пока король [Шведский] пребывал в Польше, форт, именуемый Данцигер-Хаупт, подвергся нападению Грудзинского с 5000 поляков и данцигцев — тщетно. Однако они блокировали оный до приближения к Пруссии короля с армией и затем отошли. */л. 111/* Как только граф фон Зульцбах приехал от курфюрста Бранденбургского со слабым заверением в преданности сего государя, а полки, которые король решил взять с собою, сошлись, и все было устроено наилучшим образом для удержания Пруссии, король выступил из Торна 4 июля, перейдя мост пешком в сопровождении магистратов. Он держал путь на Бромберг и Штеттин, но прежде отправил в Швецию Дугласа, произведенного в фельдмаршалы, Хенрика Хорна, ставшего генерал-лейтенантом, и генерал-майора Густава Габриэля Оксеншерну, дабы сосредоточить силы и обезопасить шведские рубежи от Дании и Норвегии.

В Пруссии остались принц Адольф Иоганн — пфальцграф, назначенный генералиссимусом, граф Бенгт Оксеншерна, фельдмаршал Лоренц фон дер Линде, молодой маркграф Баденский, генерал-майоры Билау[192], Данкворт и Вюрцбург. Оставленные в Пруссии силы составляли: в Торне 3600, в Штрасбурге 1200 — с войсками из Ноймарка, */л. 111 об./* в Грауденце 800, в Штуме 100, в Мариенбурге 2500, в Данцигер-Хаупте 1800, в Эльбинге 3000 — всего около 13 000. В Торне за губернатора начальствовал граф Бенгт Оксеншерна с комендантом генерал-майором Билау, в Штрасбурге — полковник Плайтнер, в Грауденце — полковник Пюхер, в Штуме — [под]полковник Андерсон, в Мариенбурге — комендант полковник

Дудерштатт; здесь же по большей части пребывал сам генералиссимус, а также генерал-майор Вюрцбург. В Данцигер-Хаупте командовал генерал-майор Данкворт, в Эльбинге — губернатор фельдмаршал фон дер Линде и комендант маркграф Баденский. В это время [шведы] еще держали гарнизоны в разных городках и замках, как то: Тухель[193], Кониц, Швец, Меве, Липинки, Диршау, Ноймарк, Големб, Ковалево и Монтау-Шпиц. Все оные были вскоре очищены, исключая последний.

Однако число солдат в гарнизонах ежедневно уменьшалось от болезней и дезертирства. Я слыхал разговоры, будто король отдал прямой приказ оставить Тухель и Кониц, дабы поляки овладели сими местечками и лишили всякой надежды тех, кто намеревался перебежать из Пруссии в Померанию.

/л. 112/ Стоит принять во внимание, как содержались оные гарнизоны, ибо хорошо известно, что доходы и поставки из Швеции были слишком скудны, чтобы поддержать обличье двора и затраты государственных сановников, обеспечить боевые припасы, удовлетворить главнокомандующих, при такой крайности, как нынешняя война с Данией, получить деньги для нового набора рекрутов и платить жалованье совершенно безоружным и бесконным солдатам, чтобы те раздобыли себе оружие, лошадей и одежду. Пособия из Франции и Англии приходили туда, где был король, а в Пруссию ничто и ниоткуда не поступало. Она должна содержать себя самоё, что очень тяжело, ибо войска изголодались, народ разорен, а страна сильно опустошена и обнищала из-за бродящих по ней вдоль и поперек армий. Вся торговля и сношения с другими странами и областями пришли в упадок, огромные стада скота, пригнанные из Польши, занесли в Пруссию мор.

Правда, городские склады были снабжены хорошими запасами зерна, что давало солдатам по два фунта хлеба в день и по кружке пива. Весьма жалкая вещь — их так называемая служба! Топливо и свечи, соль и лепешки — там, */л. 112 об./* где кое-что можно было раздобыть, — предоставляли хозяева, что служило подспорьем для немногих имеющих квартиры. Они собирали контрибуцию с округи, особенно с вердеров, пока оные были способны что-либо дать. Во многих местах пехотинцы иногда имели по рейхсталеру или 3 флорина в месяц, а рейтары и офицеры временами получали соответствующее жалованье. Но несмотря на все это, люди любого звания в конце концов терпели большую нужду.

После отъезда короля Шведского из Пруссии дела шведов переменились к худшему. Их общипывали со всех сторон. Первыми

проявили себя мазуры, которые отважились перейти вброд реку Дрвенцу[194], угнали губернаторских лошадей и отказались платить контрибуцию. Шведы, получив в Торне известие, что те собираются воедино, выслали полковника Дрэйка с 500 рейтар и 200 драгун, дабы разведать их численность и замыслы и, если представится случай, сразиться с ними. Мазуры узнали от своих лазутчиков, что шведы перешли Дрвенцу, стянули около 300 конницы и 200 пеших крестьян и, убедившись, что те расположились в поле на краю леса без какого-либо преимущества, подступили очень близко; на рассвете */л. 113/* напали на них со всех сторон с большим шумом, разгромили без особого труда и гнали через Дрвенцу, пока до Торна не осталась одна миля. Шведские рейтары несколько раз делали остановки, иначе не спасся бы никто из драгун. Однако неделю-другую спустя шведы разбили отряд мазуров и взяли несколько пленных, благодаря чему вызволили тех, кто был захвачен при первом налете.

Лорд Крэнстон, получивший от короля разрешение вернуться в Шотландию, и ряд задержавшихся шведских офицеров, коим было велено следовать за королем, отправились с конвоем из Торна и благополучно достигли Малой Померании.

С помощью гарнизона в Диршау и моста через Вислу поблизости от города шведы обложили контрибуцией почти весь Данциг-вердер, что причиняло данцигцам великий вред и было для них бельмом на глазу. Посему они решили снести мост и взять гарнизон Диршау врасплох. Выступив с более чем 2000 конницы и пехоты, они весьма скрытно приблизились к Диршау — никем не замеченные, как им казалось. Но генералиссимус, стоявший на большом вердере по другую сторону моста, узнал об */л. 113 об./* их марше еще за несколько часов, переправился и поджидал их в полном порядке. У него было не свыше 1500 солдат.

Данцигцы, кои построились на возвышенности, то ли из-за тумана, то ли чтобы дать своим людям отдых сделали привал. В это время, к большому счастью для шведов, прибыл граф Вальдек с 1000 конницы, следовавший в Померанию. Шведы убедили его, хотя и не без возражений, примкнуть к ним и биться.

Когда дымка рассеялась, войска оказались так близко друг от друга, что не могли разойтись без боя, да и не видели проку в отходе. Они вступили в схватку и состязались более часа с большим жаром. Наконец, данцигцы были превзойдены и отступили на вердер, вначале в неплохом порядке, но затем в замешательстве, особенно конница, коей не было и трети от числа шведов и бранденбуржцев. Пе-

реход на вердер, где пространство стеснено, ибо весь он изрыт окопами, помог пехоте отступить. Да и верховые часто держали оборону у мостов, так что пехотинцы имели возможность ускользнуть. Около 300 данцигцев было перебито и захвачено с несколькими знаменами, четырьмя 12-фунтовыми пушками, тремя полевыми орудиями, всеми боевыми припасами и множеством оружия. /*л. 114*/ *Сентябрь.*

После сего граф Вальдек продолжил поход в Померанию. Говорили, что он получил весть о перемирии на 6 недель между курфюрстом Бранденбургским и Польшей с ее союзниками, и курфюрст не слишком доволен тем, как охотно он оказал помощь шведам.

Почти в то же время один из графов фон Вальдек погиб в Мазовии, а полковник Роза и майор Клингер были казнены в Мариенбурге; первый — за изменнические речи, второй — за нечестную игру при наборе солдат.

С наступлением польских войск в Великую Польшу им сдались Калиш и Познань. Также и Гонсевский с литовской армией надвигался на Пруссию, что побудило курфюрста позаботиться о себе: он не надеялся на сколько-нибудь сильную поддержку шведов и сознавал, что ему будет слишком тяжело иметь дело с поляками и германцами, так что страна его непременно подвергнется разорению. Поэтому при посредстве барона д'Изола состоялась встреча курфюрста Бранденбургского с Гонсевским в Велау[195], где приняли перемирие на 6 недель. Тем временем им предстояли переговоры, кои продлились не так долго.

19 сентября был заключен мир /*л. 114 об.*/ на следующих условиях:

1. Да будет прочный и вечный мир между королем Польши с Речью Посполитой и курфюрстом Бранденбургским.

2. Невзирая на то что король Польши получал половину из пошлин Пиллау, отныне оные полностью принадлежат курфюрсту.

3. Курфюрст будет освобожден от ежегодного взноса, который он был обязан платить королю Польши за герцогство Прусское.

4. Никакие апелляции от кого-либо из вассалов или подданных герцога в Пруссии не будут подаваться в польский суд, как прежде.

5. Король Польши принимает посредничество герцога между ним и королем Швеции.

6. Герцог не только расторгнет свой союз со Швецией, но и в случае необходимости окажет Польше содействие в возврате Пруссии.

Сие дано в Велау в Пруссии в год Господень 1657, сентября 19.

Комиссарами от Польши были:

Венцеслав de Lesno Episcopus Warmien[sis][196]

Винцентий Корвин Гонсевский Thesaurarius et Campiductor M.D. Lith[uaniae][197]

Франциск д'Изола Ser[vus] Regis Hung[ariae] et Bohemiae ablegatus pro mediatione[198]

/л. 115/ Комиссарами от курфюрста были:

Отто liber Baro a Schwerin[199]

Лаврентий Христофор Зомниц.

Сей договор был затем утвержден в Бромберге 6 ноября, и заложены основы для более тесного альянса.

Поляки с германской армией неторопливо наступали на Пруссию. Первое военное действие между ними и шведами произошло под Штрасбургом. Лейб-рота фельдмаршала графа Дугласа была разгромлена, ротмистр и еще 11 человек погибли, 14 попали в плен, большей частью раненые[200]. После этого армия [союзников] продвинулась и стала лагерем с куявской или польской стороны от Торна. Несколько дней они обстреливали форт на краю моста и, почти сровняв оный с землею, взяли штурмом, а в нем лейтенанта-шотландца и около 20 солдат. Здесь они простояли недели три, а несколько конных полков, расположенных в Мазовии, наводнили всю местность на прусском берегу реки Дрвенцы. Наконец в середине ноября они снялись и ушли на квартиры в Великую Польшу.

В это время никто так не досаждал и не вредил шведам в Пруссии, как некий Михалко — сын прусского крестьянина. */л. 115 об./* Он послужил шведам в чине рейтара и капрала и, будучи взят поляками в Пе[ль]плинском монастыре (шведы говорили, что тот от них сбежал), вскоре собрал кое-каких вольных людей. Хорошо зная все дороги и закоулки, он отбирал у шведов много добра и всегда уходил в Тухель, Кониц или Члухув. Когда имперцы[201], или германцы, вступили в Пруссию и блокировали Торн, он созвал людей, занял замки Штаргард[202] и Липинки и с отрядом легкой конницы рыскал по округе, причиняя повсюду великий ущерб и подобно грому обрушиваясь на шведов у самых ворот их крепостей. Затем он снова ускользал неведомо куда, и было слышно лишь о том, что он нанес урон в другом месте и исчез.

Но с отходом германской армии от Торна он явился к своему гарнизону в Штаргарде, дабы условиться о ходе действий; предупрежденные об этом шведы ночной порою выступили из Торна и с рассветом окружили замок. Поскольку оный не был обеспечен припасами и не годился для долгой обороны или сопротивления,

/л. 116/ *Ноября 20.* те сдались с условием, что им сохранят жизнь и отпустят на волю. Сие было исполнено; только Михалко, который расхаживал под званием ротмистра, задержали как шведского перебежчика и отправили в Мариенбург, где из-за него собрали военный совет. Хотя явных улик и не имелось, весьма вероятно, что ему пришлось бы довольно туго, если бы король Польский вовремя не заступился за него. Сначала в этом было отказано, но затем последовали угрозы о возмездии, так что тот был отпущен и опять взялся за старое ремесло, причиняя еще более вреда, чем раньше. Король Польский возвел его во дворянство и пожаловал ему чин (коего тот прежде не имел), утвердив его ротмистром.

1658

Взяв Липинки, шведы поставили там подполковника Бомсдорфа с гарнизоном из сотни солдат. Кроме помянутого Михалко, их не слишком тревожили до начала февраля, когда прибыл генерал-майор Хойстер с 4000 рейтар и драгун и намерился пересечь Вислу повыше Монтау-Шпица. Пока войска строились, он переправился лично с шестью всадниками, дабы обозреть местность, и был захвачен врасплох */л. 116 об./* шведским корнетом, притаившимся невдалеке в зарослях. Шведы оказались отборными солдатами, посланными на разведку, и почти не встретили сопротивления. Его взяли в плен чуть далее мушкетного выстрела от [имперских] войск, но те, как ни старались, не смогли настичь шведов, кои, заполучив такую добычу, во весь опор помчались в Мариенбург.

После пленения генерал-майора главное начальство принял некий Шпанко — драгунский полковник. Пройдя через Штум и Альтмарк, он стал лагерем в большой деревне у Эльбингсвердера, где пробыл две недели и потерял много людей при фуражировке на вердере. Затем он отправился в епископство Варминское и провел там остаток зимы, посылая отряды и делая набеги на вердер и окрестности Мариенбурга и Эльбинга.

Польский генеральный комиссар или, как его называют, pisar polny Ян Сапега прибыл с 3000 конницы и зимовал в Кульме, откуда со своими небольшими отрядами держал шведов, [стоявших] в

Торне и Грауденце, в постоянных упражнениях. Шведы не смели приближаться к его гарнизону, ибо не имели хороших лошадей и не могли выставить */л. 117/* довольно солдат, дабы осуществить отступление в случае неудачи, так что за всю весну в этой стороне не произошло ничего примечательного.

Поляки созвали сейм, или парламент, в Варшаве. Между ними шли великие споры о продолжении войны. Шведы уже не были хозяевами полей, а заперлись по гарнизонам, везде в очень крепких и хорошо защищенных городах, кои не могла взять конница. Хотя [поляки] располагали большим корпусом германской пехоты из имперцев, оного было недостаточно, и ввод в дело его одного противоречил духу подлинного союза. Дабы вести войну совместно, они должны набирать пехотинцев, что все находили не только выгодным, но и необходимым. Больше времени заняло обсуждение их численности и особенно средств для набора. Наконец сошлись на количестве в 14 000 пехоты, 3000 рейтар и столько же драгун, все с иноземными офицерами и выучкой, помимо довербовки нескольких старых полков, кои уже имелись.

Вполне можно сказать (да так оно и есть): сие число никак не соизмерялось с их возможностями, однако всецело соответствовало чрезвычайному состоянию дел. Когда перешли к способам набора и содержания [войск], */л. 117 об./* раздались одни лишь горестные жалобы, причитания и стоны о разрухе и совершенном запустении страны[203]. В нижней палате не хотели и слышать о каких-либо поборах, налогах или контрибуциях; все ссылались на неспособность и невозможность [к тому].

При сем затруднении духовное сословие, посоветовавшись прежде меж собою, поднялось и устами архиепископа Гнезненского выступило перед королем и [другими] сословиями с длинною речью, смысл коей был таков. Католическая церковь в Польше посредством благочестивой щедрости и набожных дарений их предшественников настолько воссияла, что нигде не видано ничего более блистательного. Ее сановники, монастыри и соборы наделены такими доходами, храмы украшены такими богатствами, что ни одно королевство в Европе не может похвалиться бóльшим. [Но] ввиду ужасных времен и превосходного могущества многих недругов держава доведена до столь низкого состояния, и они размышляли, чтó может быть сделано с их стороны, дабы оказать решительную поддержку и вознести государство в его насущных великих потребностях.

Он говорил, что до сих пор церковь была защищена — и уповает на дальнейшую защиту — благодаря доблести [поляков]. Посему

будет по меньшей мере разумно, если церковь предоставит /*л. 118*/ должное вспоможение, помолится за них и дарует столько средств, сколько может. Сверх того он сказал, что так как общественные доходы заложены, а народ и страна полностью разорены и обнищали, надлежит прибегнуть к чрезвычайным мерам, не сомневаясь, что предстоящие действия будут угодны Богу и запечатлеют в сознании их самих и преемников их благочестивое воспоминание о содеянном ныне. И вот в своей среде они приняли акт о том, что все серебро и утварь, кои служат скорее для украшения, нежели использования, кроме лишь двух потиров и двух дискосов в каждом кафедральном соборе, а в прочих церквах по одному, будут отданы государству на чеканку денег — что составило несколько миллионов. Великие прелаты также вносили крупные суммы в звонкой монете, причем с такой поспешностью и щедростью, что облагать поборами народ не сочли нужным.

Итак, пусть государственные мужи и миряне не завидуют и не ропщут на богатства церкви или ее служителей, ибо она всегда самый надежный якорь и столп государства и верное прибежище правителей. К тому же всеобщее радушие духовенства, милосердие и покой, даруемые им живущим на его землях, весьма приятны и выгодны для государства. Ведь хорошо известно, что нищета навлекает /*л. 118 об.*/ презрение и недовольство на людей всех сословий, особливо на священников, чего никак не следует допускать, ибо лицам в их облачении подобают уважение и почет. Возможно ли, чтобы духовенство пребывало в бедности, обременяло свой разум тем, как добыть себе все необходимое, и притом не отвлекалось от своего служения, будучи вынуждено порою к недостойным и даже незаконным средствам, что отверзает двери смятению и атеизму?

На оном сейме поляки постановили также привлечь короля Датского, курфюрста Бранденбургского и других государей к тесному союзу против шведов и продолжать войну со всею решимостью. Великое Княжество Литовское, хотя и составляло единое целое с Польшей, в подобных случаях принимало соразмерную квоту и таким же образом весьма спешно набрало установленное число пехоты, рейтар и драгун.

Торнский гарнизон, возымев замысел против Бромберга, выслал туда сильную партию конницы и пехоты, застал город врасплох, без сопротивления разорил оный и взял большую добычу.

Генерал-майор Гродзицкий, стоявший в Меве с размещенными там старыми полками польской пехоты, /*л. 119*/ дабы не быть праздным, намерился захватить Лиссау-шанц, укрепить оный, а тем

самым обложить контрибуцией большой вердер и воспрепятствовать сообщению шведов из Мариенбурга и других мест с Диршау. Очень скрытно и тихо стянув свои силы, [поляки] перешли Вислу, принялись чинить и укреплять шанц и строить через Вислу мост, трудясь и днем и ночью. Сие продолжалось несколько суток, и работы были почти завершены без ведома шведов. Однако шведы прознали об этом и собрали все свободные войска из Мариенбурга, Эльбинга и Данцигер-Хаупта, всего около 3000 пехоты и 800 конницы; тем временем они держали ворота оных мест на запоре и вели разведку повсюду вдоль Вислы. Присутствовал и генералиссимус с большинством начальников.

Приблизившись к форту и обозрев его, [шведы] обнаружили, что оный защищен лучше, чем ожидалось, и овладеть им силою не так просто. Поэтому они решили разрушить мост и отсечь бывших внутри от всякой помощи и снабжения, зная, что те плохо обеспечены боевыми припасами и провизией. Сие удалось прекрасно. После нескольких дней установки батарей */л. 119 об./* и канонады по мосту, когда подполковник Пфлауме и некоторые другие были убиты, мост, наконец, приведен в негодность, а все надежды на избавление отняты, засевшие в форте, лишенные припасов, ударили шамад. Они не сумели добиться от шведов каких-либо условий и сдались как военнопленные[204].

Между тем Сапега, стоявший в Кульме с польской кавалерией, будучи оповещен, дошел до самого Штума, где застиг врасплох всех фуражиров оного гарнизона. От них он узнал, что форт потерян, и возвратился без больших хлопот.

Прошлой осенью и этой зимою король Шведский предпринял изумительное победное шествие по Дании и вынудил ее короля к крайне невыгодному миру в Роскилле[205]. Одна из статей была о доставке шведам немалого числа конницы и пехоты, что и осуществилось. 1500 из этих пехотинцев были посланы морем в Пруссию под командой полковника Синклера. На тех же судах шведы отправили обратно поляков (около 700 человек), взятых в Лиссау-шанце.

/л. 120/ Вскоре после сего курфюрст Бранденбургский, вступив в наступательный и оборонительный союз с Римским императором, поляками и датчанами, начал открыто враждовать со шведами в Пруссии. Вместе с имперцами и поляками он также повел войска в Данию на помощь ее королю, который, находясь под гнетом шведов, был вновь побужден к разрыву с ними. Таким образом шведские гарнизоны в Пруссии оказались еще более стеснены и отрезаны от

всякой контрибуции и пропитания с большой земли и могли существовать лишь за счет вердеров и провизии со своих складов.

Когда набор польского ополчения главным образом завершился, к осени их войска соединились с имперцами и осадили Торн. Сандомирский воевода Конецпольский с 3 или 4 тысячами солдат был послан, дабы стать лагерем близ Мариенбурга, бдительно следить за мариенбургским и эльбингским гарнизонами и по возможности утеснять их. Так он и сделал, расположившись сначала между Штумом и Ризенбургом[206], а затем при Кристбурге[207].

Незадолго до его прибытия шотландская лейб-рота фельдмаршала Дугласа перешла из Штрасбурга в Эльбинг. Весною и летом она послужила прекрасно, и наконец большинство из них оказались в плену, но были отпущены в обмен на тех, кого /*л. 120 об.*/ захватили сами. Однако ныне, поскольку припасы в оном гарнизоне оскудели, а поляки весьма усилились в окрестностях, от них там было мало пользы, что привело к их отзыву оттуда.

Сначала между шведами и бранденбуржцами не происходило почти ничего примечательного, лишь там и сям разъезжали отряды за продовольствием и фуражом. Первым событием стал захват Мариенвердера. Шведы известились, что оный слабо охраняется и выслали из Мариенбурга отряд; они немного задержались в Штуме, взяв кое-кого из гарнизона с собою, добрались туда с рассветом и овладели [городом] с помощью лестниц, почти не встречая отпора. Большинство горожан и несколько солдат отступили к церкви и обороняли оную. Шведы не дерзнули остаться надолго, уложили свою поживу, коей набрали вдоволь, и благополучно ушли к своим гарнизонам[208].

Вскоре после сего генерал-майор Хойстер, взятый в плен зимою и содержавшийся в Мариенбурге, спасся бегством следующим образом. По письменному обязательству он получил право выезжать, куда пожелает, и не раз охотился в обществе генералиссимуса. К нему прибыла и его супруга и провела при нем несколько недель. Он сговорился со своими соотечественниками, /*л. 121*/ пока те еще стояли на квартирах в Варминском епископстве, и назначил день, когда им надлежит явиться с отрядом конницы и взять и генералиссимуса и его на охоте. Сии сведения он отправил со своей супругой при ее возвращении.

Однако дело это велось не столь тайно, чтобы шведы не почуяли, а позже из-за перехваченных писем все раскрылось. Его заключили в надежную тюрьму в старом замке Мариенбурга. Правда, под надзором офицера и охраны он ежедневно мог передвигаться по зам-

ку и, будучи зван, обедал за столом генералиссимуса. Он потребовал возврата своего письменного обязательства и, сказывают, получил его. Но в прениях, что состоялись впоследствии между ним и генерал-аудитором[209], шведы не стали бы так упорно утверждать обратное, если бы оное было выдано. И все же, заточенный таким образом под крепким караулом, не имея свободы передвижения за пределами зàмка, да и то с охраною, он стал ipso facto[210] узником, не связанным более никаким словом, ибо просил [вернуть] оное. Вернули его или нет, он вполне законно мог использовать средства для побега, не подвергаясь обвинению в совершении чего-либо в этом роде.

Старый и новый замки Мариенбурга разделены глубоким */л. 121 об./* и очень широким сухим рвом, с обеих сторон замкнутым стеною, куда выходят служебные помещения того крыла замка, в коем находилось жилище генерал-майора. Во рву хранились гарнизонные запасы дров, доставляемых из части города, называемой Freyheit, через большие ворота, за коими внутри [крепости] стоял свинарник. Генерал-майор заметил, что каждую субботу, в рыночный день, в ров привозят лес, и раздобыв через прислугу все материалы для мужицкой одежды, справил и примерил оную в своей комнате.

Как-то в субботу перед рассветом, приподняв доску в коридоре, ведущем в служебное помещение, он с помощью своих слуг спустился по веревке в ров и забрался в свинарник. Когда привезли лес, и в ров вошло множество крестьян с телегами, он тайком ускользнул и вышел за ворота, будто бы в поисках какой-то потерянной вещи. Так, никем не замеченный, он проник в город и оставался там, пока не минул полдень. Затем, пристав к 15 или 20 крестьянам, кои собирались уезжать со своими телегами, он одним из первых выскочил из ворот без допроса и отправился в деревню Альтмарк. Там он нанял мужика с повозкой, который доставил его в Ризенбург, где он объявил о себе. Его */л. 122/* снабдили одеждой и всем, чем подобает, и проводили к армии, находившейся при осаде Торна.

В самый день побега из Мариенбурга генералиссимус пригласил его к обеду. Бывшая в его комнате прислуга оправдала неявку тем, что всю ночь он по болезни провел без сна и заснул только сейчас. Также и ночью, когда генералиссимус послал осведомиться о его здоровье, слуги отговорились тем же предлогом. Назавтра, когда время шло к обеду, генералиссимус снова прислал справиться о его самочувствии и просить к столу. После новых извинений отправили генерал-аудитора с приказом увидеться и поговорить с ним лично. Тогда слуги поняли, что дальше таиться невозможно, открыли все и

после строгого допроса и угроз поведали все подробности его бегства оттуда, но не могли сказать, как он выбрался из города и куда ушел. Мариенбург тщательно обыскали и послали верховых по всем дорогам, но о нем не было и слуху, пока он не оказался вне опасности и вне досягаемости.

/л. 122 об./ В начале октября бранденбуржцы выслали сильную партию конницы и пехоты к Ногату, переправились чуть выше Клеменс-Фере и окопались на большом вердере. Шведы не потерпели такой дерзости, сразу же отрядили силы и с меньшим риском и сопротивлением, чем ожидалось, взяли штурмом их форт, перебив некоторых и захватив там майора Денмарка, многих офицеров и около 300 солдат.

Вскоре затем сильный отряд бранденбуржцев под началом генерал-майора Горцки подступил к Прейсиш-Холланду, что встревожило шведов. Генералиссимус вышел со всеми свободными войсками из Эльбинга и Мариенбурга и встретил его возле оного места. Числом шведы много уступали противнику, но ничего не было предпринято. В течение нескольких дней они вращались в разные стороны друг против друга в недоступных местах и разошлись по своим гарнизонам и квартирам.

После этого Конецпольский — воевода Сандомирский — явился из-под Торна и разбил лагерь между Штумом и Ризенбургом, как упомянуто прежде. Отсюда он, постоянно высылая отряды против шведских гарнизонов, весьма их донимал. К концу */л. 123/* ноября он перебрался в Кристбург, где слег от болезни. Он удалился в Польшу и умер, оставив командовать армией Яна Собеского, коронного знаменосца. Тот также отправился под Торн и приказал войскам следовать за ним под началом Н.Суходольского, старосты Литинского.

С начала июля поляки и имперцы держали Торн в плотной осаде. До сих пор шведы не раз пытались доставить своим припасы из Мариенбурга, но из-за блокады не могли сего осуществить. Германцы занимали позиции на восточной и северной сторонах, от реки до ворот и горы [Св.?] Иакова и Шотландской горы, а поляки — вокруг остальных частей города. И в наступлении и в обороне применялись все средства, обычные в наши дни: траншеи, открытые и крытые апроши, батареи, подкопы, гранаты, бомбы. В город метали отравленные и ядовитые снаряды из деревянных мортир, вкопанных в землю. Осажденные тоже действовали, как ожидалось, с помощью крупных и мелких орудий, вылазок и ложных тревог.

Поляки и имперцы много раз с разных сторон штурмовали [город] и были отражены. Однако в декабре после общего приступа они закрепились */л. 123 об./* у Рыбной слободы[211] и в другом месте земляного вала. Осажденные, имея уже очень мало целых и невредимых солдат и отчаявшись в какой-либо поддержке, просили о переговорах, кои завершились соглашением о сдаче на обычных условиях, даруемых тем, кто держался с честью. Итак, 29 декабря граф Бенгт Оксеншерна и генерал-майор Билау выступили со своим гарнизоном. Они вышли под 28 пехотными знаменами и 9 штандартами, в количестве около 600 пехотинцев и не более 100 конницы. Подполковник Бук с 1500 больных и раненых остался в городе. Гарнизон отправили под конвоем в Мариенбург, раненых и больных — туда же через несколько недель.

1659

Первого января король Польский с королевою (она несколько месяцев провела здесь при осаде), французский посол Л'Омбр, фельдмаршал Любомирский, генерал-лейтенант Суза (командующий имперцами) и польская знать вступили в Торн, где провели 8 дней. Отдав необходимые приказания и распределив войска по зимним квартирам, они ушли в Польшу. Большинство польской пехоты и часть кавалерии, кои прибыли в лагерь последними, заняли квартиры */л. 124/* в Пруссии, имперцы — близ Равы и Ловича, а остальные войска получили назначение в разные концы страны. */л. 124 об./*[212]

/л. 125/

1656

[Сентябрь.]

По приезде в Реден, или Радзинь, мой слуга, болевший еще с Торна, слег в постель и два дня спустя умер. По черным и синим пятнам на его груди мы поняли, что он скончался от чумы, ибо в это время был мор во многих местах Пруссии, особенно в Торне и Эльбинге. Однако, нимало не страшась, я велел похоронить его как обычно.

Простояв несколько дней в городке, я занял квартиру в одной деревне с двумя другими шотландцами. После двухнедельного постоя здесь мы получили приказ выступать. Узнав о паре добрых ло-

шадей по соседству, я велел своему мальчишке, взятому мною в той же деревне, разведать положение дома и конюшни. После нашего сбора в Радзине я отправил его обратно за лошадьми; он ловко сделал свое дело и привел ко мне лошадей до зари.

Признаюсь, сие весьма гнусное преступление наказуемо любым гражданским и даже военным законом. Но теперь у шведов на это не только закрывали глаза, но и дозволяли. Сказать по правде, /*л. 125 об.*/ армии нельзя было существовать без таких уловок, а те, кто слишком совестлив, мягкосердечен или ленив, чтобы применять оные, нашли бы верную гибель от вредителей либо умерли от голода и холода. Ведь никакого жалованья ждать не стоило, особенно коннице, и хотя этот край состоял под нашей юрисдикцией и на пределе сил содействовал содержанию армии, шведы не спешили его покидать и, согласно своей максиме, разоряли и опустошали деревни, а к городам и местечкам были весьма благосклонны.

Я не стану здесь утверждать, насколько в подобных проступках повинны их вершители, а равно и верховные власти — об этом можно долго говорить и проводить множество различий. Но вкратце скажу, что едва ли возможно быть солдатом, не будучи угнетателем и не совершая многих преступлений и жестокостей, хотя одни [поступают так] чаще других. Пусть никто не возомнит себя безвинным или достойным прощения по недостатку платы или чего-либо необходимого. В таком случае лучше воскликнуть: "Peccavi!"[213]

/*л. 126*/ Я увещал бы всех христианских воинов и желающих стать таковыми прежде всего добиваться служения у законных правителей и держав в праведном споре или деле. Оборонительная война всегда наиболее законна, как и та, что ведется во имя возврата или сохранения собственных владений и прав. Однако война, ведомая против своей же веры, родной страны или в поддержку мятежников, либо тех, кто под предлогом [понесенных] оскорблений идет стезею завоевателя, — нечестива и незаконна.

Далее — искать такой службы, где можно получать постоянную плату. Ведь таким образом человек, имея содержание, не будет побужден нуждою, если он на верном пути, к каким-либо незаконным средствам. Ибо тяжба или спор часто возлагается на единого государя, но вина в неправедных и незаконных поступках всегда падает на определенных исполнителей.

С рассветом я пошел к ротмистру и, показав ему добычу, испросил разрешения выехать пораньше, дабы сберечь свое /*л. 126 об.*/ приобретение. Получив согласие, я спешно поскакал вперед, в местечко Ласин, и разместился в неприметном доме на задворках. Вече-

ром прибыла рота и стала на постой в городке. На другой день похоронили некоего капитана Дарэма, который накануне скончался в пути от чумы.

Получив приказ ротмистра встретить эскадрон в Холланде, я продолжал свой путь первым. В Холланде я провел один день и ночь и, вернувшись, застал эскадрон на постое в какой-то деревне в миле оттуда. Некоторые из наших товарищей отправились в Эльбинг и Браунсберг. Из двоих ездивших в Эльбинг один на обратном пути умер. Словам другого, что тот скончался от падения с лошади, не поверили и посадили его под стражу в маленькую хижину. Назавтра, когда мы выступали, я задержался и побеседовал с ним (его звали Уоллес). Он рассказал, что его товарищ Росс при выезде из Эльбинга жаловался на сильную головную боль, что, по его словам, */л. 127/* произошло от чрезмерного пьянства. Тот, будучи все еще пьян, не мог поднять головы и наконец свалился с коня и умер. Сей Уоллес говорил также, что сам он вовсе не ощущает никакой боли или недуга, однако воображает и крепко убежден, что должен скоро умереть. Следующей ночью это подтвердилось без малейших признаков боли, и когда его навестили на другой день, на теле не обнаружилось никакого следа моровой болезни.

Легким маршем мы прошли Эльбингсвердер, пересекли Ногат (рукав или проток реки Вислы) в месте, именуемом Клеменс-Фере, и остановились в Гросс-Лезевице. Тут я ночевал с неким Джоном Бернетом. Ложась вместе, мы укрылись плащом, который принадлежал капитану Дарэму. Сей Бернет ухаживал за ним во время болезни, а после его кончины взял его плащ и прокипятил оный, чтобы очистить от заразы.

Около полуночи ему сделалось */л. 127 об./* очень худо, и он особенно сетовал на головную боль. Вначале я не подозревал заразной болезни и утешал его, как умел, укрывая его и ложась поближе. Но почувствовав к рассвету, что от него идет сильный жар, я встал и перешел в другой дом, куда прошлым вечером меня звали прочие товарищи. Они были мне очень рады, и я никому не сказал ни слова о болезни Джона Бернета или о том, что провел с ним всю ночь, — из боязни, что меня исключат из роты. Самая мысль об этом могла бы убить меня!

В этом доме мы остановились вчетвером. Он принадлежал богатому крестьянину, имевшему 4 надела[214] земли, а также двух веселых и милых дочерей, кои, как принято в сих краях, были весьма застенчивы. Это дало повод для разговоров и привело к пари, что крестьянин не отдаст ни одну из своих дочерей никому из нас, хотя бы и уз-

нал, что среди нас есть эрл[215] или лорд. Дабы проверить сие заключение, мы условились, что Роберт Стивен — красивый, благовоспитанный джентльмен, хорошо говоривший по-немецки, — будет олицетворять лорда, /*л. 128*/ коего немцы называют графом, а мы все будем прислуживать ему, соблюдая великое почтение и церемонность.

Через пару дней он и самолично, и с нашей помощью открыл свое намерение родителям. Те, хотя и сами дочери никоим образом не дали бы согласие, оправдывались, что их девицы — неподходящая партия для таких вельмож и что у них там есть обычай выдавать своих дочерей замуж за ровню, что наиболее разумно и приводит к самым счастливым [бракам]. Сею комедией мы изрядно позабавились и позже весело ее обсуждали.

Из оной деревни мы перешли в другую, двумя милями далее, где помянутый Джон Бернет умер и был погребен. Тут я с моими товарищами Эндрю Стрэйтоном и Александером Китом уговорились не покидать друг друга, если кто-нибудь из нас заразится чумою. В этой же деревне обитал шотландец, который по пути из Браунсберга в Данциг столь любезно предлагал доставить меня туда на повозке.

Проведя несколько дней в сей деревне, мы выступили /*л. 128 об.*/ в городок Нойтайх, где пообедали, но не могли остаться на всю ночь, ибо здесь размещался двор королевы. Итак, мы ушли и стали в деревушке в полумиле оттуда, а назавтра — в другой, побольше, еще через милю, где квартировали 6 дней. Тут мы узнали, что генералу Дугласу велено отправиться морем в Ригу с 3 или 4 тысячами солдат, дабы ее освободить, ибо оную осаждает царь Московский. Мы тоже получили приказ готовиться к отъезду. Ротмистру разрешалось перевезти трех лошадей, корнету — двух, а каждому рейтару — по одной. Поэтому многие из наших товарищей продавали лошадей почти даром, только я и еще кое-кто придержали своих, пока не будем готовы к погрузке.

Мы снялись и стали у реки Ногат. Перейдя оную, мы собрались под Мариенбургом и получили квартиры в Альтмарке — большом селе, где очень хорошо устроились. Я жил в одном доме с Джеймсом Бирни и Джоном Харри. Здесь по прошествии /*л. 129*/ пяти дней, пока я отлучился по делам в ближний городок Кристбург, моя квартира сгорела, и в ней пропало мое белье. Вернувшись, я поселился у квартирмейстера, Джон Харри — у ротмистра, а Джеймс Бирни — у своего младшего брата, корнета Джона.

Два дня спустя я поехал в Мариенбург, купил белье и имел отличное угощение за свой счет под вывеской "Белого лебедя". На другой день я отправился с несколькими товарищами в Штум — городок и замок, расположенный на озере, где мы были радушно приняты шотландцем по имени Джон Булл. На обратном пути мне пришел черед состоять при главной квартире полка генерала Дугласа для распоряжений. Там я пробыл 24 часа и был отпущен. В Альтмарке трое наших товарищей умерли от чумы, а четверо болевших */л. 129 об./* поправились.

Я поехал в Эльбинг с целью осведомиться о письмах из Шотландии у Джеймса Бевереджа и Томаса Смитона, местных шотландских купцов, но ничего не обнаружил.

На другой день после моего приезда, когда Эндрю Стрэйтон сел на коня, дабы куда-то отправиться, и вкладывал свои пистолеты французской работы в кобуры, а я стоял рядом и что-то тихо говорил ему на ухо, пистолет, [висевший] с моей стороны, разрядился и прострелил мне панталоны у левой ляжки. Я отделался лишь тем, что панталоны были испорчены днищем кобуры, которое выбило выстрелом. Хвала Всемогущему Богу за избавление от сей опасности! В ту же ночь я имел ссору с Уолтером Эртом, человеком сварливым, однако оная была улажена ротой.

Здесь мы провели более трех недель. Вечером, перед приказом о выступлении, мы были у ротмистра за картами. Джон Харри, два дня пролежавший больным, поднялся, присел возле меня и оперся на мое плечо, */л. 130/* чтобы заглянуть в карты. Из его рта исходило такое зловоние, что я не мог вынести. Просидев полчаса с великим отвращением, в десять вечера я распрощался и пошел домой, где застал товарищей за весельем и разделил с ними стол. Около полуночи пришла весть, что мы должны выступать рано поутру, а час спустя — что помянутый Джон Харри мертв. Явившись с рассветом к ротмистру, Патрик Дамбар и я получили приказ схоронить Джона Харри, пока эскадрон соберется в миле отсюда. Мы велели старосте[216] дать людей, дабы соорудить могилу и гроб. Когда все было сделано, мы с помощью слуги усопшего (ибо никто из крестьян к нему не приближался) приготовились положить его в гроб. Он был одет в кожаную куртку с рукавами, расшитыми серебром и пристегнутыми к полотняной подкладке. */л. 130 об./* Мы хотели оставить куртку себе, но его руки так закоченели и изогнулись к телу, что мы никак не могли снять рукава. Пока мы тянули за них, из-под рубашки обнажилась грудь, [на коей] я увидел синеватые пятна. Мне почудилось, будто от трупа идет сильный запах, так что без дальнейших

хлопот мы уложили его в гроб, крепко заколотили и с помощью крестьянина, которого принудили силой, отнесли на соседнее кладбище. В тот же миг явились ротмистр с корнетом и несколькими всадниками и дали залп при его погребении.

Когда корнет пригласил нас позавтракать на его квартире, в доме старосты, я почувствовал столь страшную слабость, что не мог держаться на ногах. Опасаясь, как бы кто-нибудь не приметил, я удалился и со слезами излил свои молитвы Всемогущему Господу. Затем я прибег ко средству, которое всегда использовал по утрам и вечерам с тех пор, как моровое поветрие /*л. 131*/ поразило нашу роту, — пил часть своей мочи. Теперь же я выпил все, что произвел. Прийдя к завтраку, я не мог дотронуться до снеди, но дабы никто не обратил внимания, притворился, будто ем, и все бросал под стол.

Собравшись в дорогу, я едва сумел влезть на коня. Однако мы доехали до Кристбурга, и никто не заметил моего недомогания. Здесь мы оказались в обществе нескольких шотландцев и выпили много французского вина, что часто заставляло меня отлучаться в сторону. Каждый раз я выпивал третью часть того, что выходило. Распрощавшись, мы проехали около двух миль до наших квартир. По пути, как только была возможность отойти в сторону, я поступал как прежде.

Наша квартира оказалось дворянской усадьбой с большим залом. Мы удобно улеглись на полу на свежей /*л. 131 об.*/ соломе, и спал я очень крепко. Наутро мой товарищ Александер Кит весьма озабоченно допытывался, почему я так ужасно стонал и не болен ли я. В оправдание я ссылался на наши обильные возлияния накануне и отрицал, что чем-то болен, кроме моего обычного состояния после попойки. В самом деле, хотя я и был нездоров, но все же чувствовал себя гораздо лучше и с помощью милосердного Господа поправлялся с каждым днем.

Вместе с конным полком генерала [Дугласа] мы выступили к Либштадту, где перешли реку Пассарге. На марше, в 5 милях оттуда, мы узнали о поражении поляков и татар при Филипуве[217] и их отступлении в Польшу. Вместе с тем мы получили приказ возвращаться и в тот же день прошли две мили обратно в сторону Холланда. Неподалеку от оного мы встретились с 43 шотландскими дворянами, кои готовились отплыть с генералом к Риге, но поскольку Московит снял осаду, /*л. 132*/ они были отозваны. Получив от генерала лошадей, седла, пистолеты, кобуры и сапоги, они тут же записались в его лейб-роту. Еще кое-кто из нас получил то же самое, но я и большинство владевших хорошим снаряжением отказались что-либо

брать, надеясь тем самым стать свободнее и не зависеть от роты, хотя в этом мы обманулись.

Мы прошли через Эльбингсвердер, пересекли Ногат у Клеменс-Фере и далее тихими переходами до Зиенхагена, где отдыхали несколько дней на хороших квартирах. Я разместился в доме одного меннонита или анабаптиста[218], голландца по имени Бартоломеус Петерс. Каждое утро он преподносил мне по рейхсталеру в знак миролюбия, а при расставании снабдил добрыми припасами. Отсюда мы двинулись к Хаупту, где перешли другой рукав Вислы, и стали лагерем в поле с прочими полками. Генерал Дуглас был здесь с 3 или 4 тысячами солдат, дабы завершить постройку форта и утеснять город Данциг.

Через несколько дней шотландские дворяне, недавно прибывшие из Шотландии с полком лорда Крэнстона */л. 132 об./* и терпевшие нужду в провизии и деньгах, ибо никакой платы не выпадало, а они не привыкли перебиваться сами, стали досаждать генералу по поводу жалованья. Тогда генерал снова отправил их на большой вердер во главе с неким майором Синклером под предлогом так называемой реквизиции... гвоздей.

Первый выезд мы предприняли в Неринг[219], где взяли хорошую провизию. В другой раз наша партия перешла через Вислу, на которой был устроен мост, на Данциг-вердер. Пройдя полторы мили, рейтары и солдаты приступили к поискам фуража. Некоторые отправились налево, и с другого берега реки их обстреляли snaphanes или bushcloppers[220], как их называют, и нескольких ранили. Тогда генерал-майор Вюрцбург, командир отряда, спустился к берегу и приказал сделать плоты, чтобы переправиться и напасть на них.

Обыскав дома, мы с Джоном Кемпом наткнулись на большую лохань, где могли бы уместиться вдвоем. */л. 133/* Мы раздобыли длинный шест, скатили лохань на берег и, намереваясь переплыть в оной, спустили на воду. Я погрузился [в нее] с пистолетами и карабином, а мой товарищ, человек тучный и тяжелый, видя, что она идет неустойчиво и пропускает воду, отказывался входить и советовал мне не рисковать. Однако я заметил, что стрелки и крестьяне на другом берегу отступают, и в надежде на первую поживу взял шест и оттолкнулся от земли.

На середине реки меня помчало вниз по течению. Я вертел шестом, не двигаясь вперед. Лохань крутилась кругом и несла меня, причем в нее быстро прибывала вода. Генерал-майор с оставшимися на берегу кричали и угрожали мне, чтобы я возвращался. Я вполне сознавал опасность положения, не имея возможности ни вернуться,

ни плыть дальше. Тут с Божьей помощью мне пришло в голову перехватить шест посередине, выпрямиться и идти короткими гребками с обеих сторон. Сие удалось отлично, и /*л. 133 об.*/ я скоро достиг дальнего берега, хотя и стоял в воде повыше колен.

Как только я ступил на землю, с другого берега раздался призыв, чтобы я, если возможно, отбил стадо скота, которое угоняли крестьяне. Я прошел через двор, открыл задние ворота, увидел поодаль крестьян с их скотиной и разрядил по ним свой карабин. Они ужасно испугались выстрела, вообразив, я полагаю, будто переправилось великое множество шведов, убежали и бросили весь скот, который стремглав вернулся в hoffe[221]. Я запер задние ворота и вошел в конюшню, где обнаружил двух кобылиц. Я отвел их на берег, привязал к дереву и крикнул через реку своим товарищам, чтобы те переехали на первом плоту и забрали лошадей, пока я погляжу, что еще можно приобрести. В кладовой я нашел кадку с солониной, с большим трудом вытащил ее и поставил под телегу с окованными железом колесами, положив на нее карабин, дабы сохранить в распоряжении то и другое. Затем я отправился в амбар и увидел большое /*л. 134*/ количество очищенного овса и 13 уже наполненных оным мешков. Один за другим я вынес все мешки, кроме двух, и сложил их у телеги прежде, чем кто-либо переправился.

Когда явились шведы, они быстро разобрали все имущество. Я попросил нескольких подоспевших ко мне товарищей присмотреть за добычей, пока я схожу за своими кобылицами. Там я застал ротмистров Зитценхофа и Бобера из полков фельдмаршала-лейтенанта, которые отвязывали их. Я смело выступил вперед, чтобы их увести. Те противились лишь словесно и утверждали, будто оные принадлежат им, ибо в этом месте им отведены квартиры. Я не поверил и привел в оправдание опасность, коей подвергался: приз достается тем, кто первый им завладеет, и в таких случаях допускаются и поощряются привилегии. Возражая, они последовали за мною туда, где лежали прочие припасы, и с жаром возобновили свои доводы перед моими товарищами, кои убедили меня, что лучше уступить и отдать одну из /*л. 134 об.*/ [лошадей], чем выслушивать тех далее.

Но когда я был готов отдать меньшую, им непременно захотелось лучшую. Я отказался. Они сорвали с их голов поводья и пустили на волю со словами: "Раз так, никому из нас ничего не достанется". Я поспешно изловил их и привел на прежнее место. Туда же явились и помянутые ротмистры и снова стали выдвигать свои притязания. Но теперь я, крайне рассердившись, не соглашался отдать ни одной. После обмена упреками Зитценхоф назвал меня

"Barenheuter"[222], на что я ответил: "Кто так меня величает, быть может, и сам таков!" Он взялся за клинок, я выхватил свой и начал потрясать им. Они оба обнажили оружие, но не могли устоять со своими пехотными шпажками. Однако мои товарищи и другие подошедшие офицеры нас разняли.

Я отстоял своих кобылиц и с помощью товарищей приготовился к переправе, поместив добычу в большую лодку. Лошади плыли по сторонам лодки, и одна из них утонула. После переезда */л. 135/* я направился к нашему ротмистру и сообщил ему о происшедшем с просьбой уведомить об этом генерала и представить Его Превосходительству, что ежели всякий будет нас оскорблять и отбирать добычу, приобретенную с великими опасностями, наше существование станет невозможным. Жалобы поступили от обеих сторон, и генерал приказал завтра же разобрать дело. Мы явились к нему и были допрошены. Выслушали свидетелей и генерал-майора, который там присутствовал и рассказал, какой опасности я подвергался и сколько скота захватил, при прочих обстоятельствах. Ротмистров отправили со строгим выговором, меня же — с благожелательным предупреждением впредь выказывать бóльшую почтительность к офицерам.

Через несколько дней, побывав как-то вечером в форте, мы до темноты возвращались через часть полковника Ратерфорда (ею командовал тогда майор Клингер). Мой ротмистр */л. 135 об./* и капитан Малколм Хэмилтон шли впереди, а мы с Александером Китом — поодаль за ними. Мимоходом какой-то сержант с прочими подверг ротмистра и капитана недостойным словам и насмешкам. Я услыхал оные и подумал, что потом мне могут поставить в вину, если не дать отпор подобным словам. Хотя мой товарищ, который приходился ротмистру племянником, не советовал обращать на сие внимание, я, побуждаемый невесть каким роком, вернулся и спросил сержанта, зачем он ведет такие речи. Тот отвечал презрительно, я вспылил и не успел оглянуться, как кто-то схватил меня сзади за волосы, а остальные сбежались и осыпали меня таким градом ударов кулаками и палками, что я едва не рухнул наземь. Однако собрав силы, я вырвался от того, кто держал меня за волосы, и обнажил палаш, коим расчистил себе дорогу, обратил их в бегство и тяжело ранил троих.

Товарищи, */л. 136/* подоспев, убеждали меня скрыться на квартирах конных полков, расположенных поблизости. Но я, будучи в великой ярости, не мог прийти в себя и осознать опасность, пока не прибыл главный караул оного полка и увел меня. Узнав об этом, мой ротмистр и капитан Хэмилтон пришли просить майора Клингера, дабы он передал меня им, с обязательством, что я явлюсь на другой

день, или же держал меня под своей личной охраной, обещая к тому же всевозможное удовлетворение, лишь бы сие не дошло до сведения генерала. Но тот был непреклонен и немедля отправился с жалобой к генералу, который приказал отослать меня (а по желанию моего ротмистра также и раненых [мною]) к генерал-гевальтигеру[223], или профосу. Горше всего мне было видеть свободно восседающими тех, кто затеял ссору и столь немилосердно бил меня, тогда как сам я был в оковах.

Назавтра генерал явился перед лейб-ротой, которая стояла */л. 136 об./* в строю, готовясь выступить в поход с другими полками, и произнес следующие слова: "Я никогда бы не подумал, что Гордон так поступит. Он может счесть удачей, если отделается потерей правой руки". Сие вкупе с отповедью, полученной заступавшимися за меня друзьями, стало мне известно и чрезвычайно меня встревожило. Вечером, благодаря моему ротмистру, разные именитые особы хлопотали за меня перед генералом, который отговаривался под предлогом правосудия и объявил ротмистру, что завтра созовет военный совет.

Всю ночь я не сомкнул глаз. С рассветом, при виде генеральского служителя, пришедшего к дому главного профоса, я был уверен, что меня вызывают в военный совет. Узнав о грозившей мне опасности, все товарищи намерились с великим усердием просить о моем освобождении, но ротмистр, опасаясь, как бы они своей горячностью не ожесточили генерала еще более, */л. 137/* запретил им это, пока он сам не приложит всех усилий. Итак, они с корнетом с самого утра пошли к генералу. Тот, едва завидев его и не дожидаясь его слов, промолвил: "Я уже распорядился, дабы Гордона отпустили". Ротмистр принес свою благодарность и немедленно явился к главному профосу проследить, как меня освободят.

Через час, уплатив дукат главному профосу и талер его помощнику или слуге, я был выпущен. Ротмистр послал просить о возврате моего палаша к майору Клингеру, который с весьма недовольным видом отказался отдать оный. После полудня я отправился покорнейше благодарить генерала за мягкое наказание и, улучив возможность, сделал это на изломе стены, причем посетовал, что майор не желает возвращать мой палаш. Он взглянул на меня с некоторой суровостью, но не сказал ни слова, только велел какому-то юноше идти со мною к майору с приказанием отдать палаш. Вооружившись таким образом, я пошел туда. Майор с большой неохотою */л. 137 об./* соизволил выдать мне палаш. Получив оный, я сказал ему: "Надеюсь дожить до того дня, когда буду отомщен за столь жесто-

кое обращение". Сии слова не пришлись ему по нраву, и он пригрозил жалобою генералу, однако не сделал этого.

Проведя несколько дней в оном лагере, мы получили приказ о выступлении. Бóльшая часть нашей роты уже стояла на большом вердере, занимая бесплатные квартиры у крестьян под предлогом их нерадения в поставке гвоздей для строительства моста. После ряда изобильных и веселых ночных постоев на вердере мы в полном составе пошли через Мариенбург к Мариенвердеру, где нас разместили по деревням сей округи на сторожевых постах, поскольку армии предстояло идти этим путем на Грауденц. Там надлежало соорудить мост для перехода войск на другой берег Вислы. Сею областью владеет курфюрст Бранденбургский, наш верный союзник.

Место, куда послали меня с Уильямом Мидлтоном, принадлежало */л. 138/* вдовствующей дворянке, родственнице графа фон Дона, у коей здесь стояли на страже несколько пехотинцев. Поэтому мы удостоились лишь холодного приема и скудного угощения, а назавтра — даже [слов]: "Вы нам не нужны". Засим мы уехали и ту ночь провели в дворянской усадьбе в миле от Мариенвердера, по большой дороге на Грауденц. Тут мы имели более любезные беседы и поистине обильное угощение.

На следующий день мы поехали в Мариенвердер и там получили приказ: мне квартировать в [...], где стояли еще два дозорных, а моему товарищу — в Кампанье[224], где тоже было двое. Каждую неделю мы получали по талеру жалованья и добрые бесплатные квартиры. Генерал изыскал способы содержать сию роту, в коей большинство не имело привычки и стыдилось прибегать к таким уловкам, как делали шведы, и не получая платы, не могло существовать иначе.

В этом местечке я занялся моим старым варшавским промыслом, подбивая сообщников угонять скот. */л. 138 об./* За каждую выручку я получал талер, что без ведома двух моих товарищей по деревне (кои были почти что simplices[225]) постоянно совершалось дважды в неделю.

Пока я здесь пребывал, армия проследовала мимо, и в сей деревне остановился полковник Ашемберг со своим полком. Для своих экипажей он изъял множество лошадей, за коими я ездил в Грауденц и доставил их всех обратно. Это, вкупе с бдительной охраной их скота и лошадей от моих товарищей, стяжало мне большой почет и уважение среди крестьян.

Пока полковник Ашемберг находился здесь, он жил на моей квартире, а я был вынужден перебраться на двор вместе с лошадьми. Ночью я услышал поблизости ржанье и наутро велел слуге обыскать

[двор]. В укрытии из снопов зерна он обнаружил очень красивого вороного коня, коего хозяин спрятал там, дабы его не лишиться. Когда полковник уехал, я уговорил хозяина поставить коня в стойло, ибо ему ничто не грозит, пока я /*л. 139*/ здесь. Я охотно купил бы сего коня у хозяина, но тот ни за что не желал его продавать. Поэтому я подговорил моего товарища Уильяма Мидлтона прислать ночной порою своего слугу, чтобы мой вывел ему [коня]. Первая часть возымела желанное действие, но пока слуга отводил коня сначала в Кампанью к своему господину, затем в Мариенвердер и наконец в Shafery[226] в полумиле оттуда, крестьяне известили об этом моего хозяина. Тот весьма сожалел о пропаже коня, и хотя не смел этого высказать, я по многим признакам замечал, что он подозревает в содеянном меня. Однако, узнав по следу коня и сообщениям соседей, куда его увели, он попросил меня поехать вместе с его сыном на поиски, что я и сделал. Мы отправились по верным сведениям прямо к месту, где он находился, и забрали его.

/*л. 139 об.*/ Затем крестьяне собрали совещание с целью, коль скоро опасность от проходящих войск миновала, удалить кое-кого из дозорных. На совете большинство крестьян стояли за то, чтобы оставить меня одного и отпустить двух других, но кто-то заявил: "Если у вас есть добрая лошадь и вы хотите от нее избавиться, можно его и оставить". В итоге сие побудило их расстаться со мною. Уплатив мне, что следовало, они отделались от меня, и я сразу же явился к ротмистру в намерении отомстить за их поступок, если они еще попадутся на моем пути.

В это же время наш корнет Джон Бирни скончался, был перенесен наличными людьми из эскадрона в Мариенвердер и погребен на соборном кладбище с обычными воинскими почестями.

Вскоре пришел приказ всем крестьянам сего вердера о поставке балок или бревен для сооружения моста через Вислу близ Меве. Когда они собрали около 70 подвод, меня послали конвоировать их до леса и лагеря у /*л. 140*/ реки. Приведя их туда, я решил поквитаться с ними и, удалившись, пошел к маркитанту. Там я повстречал несколько подвыпивших рейтар и уговорил их напасть на оных крестьян на обратном пути, ибо уже стемнело, и отобрать у них лошадей, чему [рейтары] весьма обрадовались.

Пока мы дожидались тут их отъезда, они после долгих розысков нашли меня и попросили вернуться и проводить их домой. Я отказался, ссылаясь на приказ конвоировать их только до леса и лагеря. Они почуяли некий умысел и очень настаивали, чтобы я проводил их обратно. Когда слова оказались бессильны, они обещали вознагра-

дить меня, отвели в сторону и, начав с 4 пенсов за каждую подводу, подняли плату до 12 пенсов. Я рассудил, что лучше взять оную, нежели рисковать другим [способом], и благополучно отменив первую сделку, отправился с [крестьянами] вдоль дамбы. По их просьбе — из опасения налета со стороны лагеря — я ехал позади.

Сделав около мили, я заметил, что передние погоняют */л. 140 об./* весьма усердно, и заподозрил, что меня хотят провести. Я спросил у последнего, далеко ли до дороги, где они должны разъехаться, и сказал ему, что крайний будет отвечать за остальных, если кто-то улизнет. Крестьянин, подумав, ответил, что мне лучше поторопиться, ибо ему кажется, что передние уже недалеко от расходящейся дороги. Я пришпорил коня и, добравшись до той дороги, где они обещали подождать, увидал, что те гонят изо всех сил. Я оставил здесь слугу, дабы задержать едущих позади, коих было большинство, сам же постарался настичь передних. Но поскольку иные были уже слишком далеко, вернулся с теми, кого нашел поблизости, из опасения растерять всех. Я заставил их поочередно выплатить то, что обязались, и по счету обнаружил, что 17 [человек] разбежалось. На другой день, вернувшись на квартиру, я уведомил об этом ротмистра, который был доволен и сердечно рад, что я некоторым образом рассчитался с крестьянами.

/л. 141/ Простояв в сих местах около 5 недель, мы получили приказ идти в Мариенбург. Там мы провели сбор и двинулись обратно к Меве, где по льду перешли Вислу и расположились в низине по пути к Диршау. Каждому полку выделили по два дома, а нашей роте — один. Тут мы провели две ночи и, снявшись, квартировали в Гютланде близ Диршау, в одной усадьбе, или hoffe[227], с генералом, где, поскольку армия еще не подошла, должны были после полуночи держать сильную охрану. Пока мы здесь пребывали, я участвовал в разных разъездах как для пропитания, так и для разведки, где со мною не случилось ничего важного или примечательного. Позже мы выступили к Данцигер-Хаупту и стали на постой в деревне в доброй полумиле от него. Отсюда я с двумя другими был послан дозорным в Штиблау.

[1657]

Находясь тут, мы то и дело совершали вылазки к Данцигу и однажды имели весьма жаркую стычку с горожанами, когда королевская гвардия и наша рота с помощью некоторых отборных солдат и добровольцев, всего не более 250 человек, сделали все возможное против

данцигцев, коих было около 500 при добрых конях и вооружении. [Мы] много раз отражали их и не покидали своего места /*л. 141 об.*/ до подхода пехотинцев, называемых snaphanes[228], которые крепко потрепали их ружейным огнем и вынудили немного отступить.

На сей раз было множество убитых и раненых, и я тоже получил сабельную рану в голову. Так как мы уступали в числе и не всегда имели надежную и своевременную поддержку, нам приходилось туго. Обратив неприятеля вспять, мы зашли очень далеко и безрассудно втиснулись между вражеских резервов. Мы сделали разворот на слишком большом расстоянии от тех, кто должен был в свой черед нас сменить. Пришлось, не перезарядив оружие, развернуться вновь. Неприятель наседал на нас с тыла, и мы отчаянно ударили на него с палашами наголо, опрокинули один из эскадронов на другой, так что оба были разбиты, но не решились их преследовать. Довольно было и удержанной нами твердой позиции. Ближе к вечеру обе стороны отошли как бы по взаимному согласию. Мы поздно возвратились на квартиры, удостоившись по пути большой благодарности Его Величества и похвалы от всех военачальников. В этом деле я был ранен в лоб, уж не знаю каким образом[229].

/*л. 142*/ В среду, 5 января, согласно поручению, я конвоировал подводы с провиантом, кои принадлежали двум братьям по имени Шварцвальд — жителям Штиблау. Раз в неделю они доставляли припасы своим женам и семьям в Данциг, заручившись на то дозволением и приказом для нас сопровождать их через Гребин, дабы тамошний гарнизон их не ограбил. Когда настал мой черед, мы проехали Гребин на рассвете, и я собрался повернуть назад, но Шварцвальды упросили меня пройти с ними немного дальше из страха, как бы кто-либо из гарнизона не преследовал и не обокрал их.

Я сделал еще около полумили и, возвращаясь в полном одиночестве, неподалеку от гребинской усадьбы встретил двух подозрительных всадников. Я заставил коня перескочить через канаву с правой стороны и с пистолетом в руке осведомился, кто они такие. Не прикасаясь к оружию, они с улыбкой отвечали: "Добропорядочные шведы". На мой вопрос, которого полка, они сказали, что генерала Дугласа. При этом они остановились, спросили, к чему такая осторожность вблизи нашего гарнизона, и завели беседу.

Мне стало стыдно страшиться тех, кого я принял за своих людей, и с каким-то юношеским задором я дал /*л. 142 об.*/ шпор коню, перемахнул обратно через канаву и поравнялся с ними. Они стали уговаривать меня ехать вместе на поиски поживы, на что я не согласился. Те, будто сговорившись, заявили, что вернутся со мною в

лагерь, и двинулись обратно по обе стороны от меня, так что я ни о чем не догадывался. Подъехав к каким-то постройкам, кои скрывали обзор замка, они оба схватили меня, и в тот же миг из-за дома выскочили еще восемь [человек]. Я не успел взяться за оружие и оказать сопротивление, ибо они сразу же закутали меня в длинный плащ, бывший при мне, и стремительно умчали прочь. Учитывая мое положение и памятуя о невзгодах прежнего плена, я тем временем переложил кошелек (где было 13 или 14 рейхсталеров, половина из них в мелкой польской монете) из кармана в более укромное место панталон.

Когда расстояние от замка показалось им безопасным, меня обезоружили и стали обыскивать, но нашли лишь немного /*л. 143*/ мелочи в кармашке. Они усердно обшарили ворот камзола, пояс и прочие места в поисках большей суммы. Хотя я сказал, что оставил все деньги на квартире, они всё не могли поверить, полагая невозможным, чтобы владелец столь добротной одежды, коня и сбруи нуждался в средствах.

По прибытии к конным дозорам было записано мое имя. Чуть погодя им вздумалось поменяться со мной сапогами, ибо на мне была отличная пара новых английских. Они велели мне спешиться и снять сапоги. Я заявил, что если им угодно обращаться со мною столь неучтиво, пусть возьмут на себя труд снять оные. Они без церемоний их стянули и бросили мне пару своих. По их виду я понял, что они крестьянские. Мне стало весьма обидно, что подобный люд обставил меня, и я не мог удержаться от выражения /*л. 143 об.*/ своих чувств, наотрез отказавшись надеть их сапоги, хотя из-за тесноты моих собственных на мне были лишь полотняные чулки, и на таком холоде я мог заболеть. Они подгоняли меня и толкали карабинами в спину и грудь, чтобы заставить, однако я решительно стоял на своем. Видя мое упорство, они снова посадили меня верхом и поскакали дальше, но перед последним караулом опять вынудили спешиться и в сильной ярости настаивали, чтобы я взял их сапоги. Все сие я вытерпел и сказал им, что не уроню своей чести настолько, чтобы носить их старье, а если они приведут меня в город в таком виде, комендант будет им не очень признателен, и пусть тогда ждут столь же нелюбезного обхождения от нас в подобных случаях. Наконец они убедились, что не пересилят, и вернули мои сапоги.

Явившись к коменданту, полковнику Винтеру, капрал повел меня наверх и после доклада был [к нему] допущен. Комендант расспросил о моем звании, происхождении и полку. Я сказал, что служу в /*л. 144*/ шотландской лейб-роте генерала Дугласа. Он радостно

воскликнул: "О, неужто мы поймали одну из сих пташек?!" Я возразил, что меня бы не поймали, если не отреклись бы от своего господина. Он обернулся к капралу и спросил, каким образом он взял меня в плен. Тот заявил, что вблизи от гребинского замка, при моем добром коне и осторожном поведении, меня нельзя было захватить иначе. При этом полковник усмехнулся и произнес: "Все едино, брать ли верх силою или искусством". После ряда вопросов касательно численности армии, времени ее расположения в тех местах, и тому подобных, он отправил меня под караулом в тюрьму. Мой мужицкий капрал тоже сопровождал меня. Единственное, о чем я просил, — вернуть отнятую им книжицу (то был Фома Кемпийский[230] на латинском), но не смог этого добиться. Однако, когда мы шли по улице, он купил мне хлебец и сказал, что оный, а также штоф (как его называют) пива будут выдаваться мне ежедневно.

После приема и записи моего имени в здании тюрьмы, некогда известном как Башня Дугласа, а ныне — Башня Хооген, /*л. 144 об.*/ я понял, что самое время извлечь кошелек и положить его в должное место. Капрал провел меня через двор к таверне в дальней его части и в довольно хорошо обставленной комнате предложил сесть за стол, заказав штоф или кружку пива. За тем же столом были данцигские рейтары, арестованные за какие-то проступки, а несколько шведских офицеров прохаживались по комнате. Капрал стал похваляться перед ними, какую добрую добычу захватил при мне, как то: коня, плащ, оружие и проч. — к немалой зависти рейтар.

Когда мое пиво вышло или выдохлось, я попросил еще кружку. Тут капрал заявил, что сегодня паек мне уже не дадут, ибо полдень миновал, и если я хочу выпить сейчас, то завтра должен поститься. Но я отвечал, что могу за это заплатить, он же весьма важно осведомился, остались ли у меня деньги. Прийдя в гнев от его дурного обращения со мною, я сказал: "Вы, мужичье, не слишком-то сведущи /*л. 145*/ в солдатском ремесле, вы даже не умеете обыскивать пленного. Взгляни-ка, у меня осталась сотня талеров (я предъявил кошелек и постучал им по столу), на каковую, когда вернусь ко шведам, я куплю коня и сочтусь с тобою и твоим добром!" Сие так поразило моего капрала, что он был готов рвать на себе волосы, и вызвало такие издевки и хохот рейтар, что тот был посрамлен и, не выпив за меня, удалился в ярости. Через два дня я услышал, что он жаловался коменданту, будто его пленник спрятал 200 рейхсталеров, грозился купить себе коня и вернуться, дабы спалить их дома. Он просил, чтобы деньги отдали ему, на что комендант изрек: "Это невоз-

можно; даже если у него осталась тысяча талеров, их уже нельзя отобрать, а тем паче отдать тебе!"

/л. 145 об./ В субботу нас всех вызвали в большую залу, где наши имена, происхождение и звание читали вслух в присутствии почтенного офицера, восседавшего в кресле за дальним краем стола в окружении прочих лиц. Предстояло выяснить, кто желает перейти на службу [полякам], а кто нет. Что до меня, то я ответил отказом, однако более чем три четверти дали согласие.

В сей темнице наибольшее омерзение вызывала зловонная камера, где нас держали. Около 400 заключенных жили в нескольких больших помещениях, все без разбора — здоровые, больные и раненые, человек по 50 в камере. Запах был столь силен, что входящий в камеру со свежего воздуха не только не мог сдержать тошноты, но и терял сознание. Днем всем позволялось гулять по двору и заставе, откуда открывается прекрасный вид на город, окрестности и Епископский холм. Однако по вечерам по звону колокола все должны расходиться по своим камерам.

Будучи при деньгах, я большей частью проводил дневное время в таверне. Поскольку неприлично, да и непозволительно находиться там, не обогащая сего заведения, приходилось покупать пиво. Сам я не поклонник оного, и был рад, когда кто-нибудь меня выручал. Столь же довольны были и те, кому выпадала такая удача. */л. 146/* Так коротал я время, то расхаживая по двору и заставе, то сидя в камере, а порою заказывал немного пива, коего не мог пить в избытке, ибо оно весьма крепкое. Тут я повстречал некоего Джона Гордона, проведшего в плену несколько недель, — рейтара из полка ландграфа Гессенского. Он прослужил рядовым солдатом и рейтаром более 30 лет. То был человек простоватый и онемечившийся.

В воскресенье и понедельник в тюрьму являлись несколько нарядных офицеров, вызывали кое-кого из отказавшихся служить [полякам] и старались их переубедить. Они настойчиво уговаривали и меня, указывая на любезное обхождение, постоянную выплату жалованья, а также на то, что много моих земляков состоит на их службе и хорошем счету, особливо мой родственник по прозванию Стальная Рука. Вопреки всему я решительно отказался от вербовки.

Во вторник утром на заре нас, 91 человека, перечислили поименно и под охраной повели по улицам Данцига, где простой народ поносил нас как угонщиков скота, конокрадов, разбойников, святотатцев, поджигателей и проч. Некоторые из наших им отвечали их же языком. За пределами города мы остановились до */л. 146 об./* при-

бытия кареты и повозки с несколькими офицерами. После очередной переклички мы были переданы конной страже и отошли на добрую полумилю от предместий. Мы немного задержались у главного конного дозора, коим командовал Патрик Гордон по прозвищу Стальная Рука, служивший здесь ротмистром. Отсюда бывшие в плену офицеры — подполковник Драммонд, майор Фуллартон, лейтенант Скотт и другие — отправились дальше, я же, уходя последним, неизбежно оказался на виду и был сразу же узнан ротмистром, который спросил, не сын ли я [Гордона из] Охлухрис. Когда я ответил "да", он стал убеждать меня остаться и послужить с ним, но я принес свои извинения, попрощался и пошел к месту, назначенному для размена пленных. Со шведской стороны [там] был какой-то подполковник, а от Данцига некий майор Томсон — шотландец. Здесь мы прождали недолго и к вечеру прибыли в главную квартиру.

На следующее утро я явился к генералу, коему было угодно осведомиться, как я попал в плен. Я поведал всю правду, возложил вину на крестьян, уговоривших меня ехать дальше, чем нужно, и даже намекнул, будто это сделано с умыслом. /*л. 147*/ Генерал приказал мне вернуться в Штиблау, дабы крестьяне снова раздобыли мне коня. Я и отправился туда на другой день в сопровождении Александера Кита, который прежде служил лейтенантом в Шотландии, а ныне волонтером, так что рад был возможности поживиться.

В субботу, 15 января, генерал прислал ко мне капрала с конным разъездом и повелением, если мне уже возместили коня, немедленно выступить с ним к армии. Если же нет, то мне можно задержаться до понедельника, но не позже, и тогда ехать в Мариенбург, где у графа фон Дона я найду приказ о дальнейших действиях. Я объяснил капралу, что пока не получил удовлетворения, и отправил его с обещанием исполнить предварительный приказ. После его отъезда я созвал крестьян и стал обсуждать стоимость моего коня и снаряжения. Мы, однако, не сошлись, и они спросили, устроят ли меня мои собственные. Я отвечал: "Да, если будут возвращены в том же состоянии, в коем отобраны". Затем они послали кого-то в Данциг, чтобы выкупить их.

В тот же вечер я почувствовал столь сильную головную боль и такой жар /*л. 147 об.*/ по всему телу, что назавтра едва мог пошевелиться. После полудня ко мне зашли два брата Шварцвальд и сообщили, что поскольку армия покинула Данциг-вердер, они боятся нападения данцигцев, кои могут убить или схватить меня. Они уговорили меня перейти в Гросс-Лихтенау и побыть там у их брата, пока они не раздобудут мне коня и экипировку. Я, совершенно больной и

едва способный держаться в седле, поехал с ними, к вечеру добрался до деревни и вместе с моим товарищем был принят в доме Ханса Шварцвальда. Болезнь усугублялась — то была жестокая горячка, вызванная, я полагаю, ужасным зловонием во время данцигского плена. Домашние обращались со мною не слишком любезно, и Александер Кит был мне большим утешением.

В среду утром мне стало так худо, что я просил послать за католическим священником, но не смог этого добиться. В четверг утром, когда крестьянская прислуга завтракала в той же комнате, кто-то торопливо постучал в дверь и, войдя к нам, что-то сказал слугам. Все они быстро */л. 148/* вскочили и разошлись, я же был не в состоянии узнать или понять, что это значит. Ко мне подошла какая-то женщина и сказала, что кто-то приехал из Штиблау с известием, будто данцигцы рядом, и надо позаботиться о моей безопасности. Из-за тяжкого недуга я не мог уразуметь ее слов и не хотел подниматься. Она вышла, и я тут же услыхал стук запираемых оконных ставен, а через мгновение — сильный переполох и стрельбу на улице. Какие-то люди пытались взломать двери дома и окна в дальней комнате, где я лежал.

Совсем забыв о том, что мне говорили о данцигцах, я вообразил, будто всю эту сумятицу подняли распоясавшиеся шведские солдаты. Однако, побуждаемый неким тайным инстинктом, я решил встать и с превеликим трудом натянул панталоны. Два или три раза я падал, прежде чем добрел до двери и вышел вон. Я не знал, как устроен дом и где можно спрятаться, указать же мне путь было некому, но по милосердному провидению Бога я пошел, держась за стену, направо через */л. 148 об./* кухню до какой-то комнатки, где прилег на лавку. Немного прийдя в сознание, я вспомнил о бывших при мне деньгах, вынул кошелек, где был золотой крест, 2 дуката и около 3 рейхсталеров мелочью, и положил оный в углубление под лавкой. Вошла хозяйка и настояла, чтобы я улегся в хозяйскую постель и, кто бы ни приходил, сказывался ее мужем, который был портным. Я возражал, что во мне признают солдата по панталонам, расшитым серебряным галуном и лентами. Она мигом стащила панталоны, засунула их под кровать и уложила меня.

Взывая по обыкновению ко Всемогущему и к заступничеству Его благой Матери, я ясно узрел чудесный и милостивый промысл Божий. Я видел, как солдаты снуют взад и вперед под окнами, слышал их [голоса] в кухне и других комнатах. Позже мне часто рассказывали, как те обыскали каждый уголок, даже свинарник во дворе, все растаскивали и убивали шведов, кои сопротивлялись или по бо-

лезни не могли ходить. /*л. 149*/ Они взяли около 40 пленных, перебили 70, в большинстве больных, и пробыв в деревне свыше двух часов, ушли прочь. Мой товарищ Александер Кит укрылся в амбаре среди снопов зерна и уцелел, но лишился всего имущества, коня и оружия. Мой конь и снаряжение, выкупленные хозяевами в Данциге, тоже были захвачены.

Через два дня к полудню, в разгар болезни, у меня началась испарина, кою я весьма терпеливо переносил почти до полуночи, часто на грани обморока. Пролежав в постели еще два дня, я выздоровел, но был крайне слаб и истощен. Я напомнил хозяину о возмещении коня и сбруи в соответствии с приказом генерала, но тот отнекивался; по его словам, он уже выкупил их, а теперь их снова похитили. Я же заявил, что так и не получил их, и если бы это было сделано в Штиблау, они бы не пропали, а я не подвергся такой опасности при разорении их деревни.

Узнав о возвращении генерала в Мариенбург, я чуть свет отправился туда и вошел [к нему], когда Его Превосходительство собирался вставать. Он изумился, видя меня таким худым и слабым. /*л. 149 об.*/ Я упомянул о своей болезни в Гросс-Лихтенау и об опасности, в коей оказался. Он пожелал, дабы я рассказывал в подробностях, что я и сделал. Он, казалось, был весьма тронут и приказал мне ехать обратно и добиваться своей экипировки. Я заметил, что без письменного распоряжения те не станут повиноваться, поэтому он велел мне зайти еще раз после полудня. Я так и поступил и заручился приказом, дабы мне возместили экипировку под угрозой военной казни.

Повидав ротмистра и кое-кого из товарищей и присмотрев за моими лошадьми, я вернулся на квартиру и предъявил приказ. Хозяин попросил его у меня и отослал в Данциг своим братьям, но те, похоже, не спешили исполнить оный, ибо 6 дней от них ничего не было слышно.

Случилось так, что нашей роте предстояло пройти через сию деревню на Вайскирх. Двое товарищей, зная о моем пребывании здесь, явились прежде всех, чтобы навестить меня. Услыхав, что рота недалеко, я попросил их объявить, будто они намерены квартировать в деревне, пока /*л. 150*/ мне не возместят экипировку. Я отправил одного из них к ротмистру с просьбой сделать привал поблизости или на окраине деревни. Он охотно сделал это и с сею целью прислал к старосте квартирмейстера. Староста немедля явился к моему хозяину, и они стали сговорчивее, согласившись дать мне доброго коня и 25 рейхсталеров за прочий ущерб. Получив оные и вознагра-

див ротмистра, я выступил с эскадроном в Нойкирх, а оттуда в Эльбинг, дабы приобрести все необходимое.

По возвращении я ездил с конвоем в Гребин по поводу размена пленных. Было перемирие, и на переговорах кто-то из данцигцев узнал меня. Видя мое отличное снаряжение, они сказали, что пора бы мне снова наведаться в Данциг. Я отвечал, что теперь настал их черед, и им следует нанести визит в Мариенбург.

Затем мы вернулись и стали в пригороде Мариенбурга, откуда я и еще пятеро отправились как-то рано поутру стеречь добычу на дороге между Мариенбургом и Эльбингом. Однако возможность для приключений не представилась, ибо крестьяне проезжали большим скопом */л. 150 об./* или в сопровождении охраны. К вечеру мы перешли на Эльбингсвердер и в одной деревушке, где размещался польский майор с ротмистром, договорились о ночлеге в krue, или таверне. Каждый из крестьян прислал нам по мясному блюду и предоставил порцию пива и водки. Однако после ужина мы впали в веселье и настолько превзошли свои порции, что наутро крестьяне с большой неохотой согласились заплатить [за нас] и никак не желали подать нам завтрак.

Мы сели на коней и отправились прямо к дому старосты. Поскольку тот не собирался делать распоряжений насчет завтрака, мы въехали во двор и поставили коней в стойла. Видя это, староста вышел и заявил, что мы должны следовать к завтраку по двое. Пока мы выводили коней, явились майор и ротмистр (у коих была тут квартира) и человек 15 прислуги. Со шпагами наголо и оскорбительными словами они набросились на нас, когда только Уильям Мидлтон, Александер Лэнделс и Дэвид Хэлибертон вывели своих коней, я же с двумя Китами еще не появился. Однако первые трое бились не на шутку. У Мидлтона была длинная рапира, у двух других — добрые шотландские */л. 151/* палаши[231], коими они орудовали так, что те едва могли защищаться. Как только [поляки] увидели нас верхом со взведенными пистолетами наготове, то кинулись бежать и захлопнули за собой ворота.

Наши товарищи отвоевали своих коней и оседлали их, но мы никак не могли выбраться наружу. Пока мы размышляли, что предпринять, майор и ротмистр со слугами ворвались в ворота и обстреляли нас из пистолетов. Теперь мы оказались в обороне: все жители деревни собрались у ворот, дабы помешать нашему выезду. Опасаясь, что они пожалуются генералу, мы после перебранки и кое-каких грубостей пошли на капитуляцию и обещали удалиться без дальнейших хлопот.

Так мы и отправились без завтрака, каковой, впрочем, нам подали в отдельно стоявшем поблизости доме. В большое село мы не дерзали заезжать, ибо остерегались такого же отпора. Подкрепившись, мы решили вернуться в Мариенвердер из боязни, что наше отсутствие замечено. По дороге мы видели пожары в разных местах большого вердера, за Нойтайхом, и вскоре повстречали всадника, который сообщил, что /*л. 151 об.*/ на большой вердер вторглись поляки, а [шведские] генералы со всеми войсками идут им навстречу. Это заставило нас спешить изо всех сил. Прибыв на квартиры и узнав, куда выступил наш эскадрон, за ним поскакали трое из нас, ибо у трех остальных подустали лошади. Дорогою мы случайно встретились с генералом, который велел нам накормить коней в соседней деревне и возвращаться в город. На обратном пути мы встретили короля, следовавшего в карете к Нойтайху.

Пробыв здесь несколько недель, мы выступили с генералом на Мариенвердер, в миле от коего стали лагерем, и далее через Грауденц и Кульм. В миле оттуда в какой-то деревне поступил приказ, чтобы наш лейтенант с 30 верховыми повернул назад и силой подогнал всех, кто замешкался в тылу по деревням. Мы прошли обратно до самого Мариенвердера и доставили одного лейтенанта-финна и еще кое-кого; большинство же, услыхав о нашем прибытии, отправились вовремя.

По возвращении мы прошли маршем через Торн: 98 человек в шеренгах, все храбрые молодцы при отличных мундирах, оружии и лошадях, что являло прекрасное зрелище. Не менее приятно было видеть и наших слуг[232], едущих /*л. 152*/ [особым] отрядом во главе с неким Синклером, денщиком ротмистра, который выстроил их добрым порядком с "офицерами" на своих местах. Все они, свыше 200 человек, имели хорошее вооружение и лошадей.

На следующий вечер мы расположились в дворянской усадьбе в миле за Служево[233]. Был мой черед разводить огонь, готовить еду и стоянку для лошадей, пока прочие мои товарищи разъехались в поисках фуража и провианта. Когда я вбивал колья для лошадей, [явился] Джеймс Монтгомери, сын Скелморли[234] и племянник маркиза Аргайл, который состоял в [нашем] эскадроне со времен битвы под Варшавой.

Человек благопристойный и весьма хорошо одетый, он был рекомендован шотландскими друзьями генералу Дугласу. Генерал сперва принял его очень любезно, дал прекрасного коня и мальчишку-немца в услужение, наставив его вести себя как должно и поскорее изучить немецкий язык и обещая назначить на почетную долж-

ность. [Но] сей джентльмен оказался высокомерен, незнаком с немецкими обычаями и не поладил со слугами генерала. Те его возненавидели и донесли на него, что привело к порицанию от генерала, который любил всегда говорить правду, особливо тем, к кому питал привязанность и заботу. */л. 152 об./* Это было дурно воспринято Монтгомери, генерал стал его сторониться, а слуга его вынужден был бежать из-за плохого обращения, и таким образом после Варшавской битвы его перевели в наш эскадрон. Тут своим заносчивым и высокомерным нравом он не добился ничего, кроме пренебрежения знатнейших [из нас] и неприязни остальных. Поэтому он редко бывал в обществе знати, где, по его мнению, ему не оказывали должного почтения, но жил и квартировал с людьми более низкого разряда, кои, он был уверен, не стали бы оспаривать его место во главе стола и обычно ухаживали сами (или же их слуги) за его конем.

Пока мы стояли на временных отдельных квартирах, где крестьяне хорошо обеспечивали нас всем необходимым, это было не столь заметно и обременительно. Но когда мы стали жить вместе в полевых лагерях, где всякий, не имеющий довольно прислуги, должен работать своими руками, дабы как-то прокормиться и держать коней на ходу, и даже самые знатные, не прилагая усилий, могут добыть лишь немногое — */л. 153/* на скорую свою погибель — тогда-то каждому хватало хлопот о собственном снаряжении и питании, и все тяготились и избегали его общества. Перемещаясь из одной компании в другую, он провел зиму и дотянул до сего похода. Однако в одной корчме в миле от Мариенвердера его конь, полученный от генерала (и впрямь превосходный жеребец), но с самого начала лишенный присмотра хозяина, издох от голода. Вот каковы очевидные последствия гордыни и нищеты! Первая вызвала пренебрежение, а по сему случаю и всеобщие насмешки; вторая не позволяла ему выдвинуться или позаботиться о себе.

Он обращался к ротмистру и ко многим из нас, у коих были лишние лошади, и в самых смиренных выражениях, каковые допускало его существо, умолял одолжить ему коня, но все отделывались отговорками. Когда мы садились верхом, готовые к маршу, и я видел, как он стоит у дверей со своим седлом и пистолетами, ибо другой поклажи у него не было, я в глубине души жалел его. Я бы охотно предложил ему коня, коего имел в запасе, если бы не мысль, что меня сочтут слишком мягкосердым (это чувство — извечный спутник широкой натуры, хотя умы низменные ошибочно принимают его за малодушие), */л. 153 об./* а также опасение понести ущерб и затем самому оказаться в нужде.

Мы выступили, и если он не собирался отставать, рискуя получить удар по голове от крестьян, то должен был следовать за нами. Взвалив седло и пистолеты на спину, он так и сделал. Перед квартирой генерала мы остановились, а подоспевший Монтгомери, видя направление марша, зашагал вперед. Генерал собрался и выехал в своей карете, а мы все за ним. Несомненно генерал был осведомлен о положении Монтгомери. По пути он отвернулся и не удостоил его взглядом. Мы тоже проехали мимо — с различными чувствами. Через полчаса ротмистр, сжалившись, прислал ему коня, на коего тот вскочил и потрусил дальше.

Когда сей джентльмен прибыл к месту, где, как уже сказано, в дворянской усадьбе в миле за Служево я готовил привал для себя и товарищей, он спешился и стал привязывать коня к только что вбитому мною колу. Видя это, я начал его отчитывать и заявил, что ему должно быть стыдно слыть подонком роты и что его поведение сделало его предметом всеобщих насмешек и ненависти. Я спросил, уж не думает ли он, будто любой /*л. 154*/ обязан трудиться за него; он, пожалуй, может получить кличку "Генерал Skemler"[235], которая весьма сходна с титулом его отца (Скелморли). Если же он своими руками станет делать то, что надлежит другим, и учтиво вести себя со всеми, каждый будет рад его обществу. Ведь вполне очевидно, что своим прежним высокомерием, которое никому не нравится, он снискал у всех презрение и равнодушие. Я проповедовал ему и о многом другом в том же духе.

Он выслушал все с величайшим терпением, то и дело любезно вопрошая, почему я так суров с ним и что же ему делать. Наконец я сказал, что если он хочет есть, то должен собственноручно помогать с закупками и стряпней. Он опять спросил, что мне угодно от него, — он сделает это весьма охотно. Я спросил, может ли он освежевать лежащую тут овцу, которую только что принес мой товарищ. Он ответил "да", если есть нож и кто-нибудь поможет ее придержать. Я предоставил ему и то и другое, и он очень прилежно взялся за работу. Сие было столь неожиданно, что я не мог удержаться, повернулся и пошел на квартиру ротмистра, из окна коей был хороший вид на луг, где мы стояли лагерем. Я объявил, что хотел бы представить ему новообращенного, /*л. 154 об.*/ и указал на Монтгомери, свежевавшего овцу. Он был весьма изумлен и весело рассмеялся. Я добавил, что стоит немного потерпеть — увидите, как тот крутит вертел. Так он и сделал, послав слугу за водою; я же занялся другими делами. С этих пор в любой компании никто не превосходил его усердием и трудолюбием, так что иные шутливо называли его моим неофитом.

Назавтра мы выступили и две ночи провели в поле. На другой день мы стали в какой-то деревне левее Куявского Бреста, где набились вместе с лошадьми в амбары. Ночью моего лучшего коня выкрали из 40 с ним стоявших, что заставило меня подозревать в мошенничестве кого-то из роты. Но не имея оснований никого обвинить, я был вынужден молчать и вести расспросы об оном по войскам, хотя и тщетно.

Пройдя Коваль, мы расположились в миле оттуда, в деревне на краю леса. Ротмистр, взяв кое-кого с собою в эти леса, захватил добрую добычу и привел в лагерь католического священника. Я был послан с сим священником к генералу, коего застал за ужином в Ковале. После ужина генерал задал ему */л. 155/* ряд вопросов и велел мне доставить его обратно и позаботиться, дабы его проводили в безопасное место и отпустили.

Узнав, что армии предстоит завтра выступать по дороге на Гостынин, где есть гать через огромные топи, я подумал, что там удобно наблюдать за переходом войск в поисках моего коня. Я получил разрешение и на другое утро, еще не совсем собравшись, услыхал, как трубачи в авангарде играют марш. В это время, когда снимают караулы и дозоры, грабители и прочие вольные люди обычно ищут способы выехать пораньше, дабы чем-нибудь поживиться. Я собрался и, не дожидаясь моего товарища и слугу, кои должны были ехать со мною, поспешил вперед на таком скаку, что вскоре перестал различать шум и крики.

Я ехал в одиночестве, уже не торопясь, вдоль опушки леса, пока не забрался очень далеко. Я не слыхал, чтобы кто-нибудь следовал за мною, хотя мой товарищ или прочие, кто обычно спешит вперед, легко могли бы меня обогнать. Я заподозрил, что армия пошла другим путем. Оказавшись совсем один и зная, что вся округа нам враждебна, я несколько устрашился, выбрался на возвышение и заехал в небольшую */л. 155 об./* рощу чуть в стороне от дороги, дабы там переждать и посмотреть, кто поедет сим путем. Тут я слушал, как кукарекают петухи, и наблюдал, как селяне возделывают и удобряют землю самым мирным образом.

Пробыв здесь свыше полутора часов, я не увидел ни единого прохожего, испугался еще больше и решил скорее довериться моему коню и возвратиться тем же путем, нежели с большим риском искать краткий путь в направлении марша армии, которая по-моему уклонилась вправо. Я проехал немного по опушке леса и, опасаясь внезапного нападения из чащи, свернул к холму, где мог бы оглядеться и при виде опасности вовремя отойти или скрыться.

Немного погодя на мельничной дамбе у какой-то деревушки я заметил едущего в мою сторону всадника в польской одежде, а затем второго и третьего. Я бы с радостью повернул назад, но не мог сего сделать, не выдав крайнего, даже панического ужаса, и продолжал путь. Подобравшись ближе, я понял, что это молодые шведы. Я спросил, куда отправилась армия; они отвечали, что уже три дня не видали оной. У одного из них на руке была прекрасная муфта из меха выдры. Я осведомился, где он ее взял, и тот рассказал мне длинную историю, */л. 156/* как накануне, углубившись в лес, они набрели на каких-то шляхтичей с семьями и имуществом, кои при их появлении бежали. Однако они не отважились сойти с коней, лишь сорвали с дерева оную муфту. Я питал надежду, что при умелом ведении дела можно получить хорошую добычу, и предложил поехать с ними, если они помнят место и хотят туда наведаться. Они охотно согласились, взяв только с меня обещание разделить все поровну между нами. Я обещал, и мы поскакали обратно в лес.

В том месте, где они были вчера, мы никого не застали, хотя можно было заключить, что раньше там стояли несколько хороших лошадей и сундуки с добром, которые увезли невесть куда. Мы спешились, приступили к поискам и вскоре обнаружили большой сверток домашнего белья, бочку пива и остов очень добротной повозки, а чуть позже и колеса. Мы решили собрать повозку и доставить на ней к армии пиво и взятый нами скарб, используя белье на упряжь для лошадей. Тем временем я заехал немного дальше в чащу и на тропинке наткнулся на пару добрых сильных лошадей, коих */л. 156 об./* поймал и привел к остальным, чтобы запрячь в повозку.

Я прихватил с собою самого крепкого из юнцов и поехал по тропе вдоль края большого болота через очень густой кустарник. Порядочно удалившись, я заметил человека, который стоял на болоте на стволе поваленного дерева. Я спешился, дабы схватить его, но тот был начеку и убежал, хотя и не без труда. Впереди мы увидали дым, и я предположил, что там могут быть шляхтичи со своим имуществом. Мы крались очень тихо и незаметно подошли так близко, что прекрасно могли все обозреть. Я сошел с коня, взял пистолеты и велел моему спутнику кричать, когда закричу я, словно мы созываем товарищей, и к тому же не покидать меня на случай схватки.

Подобравшись к месту, которое они сильно укрепили огромными, срубленными кругом деревьями, я увидел у большого костра с десяток шляхтичей с женами и детьми. Я издал громкий клич, отозвавшийся другим, и полез через баррикаду. Охваченные ужасом поляки, не ведая, сколько нас было, тут же побежали прочь от кост-

ра. Четверо или пятеро вскочили в седла, а остальные с женами и детьми ретировались к болоту, сохранив сабли и карабины */л. 157/* в своем полном распоряжении. Поэтому я не особенно спешил, делая вид, что не стану перебираться, пока они всё не очистят. Однако я вовремя оказался между ними и двумя лошадьми, стоявшими наготове под седлом и с пистолетами. Я сел на лучшую из них — молодую темно-серой масти, а другую взял за повод. Слышались громкие крики беглецов, и хотя там в изобилии лежало разное добро, сундуки, skatolls[236], одежда, мы не дерзнули остаться и кое-что обыскать; при отъезде я подобрал лишь какую-то сумку, лежавшую на сундуке. Мы во весь опор помчались обратно, но по более широкой дороге, якобы известной моему спутнику.

Мы скакали уже долго и стали сомневаться, найдем ли тех, кого оставили чинить повозку, и тут заметили деревенского парня, который стоял и прислушивался. Я подъехал ближе, и он оглянуться не успел, как был схвачен. На вопрос, что он здесь делает, тот без обиняков ответил, что шляхтичи узнали о проникших в лес шведах и послали его разведать и донести, сколько их. Кроме того он показал нам, где те двое, коих мы оставили. Взяв крестьянина с собою, мы отыскали наших двух юнцов; они всё подготовили, но были весьма напуганы, ибо по лесу разносились клики шляхты, которая подняла тревогу и, казалось, подступала со всех сторон.

Мы */л. 157 об./* посадили править повозкой крестьянина, который с умыслом частенько наезжал на деревья, чтобы замедлить ход, и ни угрозами ни уговорами мы не могли заставить его держаться прямой дороги. Дабы не лишиться повозки и поклажи, чего нам не хотелось, одному юноше пришлось сесть за возницу. Впрочем, мы захватили крестьянина с собой, чтобы тот не донес, как нас мало.

По дороге я вспомнил, что раньше мы пересекали болотистый проток по низкому мосту и, услыхав гомон стекавшихся туда селян, догадался, что они спешат к переправе, чтобы на нас напасть. Поэтому я счел нужным вдвоем броситься вперед, найти и отстоять переправу — и вовремя, ибо шестеро или семеро были уже там, когда мы появились. Мы сразу же их спугнули и разъезжали поблизости, пока наша повозка не подоспела и благополучно переправилась. На другом берегу мы спешились и разметали мостки, пустив бревна вниз по течению.

Когда мы почти уже выбрались из леса, а значит и из опасности, я немного отстал, а один из юнцов выстрелил в крестьянина и убил его. Я выбранил его за это, он же оправдывался, будто тот намерен был нас предать. Однако позже мне казалось, что то было лишь по

простоте, которая сквозила во всех его жестах. Он легко мог убежать от нас, если бы был сметлив или хотел этого.

В первой же деревне на возвышенности мы остановились, чтобы накормить лошадей и поесть самим. Один [из нас] /*л. 158*/ сидел в дозоре на крыше дома и внезапно сообщил, что из леса в нашу сторону галопом едут 20 или 30 верховых. Мы вскочили в седла, но видя, что те одеты по-польски и мчатся во весь дух, недоумевали, как быть. Однако, полагаясь на своих коней, мы решили узнать, кто они такие, и окликнули их. После обмена двусмысленными ответами мы поняли, что это наши люди. Они рассказали, что были в тех же лесах, где и мы, только подальше, перебили много шляхты и [взяли] знатную добычу, но половину не смогли увезти с собою из-за великого смятения в лесу.

Они задержались с нами, дав корм лошадям, и затем мы выехали вместе. Неподалеку мы встретили несколько отставших шведов, кои сказали нам, что армия разбила лагерь чуть впереди, по правую руку, а завтра выступит через переправу в Гостынине. Мы поверили этому при виде множества всадников, направлявшихся туда, свернули налево и стали в деревушке в полумиле от оного места. Около полуночи те, коих мы повстречали, отправились обратно в лес, убеждая и нас к ним примкнуть. Но по благому Божьему провидению мы не поехали: позже мы слышали, что все они были там перебиты селянами.

Нам дали знать, что /*л. 158 об.*/ рядом стоят дозорные, и сие придало нам уверенности. Когда с рассветом мы двинулись вперед, то с холма повыше замка увидели, что все дозоры ушли. Оставив повозку в оном месте, двое из нас спустились вниз, дабы осмотреть замок. Не успели мы войти в наружные ворота, как заметили поодаль 8 или 10 поляков, кои, держа коней на поводу, сушились у костра. При виде нас они мигом вскочили в седла и, пока мы размышляли, что предпринять, вылетели через задние ворота, чему мы весьма обрадовались. Мы сделали вид, будто хотим их преследовать, но быстро вернулись и во весь опор понеслись к дороге, по коей выступила армия.

В ближних селах собирались из лесов все крестьяне, так что мы проезжали мимо оных в немалом страхе и не смели в них заходить. В поле я взял какого-то мальчишку и заставил его гнать повозку. Была уже ночь, когда мы добрались до армии и главной квартиры и прибыли в расположение королевских драбантов, к коим принадлежали эти юнцы. Согласно уговору мы разделили всё на 4 доли. Лучший из коней со сбруей считался за две. Так как предстояло бросить

жребий, было решено, что если мой */л. 159/* падет на одну из сих долей, то я получаю 30 рейхсталеров или любую из двух других по моему желанию. Другой конь со сбруей составил третью долю, а повозка с парой лошадей и прочей добычей — четвертую. Последнюю мне и посчастливилось взять, чем я был весьма доволен, ибо она стоила вдвое больше других, очутись я в любом городе.

Эту ночь я провел у одного маркитанта и на следующее утро выехал пораньше. Я покрыл не более полумили, когда повстречал наш эскадрон; все радовались моему появлению с такой знатной добычей. Вечером мы квартировали в деревне недалеко от Соботы. Поутру кто-то из товарищей показал найденную в тайнике немецкую одежду, среди коей я узнал собственные панталоны, снятые с меня близ сего места почти два года назад, когда во сне меня схватили крестьяне — должно быть, из этой деревни.

В тот же день я отправился с отрядом */л. 159 об./* вверх по реке. Мили через полторы мы подъехали к форту на болоте, но не смогли до него добраться. В оном укрывались несколько шляхтичей и много крестьян с женами, детьми и имуществом. Отсюда генерал Дуглас, заболев, был доставлен в Лович и таким образом покинул нас ко всеобщей печали. Он поручил нас тщанию генерал-адъютанта Шёнлебена, который и впрямь был с нами весьма любезен.

Мы пошли на Пётркув, а после сдачи оного двинулись на Енджеюв, где в иезуитском монастыре я видел двух убитых старцев-иезуитов. Один лежал перед главным алтарем, другой — наверху, на хорах. Все алтари были разорены и обезображены, что являло весьма горестное зрелище.

Здесь, находясь в разъезде, я впервые увидал венгров, коих было более 50 верховых. Они наскочили на нас в дворянской усадьбе, где имелся ров и подъемный мост, и повергли в немалый страх, ибо мы приняли их за поляков. Они сказали мне по-латински, что их войска недалеко и вскоре соединятся с нашими. */л. 160/* Из Енджеюва мы выступили через замок Пиньчув и разбили лагерь в поле. Генерал-майор Вюрц прибыл из Кракова к королю, и я встретил много старых знакомых.

Назавтра, когда я занемог и сидел в своей повозке, обоз нашей роты пошел ближним путем и был вынужден пробиваться через обозы левого крыла, между двумя полками, с великим трудом и бранью. Впереди второго полка ехала какая-то дама в карете, запряженной шестеркою лошадей. Моя повозка несколько отстала от прочих из-за плохой дороги. Кучер [кареты] стал меня обгонять, мой пытался сделать то же, и форейтор, замахнувшись длинным хлыстом на моего

слугу, попал мне прямо в лицо. Я был так взбешен, что соскочил с повозки, погнался за ним и нанес ему удар палашом по голове, так что тот свалился под копыта лошадей, но поднявшись, преградил мне путь. Однако, услыхав позади крики и опасаясь преследования, /*л. 160 об.*/ я сел на коня и поспешил к армии.

Король имел свидание с князем Трансильванским[237]. Они проследовали вдоль фронта войск, причем король обратил внимание на нашу роту и указал на нее князю, который весьма пристально посмотрел на нас.

Когда армия приближалась к Завихосту, мне выпал наряд к обозу. Поскольку мы находились справа, нельзя было не пересечься с обозами левого крыла, чтобы дойти до наших квартир; они размещались в дворянской усадьбе в миле пониже Завихоста. Выбравшись на дорогу, мы решили пропустить идущий мимо полк и затем вклиниться между ним и следующим. Обозные шедших позади полков это заметили и подтянули все свои силы, дабы помешать нашему проходу. Мы собрали своих, человек 15 однополчан и 30 или 40 слуг; немцев же было около 70 или 80, не считая многих ребят, что вылезли из подвод /*л. 161*/ с дубинами и палками.

Я видел, как их число растет, а у нас нет надежды на подмогу, и счел нужным приступить [к делу]. Мы подошли к ним и заявили, что нам надобно проехать вслед за обозом оного полка. Те возражали с похвальбой и угрозами, язвительно именуя нас господами. Мы прибегли к более резким выражениям. Я повздорил с одним из их главарей, который в ярости обозвал меня лизоблюдом, возможно, полагая по моему возрасту и одежде (более изящной, чем обычно), что я паж какого-нибудь магната или генерала. Я так вспылил, что обнажил палаш и набросился [на него], — и недолго оставался без поддержки моих товарищей. Мы вместе устремились вперед и благодаря храбрым шотландским сердцам и клинкам в один миг обратили их в бегство. Многим мы пустили кровь, но и кое-кто из нас ее пролил. Одним из их тупых палашей я был ранен в лоб.

Между тем наш обоз проследовал дальше, и мы отправились на квартиры, где фуража было в изобилии. Около часа пополуночи в амбарах, где расположились многие из нас, неведомым образом вспыхнул сильный пожар, /*л. 161 об.*/ причинивший великий ущерб. Я улегся в углу амбара поодаль от гумна, а мои лошади стояли рядом. Когда пламя охватило амбар, мне во сне привиделось, будто я борюсь с каким-то человеком, который в каждой схватке бросает меня наземь. Раздосадованный, я собирался с силами, дабы отомстить, — и проснулся, чуть не задыхаясь от дыма.

Верхушки снопов на другом краю тока уже пылали. Я вскочил и кинулся к дверям по обе стороны тока и с большим трудом распахнул их. Затем, вернувшись, перерезал палашом поводья и выгнал всех лошадей на гумно. Огонь уже настолько усилился, что от жара и дыма я почти не сознавал, где я и что делаю. Сунув обнаженный палаш под руку и набросив на плечо плащ, я хотел вынести и седло, но нащупал лишь один из пистолетов и выхватил его. С огромным */л. 162/* риском и трудом я выбрался через дверь в поле, где надеялся увидеть своих лошадей и слуг, кои находились с моей поклажей во дворе и должны были вывезти мою повозку и телеги, но не обнаружил ни тех, ни других. Все сгорело.

Кое-кто из лежавших на току, как то Лодовик Синклер оф Росслин и другие, спали крепко, ничего не слышали и выскочили за мною в [одних] рубахах, горевших у них на спине. Так наш эскадрон лишился почти всех лошадей и экипировки, коих я не мог возместить за весь сей поход. Я потерял девять лошадей, много богатой добычи и всю упряжь.

На следующий день один корнет-немец вызвал [на дуэль] нашего лейтенанта, который оскорбил его в отместку за произнесенные тем слова, порочащие шотландцев. При втором обмене выстрелами корнет был ранен навылет, отчего и умер полгода спустя. Лейтенант одно время был вынужден скрываться у венгров.

Днем позже я ходил с пешим отрядом на поиски */л. 162 об./* чего-нибудь съестного и в лесах весьма преуспел. Я купил также хорошую молодую лошадку за 8 рейхсталеров, но седла нигде не мог достать ни за какие деньги или уговоры. Пришлось несколько дней обходиться без оного.

Узнав, что мост [через Вислу] готов, и на другой день армия должна переправиться, я не пожалел усилий, дабы составить точное мнение о наших новоявленных друзьях, особенно их числе. Я поспорил об этом с товарищами, кои полагали, будто их гораздо больше, нежели казалось мне. Итак, взяв больше прислуги, чем требовалось для дела, я перешел мост и сосчитал количество оных со всей возможной тщательностью. Венгерской конницы при добрых лошадях и слугах, идущей строем под командою и знаменами, получилось от 12 до 15 тысяч; пехоты, большинство коей звалось молдаванами, — 5000; разного рода обозных людей — 5000; при артиллерии и */л. 163/* княжеском обозе — 2000; гвардии и придворных — 800; казаков — 6000[238]. В общем менее половины того, чем они похвалялись, да и среди тех, думаю, было много поляков, коих они силою взяли в походе.

Невдалеке от сего места, будучи в разъезде, я обзавелся легкой тележкой, парой хороших лошадей и другими надобностями. В Ужендуве было велено избавиться от большей части клади. Ротмистр попросил меня заранее отвезти его [вещи] в Люблин и дожидаться там, когда он прибудет или пришлет [приказ] распорядиться тем, что неудобно возить с собою. Я провел в предместье Люблина не более 3 часов и получил приказ следовать дальше со всеми подводами.

Через два дня, быстро опередив армию, мы с Уильямом и Александером Хьюмами разъезжали по округе до полудня, но не обнаружили ничего стоящего. На обратном пути */л. 163 об./* мы вышли к обширной топи, за которой стоял густой ельник. Двигаясь по длинному рукотворному проходу, мы заметили справа 15 или 20 человек, кои пробирались из леса через топь. Я полагал, что они ищут в лесу добычу, и решил ехать туда по краю болота. Немного поодаль, у родника, нам попались свежие следы польских сапог. Мы поскакали дальше и обнаружили, что оные ведут прямо в лес по тропинке, по коей последовали и мы. Я ехал впереди один, а двое других в некотором отдалении.

Возле того места, где мы видели помянутых людей, шедших через болото, я заметил справа от дороги [тело] только что убитого человека, а чуть дальше еще одного, в предсмертных судорогах. Он лежал на тропе ногами к нам и шевелил правой рукою — как мне почудилось, дабы предостеречь нас от движения вперед. Я разглядел его поближе и понял, что это казак, по его чубу, или клоку волос, который казаки обычно носят на лбу. Обернувшись */л. 164/* к товарищам, я спросил, стоит ли нам ехать дальше, на что Александер Хьюм ответил: "Я считаю, мы безумцы, что забрались так далеко — ведь это уже третий свежий мертвец из наших!" Сие в самом деле повергло меня в страх, ибо нас было мало, к тому же при неважных лошадях и оружии на случай погони, нападения или бегства.

Мы пустились назад с большей поспешностью и осторожностью. На обратном пути мы наткнулись на очень ладную повозку ценою 20 или 30 рейхсталеров, которую я бы с удовольствием прихватил, но мои товарищи не допустили задержки. На большой дороге мы встретились кое с кем из вышедших на промысел. Они пересекли ту же топь, где прошли мы, и сказали, что в одной деревне на дальнем краю видели несколько казаков. Те сообщили, что в здешних лесах их застигли врасплох около 50 поляков, от коих они бежали и, спасаясь от преследования, были вынуждены бросить лошадей и пробираться через болото пешком, причем их отряд потерял восемь человек.

/л. 164 об./ Назавтра, поскольку припасов недоставало, а наши обозные лошади ослабели, я вновь уговорился с моим товарищем Уильямом Хьюмом выехать прежде войск. Мы добрались до усадьбы какого-то шляхтича на склоне большого холма, откуда приятный вид на окрестности, и заметили вдали стоящего на пригорке человека. Мы понеслись к тому месту, но никого там не обнаружили. Я поручил Хьюму держать мою лошадь и углубился в кустарник, чтобы разыскать виденного нами человека.

За кустами я увидал троих крестьян, лежащих на вспаханной земле друг подле друга. Я погнал их перед собою туда, где оставил с моей лошадью товарища, — коего там не оказалось. Поднявшись на пригорок, я закричал, но его было не видно не слышно. Я был несколько напуган и озадачен и спустился вниз, чтобы отделаться от крестьян. Я вырвал у одного из них топор, забросил оный как можно дальше */л. 165/* и отобрал у того же парня кошель с деньгами, висевший у него на шее. Затем я подошел к другому проверить, есть ли деньги у него. Тот схватил меня и воззвал к соседям о помощи. Я вступил с ним в борьбу и по милости Господа, в такой крайности придавшего мне необычайную силу, освободился и обнажил палаш, с коим отбросил моего противника и напал на двух других. Один из них метнул в меня подобранный им топор, от коего я по счастью увернулся. Прийдя в ярость, я погнался за теми двумя, настиг одного на краю кустарника и нанес ему такой удар по голове, что он свалился ничком. Но услыхав в кустах крики, я поспешил прочь.

Я пробежал около четверти мили до другого пригорка, откуда наконец завидел вдали моего товарища, к великой моей радости. Я помчался туда и стал сильно упрекать его, и по справедливости, — он же оправдывался */л. 165 об./* тем, что повстречал какую-то женщину, которая отвела его в оное место, где в зарослях стояли на привязи три лошади. Забрав лошадей, мы ускакали и к вечеру добрались до лагеря под Лятовичем.

Ничего достойного изложения не приключилось со мною на марше к Венгруву, пока я не прибыл в Камень, откуда с пятью другими отправился в разъезд к Боцкам. По пути, когда мы кормили лошадей в поместье одного шляхтича, туда случайно явились 20 венгров. Вступив в беседу, они предложили нам действовать совместно, и мы условились, по обычаю разъездов, поделить поровну все, что добудем.

Мы окружили усадьбу, принадлежащую одному из Сапег, и вскоре захватили двух шляхтичей. Третий укрылся в саду и так стойко оборонялся от семерых или восьмерых венгров камнями и то-

му подобным, а под конец — длинным шестом, что дивно /*л. 166*/ и отрадно было смотреть. Однако его, изнуренного и раненого, одолели и немедля отсекли ему голову — к моей великой скорби. Я был возмущен такой жестокостью к побежденному храбрецу.

Мы допросили двух других, дабы узнать, где можно взять добычу. Один из них поведал о множестве дворян с семьями, кои огородились вагенбургом в лесу неподалеку отсюда. Там было обилие всевозможного добра и богатства, и никакой опасности или труда при его захвате, ибо те пребывают в столь паническом страхе, что при одном нашем виде разбежались бы и все бросили. После подробных и обстоятельных расспросов я убедился, что дело выполнимое, и настаивал на его осуществлении. Венгры сначала казались довольны и согласны и выступили с нами в ту сторону, но еще не миновав сада, остановились, выставляя многие трудности [предприятия], и никакими уговорами мы не могли увлечь их дальше. /*л. 166 об.*/ Они привязали обоих шляхтичей к ограде, скрутив им руки за спиною, и обезглавили их.

Мы пошли в Боцки, где улицы оказались завалены крестнакрест деревьями, которые мы убрали. Милей дальше мы достигли дворянского поместья, где за пирушкой застали врасплох нескольких шляхтичей. Когда мы обступили дом, те попрятались по амбарам и службам, но будучи пойманы и допрошены, сообщили, что владелец поместья со многими другими сидит в лесу среди топей, все их имущество там же, и они не знают, спрятано ли что-нибудь в доме или поблизости. Четверым, давшим такой ответ, [венгры] тут же снесли головы.

Пятым был юноша лет двадцати. Ужаснувшись подобного зрелища и угроз поступить с ним так же, он сказал, будто слышал о спрятанной в доме посуде и прочих вещах. Он водил нас с места на место, /*л. 167*/ предлагая копать, но нигде ничего не было. Наконец он привел нас в погреб, а когда и там ничего не нашли, воскликнул, что ничего не знает, и взмолился о пощаде за обман. Он сказал, что его побудило это сделать желание пожить еще немного.

Его вывели на лужайку, дабы казнить, как остальных. Сия жестокость была мне ненавистна и крайне меня опечалила. Видя положение юноши, я употребил все способы ради его спасения. За его жизнь я предлагал свою долю добычи, наконец, все наши доли вместе (составлявшие немало). Но чем более искренне и настойчиво мы пытались его выручить, тем более упрямыми те становились, обвиняли нас в дружбе с нашими общими врагами и, словно нам назло, жестоко его умертвили.

К вечеру мы выехали в поле в доброй полумиле от дома и среди кустарника распустили лошадей на прокорм. С нами был */л. 167 об./* и шляхтич — управляющий сего места, из коего [венгры] завтра рассчитывали вытащить побольше путем пыток. Все венгры улеглись спать, предоставив нам заботу об их лошадях и пленнике. Тут мы стали совещаться, как лучше поступить, ибо все мы боялись за свою жизнь. Они много раз нам угрожали, теперь же, при доброй добыче и возможности захватить еще больше, тех, кто не знает ни страха Божия, ни нравственных устоев, алчность и в самом деле может толкнуть на убийство. Ведь их 20 молодцов при отличных конях и оружии, а нас [всего] шестеро, причем двое — довольно жалкие вояки!

Ускользнуть от них мы не могли, опасаясь, что на обратном пути к армии нас перехватят поляки. Кто-то внес предложение перерезать им глотки, что было одобрено всеми и, по обсуждении, сочтено легко выполнимым. Их лошади и пистолеты в нашем распоряжении, и мы сами хорошо вооружены кинжалами, пистолетами и палашами. Все они спали */л. 168/* чуть поодаль друг от друга. Мы убеждали себя, что самосохранение, а также хладнокровно совершенные ими злодейские убийства вполне оправдают нас перед Богом и людьми. Но когда мы уже приготовились осуществить задуманное, Господу угодно было не допустить этого. Один из нас даже лишился чувств, и все мы при виде сего отступились и не исполнили своего намерения.

С приходом дня мы вернулись в усадьбу и обнаружили, что все трупы оттуда унесли. Венгры с крайней жестокостью мучили подстаросту, или управляющего, заливая ему в рот холодную воду, пока он не стал харкать кровью. Он указывал им разные места, где, по его словам, спрятаны вещи, но ничто не попадалось. Наконец в низком погребе под домом они откопали знатную добычу, не подпуская близко никого из нас. Однако один из моих товарищей незаметно заглянул туда и увидел, как они рассматривают серебряные */л. 168 об./* подносы. По вынесенному ими ящику мы поняли, что им досталось немало серебряной утвари.

Затем они отрубили голову подстаросте и, раздобыв подводы, погрузили 4 бочки двойной водки, 2 — меда и 5 — пива. Мы доставили оные к армии, продали и раздали выручку. Мы также поделили 9 лошадей с седлами и пистолетами, причем каждый из нас получил по 28 рейхсталеров. Однако две подводы с лучшей добычей они угнали под конвоем. [Еще] в усадьбе мы спрашивали их о серебряной посуде, но те отнекивались, показав нам несколько оловянных подносов и уверяя, будто больше ничего у них нет. Вечером мы рассказали об этом

нашему ротмистру, и он через генерал-майора Гауди добился от князя строгого приказа расследовать дело и восстановить справедливость. Сие тянулось четыре или пять дней, и в итоге [мы] не получили ничего, кроме кое-каких оловянных сосудов и прочей /*л. 169*/ недорогой мелочи. Эти бесчестные люди сняли с себя подозрение присягой.

По прибытии в Брест Литовский я перебрался через реку Буг в Кодень — городок милях в 6 от Бреста. Там, а также в одном из имений Сапеги, мы взяли хорошую добычу и привезли в лагерь 20 бочек пива и водки. К тому же мы взяли бочонок сидра и продали его маркитанту вместо французского вина за 40 рейхсталеров. Я приобрел превосходного коня у Джеймса Бернета оф Лис, отдав ему за оного пару лошадей и 12 рейхсталеров.

Здесь наш ротмистр, на коего королю донесли граф Якоб Делагарди и подполковник Подкамер, был вызван к королю. При расспросе он стоял на своей невиновности, что настолько разгневало Его Величество, что он дважды небольшой шпагою рассек тому голову, осыпая ударами по плечам. Затем его отправили под караулом к генерал-гевальтигеру[239], или главному профосу.

Здесь же король, получив известие, /*л. 169 об.*/ что король Датский объявил войну и приступил к действиям против него, решил повернуть назад.

На второй день марша я ходил в разъезд, где имел с лейтенантом Джоном Расселлом ссору, которую прервали наши товарищи.

Сбыв свою поживу в войсках, я и еще семеро снова отправились по дороге на Дрогичин и за два дня пути не нашли ничего достойного перевозки. К вечеру мы оказались в густом заболоченном лесу и по протоптанной тропе вышли на отряд наших, кои только что набрели на несколько подвод, полных разного домашнего скарба и припасов — шляхта с домочадцами при их появлении разбежалась по лесам и болотам. Их было человек 30 или 4[0], все финны из полка генерал-майора Фабиана Барнса. Выбор добычи был таков, что мы, видя, как они берут лишь самое ценное, решили подобрать то, что останется после них.

Пока мы, не сходя с коней, наблюдали, /*л. 170*/ двое из оных финнов вывели из топи прекрасную девицу, наряд и манеры коей уверили нас в ее благородстве. Едва добравшись до суши, один из них принялся срывать с нее одежду, так что она осталась в белой фланелевой юбке и корсаже с серебряными петлями. При виде серебра финн немедля сорвал корсаж и, прельстившись тонкостью фланели, вздумал стащить и юбку. [Девушка] беспрестанно кричала

и плакала, что могло бы растрогать и камень, и видя по мундирам и обличью, что мы выше тех мошенников, воззвала к нам о помощи.

С самого начала я упрекал [солдата] в дурном и грубом обращении с нею, чего тот не замечал. Теперь же сердце мое растаяло от жалости. Я соскочил с коня и стал увещать его и стоявших рядом его приятелей словами, что у них вдоволь богатой добычи под рукою, что следует вспомнить */л. 170 об./* о давших им жизнь матерях и что открывать наготу женщины недостойно христианина и человека. Все сие было напрасно.

Юная шляхтянка поняла, что я готов за нее постоять, и укрылась за моей спиною. Когда финн хотел схватить ее снова, я по-дружески отстранил его руками. Тут он так треснул меня по шее, что я с трудом устоял на ногах, однако, прийдя в себя и не имея привычки сносить подобные вещи, выхватил палаш и отвесил ему удар по макушке. Тот свалился наземь, причем семь или восемь его приятелей, будучи ближе всех, разом напустились на меня. Всех ударов я отразить не мог, хотя их клинки так затупились, что не причиняли вреда; лишь один, кажется, колющий выпад [пришелся] в правую бровь.

Мои товарищи все время уговаривали меня не связываться с ними, но видя меня в такой переделке, дружно спрыгнули с коней и с помощью добрых шотландских палашей */л. 171/* остановили их. Хотя большинство из тех собралось вместе, однако благодаря превосходству в отваге, ловкости и оружии, а также узкой позиции мы стали их теснить. Почти каждый верный выпад выводил их людей из строя, и наконец они обратились в бегство. Мы загнали их далеко в лес и завладели их лошадьми и огнестрельным оружием.

Возвращаясь, мы размышляли, как поступить. Хотя убитых, похоже, не было, многие из них получили тяжкие раны. Опасаясь жалоб, мы решили захватить двух или трех раненых и всех лошадей с собою, пока не убедимся, что они нас не догонят. На обратном пути мы взяли их лошадей и кое-что из добычи, сколько смогли при такой спешке.

Тем временем юная шляхтянка как будто пребывала в экстазе. Заметив, что мы собираемся уезжать, она стала молить нас не оставлять ее на расправу сим варварам. Я был так тронут, */л. 171 об./* что против воли моих товарищей усадил ее сзади и увез с собою.

Выбравшись из леса, мы сделали около шотландской мили по полю и после захода солнца отпустили раненых солдат с лошадьми; всю дорогу у них были завязаны глаза. Поскольку ночь стояла светлая, мы проехали примерно 3 немецких мили, а затем около часа кормили лошадей в каком-то шляхетском имении.

К полудню мы завидели несколько отставших солдат и фуражиров нашей армии. Когда мы условились поделить добычу и разъехаться, я нарядил мою юную леди в одежду молодого поляка и отправил ее вперед с двумя слугами. По приезде в главную квартиру я встретил на улице своего слугу в окружении каких-то поляков. Тот пояснил, что его остановили люди Корицкого[240], кои узнали даму и сказали, что она близкая родня их господина.

Как только я приблизился, вышел сам Корицкий */л. 172/* и весьма учтиво пожелал говорить со мною. Я спешился, и он сообщил, что сия шляхтянка его очень близкая родственница, и если мне угодно передать ее ему, то он позаботится, дабы ее с почетом проводили в безопасное место. Я отвечал, что он, вероятно, уже мог уведомиться от нее либо от моего слуги, каким путем и с какою опасностью я уберег ее от бесчестья; намерения мои были и остаются благородными; она сама пожелала ехать со мною; коль скоро я ее заполучил и ухаживал за нею таким образом, мне поистине невозможно с нею расстаться. Он заметил, что король поблизости, и довольно будет замолвить одно лишь слово о ней королю. Опасаясь, как бы не вышло широкой огласки и не раскрылось другое дело, я отвечал, что если мог бы удостовериться, что она в самом деле его родственница и с нею обойдутся по чести, я готов ее отпустить.

/л. 172 об./ Между тем мой товарищ сказал одному из слуг [Корицкого], будто она досталась нам взамен доли в богатой добыче, так что, расставшись с нею, мы окажемся в убытке. Тот передал сие своему господину, который зашел в дом и, вернувшись, преподнес мне 10 дукатов со словами: "Я узнал, что она принадлежит вам в счет вашей доли, посему благоволите это принять". Я отказался и, видя, что с ним появились несколько знатных полек, без лишних хлопот предложил ему взять ее к себе, если ей будет угодно. Она этому обрадовалась. Я просил лишь, дабы все осталось в тайне, и обещал назавтра прислать ему женскую одежду, ибо при разделе добычи мне достались немалые запасы. Так я и сделал, а он дал моему слуге дукат за труды.

/л. 173/ Подойдя к реке Буг неподалеку от Камня, я вновь отправился в разъезд с шестью товарищами. Мы проехали через Боцки к деревне, называемой Мале Скрипки, где в одном саду нашли много добра, зарытого под корнями огромного дуба. В кустарнике укрывалась красивая молодая шляхтянка со своей матерью. Я не только хотел, но и настаивал, чтобы они там остались, однако всем, особливо одному женатому человеку, вздумалось взять молодую женщину с нами. Когда мы проскакали пару миль в обратную сторо-

ну, я добился их согласия отпустить ее, но мы уже оказались среди отставших шведских отрядов. Она боялась быть захваченной другими, кои могли обойтись с нею менее любезно, и не желала возвращаться. Мы обязались взять ее с собой, и после долгих и скучных пререканий, кому иметь попечение о ней, оное наконец было предоставлено мне.

На другой день мы прибыли в Камень и обнаружили, что */л. 173 об./* армия выступила на Венгрув. Мы остановились в деревне милях в четырех от Буга. Ночью парень, взятый мною в деревне Вельке Скрипки, сбежал и прихватил пару хороших лошадей.

С рассветом мы встретили передовых солдат армии и маркитантов, идущих обратно к Бугу. Те сообщили, что войскам предстоит возвращаться. В тот же день так и случилось — они переправились через реку и немедленно выслали к Цехановцу сильный отряд. Назавтра оный вернулся без каких-либо сведений о неприятеле, который, сказывали, стоит лагерем у Сокол. Разве что фельдмаршал граф Стенбок прибыл к армии с сильным конным отрядом из 500 человек.

Я узнал, что армии предстоит стоять здесь какое-то время, и будучи горячо побуждаем моей юной шляхтянкой проводить ее в безопасное место, решил отвезти ее в отцовский дом. С несколькими */л. 174/* товарищами мы выехали из лагеря незадолго до полудня, ночью прошли Боцки, к рассвету прибыли в Мале Скрипки и передали мою подопечную сестре ее матери.

В тот же день мы повернули назад через Боцки и заехали в Hoffstatt[241], где венгры во время нашего марша на Брест обезглавили нескольких шляхтичей. Спускаясь от дома к болоту, я заметил бегущую женщину и догнал ее. Она попросила ее отпустить и указала на кустик посреди болота. Я спешился и обнаружил за этим кустом крестьянина, который под угрозой лишиться головы сказал, что отведет нас туда, где жители Боцек держат лошадей. Расспросив во всех подробностях о месте, числе и вооружении людей, я нашел сие осуществимым и вернулся к товарищам.

Там я встретил одного лишь Джеймса Элфинстона, коему сообщил о деле. Прочие спутники отъехали так далеко, что */л. 174 об./* их нельзя было призвать обратно, и мы решились исполнить это сами (всего с одним слугою). Крестьянину мы обещали по возвращении сюда же дать свободу, но пригрозили убить, если он навлечет на нас какую-либо опасность.

Сделав по просеке через очень густой лес больше половины немецкой мили, мы вышли к низкому кустарнику, где поодаль увидали

лошадей и бродивших между ними людей с палашами и саблями. Вблизи них мы подняли громкий крик и бросились вперед. Почти не оглядываясь, все они — человек 25 или 30 — побежали к болоту, а я за ними, делая вид, что вступаю на топь. Я разъезжал вдоль оной и следил, как бы они не вернулись прежде, чем мы возьмем лошадей, коих здесь было около сотни. Пока Джеймс Элфинстон стоял настороже, я отобрал 9 лучших, а слуга переменил свою, набросив поводья на дерево. Таким образом мы взяли, сколько могли свободно увести, и /*л. 175*/ быстро умчались.

К заходу солнца мы прибыли в Hoffstatt, согласно обещанию отпустили крестьянина и, чтобы перегнать лошадей, взяли четверых мальчишек, кои весьма кстати появились со стадом скота. Мы скакали во весь опор, меняя лошадей, пока не стало темнеть, а лошади наши ослабели. Мы подъехали к какой-то деревне, где надо было покормить оных, но видя в каждом доме свет, не осмелились туда вступить и забрались в амбар, стоявший довольно далеко от домов. Как можно тише мы завели туда лошадей и, увидав снопы ржи, дали им корм.

Охваченные крайней усталостью, мы решили несколько часов поспать и, прикрыв одну из дверей, улеглись возле оной; другая была заперта большим замком. Я сторожил первым, пока все остальные спали, и едва смог /*л. 175 об.*/ продержаться начеку один час. Затем я поднял товарища, всеми средствами заставил его очнуться ото сна и лег отдохнуть. Когда я сам пробудился, мой товарищ оказался спящим. Я вскочил и окликнул его, слугу и мальчишек, подозревая по [виденному мною] сну и приоткрытой двери, что те исчезли. Наши поиски мальчишек не обнаружили, и мы поспешно вывели лошадей и сели в седла.

Однако вести всех наших лошадей дальше мы не могли, и я рискнул пробраться пешком в деревню и кого-нибудь приманить. Я стал звать у окна одного домика, подражая деревенскому выговору. В дверях показался какой-то отрок, коего я схватил и пригрозил, чтобы он не поднимал шума. Он понял, что должен идти со мною, и на вопрос об остальных подвел меня к двум другим домам. Из каждого я прихватил по мальчишке, кои могли мне пригодиться.

Мы сели на коней и к полудню догнали наших товарищей. Те пребывали в некоторой растерянности и опасались, что нас убили крестьяне. /*л. 176*/ Мы условились не говорить им о нашем опасном приключении, ибо тогда каждый из них должен был бы иметь равную с нами долю. Мы сочинили им сказку, будто набрели на отряд бранденбуржцев, с коими углубились в леса, взяли сих лошадей и,

получив пару в качестве нашей доли, купили остальных. Приняв такое решение[242], мы добавили двух из наших лошадей к прочим приобретениям.

По приезде в лагерь ротмистр ночью прислал за мною и стал сильно сетовать на нужду в деньгах. Я дал ему 15 рейхсталеров, за что он весьма благодарил, ибо сие намного превзошло его ожидания. Через два дня его выпустили из заключения, и поскольку ему недоставало лошадей для подвод, я отдал ему двух из тех, что приобрел. Каждый из нас также предоставил по коню нашим бедствующим собратьям, кои оказались пешими.

/л. 176 об./ Здесь мы узнали, что нашему генералу Дугласу велено ехать в Швецию и действовать против Дании и что туда же вскоре последует сам король. Сие повергло всех нас в замешательство. Мы знали, что наступят сплошь дурные времена, когда мы будем заперты и осаждены по гарнизонам. В иноземном государстве обороняющаяся сторона, каковой мы теперь непременно окажемся, всегда проигрывает. Останется лишь редкая возможность добыть богатства или почести. Мы знали, что у нас не будет покровителя, а шведы и немцы не очень-то нас любят. Учитывая все это, мы решились подать петицию Его Величеству, дабы он взял нас с собою. При посредстве подполковника Аренсдорфа фельдмаршал Стенбок поднес наше прошение, но оное было отклонено.

Затем для ходатайства перед Его Величеством делегировали четверых из нас. Мы воспользовались случаем, когда Его Величество пребывал на воздухе, спешились и обратились к нему с такими словами: мы покинули родину в намерении снискать честь и средства к существованию; мы */л. 177/* обязались служить Его Величеству под началом генерала Дугласа; мы не сомневаемся, что наше служение и поведение довольно известны Его Величеству; в течение всей нашей службы Его Величеству мы не получили ни фартинга жалованья; мы непривычны и неспособны к таким средствам, как те, кто взращен в тяжелом труде; [даже] состоя в победоносной полевой армии, мы едва можем приобрести достаточно, чтобы душа не разлучилась с телом, но будучи стеснены в гарнизонах, предвидим одни лишения; во избежание чего мы смиренно молим Его Величество не покидать нас, но взять с собою туда, где мы с величайшей готовностью отдадим свои жизни служению Его Величеству.

Его Величество, выслушав нас до конца, резко обернулся и промолвил, что достойные люди должны оставаться и здесь, где точно так же можно стяжать славу, как и там, куда он */л. 177 об./* направляется. Мы отвечали, что предпочли бы искать славы на полях [сра-

жений], нежели внутри стен. Граф Стенбок тоже что-то сказал Его Величеству в нашу пользу. Его Величество, обращаясь к нему, произнес: "Я скорее прикажу побросать их в реку с мешками на шеях, чем дам им волю". Мы это услыхали и, отчаявшись в успехе, отступились.

Войска двинулись через два дня, венгры по западному берегу Буга, шведы — по восточному. По прибытии в Пултуск я добрался до лагеря за час или два до темноты, будучи задержан при переправе через реку Нарев. Корнет Роберт Стюарт вызвал меня из палатки. У него я встретил 5 или 6 из наших товарищей. Все они сообщили мне, что, по их сведениям, неподалеку, в местечке Пшасныш, можно взять добрую добычу, только надо поторопиться. Я сказал, что готов. Мы назначили свидание в /*л. 178*/ полумиле к северо-западу от города, у небольшого куста. Через полчаса после захода солнца туда явились двенадцать из нас и семь человек прислуги.

Мы ехали всю ночь и наутро прибыли в Пшасныш, где повстречали множество шведов и немцев. Они прежде нас наведались почти во все места и говорили, что там нечем поживиться, кроме пива; они бы охотно прихватили несколько бочек, но не могли найти ни подвод, ни лошадей или волов, чтобы тащить их. Впрочем, мы поставили коней на прокорм и пошли бродить в поисках поживы.

Какие-то немцы, галопом несясь по улицам, сообщили, что из леса по направлению к городу движутся поляки. Мы немедля вскочили в седла и за пределами города увидали 8 всадников, разъезжавших по полю. Мы пошли на них и, заставив отступить, погнались за ними по узкой гати, /*л. 178 об.*/ ведущей к лесу. Немного погодя мы заметили, что они притворяются, будто их лошади устали, но при нашем приближении очень быстро улепетывают. Я заподозрил уловку или засаду и не раз кричал Роберту Стивену — храбрецу на отличной лошади — не преследовать их дальше. Возле леса мы осадили коней в надежде, что он, оказавшись один, повернет назад. Однако он увлекся погоней, а мы не желали его покидать и заехали в лес.

Не успели мы углубиться, как на нас на полном скаку бросились 30 или 40 верховых, а те немногие тоже развернулись. Роберт Стивен и рад бы был отойти, но его норовистая кобыла не подалась назад, и он погиб. Мы во весь опор помчались через поле к гати, где несколько наших товарищей, спешившись, открыли по гнавшим нас полякам стрельбу из карабинов /*л. 179*/ и вынудили их попятиться. Перемахнув через небольшой мостик, мы спрыгнули с коней и опрокинули оный.

В городе мы встретили прочих наших товарищей и последовали за уже ушедшими немцами. Миновав гать, мы не догнали их, да и не знали, куда те отправились, и стали держаться большой дороги. С возвышения мы увидали, как из города выступил сильный отряд поляков и двинулся по дороге за нами. Сие повергло нас в немалый страх и заставило ускорить шаг.

Проезжая по долине, мы набрели на три десятка пасущихся лошадей. При них было 16 мужиков и мальчишек, коих мы задержали, посадили на лучших лошадей и дали им свои кафтаны и шляпы, дабы они походили на иноземцев. Мы построили их в эскадрон вместе с мальчишками и нашими худоконными товарищами для поддержания должного порядка. */л. 179 об./* Четверо из нас составили арьергард, а именно: корнет Стюарт, Александер Лэнделс, Джеймс Элфинстон и я, все при отличных конях и вооружении. Капрал Уох и Томас Хьюм шли в авангарде, а при "эскадроне" находились Уильям Мидлтон, Александер Хьюм, Роберт и Александер Эрскины и Дэвид Хэлибертон — все, кроме двоих в авангарде, на очень худых лошадях.

Построение заняло какое-то время, и поляки подтянулись, хотя мы ехали своей дорогой так быстро, как только позволяли лошади и строевой порядок. Вначале их было около 30 или 40 верховых и, видя столь сильный и хорошо построенный "эскадрон", они держались в отдалении, то и дело наседая с обеих сторон и с тыла. Мы сознавали, что наше спасение заключается, кроме заступничества Господа, в твердой решимости и сокрытии от них, из какого */л. 180/* теста сделан наш "эскадрон". Мы делали все возможное, чтобы удержать их на наибольшем расстоянии. Когда число их всадников превысило 60, они стали подбираться к нам ближе, особенно с тыла. Однако мы часто разворачивались, отчаянно атаковали и палили по ним, так что те не стремились подходить слишком близко, дабы не подвергнуться натиску нашего "эскадрона". Если бы они знали слабость оного так же как и мы, все бы вскоре погибло!

В разгар сего дела наш "эскадрон" вдруг остановился. Я поскакал вперед узнать, что случилось, и выяснил, что один из крестьян взялся показать нам дорогу на Млаву и уверял, будто до прусских границ нет более краткого и надежного пути. Мы же при виде больших клубов дыма по левую руку, в направлении оного места, вообразили, что наша армия идет туда. Сей крестьянин, */л. 180 об./* повторяю, у развилки трех дорог притворился, будто не знает, какая из них верная, и никто из нас не мог заставить его или кого-либо из прочих сказать это. Наконец я пригрозил его прикончить. Видя, что

поляки совсем рядом, он спрыгнул с коня и кинулся им навстречу. Я понимал, что если он добежит до них, сие будет стоить всем нам жизни, и пустился за ним. Из-за неровной почвы я едва нагнал его, прежде чем тот до них добрался. Хватать его было некогда, да и небезопасно, ибо он мог в меня вцепиться. Удара палашом наотмашь оказалось довольно — и я с трудом ушел от тех, кто спешил ему на выручку. Так как по случаю он стал проводником и ехал вместе с первыми двумя, нашей одежды на нем не было, что избавило нас от надобности отбивать его тело.

Еще через полмили скачки к ним пристало около 15 новых всадников. Затем они разделились /*л. 181*/ на три отряда и собрались атаковать нас с тыла и обоих флангов, что вынудило нас сомкнуть ряды и прибавить ход, по счастью выбрав среднюю из трех дорог. При всем том они ни разу не пытались ударить на нас всеми силами; из отрядов высовывались лишь отдельные из них, с коими мы справлялись прекрасно, и все время держали их на приличном расстоянии от нашего "эскадрона". Так мы проскакали еще с милю. Они постоянно осыпали нас стрелами и пулями из карабинов, мы же по необходимости берегли пули, ибо запас был невелик. Убедившись, что не могут ничего поделать, они разъехались в правую и левую стороны, оставив у нас в тылу 12-15 человек.

Вначале мы обрадовались избавлению от них. Однако по длинному ряду деревьев, кои обычно растут на болоте, мы поняли, что впереди гать, и увидели, как те, что /*л. 181 об.*/ скрылись от нас, несутся к двум селам справа и слева. Мы легко догадались, что они намерены напасть на нас у гати и отправились на другую сторону, дабы помешать нашему переходу. Сие внушало некоторый страх, но зная, что нам должно помочь противоположное чувство, мы во весь дух помчались к гати. Мы вчетвером, прикрывавшие тыл, поравнялись с "эскадроном" и призвали его выстоять ныне — или никогда. Я увещал их: "Бейтесь хотя бы за то, чтобы погибнуть на суше. Пусть не говорят, будто мы умерли в канаве!" Впоследствии это дало повод для множества веселых шуток.

Вместе с двумя передовыми [рейтарами] мы бросились через глубокую и широкую топь. Дальний берег был повыше, и мы видели, что 15 или 20 из них уже нас поджидают. Мы решительно их атаковали, без особого труда обратили в бегство и проложили свободную дорогу нашему "эскадрону". После этого они /*л. 182*/ нам больше не досаждали. Даже взойдя на высоту, с коей открывался дальний обзор, мы не могли различить, куда они пропали. Мы были чрезвычайно рады от них отделаться и пошли дальше к Млаве.

В полумиле оттуда мы спешились и в одном дворянском имении накормили лошадей. Здесь нам сообщили, что до прусского рубежа около двух миль, и часть наших войск по пути в Пруссию накануне достигла Млавы и, как им казалось, стояла там прошлой ночью. Примерно через час мы распустили наших мнимых рейтар и уверенно двинулись к городу, но еще не завидев оного, встретили старую женщину, у коей осведомились, есть ли в городе солдаты. Она сказала, что туда только что прибыл отряд поляков. Полагая, что это наши преследователи, мы стали */л. 182 об./* совещаться, как быть, и спросили женщину, нет ли другого пути к прусским границам, помимо города. Та отвечала, что по правую руку есть дорога и, если мы сможем на нее выбраться, оная приведет нас прямо к пограничной мельнице, — и указала на отдаленное место, где нам следует ее искать. Мы повернули назад, быстро прошли через деревню, где останавливались на привал, в сторону леса и по счастью отыскали дорогу, о коей говорила женщина.

Не успели мы углубиться в лес, как встретили крестьянина, в телеге у коего имелся бочонок пива. Он оказался для нас желанным гостем, ибо в сей день мы сильно страдали от жажды. Крестьянин рассказал, что купил пиво у млавских горожан, находившихся тут же в лесу, поблизости; те повздорили между собой и разделились; у них хорошее вооружение и лошади; всего их около 70 человек, в очень надежном месте. Мы взяли крестьянина */л. 183/* с собою и решили напасть на них, не сомневаясь, что при нашем внезапном появлении они бросят лошадей и разбегутся по лесу. Все согласились, но когда мы уже подходили к ним, готовые к атаке, наши худоконные товарищи стали опасаться, что в случае отпора с ними может стрястись беда, и отговорили нас от дальнейших действий.

Мы отошли и, боясь, что нашему переходу у мельницы могут помешать, те из нас, кто имел лучших коней, поскакали вперед и возле мельницы захватили подводу с парой лошадей, бочкой пива и хлебом. Когда подтянулся наш отряд, мы спешились, разрушили мост и пошли на Зольдау[243]. К вечеру мы добрались до церкви, стали на церковном дворе и добрым пивом поздравили друг друга с удачей и спасением от столь многих опасностей сего дня. Мы так пировали, что хотя и распорядились о должной охране, все погрузились в крепкий */л. 183 об./* сон и не очнулись до самого утра.

Пробудившись, мы обнаружили, что все наши лошади исчезли. Мы вскочили, выбежали на поле и по указке какого-то бедняка нашли их за четверть мили. К полудню мы поделили добытых лошадей, причем случились размолвка и недовольство. Мы разделились и

пошли разными путями, но через несколько дней встретились в доме капитана Стрэхена неподалеку от Штума.

Здесь мы собрались на совет и уговорились послать в Эльбинг к фельдмаршалу фон дер Линде с просьбой о разрешении вернуться к армии. Получив оное, мы выступили оттуда к Торну. Назавтра были высказаны различные суждения об образе действий. Большинство склонялось к тому, чтобы больше не возвращаться в роту, о чем я не хотел и слышать, но видя общее настроение, опасался принуждения и помалкивал. Однако на следующее утро я ускользнул от /*л. 184*/ них и с одним лишь слугою отправился в Торн. В местечке, именуемом [...], я случайно встретил прибывшего из Торна квартирмейстера Форбса. Он заверил меня, что войска еще туда не явились, убеждал ехать с ним обратно в Эльбинг и обещал вернуться со мною в Торн. Я согласился, ибо не знал, как провести время до подхода армии. На обратном пути [уже] из Эльбинга мы встретились с несколькими шотландцами, кои получили увольнения[244] из Торна и направлялись в Шотландию.

По приезде в Торн я отыскал наш эскадрон и немедля направился к ротмистру, но прежде столкнулся с лейтенантом (он никогда меня не жаловал, в противоположность ротмистру). Тот отослал меня за реку под стражей, полагая, будто я вместе с прочими сбежал из эскадрона, и не желал принимать никаких доводов или оправданий. Я пробыл /*л. 184 об.*/ под караулом недолго, когда ротмистр приказал освободить и вызвать меня. В городе я [снова] встретил лейтенанта, который никак не мог смириться с тем, что меня отпустили. Мы обменялись резкими выражениями, кои он мне так и не простил впоследствии.

Через несколько дней ко мне в палатку зашли с визитом два шотландских офицера, и когда я отправил слугу за пивом, дабы угостить их, [кто-то] украл у меня лучшего коня, стоявшего рядом на привязи. Позже я узнал, что его похитил один шотландец из полка милорда Крэнстона, но так и не сумел добиться его возвращения.

Днем раньше ротмистр послал меня и еще четверых на поиски Роберта Троттера и другого шотландца, кои, обессилев от голода в лесу, не смогли оттуда выбраться. Хотя при нас находился капитан Уоллес, ездивший с ними вместе и уверявший, будто знает место, где они остались, несмотря на все усилия и расспросы, мы не нашли даже их следа. Да и самого капитана /*л. 185*/ Уоллеса, лишенного рассудка, привез в лагерь его конь, и тот долго еще не мог прийти в себя. Прискорбно, когда с доблестными воинами обращаются таким образом и даже доводят до голодной смерти, но поскольку нам не давали ни малейшего жалованья, а многие из сих дворян не желали

или не умели перебиваться кое-как, они оказывались в последней крайности! В это же время польский магнат по имени Корицкий женился на вдове покойного воеводы Равского.

Король Швеции, выступая из Торна, перешел мост пешком в сопровождении множества знати и городских магистратов[245]. На краю моста магистраты простились с Его Величеством, и он немедленно сел в карету. За пределами укреплений ротмистр Мелдрам, следовавший у правого фартука [кареты], был подозван Его Величеством, который протянул ему руку для поцелуя и сказал: "Мелдрам, */л. 185 об./* служите нам, как прежде, и вы удостоитесь столь же великой нашей милости, как всегда".

Затем и мы перешли по мосту и вместе с эскадроном расположились в поле по дороге на Ковалево, где я пребывал в большом стеснении и нужде. Вся оставленная мною кладь и добыча пропала, лучшего моего коня украли, и я был вынужден отдать все свои деньги за другого, хотя и гораздо худшего. Не с кем было ходить в разъезды, да и опасно — все окрестности обложены контрибуцией и обеспечены охраной. Мне не раз приходилось обедать у герцога Хамфри[246]. В довершение всего мы стали квартировать в городе, где из-за спеси наших хозяев-бюргеров имели много склок и большие неприятности, так что скорее предпочли бы сельские хижины оным дворцам.

Корнет Роберт Стюарт, явившись в Торн, сразу же был посажен под караул, и меня приставили к нему первым. */л. 186/* Его допрашивали о джентльменах, коих он увел из эскадрона, он же оправдывался, что по приезде в Пруссию те ему не повиновались и все разошлись в разные стороны. После нескольких дней заключения при посредстве лордов Крэнстона и Хэмилтона его выпустили, но со стыда он недолго состоял в эскадроне и отбыл, не знаю куда.

Нас послали в Ковалево и после двух ночей, проведенных там в руинах замка, приказом вернули в Торн. Вскоре мы выступили в Штрасбург, получили квартиры в городе и несколько деревень на другом берегу реки Дрвенцы на пропитание. Из них мы не извлекли почти ничего — все было разрушено, и мало кто еще жил в оных.

Я ездил в Мариенбург с ротмистром, который ходатайствовал о вооружении и содержании эскадрона. После многих хлопот нам достались лишь слова и посулы. Здесь я присутствовал */л. 186 об./* при казни полковника Розы и майора Клингера. Хотя последний некогда поступил со мною весьма неучтиво в Данцигер-Хаупте[247], но при виде сего несчастья сердце мое опечалилось и жалело его.

По возвращении в Штрасбург мы отправились в разъезд, поставив целью один городок в 7 милях оттуда, где была ярмарка. Мы шли всю ночь, неожиданно ворвались в город, рассеяли людей и взяли добрую поживу. На обратном пути, свернув с дороги с несколькими товарищами, мы набрели на табун одичавших лошадей, загнали в деревню и отловили многих из них. На мою долю досталась молодая кобыла исключительной красоты и стати. Узнав об этом, комендант всячески пытался ее заполучить и просил меня продать ее. Видя его усердие, я подарил ему оную и отказался брать что-либо взамен, за что он весьма благодарил и обещал /*л. 187*/ сделать мне одолжение.

Затем мы ходили во многие разъезды, дабы достать хоть что-нибудь на жизнь. Однажды мы захватили подстаросту — управляющего отведенных нам на пропитание земель и держали его до тех пор, пока тот твердо не обязался о бóльших поставках, и тогда отпустили.

Первого октября, около 11 часов утра, поднялась тревога, будто поляки появились за милю от города, в селах, где для нас приготовлены запасы пива и хлеба. Под звуки труб я оседлал коня и при выходе повстречал моего хозяина — старого солдата. Он сказал, что стол накрыт, и мне стоит прежде всего поесть, что обед и обедня еще никому не мешали, а на дурное дело я всегда успею. Я пропустил сие мимо ушей, вскочил в седло и подъехал к дверям ротмистрова дома. Он как раз садился на коня; у него был /*л. 187 об.*/ отличный серый или, скорее, белый конь немецкой породы, отважный, быстрый, послушный и ладно сложенный. Когда ротмистр сел на него, тот никак не хотел ступить за ворота, что мы приняли за дурной знак, хотя никто не вымолвил ни слова.

Как только собралось 15 или 20 верховых, мы выступили через замок в обход города. За рекой Дрвенцей нас догнали другие, так что всего было 29 рейтар с офицерами и двумя слугами. Мы проехали лесом до небольшой разоренной деревни, выслав вперед капрала Джона Бруна с шестью рейтарами, и миновав еще один лес, вышли в открытое поле. Стояла полная тишина, никого не было видно или слышно. Ротмистр, взяв с собою троих или четверых, тоже поскакал вперед, а мы шли неспеша и очень весело. Один из наших товарищей, немного отстав, примчался с вестью, что неприятель /*л. 188*/ у нас в тылу. Мы развернулись и видя, как они выходят из леса и строятся широким фронтом, дали знать [об этом] ротмистру, который уже достиг деревни. Между тем мы двинулись обратно, им навстречу. Тогда они сплотили ряды на более узком фронте и пошли прямо вперед в шахматном боевом порядке.

С самого начала большинством из нас владело фатальное неведение, даже верилось, что то был не враг (из-за их немецких мундиров), а люди полковника Ноймана из Ноймарка или в худшем случае — из полка бранденбуржцев, кои, по слухам, вступили в союз [с поляками] и взбунтовались. Я не раз говорил: "Они могут быть кем угодно, но без сомнения это неприятель, и нам придется с ним биться". Но никто не произнес ни слова об отходе или бегстве, а спастись можно было только так. Боясь упрека в трусости, я, хотя и предвидел */л. 188 об./* верную гибель, а также и способ избежать оной, решил промолчать и подумал, что мне, как и прочим, терять нечего, кроме одной лишь жизни. Я взывал о помощи ко Всемогущему Богу, к предстательству Блаженной Девы и всех святых небесных перед Святою Троицей в кратких и сильных выражениях, насколько позволяло время, — и наступал с остальными.

Сойдясь на мушкетный выстрел, квартирмейстер приказал двоим из нас выехать и осведомиться, кто они такие. Капитан Джеймс Кит и я, стоявшие справа в первой шеренге, подскакали к ним поближе и спросили: "Что вы за люди?" "Подданные императора[248]" — был ответ. "А мы подданные Швеции", — отозвались мы. Они крикнули, чтобы мы просили пощады и сдавались в плен, причем выпустили по нам залп, коим капитан Кит был убит, а я сильно ранен в грудь под левым соском. Не успел я очнуться, как один */л. 189/* из стоявших перед строем офицеров приставил к моей груди карабин, который дал осечку, иначе тот непременно убил бы меня.

Вернувшись к эскадрону, я сказал лишь: "Теперь вы видите, кто они такие!" — и стал в строй с правой стороны. Мы вместе атаковали передовой отряд неприятеля и большей частью прорвали оный, но рассыпались, и каждый стал действовать в одиночку. Я держал к лесу и, будучи на добром коне, надеялся уйти, но меня преследовал десяток всадников, кои непрестанно стреляли и призывали к сдаче. Я потерял один из пистолетов и на скаку зарядил другой, сберегая его до конца. Одна из пуль ранила моего коня в ногу. Они приближались и подстрелили меня еще и в левое плечо, все время крича, чтобы я сдавался на милость. Не видя пути к спасению, я развернулся и попросил */л. 189 об./* пощады.

В пылу боя я боялся погибнуть и подскакал к одному в красном плаще, коего принял за офицера. Тот взял меня под защиту, хотя они, казалось, и не желали мне вреда после просьбы о пощаде.

Человек, коему я сдался, отобрал у меня палаш, [другое] оружие и кинжал, бывший под кафтаном. Я опасался, что это должно его возмутить, ибо германцы всегда настаивают, дабы никто не носил

потайного оружия вроде карманных пистолетов, дэрков[249], кинжалов или нарезных стволов, считая оные оружием предательским и бесчестным. Оглядев мой новый кафтан, хотя и продырявленный пулями, он расстегнул его на груди и хотел снять. Я сказал, что под ним одна рубашка, и без кафтана в столь холодную погоду я, к тому же тяжело раненный, погибну. Тот не обратил на сие внимания, но при виде залитой кровью рубашки оставил меня в покое.

На обратном пути я наблюдал круговую перестрелку одного из отрядов. */л. 190/* У дороги сидел на земле, горестно стеная, мой добрый друг Александер Кит. Я попросил, чтобы меня подвели к нему, и заявил, что это мой брат. Те согласились. Я осведомился, что с ним. Он не ответил, но стал рвать на себе волосы и воскликнул: "Увы, увы, сегодня я погиб!" Увещая его обратиться к Господу, я со слезами его оставил.

Когда меня привели в деревню, я встретил ротмистра. Он был верхом, очень бледен и спросил о моих делах. Я отвечал, что дважды ранен, но мне лучше при виде, что он жив. "Да, жив, — возразил он, — но Бог ведает, надолго ли". При вести о неприятеле он немедля выехал из деревни и, видя, что мы разбиты и бежим, тем не менее бросился на целый эскадрон и прорвал его. Если бы он положился на коня, то мог бы спастись, ибо конь его был превосходен, но по воле рока или от избытка распаленной храбрости он повернул вспять, один ворвался */л. 190 об./* в их ряды и был быстро окружен. Метаясь на коне по кругу, он разрядил все свои шотландские и немецкие пистолеты. Когда какой-то корнет пытался его схватить, он вдребезги разбил немецкий пистолет о его лицо, вырвался и наконец, сломав и свой полуэсток[250], был взят силою. Его мундир во множестве прошили пули, и некоторые слегка задели тело, но смертельный выстрел пришелся в тазовую кость, что остановило проток мочи и на 5-й день привело к смерти. Конь его получил десяток пуль, задняя нога была раздроблена, и его бросили на месте. Подвели другого коня, ротмистр спешился и стал снимать седло, чтобы надеть на другого, но [имперские] офицеры вмешались и приказали рейтару оседлать ему коня.

Квартирмейстер [нашей роты] Александер Стокер и трубач спаслись на лошадях, а Эндрю Уилсон — пешком среди болот; было десять павших на месте и 14 */л. 191/* пленных, большинство из них раненые.

Имперцы не стали мешкать, опасаясь преследования шведов, и очень быстро удалились. Был дан приказ в случае упорной погони и затруднений скорее прикончить пленных, чем дать им уйти. Об этом

сказал мне тот, под чьим надзором я находился, и посоветовал в таком случае бежать в лес. Мне якобы нечего бояться: хотя бы он и стрелял в меня, вреда не причинит. Сие навело меня на мысль о побеге. Однако спускались сумерки, и будучи в большом лесу и целый день без всякой пищи, я опасался лишиться чувств от голода и потери крови и пасть жертвой диких зверей или крестьян. Я оставил свое намерение и потрусил дальше.

Во мраке мы добрались до какого-то дома, где нам дали пива. Я попросил моего конвоира, если возможно, принести мне кусок хлеба. Пока тот отправился за оным, некто, проходя мимо, поменялся */л. 191 об./* со мною шляпами — возмущаться было бесполезно. Получив кусок хлеба, в коем попадалась солома длиною в дюйм, и немного пива, я довольно хорошо подкрепился.

В одном шляхетском поместье мы отдыхали 3 или 4 часа, затем сделали еще пару миль. Тут из армии явился лекарь и перевязал нас. Следующую ночь мы провели в двух милях от Плоцка, а днем позже были доставлены в Плоцк, где нас посадили в тюрьму под домом [городского] совета. Назавтра прибыл пехотный полк, в коем состоял некий капитан Лесли — наследник германского графа Лесли. Хотя ему сообщили, что мы пленные шотландцы, он не обратил на нас никакого внимания, подтвердив тем самым старое изречение: "Cum fueris felix" etc.[251]

В пятницу, 5-го, узнав, что ротмистр очень слаб, я с трудом поднялся и пошел через улицу */л. 192/* к нему. Он весьма обрадовался моему приходу. Я приблизился, взял его за руку, почувствовал, что он в холодном поту, и сказал, что ему пора устроить свои земные дела. Он промолвил: "У меня были ваши иезуиты, они дали мне добрый совет, хорошо бы они явились сюда снова". Я сказал, что пошлю за ними. Он ответил "да", но бывшие при этом протестанты не позволили.

Держа меня за руку, он тихо изложил то, что хотел бы написать в завещании. Мы с капралом Джоном Кемпом передали сие Джону Бруну, который все записал. Итог был таков: он оставил задержанное жалованье и претензии ко Шведской Короне за набор 84 рейтар, а также имущество в трех сундуках, хранящихся в Замосци, своей сестре в Шотландии; лучшего коня, седло, пистолеты, шпагу и кожаную куртку — лейтенанту; второго из лучших коней — Джону Бруну; третьего из лучших коней и расшитый пояс для шпаги — мне; золотой шнур для шляпы и белье — */л. 192 об./* Джону Смиту и еще одному, кои за ним ухаживали после ранения. Остальных лошадей и имущество надлежало продать и [деньги] разделить между

его слугами. Он также оставил 10 дукатов двум навестившим его иезуитам и 10 талеров — хозяйке дома. Душеприказчиками он назначил милорда Хэмилтона и ротмистра Джона Фрайера. Подписав завещание, он заметил, что многие из нас стоят подле него в глубокой печали и сказал: "Не горюйте, ребята, все будет хорошо. Шведская Корона вызволит вас".

К этому времени комната была полна имперских офицеров, и все они выказывали великую скорбь. Тогда он попросил пива и, взяв кружку, воскликнул прежде по-шотландски, затем по- немецки: "За здравие всех честных кавалеров!"[252] — и выпил изрядный глоток. После сего он весьма усердно воззвал ко Всемогущему Богу, моля о прощении грехов и выражая горячую убежденность в */л. 193/* милости Христа, и отдал душу свою в руки Спасителя, пока все окружающие проливали горькие слезы. То был совершенный джентльмен, статный, красивый и добронравный; ему недоставало лишь немного опыта, чтобы стать отличным солдатом.

На другой день он был перенесен своими соратниками в небольшую капеллу иезуитов, с их позволения. 150 всадников, состоявших в отряде, который взял нас в плен, сопровождали его и дали три залпа, когда тело опускали в могилу (бывшие с ними 50 поляков из мазовецкой шляхты разошлись по домам). Генерал-майор Хойстер оказал [ротмистру] большую любезность, разместив в собственном доме и предоставив все необходимые удобства. Он взял на себя расходы по погребению, подобавшему солдату и кавалеру. Я не мог сопровождать его [тело], ибо очень страдал от своих ран и терял сознание при каждой перевязке.

Проведя несколько дней */л. 193 об./* в этом городе, войска выступили к Торну. Нас выпустили [из тюрьмы] и предоставили для раненых повозки, где я не мог сидеть из-за сильно болевших ран. В сей день мы сделали 5 миль и, проезжая по дубраве, запаслись желудями, кои вечером очень пригодились. Обоз еще не подтянулся, есть было нечего, и мы испекли желуди в костре — каштаны не могли бы с ними сравниться!

Назавтра мы выступили и разместились в шляхетской усадьбе Гамбарт. Здесь мы простояли 10 или 12 дней, пользуясь между тем хорошим угощением благодаря щедрости офицеров. Поскольку пайков нам не выдавали, двое [из нас] дважды в неделю ходили просить милостыню и приносили больше провизии, чем мы могли уничтожить. Как-то в воскресенье четверо из нас были приглашены к капитану по имени Рид, который прислал за нами экипаж и, оказав отличный прием, доставил обратно. Первое время из-за тяжких ран я

был избавлен от нищенства, */л. 194/* но как только стал выздоравливать, мне тоже против всякой воли пришлось побираться.

Затем мы перебрались в одну деревню в трех милях от Торна. Здесь мы узнали, что в главную квартиру приезжал шведский трубач и предлагал освободить нас за выкуп, но имперцы заявили, будто все мы переменили службу. Сие весьма нам досадило, ибо можно было навлечь обвинение в том, что мы не выдержали положенного срока. Имперцы постоянно увещали нас перейти к ним служить. Ради хорошего обращения мы отговаривались тем, что если шведы нас не выручат до конца обычного срока ожидания, мы решим, как быть.

Шведы упрекали имперцев в нарушении мира. Те настаивали, что именно шведы были агрессорами; когда они подошли к Кракову, дабы изгнать трансильванцев — недругов Империи, шведы предприняли враждебную вылазку заодно с венграми; */л. 194 об./* они отпустили захваченных в сей вылазке шведов без вреда и урона, хотя были вправе считать их военнопленными; в недавнем же столкновении погибший капрал-шотландец открыл огонь первым. Дабы это удостоверить, вызвали меня. Я заявил, что не могу положительно и добросовестно утверждать, кто стрелял первым, но когда мы представились шведскими подданными, имперцы призвали нас просить пощады и сдаваться в плен; оные выражения обычно употребляются в таких случаях явными противниками, и неудивительно, если капрал открыл огонь, о чем, впрочем, я не могу и не стану решительно говорить. Болѐе я об этом ничего не слыхал.

Бóльшая часть [имперских] войск перешла Вислу к генералу Хатцфельду, который подступил к Торну и соорудил апроши и батареи против [шведских] шанцев и внешних укреплений, прикрывавших мост. С приближением зимы им предоставили квартиры в Великой Польше. Наведя мост через */л. 195/* Вислу у Добжиня, [стоявшие] на мазовецкой стороне полки стали подтягиваться к мосту. Тем временем переправы через реку Дрвенцу охранялись сильными дозорами, коим теперь было приказано отойти.

За день до нашего выступления (уже прошло более пяти недель, как нас захватили, и установленный срок пребывания в плену без выручки истек) офицеры категорически потребовали от нас ответа, согласны ли мы [им] служить или нет. В самых учтивых выражениях, насколько возможно, мы пояснили, что мы не простые рейтары и не можем ограничиться таким же сроком пребывания, как прочие пленные. Они возразили, что шведы пренебрегают и не заботятся о нас. Мы отвечали, что у нас иные сведения: они не раз обращались к генералу насчет нашего освобождения, что те отрицали. Тогда мы

попросили, дабы одного или двоих из нас отпустили /*л. 195 об.*/ под честное слово к [шведскому] генералиссимусу, определив срок возвращения; если мы не получим заверений в выручке, то весьма охотно станем служить королю Венгрии и Богемии, ибо нам все едино. Но без этого по чести (каковая нам дороже жизни) мы не можем давать обязательств. Тут они нам отказали и удалились с угрозами о более суровом обращении.

Утром, перед выступлением, мы нашли какую-то бумагу, обернутую зеленым шелком. Раскрыв ее, мы обнаружили в прочитанном много бессмыслицы, хотя всего разобрать не смогли; имя было подписано кровью, из чего мы заключили, что это чей-то договор с дьяволом, и выбросили оный в канаву. Вскоре явился капрал, имевший надзор за нами, стал очень озабоченно расспрашивать об этой бумаге и посулил хорошую награду тому, кто ее вернет. После долгих поисков ее так и не нашли, и капрал оттого словно /*л. 196*/ обезумел, восклицая: "Я погиб! Я погиб!" Сие укрепило нас во мнении, что то был дьявольский контракт.

Уже на марше ко мне подошли пятеро товарищей и, взяв обещание хранить тайну, сообщили, что намерены совершить побег, и предложили составить им компанию. Я ответил, что принял решение, если шведы меня не вызволят, пойти на службу к имперцам. Я учитывал, что король Шведский был рад выбраться из Польши, сохранив честь; что ему хватит забот и в Дании; что в польский спор вмешался Римский император; что Бранденбург, вначале нейтральный, ныне вступает в оборонительный и наступательный союз с Польшею; что у шведов едва осталось в Пруссии достаточно сил для защиты главных гарнизонов; что их противники, будучи хозяевами страны, захлопнут и прижмут их в городах, где те, почти лишенные жалованья, /*л. 196 об.*/ окажутся в великой нужде. Что до меня самого, то без сомнения я смогу хорошо устроиться и там, где нахожусь.

Не излагая им ничего этого, я просто отказался к ним примкнуть. Они просили меня не выдавать их, что я искренне обещал и исполнил, хотя они, кажется, изменили свое решение. Они намеревались во время суеты при устройстве ночлега отойти в сторону, будто за дровами, и в сумерках скрыться в лесах или топях, но не предприняли ничего подобного.

Во втором часу ночи, когда все мы сидели вокруг большого костра в разрушенной деревне, подошли два ротмистра и повелительно спросили, почему мы не желаем сменить службу. На наши прежние отговорки один из них заявил, что нам скорее следует служить Рим-

скому императору, нежели шведам, ибо Швеция в союзе с архипредателем Кромвелем; Римский император предоставил убежище нашему королю[253] и содержал его в своих владениях, тогда как ближайшие сородичи во Франции и Голландии его выслали; все подданные короля Великобритании, кои служат шведам, должны почитаться */л. 197/* изменниками.

Я почувствовал, что сие нас больно задевает, и отвечал: какие бы одолжения и любезности ни оказал нашему королю Римский император, он или предшественники его, возможно, удостоились таких же, либо еще бо́льших, от нашего короля и его предков; когда король наш с Божьей помощью вернет свое достояние, то сможет воздать за все сторицею; подобные любезности, обычные между правителями по государственным или иным соображениям, не могут налагать на подданных столь великих обязательств, чтобы изменять или разрушать их судьбы; мы — вольнорожденные подданные короля Великобритании — уехали на чужбину искать счастья и поступили на службу к королю Шведскому, что сделали вполне законно, без малейшего нарушения верности нашему государю; будучи там хорошо устроены, мы не можем настолько запятнать свою честь, чтобы так скоро перейти на другую службу, разве только уведомимся, что нами пренебрегают, чего, как мы уверены, быть не до́лжно. При этом они так рассердились, что стали меня оскорблять, называя молокососом и проч.; грозили */л. 197 об./* донести, что я мешаю остальным, и ущемить наши вольности и желудки; нас-де надобно отправить на разработки таскать камни — и в сильном гневе удалились.

Опасаясь, что по их доносу со мною станут дурно обходиться за вольные речи, я решил бежать. Выбор мой пал на Джона Смита, человека проворного и умелого. Я подсел к нему и, поскольку каждый подозревал других, едва сумел незаметно шепнуть на ухо, не желает ли он сегодня ночью отправиться со мной в путешествие. Чуть погодя он ответил: "Да, если вам угодно". Затем я сказал ему: "Как только увидите, что я поднялся, следуйте за мною".

Все приглядывали друг за другом, так что я отважился встать лишь около полуночи, как будто хотел облегчиться. Отойдя недалеко в густую и высокую траву, я стал ждать моего товарища. Тот так долго медлил, что я совсем отчаялся в его приходе и был на грани возвращения или побега в одиночку. Наконец он явился и, уповая на Бога, мы помчались прочь.

Ночь стояла очень темная, */л. 198/* хотя местность была знакома и, поскольку дорога на Торн охранялась лучше всех, мы двину-

лись вперед по направлению к армии. Вскоре с правой стороны нас окликнул дозорный. Мы уклонились влево, и поодаль раздался другой окрик. Мы стремглав проскочили между ними и кинулись к болоту. Дозорные поскакали следом, и один из них выстрелил, что нас подстегнуло. Взявшись за руки, мы побежали через топь и не успели оглянуться, как оба промокли с ног до головы. Однако, выбравшись на другой берег, на сердце сильно полегчало: мы знали, что верховые не могут нас догнать, а о пеших мы не волновались. Миновав болото, на сухом месте мы сняли сапоги и выкрутили одежду.

Сначала, услыхав суету в лагере и испугавшись погони, мы решили идти прямо на Штрасбург, но потом изменили свой замысел, ибо сомневались в выборе дороги и не запаслись снедью для столь дальнего пути. Итак, мы направились к Торну вдоль края болота */л. 198 об./* и, отклонившись слишком далеко вправо, пересекли оное еще раз. Примерно в миле от лагеря мы свернули на большую дорогу и поспешили вперед, часто замирая на месте и прислушиваясь, не идет ли кто нам вослед или навстречу.

Мы обогнули деревню, где были на постое, и пошли по большой дороге из боязни заблудиться, но чуть только зашагали более уверенно, как незаметно рассвело. Мы оказались на ровном поле и с тревогой выискивали какое-нибудь убежище. Наконец слева, на возвышенности, мы заметили кустарник, бросились туда и притаились. Все наши припасы составлял маленький грубый хлебец, и мы уговорились съесть половину сейчас, а другую вечером, ибо собирались провести тут весь день и ночью двинуться дальше. Кусочек хлеба лишь усугубил аппетит и мы, продрогшие и мокрые, не смогли уберечь и другую половину, коей также едва насытились.

День был очень пасмурный, тихий. Когда рассеялась дымка, */л. 199/* мы выглянули из-за кустов. При виде деревни с каменной церковью я сразу же узнал, где мы находимся — по левую руку был лес, который ведет к Висле и Древенце. Мы также приметили несколько всадников, разъезжавших по деревне, кои, как мы подозревали, посланы преследовать нас. Мы боялись, что попадемся им на глаза либо окоченеем от холода и ослабеем от голода, и отважились пройти полем до леса. Не имея при себе хотя бы ножа, мы выломали две длинные палки для защиты от крестьян и диких зверей, поползли по полю на четвереньках и забрались в лес. Он был так редок, что мы не могли нигде укрыться и перебегали с места на место. Выйдя на дорогу, мы увидели множество свежих конских следов в направлении Польши и, опасаясь встречи с отбившимися от армии солдатами,

побежали к кустарнику и спрятались там посреди воды. Отсюда мы наблюдали, как различные верховые спешат по */л. 199 об./* той же дороге вслед за остальными.

Когда дорога очистилась, мы пошли дальше, хотя не осмеливались идти по тропам, а метались в поисках самых густых участков леса. Поскольку не было ни солнца, ни ветра, мы совсем сбились с пути. Однако по моей удачной догадке, против воли моего товарища, посчастливилось выйти прямо к месту, куда мы направлялись. На опушке леса мы влезли на дерево и после некоторых сомнений наконец распознали Торн по стоявшему над ним дыму. Мы решили держаться края леса до деревни, именуемой Fishery[254], и там пересечь Дрвенцу на лодке или вброд.

Встречая свежие следы польских сапог и лошадей и боясь внезапного нападения поляков, мы стали спускаться прямо к реке, ибо болотистые речные поймы обычно непроходимы для верховых. Мы шли через заросли вдоль берега и рвали терновые ягоды, как вдруг увидали крестьянина, который собирал дикие яблоки. Отдав сапоги товарищу, я налетел на него с дубинкой в руке, */л. 200/* прежде чем тот опомнился. Я спросил, откуда он. Тот отвечал, что с другого берега Дрвенцы и что он переправился через реку в Fishery на лодке, принадлежавшей нашим (он принял нас за имперцев). Я объяснил ему, что мы из Торна и к ним не относимся, и потребовал, чтобы он помог нам перебраться через реку; поскольку в Fishery мы идти не можем, он должен пособить нам в доставке из соседней деревни досок или ворот для постройки плота. Он сказал, что в деревне полно имперских рейтар (тут я вспомнил, как здесь проходили поляки и угнали комендантских лошадей), брод же слишком глубок и неровен, и переход ненадежен. Однако мы решили попытаться, несмотря на то, что вода, по его словам, будет доходить до подбородка.

У брода мы сняли всю одежду, но ни обещаниями награды, ни уговорами, ни угрозами не могли заставить крестьянина зайти первым. Он согласился лишь с берега указать нам путь, */л. 200 об./* который был очень извилист. Хотя мой товарищ гораздо выше меня, мне пришлось прикрывать его от течения — весьма стремительного. Итак, мы помолились Всемогущему Богу и с одеждой на плечах и длинными палками в руках переправились с великим трудом и опасностью: из-за силы и глубины потока я трижды терял под ногами дно и едва не захлебнулся. В таких случаях пригодилось бы умение плавать.

Выбравшись на берег, мы возблагодарили Всемогущего Господа и, как были, нагишом перебежали через всю пойму до холма на Вис-

ле. Мы держали вдоль холма, пока не подошли к городу, и возле мельницы оделись и обулись. Проникнув в город незамеченными через ворота [Св.] Иакова, мы направились прямо к дому моего старого товарища Уильяма Хьюма. Жена его — дочь Гордона [из] Глассо[255] — в отсутствие мужа /*л. 201*/ дала мне пару его башмаков и чулок (мои совсем износились).

Подкрепившись яствами, мы немедля пошли к коменданту, генерал-майору Билау, который обратился к нам с обычными расспросами. Я рассказал, как мы попали в плен под Штрасбургом первого октября, а вчера около полуночи бежали из [лагеря] полка генерал-майора Хойстера, [стоявшего] в деревне милях в 4 отсюда; отведя дозоры от переправ через Дрвенцу, [неприятель] движется на Добжинь, дабы пересечь там Вислу и идти в Великую Польшу на зимние квартиры. Он поспешно спросил: "Что же тогда они делают на другом берегу реки?" Я ответил: "Клянусь жизнью, они не задержатся более 3 дней, ибо главные их силы, состоящие из отборных войск, не пожелают отставать от идущих на квартиры частей". "Хорошо, коли так", — сказал он, дал каждому из нас бокал /*л. 201 об.*/ вина и велел проводить к подполковнику Бретó, который командовал тогда конным полком фельдмаршала графа Дугласа. Тот предложил нам квартиру, от коей я отказался с объяснением, что поселился у знакомого.

На следующий день мы посетили милорда Хэмилтона и передали ему копию завещания покойного ротмистра Мелдрама. Милорд был с нами весьма любезен, отвел к губернатору, графу Бенгту Оксеншерне, и раздобыл каждому из нас по 5 локтей серого сукна, которое очень пригодилось, ибо мы продали оное по полтора рейхсталера за локоть. Я приобрел лошадь за 8 талеров, отдав 4 наличными, и купил краденое седло с пистолетами за один рейхсталер.

Здесь я повстречал Уильяма Гилда, которого вместе с нами взяли в плен и увели поляки, от коих он бежал несколько недель назад. Пользуясь случаем, ночной порою мы втроем поехали с отрядом в Штрасбург и прибыли туда на /*л. 202*/ рассвете. Я обнаружил, что оставленные мною вещи распроданы и поделены, ибо все полагали мою гибель несомненной. Когда я с утра пораньше зашел к квартирмейстеру Стрэйтону, который только поднимался с постели, тот ужаснулся и спросил, не призрак ли это.

Несмотря на возвращение, я решил больше не связывать себя службой в этом эскадроне и потому не соглашался квартировать ни в Торне, ни здесь. Я перебивался, как мог, до прибытия лейтенанта, который наконец явился после своей свадьбы в Эльбинге. На осно-

вании писем милорда Хэмилтона, ротмистра Фрайера и копии ротмистрова завещания он предоставил мне коня, но не расшитый пояс, отказанный мне ротмистром.

Я получил от коменданта пропуск, поехал к генералиссимусу в Эльбинг и по пути прихватил пару лошадей, дабы покрыть там расходы, что на сей службе не считается греховным или постыдным. Рано утром я предстал перед генералиссимусом, когда он выходил из */л. 202 об./* своих покоев, и пользуясь случаем, обратился к Его Высочеству с такой речью: "Да будет сие угодно Вашему Королевскому Высочеству. Состоя в лейб-роте генерала Дугласа и попав недавно в плен под Штрасбургом, я совершил побег из заключения. Я ни разу не получил от Короны Шведской даже фартинга денег на жалованье или снаряжение. Теперь же, лишившись всего, что имел, я покорно прошу Ваше К[оролевское] В[ысочество] принять мое положение во внимание и предоставить мне возможность снова послужить Шведской Короне. Из преданности и желания служить Короне я с великой угрозою для жизни совершил побег от неприятеля, а посему сделался свободным человеком и прошу также об увольнении из оной роты".

Его К[оролевское] В[ысочество] отвечал: "Мне донесли, что вы все переменили службу". "Нет, — возразил я, — они всё еще ожидают освобождения", на что Его К[оролевское] В[ысочество] промолвил: "Я сделаю все возможное, а что до вас, я распоряжусь о вашем снаряжении. */л. 203/* Но за увольнением из сей роты вам следует обратиться к вашему подполковнику". В ожидании что-либо получить я пробыл там несколько дней, но из-за задержки и недостатка средств на жизнь решил вернуться.

Однако возвращаться с пустыми руками было весьма глупо и непредусмотрительно. Мы выехали с Джоном Смитом и двумя слугами и притаились в лесу у дороги между Эльбингом и Мариенбургом, хотя пехотная рота, шедшая из Хаупта в Эльбинг, помешала нам во многих выгодных делах. Наконец мы набросились на двух доброконных крестьян и не без труда отобрали у них лошадей. Но те подняли тревогу в близлежащей деревне, и крестьяне перехватили нас с такой быстротою, что мы не смогли проехать в Мариенбург, как собирались. Пришлось с некоторым риском повернуть назад до Ламе-Ханда, а затем направо вверх по течению. Поспешно покинув вердер, мы добрались */л. 203 об./* к 9 часам вечера до какой-то деревни на возвышенности и заночевали в трактире. Наутро, когда мы не очень рано выезжали оттуда, нас потревожили пятнадцать крестьян и несколько верховых из Мариенвердера, кои искали пропав-

ших лошадей. Наших лошадей мы продали в Штрасбурге за 26 талеров.

Декабря 18. Через 5 дней я поехал в Торн просить подполковника Брето об увольнении. Он отказал мне и предъявил следующую записку генерала: "Если кто-либо из моей лейб-роты шотландцев, бывший прежде офицером, попросит увольнения, выдать ему таковое, когда он поставит на свое место столь же доброго бойца, как он сам". Подполковник спросил, был ли я прежде офицером и готов ли выставить себе замену. Я отвечал, что все дело не в том, был ли я офицером, а в том, что ни разу не получил ни гроша жалованья за вербовку или службу от Шведской Короны, и коль скоро я освободился из плена сам, по всем законам в мире я стал вольным человеком; генерал Дуглас обещал нам иное, /*л. 204*/ когда мы вступали в договор с Его Превосходительством. Далее я заявил, что как бы то ни было, не желаю больше состоять в оной роте, и вышел от него.

По возвращении в Штрасбург я кочевал несколько дней без службы и квартиры. Как-то вечером лейтенант прислал за мною и спросил, что я намерен делать. Я ответил, что снова обращусь к генералиссимусу, ибо он велел так поступить, если подполковник не даст мне увольнения. Тогда он в сердцах сказал, что я должен не уезжать, а опять вступить в эскадрон. На мое "нет" он приказал квартирмейстеру отвести меня в замок и просить полковника взять меня под стражу. Когда квартирмейстер вошел первым и изложил свое поручение, вызвали меня. Полковник принялся убеждать меня вновь определиться в роту, на что я не соглашался, выставляя соответствующие доводы. Полковник удовлетворился оными, отпустил меня и заявил квартирмейстеру, что не видит оснований держать меня под арестом /*л. 204 об.*/ или принуждать к дальнейшей службе в роте против воли.

Перед моим приходом лейтенант забрал у меня из дому коня, коего ранее передал мне по завещанию покойного ротмистра. Я провел в городе еще несколько дней и, лишившись коня, прибег к помощи полковника. В благодарность за отличную молодую кобылу, что я уступил ему до захвата в плен, он предоставил мне коня. Вечером я велел вывести оного, тихо вышел сам и отправился в Эльбинг. По дороге я наведался в Штум и посетил подполковника Александера Андерсона и моего доброго друга капитана Томаса Форбса.

В Эльбинге я сразу же обратился к генералиссимусу и сообщил Его К[оролевскому] Высочеству, что был у подполковника Брето, который отказал мне в увольнении. Его К[оролевское] В[ысочество] промолвил: "У нас нет бумаги, дабы писать увольнения". Я заметил,

что и не думаю покидать шведскую службу, но лишь уволиться из оной роты и добиваться производства в другом полку. Пригласив секретаря Мюллера, он удалился */л. 205/* в маленькую комнату с казначеем Форбсом. Когда меня вызвали, Его К[оролевское] В[ысочество] спросил: "Итак, вы не оставите шведской службы?" Я ответил: "Нет, я не сомневаюсь, что смогу отличиться в другом полку". Генералиссимус осведомился у секретаря, нет ли вакансии на чин прапорщика, на что был ответ: "Да, в драгунском лейб-регименте Вашего К[оролевского] В[ысочества]". Тогда он распорядился, чтобы секретарь велел выписать мне увольнение из оной роты и дать письмо к подполковнику Андерсону о моем назначении прапорщиком в этот полк.

Я покорно выразил свою благодарность и дождался прихода секретаря. Сопроводив его, я присутствовал при распоряжениях насчет моего увольнения и письма и попросил писарей меня не задерживать. Те обещали все подготовить завтра же, что оказалось правдой.

[1658]

[Января 1/11]

На следующее утро секретарь отнес мое увольнение и письмо на подпись к Его К[оролевскому] В[ысочеству]. После сего их возвратили в канцелярию для скрепления печатью, что также быстро исполнили. Я дал писарям рейхсталер за труды, */л. 205 об./* извинился за столь малое вознаграждение и пояснил, что я разорен и отдаю им все свои деньги. Они, казалось, были вполне довольны.

Добившись увольнения, я почувствовал себя в ином мире. Я вспоминал тяжкие невзгоды, в коих оказался, великие лишения и трудности, с коими боролся, множество незаконных средств, кои пришлось употребить — все ради того, чтобы тело не рассталось с душою. Я сознавал, что здесь, от сей службы, нельзя более ждать почти ничего хорошего. Хотя я не собирался никуда спешить с определением, но все же решил поехать в Штум и доставить письмо, однако никоим образом не только не настаивать, но и не просить о моем назначении, даже скорее отклонить и отложить оное. К тому же я знал, что прямой приказ генералиссимуса не понравится подполковнику — человеку вспыльчивому по натуре, а посему представится повод к отступлению и, если возникнут вопросы, я буду избавлен от упрека, что не вступил в свою должность.

Мое свидетельство было написано на верхненемецком. Вот содержание оного по-английски:

/л. 206/ Перевод моего свидетельства verbatim[256].

"Мы, Адольф Иоганн, Милостью Божьей Пфальцграф Рейнский, герцог Баварский, Юлихский, Клевский и Бергский, граф фон Вельденц, Шпонхайм, Марк и Равенсбург, владетель Равенштайна, Генералиссимус над войсками Его Величества Короля Шведского и Верховный Правитель Королевских Прусских Воеводств, настоящим уведомляем, что предъявитель сего, Патрик Гордон, состоял вольным рейтаром (волонтером) в лейб-гвардии господина фельдмаршала графа Дугласа и роте ротмистра Мелдрама в течение полутора лет, за каковой срок он показал себя, как подобает и приличествует солдату, любящему честь. Однако вследствие недавней гибели ротмистра и разбития большей части роты помянутый Патрик Гордон намерен инде добиваться повышения в чине. Посему мы предоставили ему настоящее увольнение и свидетельство о его добром поведении и просим всех и каждого из высших и младших офицеров Его Величества Короля Шведского, а равно и простых солдат, конных */л. 206 об./* и пеших, учтиво и милостиво принимать помянутого Патрика Гордона и не только пропускать его со слугами, лошадьми и имуществом свободно, надежно и беспрепятственно, но также, ради его доброго поведения и сего нашего свидетельства и желания, почитать его уполномоченным и достойным всяческого содействия и поощрения.

В удостоверение чего мы подписали сие своею рукою и повелели приложить личную печать Нашего Высочества. Дано в Эльбинге 1/11 января anno 1658.

(L.S.[257]) Адольф Иоганн"

В воскресенье я прибыл в Штум, сначала заехал к капитану Форбсу, коего застал за обедом, и сел откушать с ним. Его вызвал подполковник и спросил, кто и с какой целью к нему явился. Тот сообщил ему, что у меня приказ генералиссимуса о назначении прапорщиком, чем [подполковник] был недоволен.

После обеда я наведался к нему с капитаном и вручил письмо. Он заметил, что если я намерен служить под его командой, то поступил дурно, когда обратился */л. 207/* к генералиссимусу без его ведома. Я ответил, что не просил у генералиссимуса никакого места, не говоря уже о пребывании в определенном полку. Он осведомился, что же я готов исполнить ради звания прапорщика и сколько людей могу завербовать. Я возразил, что уже сделал для этого более чем

достаточно и не наберу даже и одноногого солдата. Это его возмутило, и он раздраженно спросил: "Так-то вы полагаете приступить к чину прапорщика? Где же вы служили раньше?" Я сказал, что служу Шведской Короне почти три года в разных полках, а последнее время состоял в лейб-гвардии генерала Дугласа, что же до места прапорщика, каковое он ценит столь высоко, мне оно безразлично; нет сомнений, что я отыщу его везде, где мне заблагорассудится. Я попросил меня извинить, откланялся и ушел в свое жилище.

На другой день я вернулся оттуда в Эльбинг и, узнав, что в соседней деревне Катценау стоит лейтенант Хью Монтгомери, поехал его навестить и */л. 207 об./* посоветоваться о дальнейших действиях. Здесь я встретил Джона Коннинга, Джона Кэмпбелла и Дэвида Соррелла. Мы решили перемещаться вдоль и поперек вердеров и промышлять, чем придется.

На следующее утро, пока мы собирались к завтраку, вдруг поднялась тревога, что имперцы близко. Мы бросились по коням, вместе выступили из деревни и, не увидев никого поблизости, намерились ехать к Эльбингу. Мы подошли к дамбе у Ногата и поскакали вдоль оной к Клеменс-Фере; со слугами нас было десятеро. Имперцы рассыпались по всему вердеру в сторону Эльбинга. Кое-где нам попадались дома, где одни предавались грабежу, другие же гарцевали совсем рядом с нами. Наконец они заметили, что мы идем прямой дорогой и плотным строем, заподозрили в нас неприятеля и поспешили нам наперерез к Клеменс-Фере. Мы разгадали их замысел и помчались во весь опор, дабы помешать им, но как ни старались, 24 всадника нас опередили. Оставалось лишь одно средство — драться. */л. 208/* Мы весьма решительно пошли на них, и те, видя это, сделали разворот, прежде чем мы сблизились на карабинный выстрел, — к вящей нашей радости.

Расчистив себе путь, мы сделали еще милю и спешились у одного крестьянского дома, где не застали никого, зато изобилие всяческих припасов для людей и лошадей. Немного погодя я ощутил сильный зуд в ногах, снял сапоги и подвинул ноги к печке. Они распухли и нестерпимо заболели — по дороге я их отморозил. Хотя я и чувствовал, как сильно они окоченели, но не хотел слезать с коня из страха быть взятым врасплох, и несся все дальше; под конец я уже не воспринимал холода и вообразил, будто они снова согрелись, хотя на самом деле они от стужи потеряли чувствительность. Назавтра мы перебрались в другое жилище, а еще через день на моих ступнях, возле мизинцев, вздулись волдыри, откуда вышло очень много гноя, хотя опухоль */л. 208 об./* спала.

Я поехал в Эльбинг к хирургу, с коим условился о лечении за десять рейхсталеров. Он сказал, что если бы я растер ноги снегом, а не грелся в комнате, ничто бы меня не беспокоило. После двухнедельного врачевания мне ничуть не стало лучше, хотя я выплатил ему бóльшую часть денег. Поскольку я не мог задержаться в городе, он дал мне с собою пластырь.

Однажды вечером, когда я расположился в крестьянском доме и стал перевязывать ноги, какая-то старуха из домашних сказала, что лечиться надобно не так. Она посоветовала завтра же убить грача или ворону, тут же извлечь мозги, смазать ими ноги, оставить их в покое на 2 или 3 дня, если возможно, а потом нанести другое [средство] — на 4-й или 5-й день они непременно заживут; при этом она дала мне снадобье, чтобы кожа затянулась и затвердела. Так я и поступил и сим способом совершенно исцелился.

Имперцы, стоявшие лагерем на возвышенности в нескольких селах близ вердера, каждый день разбредались за провизией */л. 209/* и фуражом. Мы тоже не зевали, ловили их там, где попадалось, и брали знатную добычу. В собственную долю менее чем за шесть недель я получил двадцать одну конскую сбрую, а доля моя в пленных была намного больше, ибо плохо экипированных драгун и прочих мы передавали [шведам] вкупе со всем снаряжением. Расскажу о двух из сих налетов, самых памятных.

Собравшись в разъезд с 10 рейтарами из полка Эндрюса, мы вместе переночевали в полутора милях от Эльбинга по дороге на Мариенбург, выехали за два часа до рассвета и незаметно забрались в какой-то дом примерно в полумиле от лагеря имперцев. Поутру из лагеря разными путями стали отъезжать крупные и мелкие отряды на поиски провианта и фуража. Выскочив [из дома] врассыпную, мы влились в поток на большой дороге и двинулись в сторону Эльбинга посреди [неприятеля]. Никаких вопросов не было, ибо все принимали нас за своих, вышедших из лагеря.

Мы поскакали */л. 209 об./* дальше, чтобы добраться до передовых. В деревне мы увидали, что они заполнили все дома и амбары, и решили, коль скоро никто не поедет вперед, зайти в какой-нибудь дом, выждать, пока большинство не отправится обратно, а затем разделаться с отставшими. Но на окраине деревни мы заметили поодаль около 20 всадников, кои сворачивали вправо от дороги, к стоявшему в стороне дому одного голландца. Итак, мы намерились ехать вдогонку и, если за нами не последует больше людей, чем мы сможем сладить, напасть на оных. Сие к большому счастью удалось, ибо из деревни никто не тронулся.

Подскакав к дому, мы поставили одного у ворот, чтобы дал нам знать о чьем-либо приближении. Нас было всего 18, их же мы насчитали гораздо больше, чем ожидалось, хотя все они сошли с коней и рассыпались по усадьбе. 12 из нас спешились, взяли пистолеты и оставили двоих стеречь лошадей у ворот. Большинство лошадей [имперцев] были привязаны к длинной кормушке посреди двора, и еще трое [наших] разъезжали вокруг с пистолетами наготове, чтобы никого к ним не подпускать.

Мы */л. 210/* (кто спешился) заглянули прежде всего в сушильню, где у двери стояло около 20 мушкетов. Войдя в комнату, мы тут же предложили им просить пощады и сложить оружие. Те сначала приняли это за шутку, но были быстро выведены из сего заблуждения, ибо двое или трое получили раны от наших палашей — стрелять мы не хотели. Без лишних хлопот они отдали свои палаши, не располагая другим оружием. Их оказалось около 30, а на наш вопрос, сколько [их] здесь всего, они сказали — человек 50 или 60. Велев им сидеть в комнате и не поднимать шума, если жизнь дорога, мы оставили троих охранять дверь со взведенными курками и захватили еще 8 или 10, рыскавших по другим постройкам. Мы их обезоружили, загнали в низкую кладовую с одним лишь оконцем и заперли дверь снаружи. Затем мы вытащили из кобур их пистолеты и припрятали оные.

Однако лошадей было больше, чем наших пленных. Мы пошли искать [остальных] и обнаружили */л. 210 об./* шестерых в сарае, где те запасались кореньями и капустой. Они сказали, что кое-кто наведался в небольшой домик неподалеку. Затолкав их в кладовую к прочим, мы отправились за ушедшими в тот домик, при коих были пистолеты. Те как раз возвращались ввосьмером, и мы напали на них у задних ворот, разоружили без сопротивления и тоже присовокупили к остальным. Мы захватили еще пятерых, притаившихся в амбаре.

Вызвав сначала рейтар, мы посадили их на худших лошадей, вывели их, числом 23, за ворота и приставили к ним 6 караульных. Драгун [тоже] посадили в седла, раздали им мушкеты, забрав фитили, и построили во дворе — их оказалось 35. Спереди, сзади и по обеим сторонам мы выставили охрану со взведенными пистолетами и палашами наголо и пригрозили застрелить любого, кто только двинется из своей шеренги. Итак, все увешанные */л. 211/* клинками и пистолетами, мы поспешили в Эльбинг. У нас было еще 3 свободных рейтарских и 5 драгунских лошадей: седоки попрятались, и мы не рискнули задержаться для поисков.

Вблизи Эльбинга мы отдали драгунам палаши и оставили в пригородной таверне рейтарских лошадей, оружие и плащи. При вступлении в город рейтары шли пешком впереди, а драгуны — в конном строю. У ворот мы получили от капитана конвой из 12 мушкетеров и таким образом явились к порогу фельдмаршала фон дер Линде. Монтгомери, я и двое из немцев поднялись по лестнице и увидели военачальника в комнате, которая выходила на улицу. Обратившись к Его Превосходительству, мы доложили, что Богу угодно было благословить наш поход: без всякого кровопролития мы захватили и доставили сюда 23 рейтара и 35 драгун; что до драгун, поскольку мы поняли, что они готовы */л. 211 об./* служить Шведской Короне, мы предоставляем их Его Превосходительству с лошадьми и оружием, как при взятии в плен; пусть он изволит принять от нас оных, а также и рейтар. Фельдмаршал поблагодарил нас весьма сердечно и осведомился о нашем числе. На ответ "восемнадцать" он подивился и высоко оценил наше благоразумие, образ действий и мужество.

Вернувшись в таверну, мы поделили добычу и бóльшую часть ночи пировали от души, причем немцы едва не повздорили с нами из-за передачи фельдмаршалу драгунских лошадей и оружия, однако одумались.

На следующее утро лейтенант Монтгомери и я явились к фельдмаршалу с просьбой о приказе стоять по временным квартирам на вердере, пока нам не будет удобно разойтись по своим гарнизонам. На это он соблаговолил, наставляя нас заботиться о себе самолично. Так мы и делали — располагались всегда вместе в одном доме и почти не давали себе отдыха, когда была надежда на какую-либо */л. 212/* поживу. Нам сопутствовала большая удача. Мы брали много пленных, а при них добрых лошадей, плащи и оружие, которые продавали по очень низким ценам, ибо монеты были редкостью.

В конце февраля капитан Форбс, попавший под арест и военный трибунал за убийство на дуэли полкового квартирмейстера в штумском гарнизоне, был прощен и приехал в Эльбинг выразить признательность здешним высоким чинам за их милость и заступничество за него. Случилось так, что в субботу он и купец по имени Уильям Фрайер ночевали с нами. Утром я встал пораньше, отправился на свою квартиру, бывшую поблизости, и собрался ехать за милю по одному делу.

Я еще не был готов, как поднялась тревога, что имперцы рядом, и я поспешил предупредить товарищей. Между тем выбегавшие со своими лошадьми крестьяне сообщили, что по соседству [какие-то] трое грабят сани. Я был начеку и, никого не дожидаясь, отправил

моих слуг со всем имуществом в Эльбинг и поехал навстречу [имперцам]. Те, сойдя с */л. 212 об./* лошадей, растаскивали сани. Когда я приблизился к ним на две пары [баттов][258] со взведенным пистолетом, мой конь оступился в яме, сбросил меня с седла и поскакал обратно к дому. Я был рад, что их внимание ко мне ограничилось хохотом, и побежал назад ловить коня.

Тем временем Форбс и Монтгомери, изготовившись, подъехали к сему месту. Форбс поспел первым и без особого сопротивления взял в плен двоих, а третий скрылся. Поймав коня, я догнал Монтгомери вместе с юношей по имени Джордж Фермер, который сопровождал капитана Форбса. Мы узнали, что капитан Форбс захватил двух пленных и отправился с ними в Эльбинг, и решили попытать счастья и продолжать путь. Подойдя к отряду [имперцев], мы увидели, что кто-то следует за нами, развернулись и задержали его, и таким же образом двух других; мы их обезоружили, завели в какой-то домик и оставили Фермера у дверей с их лошадьми и заряженным пистолетом. Мы взяли еще одного, посланного прямо из отряда, */л. 213/* дабы подогнать отставших. Прихватив и его, мы посадили в седла остальных и направились к городу.

Немного погодя слева, в пределах досягаемости, показались [еще] трое. Тогда, взяв слово чести с наших пленных, мы отправили их вперед с юношей и пригрозили, что если они вздумают оглянуться, мы оставим тех в покое, нападем на них и без жалости прикончим. Вдвоем мы устремились на тех троих и, подойдя на пистолетный выстрел, призвали их сдаться. Я тут же вступил в поединок с одним, а двое других пустились в разные стороны. Монтгомери поскакал за ними, вскоре поймал одного и, вернувшись, увидел, что я все еще дерусь со своим противником. Он весьма опрометчиво разрядил по нам карабин, ибо столь же легко мог уложить меня, как и его. Оттого ли, или потому, что я добился некоторого перевеса, не знаю, но мой противник был устрашен и немедля сдался. Отобрав у него пистолеты, мы оба погнались за третьим — трубачом. Тот вместе с лошадью свалился в канаву и был взят без */л. 213 об./* особого риска.

Услыхав выстрел, имперцы поняли, что неприятель близко, и выслали против нас около 30 верховых. Но у нас было большое преимущество в пространстве, к тому же они спускались по другой дороге, так что мы легко ушли, а они после полумили преследования повернули назад. У таверны "Himelreich"[259] под Эльбингом мы догнали капитана Форбса. Взяв у пленных лошадей, плащи и оружие, мы преподнесли их самих в дар фельдмаршалу и коменданту —

маркграфу Баденскому, кои искренне нас благодарили и удостоили высоких похвал.

Сие вкупе со множеством других подвигов, совершенных нами, снискало шотландцам такую славу среди бюргеров и крестьян, что кто бы ни привел пленных или отличился в каком-либо деле против неприятеля, всегда говорили, будто это шотландцы. Посему данцигцы, коих мы нередко донимали, получив весть о нашем расположении в миле от города, явились в числе 60 рейтар и 100 драгун, */л. 214/* дабы взять нас врасплох. Хотя двумя днями раньше я уехал в Штум, они сперва подступили к моей квартире и, окружив дом, сделали несколько выстрелов через заднее окно по кровати, где я обычно спал. Но узнав от хозяина о моем отсутствии, они пошли прямо к квартире Монтгомери. Тот какое-то время оборонялся со своими людьми, но затем был вынужден отойти и укрыться в амбаре; они лишились лошадей и оружия, а Джон Кэмпбелл и двое слуг попали в плен. [Данцигцы] не решились задержаться надолго и не имели приказа о поджоге, иначе захватили бы всех.

Когда мы стояли на оном вердере, английский посол по имени Брэдшо, ездивший в Московию и не допущенный туда[260], возвращался сим путем и разместился в таверне Ламе-Ханд. Нам стало известно об этом — мы приняли его за того Брэдшо, что председательствовал в неправедном верховном судилище над нашим сувереном, блаженной памяти королем Чарлзом Первым, */л. 214 об./* и решили во что бы то ни стало с ним покончить. Нас было пятнадцать с прислугою, шесть из коих можно считать людьми верными и отважными, а прочих — посредственными. Мы заключили, что свершив дело вечером, легко сумеем скрыться благодаря пересеченной местности и ночной тьме. Итак, условившись, мы поехали туда.

По соседству мы расспросили шедшего оттуда крестьянина. Тот сообщил, что из Эльбинга к послу сейчас явились несколько офицеров и около 40 драгун, кои должны охранять и сопровождать его до Мариенбурга. Посему мы отчаялись в успехе и вернулись обратно. Мы намеревались обратиться к [послу], якобы с поручением от фельдмаршала фон дер Линде, и когда нас пропустят, семь или восемь человек должны войти и заколоть его. Остальные будут стеречь коней у ворот, а добравшись до коней, можно бежать в Данциг...[261]

/л. 215/ Капитан Форбс, коему предстояло возвратиться в Штум, уговорил меня поехать и провести с ним несколько дней. В самую ночь нашего приезда поднялась тревога. Все должны были разойтись по своим постам и участкам на стене, и я пошел с капита-

ном Форбсом на плац-парад. Около полуночи для осмотра караулов явился подполковник. Мы вышли, и когда он приблизился, я отсалютовал ему. Он отвел капитана в сторону и велел ему убедить меня остаться и согласиться на должность прапорщика.

Когда подполковник удалился, капитан принялся пить здравицы и уговаривать меня остаться, заявив, что таково желание подполковника. Я же не хотел и слышать об этом, ибо уже вкусил свободы и ее удовольствий: за 6 недель я достиг большего, чем за год до того, и не собирался вновь отсиживаться в гарнизоне, будучи скован приказаниями и тяжкими обязанностями. Однако плоды общения с тем, кто был и оставался моим добрым, подлинным другом и наперсником, с коим я состоял в братской близости, убедили меня настолько, что я дал обещание. /*л. 215 об.*/ Впрочем, завтра же я в оном раскаялся, но не желал отступать от своего слова — и был назначен [прапорщиком]. Через несколько дней я получил дозволение съездить за моей кладью в Эльбинг, где узнал о вышепомянутом злоключении Монтгомери, чего к великому своему счастью избежал.

Во время пребывания в этом гарнизоне наше жалованье было небольшим, а служба тяжелой: через день в ночном дозоре, а на третий день — на работах. Оклад наш именовался третной lenung[262], и у лейтенанта и прапорщика составлял 6 и 2/3 рейхсталера в месяц, у капитана — 20 рейхсталеров с чем-то, хотя и того не платили как следует. Квартиры не могли нас ничем обеспечить, ибо малочисленные горожане полностью обнищали. Рядовые солдаты имели по рейхсталеру в месяц и хлебный и пивной паек, т.е. в день по 2 фунта хлеба и одну шотландскую пинту[263] пива. Нам выделялось также жалованье на hacke shutsen, или денщиков. Никаких других средств добыть мы не могли, ибо все окрестности были разорены, а мы не отваживались, да и не имели достаточно людей, чтобы делать вылазки.

Что до нашего образа жизни, мы /*л. 216*/ поддерживали подобие доброй дружбы с немецкими офицерами, однако всегда ревновали, если не "подрывали" друг друга. [Под]полковник применял и поощрял это в качестве политического орудия — divide et impera[264]. К капитану Форбсу он изначально питал своего рода антипатию, полагая его то ли не в меру надменным, то ли слишком умным и хитрым, либо все вместе, и на этом основании подстрекал тех, кто имел с ним какой-либо спор или ссору, и усугублял малейшие его проступки. Но зная, что он человек деятельный и к тому же известный всем военачальникам, [подполковник] обходился с ним лучше, чем хотел бы. Это проявилось в его поведении в деле с полковым квартирмейстером, который был несносным хвастуном.

На одном празднестве тот дал капитану Форбсу большой повод к оскорблению. Капитан сносил все терпеливо из уважения к присутствию подполковника. Но [квартирмейстер], как нарочно, добавил еще и не унимался, а подполковник не приказал ему замолчать, что должен был сделать в подобном случае. После ряда колкостей капитан сказал лишь, что из почтения к подполковнику */л. 216 об./* и обществу не желает там высказываться, но посмотрит, как тот ответит за свои слова завтра.

Квартирмейстер, прогуляв почти всю ночь, наутро влез на коня, выпалил из пистолета по дверям капитанского дома и выехал на площадь перед замком, в пределах города, ибо ворота были закрыты. Капитан тоже изготовился [к поединку] и, проезжая мимо дома подполковника, получил от него приказ остановиться. Капитан промолвил: "Вчера вечером вы позволили ему оскорблять меня, а сегодня — явно меня провоцировать. Поэтому теперь же, будь что будет, один из нас умрет!" — и отправился дальше. Мимоходом подполковник метнул в него кортик (в чем был весьма искусен), хотя не причинил вреда.

Выехав на площадь перед замком, они разрядили пистолеты, но не пострадал ни один. Тогда они схватились на палашах, и капитан ранил противника в голову и руку, так что тот упал с коня. Нога его застряла в стремени, и конь приволок его на квартиру.

/л. 217/ К дому капитана тут же приставили караул. Поскольку хирурга в оном месте не оказалось, квартирмейстер был перевезен в Мариенбург и к полуночи скончался. При этой вести капитан подвергся строгому аресту в замке, а затем был доставлен в Мариенбург и приговорен военным советом к расстрелу. Однако его знали как храбреца, вельможи его любили, и по просьбе молодого графа Оксеншерны он был помилован и восстановлен в чине. Внимание было обращено не столько на убийство человека, ибо его спровоцировали на это, сколько на неподчинение приказу и поединок в расположении гарнизона, что было сверх меры раздуто подполковником. Ныне, с возвращением [капитана], [под]полковник выказывал к нему большое дружелюбие, а первый притворялся, будто вовсе не знает, что тот так резко его обличал, и также держался учтиво.

Я никогда не видывал личности столь горячей, как наш подполковник. В делах, где человек рассудительный */л. 217 об./* не стал бы и волноваться, он приходил в такую ярость, что отшвыривал трость, перчатки, шляпу и рвал на себе волосы, причем на улице. Я полагал и часто говорил, что поистине то был притворный гнев, дабы внушить людям страх.

[Подполковник] сам забирал всю прибыль (правда, незначительную), и из 408 рейхсталеров, ежемесячно доставляемых в гарнизон, откладывал сотню для себя. Он брал деньги за все вакантные чины в четырех ротах и в штабе, кроме майорского по полковому комплекту, на что в шведской службе обычно закрывают глаза: офицер берет жалованье за всех своих прислужников и за много других манных птиц, особенно если он начальник гарнизона или командир полка.

По обыкновению он держал хороший стол, всегда обедал с одним-двумя офицерами или более и бывал тогда очень любезен и обходителен, но на службе и в приказаниях — весьма строг и суров. Самый настоящий солдат, бдительный и разумный, он жил очень бережливо и заботился о своей жене */л. 218/* и пяти дочерях, коих поселил в Померании. Родился он в Данциге в шотландской семье и был ранее прапорщиком в Московии.

Поляки, стоявшие на квартирах в привислинских городах, понимали, что шведы получают бóльшую часть своего содержания и пропитания с большого вердера, и задумали разорить оный или обложить контрибуцией. Тихо переправившись через Вислу, они укрепили Лиссау-шанц и подготовили мост, прежде чем шведы узнали об этом. Те встревожились, и генералиссимус, собрав все свободные силы из Эльбинга, Мариенбурга и Хаупта, с несколькими орудиями выступил навстречу.

Между тем нашему коменданту был дан приказ отправить лейтенанта или прапорщика с 20 драгунами на рекогносцировку вдоль Вислы в сторону Мариенвердера и тщательно разведать, готовят ли поляки суда для переправы через Вислу или Ногат */л. 218 об./* на вердер, а по возвращении каждые 24 часа сообщать главнокомандующему в Мариенбург о происходящем.

Когда настал мой черед, я выступил вечером, как обычно, после прихода другого отряда, прямо к Висле и поднялся выше по реке, чем кто-либо прежде. На обратном пути, когда рассвело, я отыскал в разных заводях семь лодок, две из коих могли вместить 12—15 человек, а пять малых — по 2—3 каждая. Хотя от крестьян, взятых мною по домам ночью, я не смог выведать ничего о подходе каких-либо войск, но все же поспешил в Мариенбург и доложил графу фон Дона о моих стараниях и об оных лодках. Его Превосходительство премного меня благодарил в весьма любезных выражениях и порицал моих предшественников, кои не обнаружили лодок или не сообщили о них. Он велел мне возвращаться и собирался отправить по реке офицера с мушкетерами, дабы увести лодки, что и было сделано.

Тем временем шведы с */л. 219/* большим усердием и напором продолжали работы у Лиссау-шанца, воздвигли в пригодном месте батарею и, поставив на ней несколько орудий, разрушили мост и отняли у засевших в шанце надежду на помощь. Когда [у поляков] был убит подполковник Пфлауме, они пошли на соглашение и безоговорочно сдались. В оном находилось около пятисот солдат, коих позже перевезли к королю Шведскому в Данию, где те хорошо послужили; к нам же был прислан полк датчан. С захватом шанца наша рекогносцировка прекратилась, [хотя] генеральный комиссар, или pisars polny, польской армии Ян Сапега все это время стоял в Кульме с бóльшей частью кавалерии.

Сие происходило на Страстной неделе. Мы полагали, что поляки, узнав об угрозе своим людям, непременно пойдут им на выручку, либо предпримут диверсию на Мариенбург или Эльбингсвердер. Но Пасхальный понедельник */л. 219 об./* наступил, а мы ничего о них не слыхали и вообразили, что они прежде всего празднуют Пасху. Мы решили завтра же послать в одну усадьбу[265] близ Монтау-Шпица за фуражом, коего там было вдоволь. Мой капитан и я уговорились также сложиться на банкет и отправили своих слуг с тремя свободными лошадьми, дабы привезти на оный кое-кого из наших земляков.

С рассветом мы отослали наших фуражиров — около 70 человек: слуг, горожан и нескольких солдат. Явившись в усадьбу, они занялись погрузкой сена и зерна, как вдруг были окружены множеством поляков во главе с неким Михалко и все схвачены, кроме двоих, спрятавшихся в соломе. Когда поляки покинули усадьбу, те выбрались и сообщили нам о случившемся. Они также рассказали, как на допросе наши слуги сознались, что несколько офицеров должны прибыть из Мариенбурга на банкет, и Михальский[266] отрядил своего лейтенанта, чтобы перехватить их у мельницы на полпути между Штумом и Мариенбургом. При этом все мы, 18 человек, вскочили в седла и приготовились к выезду, как привыкли в подобных случаях, но [под]полковник не пустил нас, пояснив, что видел дурной сон, а неприятностей и так хватает.

Мы возвратились и, расседлав коней, пошли готовиться к приему гостей. */л. 220/* Когда обед был накрыт, мы отправились к дому подполковника пригласить его к нам, но не успели дойти, как дозорный на шпиле закричал: "Поляки угоняют от ворот драгунских лошадей!" С разрешения подполковника мы бросились по коням и выехали [из города]; капитан Якоб Курас с большинством офицеров нас опередили. У ворот я случайно столкнулся с моим капитаном.

Мы держались вместе и шли почти вдоль гребня холмов, опасаясь окружения.

Наконец мы заметили их в лощине по правую руку — около 30 человек гнали примерно 40 лошадей. Невзирая на их число, мы подскакали ближе и не раз стреляли по ним из пистолетов. При каждом залпе они отпускали несколько лошадей, не пытались нас преследовать, когда мы отходили, дабы перезарядить пистолеты, и только отстреливались на скаку. Продолжая путь, они изображали испуг и неуверенность. Я советовал капитану не подбираться к ним вплотную и не преследовать далее. Я говорил, что если его, меня или наших коней случайно подстрелят, то мы оба погибнем, а если зайдем слишком далеко, нас могут обойти из засады; похоже, те просто заманивают нас за собою — ведь нет нужды в таком страхе, что они разыгрывают. Но капитан, будучи человеком отчаянным и пылким, ни в какую не соглашался прекратить погоню.

/л. 220 об./ К этому времени мы отошли от города более чем на половину немецкой мили. Вступив в березняк и кустарник, мы видели, как они отправляют свободных лошадей вперед, а около дюжины из них на лучших лошадях держатся вместе и отступают не так поспешно. Я привел сие капитану в доказательство того, что они собираются на нас напасть, но доверяя своему доброму коню, он едва мог смириться с отступлением.

В конце концов мы все-таки остановились. Неприятель, заметив это, развернулся для нападения. Мы неторопливо отходили, удерживая их на расстоянии, да они и не так рьяно нас преследовали. Между тем подъехал сержант Джон Форбс с моим слугою. Сержант, будучи пьян, вопреки приказаниям и угрозам, пронесся мимо нас и вломился в их ряды, что заставило нас повернуть и вызволить его. Это вполне удалось, и капитан, отвесив ему пару затрещин, послал его отогнать домой упущенных поляками лошадей. С ним я отправил и моего слугу.

Все это время было видно, что наши офицеры стоят в строю на холме, не пытаясь к нам приблизиться, хотя они вполне могли бы осознать явную опасность для нас. Поляки гнались за нами все смелее, и мы тоже прибавили ход, но внезапно с правой стороны, из леса, */л. 221/* нам навстречу на полной скорости вылетело несколько сотен поляков. Тогда-то мы поняли свою ошибку — слишком поздно! Те, кого мы раньше преследовали, теперь атаковали нас всерьез. Однако, пустив коней быстрым галопом, мы сохраняли отрыв и долго их не подпускали. Пули мы берегли, ибо бóльшую часть израсходовали, да и перезаряжать было некогда. Так, по необходимо-

сти сменяя друг друга и постоянно оглядываясь назад, мы не разбирали дороги перед собою, и неожиданно я угодил в болото, где мой конь увяз. Я спрыгнул с него, вынул пистолеты и с большим трудом потащил за собой, но так как мы находились посреди [топи], он увяз снова. [Болото] было невелико, и я надеялся вывести его, когда он немного передохнет. В высоком и густом тростнике я оставался незамеченным.

В то же мгновение капитан, видя, что я попал в болото, свернул налево, дабы обогнуть оное, но толпа преследователей захлестнула его. Он был загнан в топь, ранен и пленен. Обнаружив меня, поляки стали стрелять и кричали, чтобы я сдавался. Пока они разъезжали вокруг болота, конь мой немного отдышался; я поднял его и повел за собой, держа длинные поводья в руке. Как только я выбрался на сушу, трое поляков подошли так близко, что я едва успел вскочить в седло. Впрочем, я задержал их наведенным пистолетом, который в спешке сумел выхватить лишь за другой конец.

/л. 221 об./ Избавившись от них (ненадолго), я поскакал к дамбе и стал от них уходить. Однако на дамбе поджидали еще человек 20, кои рассчитывали взять меня в плен. Подойдя ближе, я выпалил по ним из пистолета и прорвался, потеряв палаш и шляпу; обнаженный палаш свисал с ремешка у меня на руке — кто-то поймал оный за гарду, и ремешок лопнул. Еще один ухватился за мою шляпу вместе с волосами и выдрал их порядочно; это я ощутил не сразу, а позднее.

За дамбой ко мне присоединился мой слуга, и прежде чем те очнулись, я уже умчался в сторону города довольно далеко. Но едва они сообразили, что я улизнул, все устремились за мною. Более всего я боялся, что мой горячий конь, долго скакавший по вязкой почве с большими усилиями, может меня подвести. До города оставалась еще добрая половина немецкой мили. Я видел, как некоторые из них выигрывают у меня пространство, и добравшись до холма, где стояли офицеры (те, как только [поляки] */л. 222/* вырвались из засады, быстро отошли), развернулся и громко призвал драгун к наступлению. Передовые поляки это услыхали и тоже повернули назад, так что у моего коня было время перевести дух, а у меня — зарядить пистолет. Но когда подтянулся большой отряд поляков и стало очевидно, что никто не является мне на подмогу, они вновь сорвались с места.

Съехав с большой дороги, я понесся к городу кратчайшим путем, что едва меня не погубило, ибо справа от дороги пролегал непроходимый овраг. Если бы я вовремя его не заметил и не перебрался на

большую дорогу, то несомненно был бы убит или схвачен. И все же мне грозила великая опасность от пуль, полученных при прорыве их фронта, и вследствие потери моего превосходства. Они весьма упорно преследовали меня до другого холма, где я развернулся и снова кликнул драгун. Однако видя, что те разумно не поддаются на прежнюю уловку, я продолжал скачку. Они постоянно осыпали меня стрелами и часто призывали */л. 222 об./* сдаваться.

Наконец я догнал прапорщика Квикфельда и, заметив какого-то поляка на белом коне, намного опередившего остальных, намерился при спуске с холма с ним схватиться и предложил прапорщику меня поддержать. Но тот не захотел и сказал: "Ох, братец, он крепок, иначе не гнался бы так за тобою". Конь мой все еще был свеж, и я легко мог его обойти, и прочих тоже, но видя их малодушие и нежелание сопротивляться, предпочел оберегать тыл. Вблизи города поляки прекратили погоню за нами, опасаясь пушек и мушкетеров, [засевших] за оградой.

Мой мундир был во многих местах пробит пулями, и в оном торчали три стрелы. По милости Божьей я получил лишь одну легкую рану стрелою в правое бедро, хотя по мне было выпущено более сотни [выстрелов], и притом вблизи. Когда я добрался до места, где стояли офицеры, подполковник подъехал ко мне со взведенным пистолетом, дабы пристрелить за то, что я ушел так далеко без приказа! Я не стал с ним объясняться и сказал лишь, что не мог покинуть моего капитана.

Потеря капитана, а также благодарность, коей я удостоился */л. 223/* за столь отважное спасение, так меня удручили, что я не помнил себя и с полубезумной решимостью поскакал в поле между нашими и польскими позициями, словно искать смерти. По обычаю, размахивая пистолетом над головой, я вызывал кого-нибудь из них обменяться пулями. Иные выезжали вперед, но прочие постоянно шли в обход и стремились меня подловить, ввиду чего я отступал на такое же расстояние до своих.

В конце концов один вышел на равную дистанцию. Я подобрался к нему обычным шагом довольно близко, а он выпалил в меня из пистолета и повернул вспять. При выстреле мой конь чуть не грянулся оземь, и я подумал, что он ранен. Но устояв, я быстро погнался за ним, пока не заметил угрозу со стороны трех других, кои старались вклиниться между мною и нашими. Я выстрелил не так метко, как хотел бы, и конь завлек меня в еще бóльшую опасность, так что пришлось повернуть к озеру. Трое поляков преследовали меня, отрезав от наших, до озера */л. 223 об./* и там, оказавшись в виду города

и, я думаю, опасаясь стрельбы со стен, отступили. Никто из наших офицеров и не пытался поддержать или выручить меня, за что по возвращении я укорял их с некоторой горечью. Примерно через час поляки ушли прочь, а мы — в город, где безрадостно справили наш банкет.

Назавтра я попросил подполковника написать генералиссимусу по поводу капитана Форбса и похлопотать о его скором освобождении, дабы из-за проволочки он не подвергся опасности. Ведь будучи пленником в Конице около года тому назад, он при побеге заколол часового, и хотя по военному праву узника нельзя привлечь к ответу или обвинить, на какие бы средства он ни шел ради побега, все же убийство такого рода в строгом смысле непозволительно. Однако по просьбе генералиссимуса его отпустили через 6 недель.

Несколько ранее подполковник, который не терпел контролеров, подал жалобу на подстаросту, или oeconomus[267], что тот плохо распоряжается доходами замка, не передает нисколько из оных в магазин, но все обращает в свою пользу. Поэтому того отозвали и оставили одного писаря вести дела, кои вовсе не были значительны. По */л. 224/* возвращении капитана Форбса из плена генералиссимус, по слухам, хотел поручить надзор за оными делами ему. Я предостерег его от согласия и сказал, что сие будет почвой для вечных раздоров между ним и комендантом. Я советовал ему предоставить все подполковнику, который по многим явным признакам к этому стремился, не столько из-за выгод, кои могли таким образом проистечь, сколько потому, что в городе он не терпел никого, кто от него не зависел, кто стал бы сплетничать или заглядывать в его карты. Итак, когда капитан явился к генералиссимусу, ему было сделано предложение, от коего он отказался и посоветовал поручить сие коменданту, что было очень хорошо воспринято, и отправлен соответствующий приказ вкупе с патентом на чин полковника. Капитан Форбс привез все это с собою, за что получил превосходный прием и на долгое время великую милость.

Этим летом поляки занимали квартиры по всей Пруссии, курфюрст Бранденбургский провозгласил себя нашим врагом, а Торн был блокирован имперцами и поляками. Нас тревожили постоянно, и почти не проходило недели, чтобы поляки однажды или дважды не подступали к нашему гарнизону, пытаясь угнать лошадей и скот. Хотя лишь очень немногие из нас могли предпринять вылазку, мы */л. 224 об./* никогда не упускали случая показаться за воротами в пределах дальности наших орудий и весьма часто бились с ними верхом с немалым риском для себя. После декларации курфюрста про-

тив шведов мы совершили набег на [Прусское] герцогство до самого Прейсиш-Марка и пригнали немало лошадей и коров. Но другой отряд вольных рейтар, прислуги и прочих удальцов, вышедший неделю спустя, был полностью захвачен, кроме одного, который вовремя сбежал и принес вести об остальных.

В мае полковник послал меня в Эльбинг за нашим жалованьем. Я получил оное и, имея отличного коня, впредь исполнял это поручение каждый месяц. И туда и обратно я ездил по ночам, опасаясь поляков, кои почти постоянно занимали мельницу на полпути между Штумом и Мариенбургом.

Июльским вечером, прибыв из Эльбинга в Мариенбург, я покормил своих коней перед городом. По небрежности моего слуги один из коней вырвался на волю, что помешало выехать в срок. Когда я добрался до небольшого ручья на полпути, уже рассвело. Я всегда держался объезда по левую сторону мельницы и, ничего не подозревая в такой час, */л. 225/* ехал неспеша. Взглянув направо, мне померещилось какое-то красное пятно, как бы летящее по долине мне навстречу, что побудило меня поскорее миновать это подозрительное место.

Забравшись из низины на холм, я заметил дюжину поляков, скачущих за мною на полном ходу. Даже при хорошем коне и на большом расстоянии от них я несколько растерялся: у меня за спиною 408 рейхсталеров, главным образом в мелкой монете, а у слуги конь не из лучших; я опасался, что другие [поляки] отправились от мельницы к дороге, которая ведет к Мариенбургским воротам. Но продолжая путь, я видел, что преследователи меня не настигают, и воспрял духом. Я боялся лишь засады от других и потому решил обогнуть озеро через Барлевиц[268]. Это удалось прекрасно, ибо как только я свернул налево, мои преследователи, кажется, подумали, будто я сбился с пути, и поехали по дороге к городу. Таким образом я получил перед ними большое преимущество, пока они не разгадали мое */л. 225 об./* намерение объехать озеро. Тогда они погнались за мною, но слишком поздно. Я сохранил свое превосходство и благополучно прибыл в город.

Две недели спустя полковник получил известие, что в Эльбинге скончался один шотландец, у коего он держал свое имущество и деньги. Он послал меня туда принять оные и поместить на хранение у некоего Дарэма. Я это исполнил и привез расписку в их получении. В двух сундуках было много добротной одежды, утвари, посуды и денег на сумму свыше 4000 талеров.

В августе, получив весть о малочисленности и беспечности гарнизона [бранденбуржцев] в Мариенвердере, из Мариенбурга выступил отряд в составе 200 пехотинцев и 50 верховых, к коим из нашего гарнизона примкнул капитан Форбс с 40 солдатами (мы не могли выделить больше). Они вышли из Штума, когда стало темнеть, и достигли Мариенвердера до рассвета. С собою они взяли лестницы и все необходимое для такого предприятия, атаковали с трех сторон и взяли оный посредством эскалады[269], без особого сопротивления. Время, ушедшее на захват и слом ворот, позволило солдатам гарнизона и бюргерам с их самым легким и ценным имуществом укрыться в большой церкви. Они так упорно там оборонялись, что [шведы] не сочли нужным рисковать людьми, дабы овладеть ею, и лишь преградили выходы, */л. 226/* пока солдаты не разорили город, а затем отошли в полном порядке.

В начале сентября, находясь в дозоре у южных ворот, после полудня я послал за молодым жеребцом, коего добыл в [Прусском] герцогстве и пока еще не объездил. Я велел одному солдату из роты капитана Якоба Кураса, довольно искусному в выездке, немного прокатиться на нем перед воротами. Этому малому капитан поручал отправляться к крестьянам, у коих тот обычно нанимался в услужение, жил недели две или три, а потом сбегал вместе с лошадьми и приводил их к капитану. У меня не было ни малейшего подозрения, что он может улизнуть. Но, проехавшись на моем коне взад-вперед рядом с воротами, а затем забираясь подальше и возвращаясь, он наконец изрядно удалился до небольшого пригорка, откуда быстрым галопом понесся к лесу. Когда часовой с кровли ворот сообщил об этом, я сам поднялся наверх, но тот уже пропал из вида.

В дозоре со мною были два шотландских солдата из нашей роты; одного звали Уардло, другого — Уэди. Они вызвались, если я разрешу им взять коней и палаши, догнать */л. 226 об./* его и привести обратно. Я знал, что мой молодой конек не сможет далеко уйти, и отпустил их. Они раздобыли у других солдат пару палашей, взяли двух лошадей моего капитана, пасшихся перед воротами, и поспешили прочь; за ними на одной из моих лошадей последовал и барабанщик. Я питал надежду, что на добрых лошадях они его настигнут. К этому времени явился лейтенант, дабы сменить меня с караула; по моей просьбе я получил от него 4 солдат для отвода караула, чтобы восполнить недостающих людей.

Дома я оседлал лучшего коня, коего всегда держал в стойле, и намерился ехать за ними следом, ибо стал уже подозревать в побеге и тех троих, что и подтвердилось. Невдалеке от города я наткнулся

на моего молодого жеребца, который весь в мыле скакал обратно. Я гнал во весь опор, и работавшие в поле люди сообщили мне, куда те направились, и добавили, что они ненамного меня опережают. Я рассчитывал настичь их прежде, чем они доберутся до Ризенбурга, */л. 227/* но как ни старался, не успел, только завидел троицу на холме вблизи города, а затем у самых ворот.

Опасаясь, что меня самого могут схватить, я повернул назад. Теперь единственной заботой было не попасть в плен при встрече с кем-нибудь из бранденбуржцев, ибо я не знал, сколько выдержит мой конь, если придется уходить, ведь я так быстро проскакал на нем три мили. Однако спускался вечер, и я решил ехать прямо на Мариенвердер, другой из герцогских городов, пока не стемнеет, — если удостоверюсь, что в полях никого нет. Немного погодя я встретил отряд из дюжины верховых с офицером, который спросил лишь, откуда я и куда направляюсь. Я отвечал, что еду из Ризенбурга в Мариенвердер, и сделал вид, что спешу, дабы успеть до ночи. Те пропустили меня, не задав других вопросов.

Еще через полмили, собираясь повернуть направо к */л. 227 об./* моему гарнизону, я увидал конный взвод из 20 человек, который мчался мне навстречу. Офицер осведомился о моем полку и роте и куда это я еду в одиночестве. Я объяснил, что служу в полку Шонека и роте Ланга[270], и ротмистр послал меня в Мариенвердер по своим делам. Среди них случайно оказались двое из роты того самого ротмистра Ланга, кои тут же поручились, что не знают меня и никогда не видывали. Выучив урок наперед, я возразил, что только сейчас прибыл к нему из Кёнигсберга и очень спешу. Они дали мне дорогу.

Когда они скрылись из вида, я решил больше не искушать судьбу на допросах и, обнаружив боковую тропу, понесся в Штум и прибыл туда в сумерках. Ворота были заперты, и несмотря на все уговоры, полковник не разрешил их открывать. Пришлось провести всю ночь под мостом вместе с конем. Когда поутру я явился на квартиру и ожидал ареста или взятия под стражу, */л. 228/* все было тихо, и я не знал, что и думать.

На другой день зашел один из товарищей и сказал, что полковник так мною возмущен, что не желает и слышать о моем дальнейшем пребывании в полку. Ни в тот день, ни назавтра все просьбы на мой счет офицеров, особливо моих земляков, не могли его успокоить. Я стал подумывать об отъезде и послал просить лишь об увольнении, собираясь вступить квартирмейстером в полк полковника Синклера; сия должность пустовала и была мне обещана раньше, если я освобожусь от своей.

Узнав об этом, полковник несколько смягчился. Поскольку он отверг все ходатайства других, можно было предположить, что он ждет оправданий от меня самого. Меня убедили так и сделать. Улучив возможность, когда он вышел за Мариенбургские ворота и оперся на поручни моста, причем с ним почти никого не было, я обратился к нему и признал свою вину (которая в самом деле была /*л. 228 об.*/ очень велика). Я попросил прощения и обещал впредь быть более благоразумным. Не колеблясь и не церемонясь, он вернул мне прежнее расположение.

20 сентября на рассвете в Штум прибыл лейтенант с 200 рейтар. Отряд должен был отвезти в Торн кое-какие деньги и припасы. Сей город уже около года время от времени оказывался в блокаде, а ныне, судя по идущим в Польше приготовлениям, ему предстояла настоящая осада. Мой полковник хранил в Торне у одного шотландца по имени Роберт Смарт 1600 талеров, на кои имел от него долговое обязательство. Поскольку город мог быть отвоеван у шведов, ему представилась хорошая возможность забрать оттуда деньги. Посему он вызвал меня и попросил съездить туда с отрядом, что я охотно взял на себя. Он передал мне обязательство и письмо к оному купцу.

Добравшись с сей партией до Грауденца, мы получили точные сведения, что сильная армия поляков и имперцев подступила к Торну и взяла его в плотную осаду. Это заставило /*л. 229*/ нас спешно возвратиться. Так как предполагалось, что туда будет послан другой отряд, полковник оставил при мне все бумаги, дабы быть готовым к отправке при первом удобном случае.

Через неделю после сего капитан Форбс о чем-то повздорил с капитаном Михаэлем Безумом и послал меня вызвать оного Михаэля на поединок. Выехав в поле, Михаэль попросил извинения у капитана Форбса, коего я убедил тем удовлетвориться, ибо это более благородно, нежели ранить или убить того на месте. Не успели замять ссору, как полковник, будучи предупрежден, появился перед воротами, и я отошел немного в сторону, дабы избежать первого натиска его гнева.

Я поехал за жалованьем в Эльбинг и вступил в прения с ротмистром Александером Смитом об одном долге, который мне причитался от квартирмейстера Эндрю Стрэйтона. Он весьма несправедливо и сердито сие отрицал, и мы затеяли ссору на улице, перед самой кордегардией[271]. Однако присутствующие не позволили перейти к действию, и я так и не имел возможности с ним повстречаться, ибо в тот же вечер он отбыл на свою квартиру на большом вердере.

/л. 229 об./ Было бы утомительно повествовать о многих наших стычках с поляками этим летом. Мы старались отстоять своих лошадей и скот, пасущийся перед воротами, а те совершали внезапные налеты, чтобы угнать оных. Дважды я оказывался на краю гибели и уцелел лишь благодаря милостивому провидению и заступничеству Господа.

В октябре подошли около 3000 поляков и стали лагерем в двух милях от Штума. Ими командовали Сандомирский воевода [...] Конецпольский и коронный знаменосец Ян Собеский. Они постоянно высылали к Мариенбургу отряды, кои на пути туда и обратно не забывали навещать и нас. Мы были вынуждены огородить участок земли перед южными воротами для охраны нашей живности, всегда быть начеку у ворот и делать вылазки, дабы ее уберечь.

В этом же месяце, когда я направлялся в Эльбинг за жалованьем, меня едва не захватил разъезд бранденбуржцев под командою ротмистра Ланга. Они стояли у ворот Мариенбурга, но к счастью при их возвращении я заметил их прежде, чем они меня, свернул в сторону и притаился в кустарнике, пока окрестности не опустели.

/л. 230/ Я должен рассказать об одном деле, которое случилось еще в апреле, поскольку происшествие касалось меня. Один немец, послуживший где-то прапорщиком, состоял затем при нашем полку, не будучи на действительной службе и не получая жалованья. Сего прапорщика отправили нести дозор в одну деревню при входе на Эльбингсвердер, где его взял в плен отряд имперцев, кои тогда квартировали в епископстве. Он провел в плену 4 или 5 недель и, понимая, что вероятность его выкупа невелика из-за того, что он не в действительной службе, написал письмо генералиссимусу с просьбой об освобождении или выкупе, обещая оправдать сие своими заслугами и кровью в будущем. Это письмо, то ли по отсутствию возможности, то ли нет, он не отослал.

Между тем имперцы посулили ему должность прапорщика, если он отправится с их отрядом и укажет способ захватить дозор [шведских] разведчиков близ Мариенбурга. Сам ли он вызвался на оное дело — неизвестно, ибо впоследствии в военном суде он это отрицал. Все же он дал согласие и пошел с отрядом под Мариенбург (не командиром, а лишь проводником), однако благодаря бдительности дозора потерпел неудачу.

В отряде было 24 верховых под командой */л. 230 об./* квартирмейстера. Возвращаясь, они с некоторой беспечностью (ибо мнили себя вне опасности) расположились в какой-то деревне в [Прусском] герцогстве. Ночью шведский отряд из 40 рейтар во главе с

лейтенантом, кои также промышляли в епископстве, напал на них, разбил и захватил квартирмейстера и еще восьмерых, в том числе вышеназванного прапорщика. На обратном пути из-под Мариенбурга, проходя деревню, где его взяли в плен [имперцы], он отдал написанное в тюрьме письмо одному крестьянину и настоятельно просил доставить оное в Мариенбург, что тот и сделал.

Когда квартирмейстера привезли в Мариенбург и допросили, он рассказал о цели своего похода, с коей помянутый прапорщик был согласен, — указать способ к устранению наружной охраны или дозорных-разведчиков. При допросе его самого тот отрицал некоторые обстоятельства, но не существо дела. Сие не согласовалось с выраженными им в письме намерениями, и через несколько дней его отправили в Штум, а при нем показания квартирмейстера и других пленных, равно как и его письмо к генералиссимусу, с приказом держать над ним военный суд.

На этом военном суде, членом коего был и я, его главное оправдание было таково: он провел в плену 6 недель и сознавал, что выкуп маловероятен, */л. 231/* поскольку он не пребывал в должности; имперцы предложили ему хорошие условия, если такого рода услугой он засвидетельствует свою верность и рассудительность; он полагал, что может поступить к ним на службу законно, ибо прождал в плену освобождения или выкупа в течение срока, как он слышал и представлял, допустимого и применимого к людям его положения и чина; он считал также, что по военному праву безместный прапорщик должен приравниваться к унтер-офицеру, состоящему в действительной службе и должности, а по предписанию воинских уставов и обычаев время нахождения в плену для подобного лица составляет 6 недель и, если в такой срок государь, коему он служил, его не вызволяет, он вправе свободно сменить службу, каковой срок он выдержал в точности. Что же до письма, он заявил, что написал его в плену, имел при себе на обратном пути через деревню, где прежде стоял в дозоре, и попросил одного знакомого доставить и вручить его; пока он был в плену он не мог */л. 231 об./* изыскать никакой возможности послать оное, а как только послал, решил по возвращении не идти к ним на службу, доколе не узнает, приняты ли меры для его избавления или выкупа.

Хотя председатель и большинство трибунала сочли отправку письма настолько отягчающей, что сие стало единственным основанием смертного приговора, я доказывал обратное, и председатель резко меня одернул. Однако, когда дошло до голосования, я не соглашался на его казнь и не подписал приговор, как принято, чем

подполковник остался недоволен. Была пятница, и в тот же вечер подписанный приговор отослали в Мариенбург к генералиссимусу. Назавтра прибыл ответ, что его надлежит казнить в понедельник, между 10 и 11 часами.

В воскресенье капитан Якоб Курас поехал с его женою и сестрами в Мариенбург молить о помиловании, но не смог получить аудиенцию ни в тот день, ни на следующий ранее 9 часов, когда без больших просьб и церемоний генералиссимусу было угодно его простить. */л. 232/* Было велено незамедлительно отправить приказ об этом, однако тянули так долго, что оный пришел слишком поздно — Бог ведает, с умыслом или нет.

В понедельник, невзирая на настойчивые ходатайства перед подполковником, тот не дерзнул ослушаться [приказа]. Правда, казнь была отложена до часу дня, а еще через час пришло помилование. По всей видимости, он умер весьма смиренно и благочестиво — попросил не привязывать его к столбу и не закрывать лицо. Он был расстрелян или, по выражению немцев, аркебузирован.

В ноябре войска поляков перешли ко Кристбургу, откуда они постоянно нас донимали, особливо некий Михальский — ротмистр добровольцев. Сын прусского крестьянина, он знал все дороги, тропы и закоулки и причинял шведам великий вред, за что был возведен во дворянство королем Польши.

/л. 232 об./ В воскресенье, [17] ноября, наш дозорный на башне дал знать, что несколько поляков пришли в Барлевиц — деревушку, [лежащую] чуть за пределом дальности наших орудий. Капитан Якоб Курас, капитан Форбс и я поскакали к южным воротам и увидали полковника, у коего попросили разрешения на вылазку. Тот ответил, что приказывать не станет, но на свой страх мы можем ехать.

Держась низины, мы незаметно подступили к деревне, где застали спешившихся поляков. Только двое вскочили в седла и, будучи на добрых конях, бежали в Петерсвальд. Я погнался за ними по полю и, вернувшись, увидел, что капитаны взяли трех пленных и еще больше лошадей. Они сказали, что кое-кто забрался в дома и попрятался. Спешившись, я одного за другим извлек шестерых. Мы посадили их верхом и повернули обратно.

Не успели мы покинуть деревню, как около 50 или 60 всадников карьером вырвались из Петерсвальда, но преимущество в расстоянии было слишком велико, чтобы нас настигли, а наши мушкетеры стояли */л. 233/* у ограждения, готовясь нас поддержать. Двух пленных привел какой-то крестьянин, так что всего оказалось 11 пленных и 12 лошадей; лишь один притаился так, что его не смог-

ли найти. Пленные со всем имуществом были переданы под охрану в замок до дальнейших распоряжений.

Стало известно, что полковник намерен забрать лучшую долю добычи себе, почему и откладывает выдачу лошадей и прочего. В среду мы посоветовались, как поступить, и решили завтра же просить его о возврате лошадей и других вещей. Так мы и сделали, и он заявил, что после обеда можно прийти и взять оных. Мы собрались дома у капитана Якоба и в убеждении, что полковник желает отобрать двух лучших коней с лучшею сбруей, стоивших почти столько же, сколько все остальное, решили воспротивиться и предпочли скорее не брать ничего, чем утратить лучшую часть добычи, что досталась нам на собственный, и притом большой, риск.

Мы условились, что переговоры поведет капитан Якоб. Несмотря на его возражения, мы настояли на этом, поскольку он был старшим капитаном, а также имел более всех оснований перечить [полковнику], ибо его большая семья жила в нужде. /*л. 233 об.*/ У меня тоже были свои причины: когда над моим капитаном сгустились тучи, на меня и наших соотечественников стали поглядывать искоса, и я знал, что слова [Форбса] не будут хорошо приняты и не вернут нам расположение. [Курас] не был таким младенцем, чтобы не почуять, куда дует ветер, и намекнул нам об этом, однако по своему старшинству отказаться не мог.

Итак, мы явились к полковнику. Он велел подвести к воротам лошадей, две лучшие из коих в лучшей сбруе были привязаны отдельно к столбу. Когда мы вышли, он заявил, что те две принадлежат ему, а прочих мы можем взять и поделить. На это капитан Якоб возразил: "Вам было угодно не дать приказ на выезд, а лишь позволить нам вылазку на свой страх. Мы добыли оных с великой опасностью для жизни и состояния, ибо если бы потерпели неудачу и попали в плен, пришлось бы откупаться самим. Коль скоро вы желаете отнять лучшее из захваченного нами у неприятеля, то будучи не вольными рейтарами, а офицерами, мы не станем брать ничего и скорее отдадим вам /*л. 234*/ все, чем лишимся единственно сто́ящего".

Полковник разгневался и сказал: "Благодарите Бога, что при мне нет шпаги, вы мне еще ответите за свое поведение перед неприятелем!" (Около года назад [Курас] забрался дальше, чем приказано, потерял отряд из 50 солдат и, попав в плен, откупился, хотя до сих пор нарушение приказа и потеря отряда сходили ему с рук.) Вбежав в свои покои, [полковник] велел гнать всех лошадей прочь от ворот.

Мы были слегка удивлены, особливо капитан Якоб, и не думали, что он хватит так высоко. По желанию капитана Якоба мы попросили секретаря полковника пойти и передать, что во избежание обиды мы оставим то, что он предназначил для себя, и возьмем остальное. Но он был так разъярен, что не согласился ни с чем и приказал забрать всех немедля, не то велит перерезать лошадям поджилки. Поэтому я уговорил капитана Якоба */л. 234 об./* отвести лошадей к нему на квартиру, где за кружкой пива мы их распределим, и раз уж лучше не выходит, ради пряника стерпим и кнут[272].

Мы ушли делить добычу. Мне достался лучший конь со сбруей, а трех других я уступил моему капитану для передачи драгунам. Вечером полковник вызвал капитана Форбса из дозора и дал ему пароль, или устный приказ, в соответствии с коим капитану Якобу Курасу никто не должен повиноваться. Мы все были этим огорчены, ибо вовсе не желали заходить так далеко.

На следующее утро, в пятницу 22 ноября, я возвращался от главного караула, где навещал моего капитана, когда часовой с башни сообщил, что 15 или 20 верховых вошли в Барлевиц. Я вскочил в седло и поскакал к южным воротам, где застал полковника и шестерых офицеров на лошадях. Как только я подъехал, полковник объявил, что нам следует идти нижней дорогой и постараться взять их врасплох.

Мы поехали по */л. 235/* лощине и, поднявшись на возвышение возле деревни, заметили их уже за пределами оной, у гати. Оставив одного на холме с приказом, если кто-либо где-нибудь покажется, выстрелить из пистолета, мы спустились к подножью холма и, поскольку тех было человек 20 на добрых лошадях, не сочли за благо с ними схватиться. У них была повозка, которая засела в болоте, и двое слезли с коней, чтобы извлечь оную, а остальные вышли на другой берег. Видя это, я помчался вниз, чтобы напасть на пеших в болоте, но не успел до них добраться, как те снялись.

5 или 6 из тех, что переправились, стали стрелять в меня через болото. Оно было небольшим, а почва глубокой, и я сильно утомил моего молодого коня, уворачиваясь на нем, дабы сбить их с точного прицела. Между тем я оглянулся и увидел, как мои товарищи во весь опор понеслись к деревне, не подав мне никакого знака. Я был уверен, что они заметили в деревне отбившихся [поляков], коих спешили захватить. Лучшее, что я мог сделать, — прикрывая гать, не допустить [обратной] переправы. */л. 235 об./* Я разъезжал [по берегу] с этой целью, как вдруг [поляки] дружно повернули назад, решив пробить дорогу силой. Тогда и я поскакал к деревне, дабы моих товарищей не застигли врасплох.

Забравшись на возвышенность, я к великому изумлению увидел меж собою и городом 200 или 300 человек, кои карьером гнались за моими товарищами, а те миновали деревню и держали путь вокруг озера, имея большое преимущество в пространстве. Очнувшись, я осознал, что мой молодой конь почти изнурен, и не сможет вынести дальней дороги вокруг озера. Я решил прорываться к городу напрямик, но конь никак не хотел меня слушаться и упрямо нес вперед, к деревне.

К этому времени самые доброконные из поляков, сократив путь вдоль озера, меня опередили. Впрочем, я мчался во весь дух, пока преследователи не согнали меня с дороги. Подскакав к канаве по правую сторону, я */л. 236/* заставил коня прыгнуть, но тот оступился и рухнул в оную. Я все же поднялся, снова пересек дорогу, не будучи узнан (ибо с поляками было немало немцев), и направился к озеру, собираясь незаметно скрыться под защитой кустарника. Однако ехавшие позади обнаружили меня, и человек 30 или 40, в большинстве прислуга, пустились следом. Я сдерживал их, наведя пистолет, но столкнувшись с 12 или 15 другими, был вынужден взбираться на холм через колючки. Из-за немалой крутизны холма конь мой, совсем обессилев, застрял в зарослях. Я спешился, выхватил второй пистолет и побежал к полю, чтобы отделаться от этих подонков и — поскольку не видел иного выхода, кроме гибели или плена, — пасть среди людей честных.

Некоторые уже поднялись на холм, одни пускали в меня стрелы, другие соскочили с коней и дали десяток или дюжину выстрелов из длинных ружей. Я кидался из стороны в сторону, не держась прямой дороги, и по милости Божьей не получил телесных повреждений, только две пули прошили кафтан.

/л. 236 об./ В поле Господу угодно было послать мне двух всадников, кои по облику казались шляхтичами. Я ринулся им навстречу и закричал, что сдаюсь. Заметив, что они осадили коней и отшатнулись от моих пистолетов, я выбросил оные прочь, подбежал к ним — и чудом спасся от сабель тех, кто видел, как мои пистолеты исчезли, и бесстрашно гнался по пятам.

Один из двух, ротмистр по имени Дзялинский — командир отряда, с трудом уберег меня от этого сброда. Избавившись от них, он отправил меня в деревню с двумя верховыми, кои взяли меня под руку каждый и умчались столь быстрым галопом, что до прибытия в деревню мои ноги едва коснулись земли. Там они сразу спешились и обыскали мои карманы, причем только малые, не заметив большого. В оном случайно оказались увольнение, полученное мною из лейб-

гвардии Дугласа, письмо полковника торнскому купцу с обязательством на 1600 рейхсталеров, пасквиль, составленный в форме колкостей против шведов, и разная мелочь.

При сборе отряда я видал ротмистра Михальского, по замыслу коего был проведен этот налет. */л. 237/* Хотя погоня за другими офицерами велась до городских ворот, не был захвачен ни один, кроме сержанта по имени Элиас — из-за плохого коня. Меня посадили на худую лошаденку и, взяв слово, позволили ехать без охраны, правда в гуще [поляков].

В эту ночь нас разместили в какой-то деревне, а назавтра доставили в Кристбург и отвели к коронному знаменосцу Собескому, который после отъезда по болезни Сандомирского воеводы принял командование. Допросив нас о численности наших гарнизонов, запасах боевого снаряжения, провианта и тому подобных вещах, он велел держать нас в главной караульне.

Два дня спустя коронный знаменосец отбыл к Торну, оставив начальника в лице [...] Суходольского, старосты Литинского. На следующий день от генералиссимуса явился трубач с письмом к главнокомандующему польскими войсками в Кристбурге, содержащим предложение об обмене или выкупе пленных; первым в списке стояло мое имя. Суходольский уклонился под тем предлогом, что командует лишь временно и не имеет поручения ведать такими вопросами.

[Декабрь.]

Еще через четыре дня мы выступили оттуда. Поутру староста, взяв обещание, */л. 237 об./* что я не убегу, дал мне одну из своих лучших лошадей и даже не стал ограничивать меня никаким местом или караулом, а позволил разъезжать по войскам, где угодно. Я постоянно жил на его квартире, сидел рядом с ним за столом. Он также подарил мне плащ, чтобы укрываться по ночам, и войлок[273], или стеганую подстилку. Весьма благоразумный джентльмен, он был очень добр ко мне.

В Ризенбург к коменданту прибыл барабанщик от полковника Андерсона и предложил за меня прапорщика из бранденбуржцев, дабы те приняли меры к моему освобождению от поляков. Однако староста к сему не прислушался, и мы продолжили марш на Торн. По пути, учитывая разруху в стране, жили мы довольно хорошо.

Староста очень сокрушался о своих огромных расходах на содержание открытого стола, который не раз был украшен столькими гостями, что его собственные служители терпели лишения. Он даже

не мог оставить себе ни глотка пива: все должно исчезнуть, а затем — всеобщая нужда. Он говорил мне, что его звание весьма обременительно для него; жалованье, хотя и выплачивается в срок, не может покрыть и половины затрат, а служит он только ради того, чтобы уберечь свои земли /*л. 238*/ от постоя проходящих [войск] и снискать вящее уважение. Ведь для польского дворянина унизительно, если он не состоит, или не бывал, на службе. Да у них и нет более удобного и почетного пути к отличию, чинам и богатствам, нежели служба на войне.

По прибытии к армии меня поместили под надзор драгун Яна Сапеги, кои квартировали в одной усадьбе с коронным знаменосцем. Здесь мое угощение было весьма скудным: выдавали не более пенни в день, а хлеб был крайне дорог. У нас даже не было никакого сосуда, чтобы принести воды, так что неделю я не мог напиться, и это при черством хлебе! Сие заставило меня подумать о другом [средстве]. Я заявил караульному капралу, что буду просить у Собеского разрешения ходить с часовым или солдатом в лагерь и по своему желанию посещать знакомых. Воспользовавшись случаем при его выходе, я обратился к нему по-латински и попросил, дабы мне было дозволено ходить к армии Римского императора (она стояла совсем рядом) и навещать моих знакомых в сопровождении солдата. Он охотно дал согласие и приказал капралу /*л. 238 об.*/ отправлять со мною солдата.

Сею привилегией я пользовался каждый день и отлучался с утра до вечера, обнаружив множество знакомых, кои хорошо меня принимали. Некоторые шляхтичи, служившие с Яном Сапегой, также были очень любезны со мною, особливо тот самый, с коим я обменялся пулями под Штумом прошлой весной — в день, когда мой капитан был захвачен, а я спасся каким-то чудом. Он поведал, что я все-таки ранил его в бедро, когда он отходил, сделав свой выстрел.

Здесь я познакомился с состоящим на службе Римского императора капитаном Лесли — сыном Таллоса[274] и племянником генерала графа Лесли, с неким капитаном Стюартом и многими другими земляками. Я повидал и майора Сакена, под охраной коего находился во время побега из имперского плена. На его вопрос, зачем я сбежал от них, я осведомился: "Почему же меня не стерегли получше? Ведь заключенному под строгой охраной больше нечем и заняться, как изобретать побег". Он это признал, и тем дело кончилось.

Мне сообщили о шведских пленных, бывших под надзором у коронного фельдмаршала Любомирского. Я /*л. 239*/ пошел их навес-

тить и застал у майора по имени Пневский, который командовал гетманской лейб-гвардией из драгун. [Пленным] давали большие пайки из гетманской кухни. Меня оставили на обед и звали, если угодно, приходить каждый день. Майор был со мною очень любезен благодаря тому, что некогда был корнетом под командой полковника Гордона, который служил Римскому императору[275]. Он приглашал меня идти на службу к Любомирскому, уверяя в хорошем устройстве и обращении.

Я уже размышлял о том, что для моего вызволения нет возможности. К тому же шведы пребывали в упадке, и для них все рушилось. Нечего было и ожидать, кроме заточения по гарнизонам, сносить голод и все бедствия, что постигают осажденные города. Я был даже рад с честью избавиться от их службы. Хотя я находился в затруднении, но все же решил служить там, где увижу наибольшие преимущества.

Собеский предлагал мне службу и сулил роту драгун, стоявших на его землях в Яворуве и окрестностях. Я извинился тем, что юношей уехал из отечества в поисках славы, а сидя по имениям и квартирам, ничего подобного */л. 239 об./* ждать не стоит. Кроме того я видел, что он человек весьма скаредный. Он заявил, что другого применения для меня не имеет, и я попросил, дабы ему угодно было передать меня королю или фельдмаршалу, добавив, что готов служить на поле брани и оправдать свой хлеб. Сие пришлось ему по душе, и он сказал, что при удобном случае поговорит с Любомирским на мой счет.

Тем временем Торн был сдан на почетных условиях, и гарнизон, около 500 солдат, выступил оттуда. Больные и раненые по условиям соглашения остались, пока не представится возможность отправить их по своим гарнизонам.

[1659]

Первого января король и королева Польши со знатью вступили в город. Я по-прежнему пребывал в жилище коронного знаменосца, и теперь меня хорошо угощали за его личным столом.

Все это время я держал при себе письмо моего полковника к Роберту Смарту и расписку последнего на тысячу шестьсот рейхсталеров. Будучи ныне здесь [в Торне], я пошел к нему и вручил письмо. Приняв оное и не сомневаясь, что я свободный человек, он осведомился, когда я желаю получить деньги. Я знавал */л. 240/* его и раньше и заявил, что я пленник, а за дверью меня поджидает солдат;

при взятии в плен эти бумаги оказались при мне, поляки по счастью их не нашли, и теперь мне нужен его совет, как перевести деньги полковнику. Купец весьма подивился такой преданности и честности бедного солдата.

Обдумав различные способы, мы сочли самым надежным вексель, и я заручился двумя, один из коих доставил подполковнику Буку (будучи ранен, он остался в городе), а другой — купцу Эндрю Томсону для последующего отправления, если не дойдет первый. Я написал также моему полковнику о том, что сделал, и попросил меня выкупить.

При получении векселей я вручил купцу и записку. На прощанье тот заметил, что не думал встретить подобную честность в нищем солдате. Я сказал, что он глубоко заблуждается, ибо цели наших призваний различны, у нас — честь, у них — прибыль, и за все его состояние в десятикратном размере я своей чести не запятнаю.

/л. 240 об./ После роспуска армии по квартирам король, королева и магнаты отбыли к Варшаве. Коронный знаменосец, поговорив обо мне с Любомирским в самый вечер своего отъезда, с рассветом следующего дня послал своего родича Жолкевского проводить меня к Любомирскому. Пока я ждал в передней, сей дворянин вошел [к нему], и немного погодя меня вызвали. Фельдмаршал осведомился о моем отечестве, имени и чине, в коем я служил, а затем объявил, что я должен ехать с ним. По комнате с ним прохаживался какой-то дворянин, смотревший на меня весьма пристально. Мне сказали, что это некий Морштейн, который помолвлен с леди Хенриэттой Гордон из дома Хантли[276].

Так как весь гетманский обоз уже ушел, меня провели в большую, крытую красной тканью повозку, именуемую походным кабинетом. В оной была гетманская постель и убранство для личного покоя, так что всю дорогу я располагал этими удобствами и одним из пажей, кои поочередно надзирали за повозкой. Мы пошли вверх по мазовецкому берегу Вислы, пересекли реку у Закрочима и далее к Варшаве, */л. 241/* а оттуда в Яновец[277]. Здесь я разместился в столовой и, как и в пути, не был скован особым надзором, поскольку дал слово не убегать. Я обедал за столом со шляхтой, где и сам гетман имел трапезу по праздникам, и не испытывал нужды ни в яствах, ни в напитках.

Через несколько недель гетман отправился отсюда на съезд в Люблин, где собрались дворяне, имевшие чины в армии, полках или ротах, а также депутаты от войск и комиссары от казначейства. Там было много заседаний, великих жалоб на гнет и произвол

солдат и пышных пиров, но никаких постановлений. Таким образом самые могущественные [магнаты] впоследствии захватили подати и налоги в тех областях и местах, где имели наибольшие интересы, дабы окупить средства, кои они якобы ссудили воинству и государству. Младшие же, особливо солдаты удачи и простые воины, не получили ничего; только на май в Русском Лемберге был назначен новый съезд, где обещали дать [им] удовлетворение. Здесь впервые обнаружилось, что войска намерены объединиться и назначили уполномоченным278 некоего Свидерского на случай, если [их требования] /л. 241 об./ не будут удовлетворены. Я слышал, как он и депутаты от армии публично это утверждали на празднестве у фельдмаршала.

Тут же находились подполковник Хенри Гордон, майор Патрик Гордон по прозвищу Стальная Рука и другие мои соотечественники, перед коими, впрочем, я не показывался, не желая, чтобы они знали о моем положении и нуждах.

Между тем гетман предложил мне место прапорщика в лейб-роте его пехотного полка. Я отказался, заявив, что уже служил драгунским прапорщиком Короне Шведской и больше не буду прапорщиком ни у одного государя во всем христианском мире. Через несколько дней он велел мне сказать, что у него будет драгунский полк и он даст мне должность полкового квартирмейстера. Видя, что он человек весьма знатный и, как самый влиятельный и почитаемый вельможа во всей Польше, наиболее способен покровительствовать и помогать тем, кто служит ему и близок к его особе, я охотно принял предложение. Я был даже рад таким образом избавиться от шведской службы, сохранив честь.

Между поляками и шведами не было заключено хартии или устава о пленных, хотя люди знатные обычно соблюдали положенный срок, принятый в прежнюю германскую /л. 242/ войну для пребывания в плену без перемены службы. Но если иногда его не придерживались в точности, сие не было, да и не должно быть, слишком тщательно учтено, за исключением генералов и других высокопоставленных особ. Ведь неисполнение установленного срока может быть вызвано и оправдано многими причинами, как ныне в моем случае.

Первый раз я обретался в польском плену в Сонче 18 недель, и несмотря на меры шведов, поляки не стали ни отдавать меня за выкуп, ни обменивать, так что я был вынужден чуть ли не вымаливать службу. Затем меня снова захватили в битве под Варшавой, и пришлось сменить службу на 4-й день, ибо, не имея у поляков должно-

сти, я знал, что не буду принят во внимание и сгнию в тюрьме прежде, чем обо мне справятся.

Теперь же я провел в плену уже 11 недель. Пока я был в Пруссии, шведы дважды пытались меня вызволить, но получили отказ, так что обрести свободу этим путем я не надеялся. Если бы я упустил настоящую возможность, меня бы наверно отправили в какую-нибудь даль, чтобы больше не вспоминать */л. 242 об./* до [подписания] мира. Что́ я, иноземец, мог получить во искупление моих мытарств, было весьма сомнительно, но несомненно — не столь много, чтобы возместить такую трату времени.

Кроме того у меня были и другие соображения. Я — солдат удачи, чужак для обеих [воюющих] наций и не имею ни в той, ни в другой такого интереса, из-за коего был бы обязан служить или выносить больше ради любой из них; только религия побуждает меня склоняться к полякам. Посему мне надлежит всеми средствами, насколько позволит честь, добиваться производства и стремиться нажить некоторое состояние, а это, при настоящем положении шведов, маловероятно, даже невозможно сделать в их рядах.

Теперь на них наседают Римский император, короли Дании и Польши, Московит[279] и курфюрст Бранденбургский, каждый из коих почти [в одиночку] мог бы справиться с ними. Ныне в Пруссии нечего ожидать, кроме голода и всех бедствий и лишений, кои постигают осажденные и блокированные города. Жалованье столь мало, */л. 243/* что существовать на оное невозможно, служба весьма тяжела, а награды при заключении мира не могут быть велики, ибо, по всей вероятности, при стольких противниках [шведы] и в лучшем случае не окажутся победителями в войне.

Правда, их хорошая дисциплина, оказываемый каждому по его должности почет, справедливость при отличии достойных людей сильно побуждают честолюбивые души вступать в оную службу и мириться с ее тяготами.

С другой стороны, я уже давно наблюдаю, что в Польше чужестранцы живут прекрасно и человек добропорядочный скоро получает возможность сделать состояние. И хотя гордость не позволяет большинству поляков оказывать иноземцам подобающее уважение, однако знать и наиболее воспитанные [из других сословий] ничем подобным не отличаются. Поистине, чужестранец напрасно */л. 243 об./* полагает, будто может иметь равное почтение с местными уроженцами того же чина и состояния, разве что держава испытывает великую потребность в людях военных, либо заслуги его весьма значительны. Да и тогда почет по преимуществу более формален, чем ма-

териален, и длится лишь до тех пор, пока вы состоите на действительной службе или вступаете с кем-либо в соперничество.

Общеизвестно, что каждый хорошо обходится со своим же, и нет причин ceteris paribus[280] не выдвигать местного уроженца перед чужаком. В самом деле, там, где главным ремеслом является военное, а народ не очень к нему склонен, как в Голландии, иноземцев высоко ценят и часто отдают им предпочтение перед своими, дабы им угодить и поощрить их. Но даже и там в последнее время мы видели, как высокие военные звания даровались менее достойным местным уроженцам, а более способные иноземцы были отстранены.

Ссылаться на прецеденты было бы утомительно, и лишь один */л. 244/* я должен привести. Когда Густав Адольф, король Шведский, вторгся в Германию, большинство его главнейших и лучших офицеров, как хорошо известно, были шотландцы, чьей великой и деятельной доблести он во многом обязан своими успехами там. Но впоследствии, когда его шведы, обретя опыт, достигли основательных познаний в ратном деле, многие из оных кавалеров, будучи разочарованы, покинули службу, и мало кто из столь великого числа при наступлении мира удостоился наград, сообразных их заслугам.

Однако вернусь к тому, что я видел, как поляки обзавелись сильными союзниками, набирают значительные силы в иноземные полки, числом 22, и вскоре с Божьей помощью, кажется, сумеют отвоевать свое достояние. Теперь же, после предложенного чина ступенью выше при завидной должности и знакомства со столь знатным человеком, который управляет всеми военными делами, имея большое влияние и на политические, я обещал себе улучшить собственную судьбу. Я вознамерился приложить все усилия и посредством рвения, усердия и добронравия снискать у */л. 244 об./* всех хорошее мнение. Я уверял самого себя, что моя вера, познания в языках, особливо в латинском, и имя дворянина будут немалым подспорьем в такой стране и среди такого народа, где образованность, благородство и добродетель открывают стезю к высочайшим почестям и успехам.

Когда я дал слово о службе, фельдмаршал велел пригласить меня в свои покои до рассвета и лично спросил, согласен ли я на должность полкового квартирмейстера. Я ответил "да", и он заявил, что вскоре у него будет драгунский полк, в коем я буду квартирмейстером; пока же я должен состоять при его лейб-роте, а он позаботится

о моем устройстве. Приказав выдать мне сотню рейхсталеров на снаряжение, он пожал мне руку и отпустил меня.

Казначей дал мне записку к некоему мистеру Катберту, шотландцу родом из Эбердина. Я немедля отправился получить деньги, на кои купил наиболее необходимые вещи, как то: белье, плащ, пистолет, шпагу, сапоги, башмаки и прочее. Майор */л. 245/* Пневский подарил мне добрую лошадь, кою ранее обещал, если я сменю службу, и теперь сдержал слово. Ротмистр Дзялинский, узнав, что я обязался служить [полякам], вернул мне седло, доставшееся ему при моем пленении, и уверял, что если бы владел остальным моим снаряжением, то отдал бы мне все.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕТОПИСЬ РУССКОГО ШОТЛАНДЦА

"Сокровище неоцененное, материал по преимуществу исторический, не уступающий никакому акту в достоверности, исполненный множества любопытнейших подробностей!"[1] — так отозвался о "Дневнике" Патрика Гордона выдающийся историк Н.Г.Устрялов. С.М.Соловьев считал Гордона "одним из самых замечательных людей", состоявших на царской службе, и был признателен ему за то, что он "изо дня в день записал свои похождения, свое житье-бытье и оставил нам любопытные известия о себе самом, о своих собратиях, о России пред эпохою преобразования"[2] — и, добавим, о начале той эпохи.

Нет, наверно, сколько-нибудь сведущего в русской истории человека, который не знал бы имени главного наставника Петра Великого и не слышал о его журнале. Поразительно, однако, что спустя три столетия после его создания редчайший по своим достоинствам памятник нашего прошлого не издан, как подобает, ни в оригинале, ни в переводе, вопреки всем попыткам отдать ему должное. Лишь немногие исследователи имели возможность прибегнуть к рукописи непосредственно, большинство же до сих пор довольствуется публикациями, далекими от полноты и совершенства. Да и о самом авторе написано меньше, чем он заслуживает.

Патрик Гордон (1635—1699) родился в поместье Охлухрис, близ городка Эллон, в шотландском графстве Эбердин. Клан Гордонов издавна принадлежал к самым знатным и влиятельным в Шотландии, но будучи, по его словам, "младшим сыном младшего брата из младшей ветви рода"[3], к тому же католиком в стране строгих пресвитериан, Патрик решает попытать счастья за морем, подобно тысячам своих земляков. В 16 лет он покидает охваченную распрями родину при нашествии войск Кромвеля и после наскучивших занятий в коллегии иезуитов в Восточной Пруссии и скитаний

---

[1] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I. С. LXXXIV.

[2] *Соловьев С.М.* Соч. М., 1991. Кн. VII. С. 168.

[3] Он был отпрыском ветви Гордон оф Хэддо, восходящей к XIV в. См. генеалогическую таблицу в приложении.

по Польше добровольно вступает в один из рейтарских полков шведского короля. Успев за короткий срок получить десяток ран в боях и дуэлях, Гордон приобретает немалый воинский опыт. Он несколько раз попадает в плен и, по обыкновению наемных солдат тех времен, довольно легко переходит из шведского стана в польский и обратно.

В 1661 г. молодой офицер предлагает свою шпагу царю Алексею Михайловичу и появляется в Москве в чине майора пехоты[4]. Царский посланник в Польше З.Ф.Леонтьев, который после долгих уговоров переманил его у австрийцев, едва ли мог предвидеть, какую услугу оказал отечеству, ибо тогда еще неприметному "шкотскому немцу" предстояло дважды сохранить престол своему воспитаннику — величайшему из русских государей. Гордон, в свою очередь, не подозревал, что едет в неведомую Московию навсегда, а его первые впечатления о стране и ее обитателях оказались столь неблагоприятны, что он горько раскаивался в своем выборе.

Впрочем, бесконечные войны с Речью Посполитой и Османской империей давали много возможностей отличиться. К началу 1665 г. царь пожаловал Гордона в полковники, а год спустя отправил через него послание к королю Чарлзу II в Лондон, и там он смог проявить себя в качестве дипломата. Затем он несколько лет стоял со своим полком в южнорусских и украинских городах — Трубчевске, Брянске, Новом Осколе, Севске и Переяславе, которым часто угрожали казацкие мятежи и татарские набеги. В 1669—1670 гг., получив отпуск, он посетил по личным делам родные края, где не был с юных лет, и стал почетным гражданином города Эбердина.

Доблесть и боевое искусство Гордона ярко проявились в Чигиринских походах 1677—1678 гг. Будучи начальником обороны Чигирина от полчищ турок и татар, он после отчаянного сопротивления поджег пороховой склад и покинул крепость последним, чем заслужил чин генерал-майора и командира гарнизона в Киеве, который возглавлял до 1686 г. В это время он обнаружил и незаурядные способности военного инженера.

В Крымских походах он участвует уже полным генералом, а в августе 1689 г., как старший из всех иноземных офицеров, приводит

---

[4] Патрик не был первым представителем своего клана на царской службе. Капитаны Александер и Уильям, ротмистр Роберт, прапорщик Александер, сержант Джеймс и рядовой Томас Гордоны явились в Москву не позднее зимы 1631/32 г. и в составе полка Александера Лесли участвовали в Смоленской войне (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1, № 78).

их к Петру в Троице-Сергиеву Лавру и тем самым предопределяет падение царевны Софьи. Первые посещения юным царем Немецкой слободы связаны именно с Гордоном, и с тех пор генерал становится ближайшим советником Петра, особенно в области военных реформ. Он командует одним из первых и лучших полков регулярной армии — Бутырским, руководит "потешными баталиями", содействует формированию гвардии и основанию флота в Переславле и Архангельске, где в ранге контр-адмирала переводит на английский первый свод русских морских сигналов. При второй осаде Азова Гордон предлагает необычный план взятия крепости с помощью "подвижного" земляного вала, который быстро заставляет турок капитулировать.

Последнюю и важнейшую услугу он оказал царю в июне 1698 г. Во время пребывания Петра на Западе в составе Великого посольства Гордону удалось рассеять мятежных стрельцов в бою под Воскресенским монастырем и подавить их выступление; перед тем, как открыть огонь, он лично приезжал на переговоры в лагерь бунтовщиков, целью которых было, между прочим, "Немецкую слободу рубить". Московское правительство по достоинству награждало "Патрика Ивановича" крупным денежным и кормовым окладом, подарками и привилегиями (в том числе правом беспошлинного ввоза из Европы вина и т.д.), а Петр пожаловал ему два больших села в Рязанском уезде, так что он сделался еще и русским помещиком. Однако карьера его в России отнюдь не была безоблачной: постоянные ходатайства об увольнении привели к тому, что однажды князь В.В.Голицын пригрозил разжаловать его из генерал-лейтенантов в прапорщики и сослать в Сибирь! Все это подробно освещено в "Дневнике", который, естественно, представляет собой и автобиографию.

Хотя Гордон с полным правом считал себя прежде всего человеком военным, о своем "малом" участии в государственных делах он говорит с излишней скромностью. После личного знакомства с ним король Великобритании Джеймс II удостоил его ранга чрезвычайного посланника в Москве, где по понятным причинам назначение отклонили. Но с конца 1680-х годов Гордон в силу своего положения вполне мог воздействовать на политику русского правительства — и делал это. После так называемой "Славной революции" 1688—1689 гг. и низложения Джеймса II он долгое время удерживал царей Ивана и Петра от признания Вильгельма Оранского британским королем. Де-факто он сделался представителем партии якобитов (сторонников династии Стюартов) в России и заложил основы влияния этой партии при русском дворе, длившегося до середины XVIII в.

Видное место в ее рядах занимали генерал-майор царской службы, автор любопытной "Истории Петра Великого" Александер Гордон[5] и главный командир Кронштадтского порта адмирал Томас Гордон; первый приходился Патрику зятем, второй, по некоторым данным, — племянником.

Вождь российских Гордонов, ставших к концу его жизни довольно большим кланом, был женат дважды; обе его супруги — Катарина Бокховен и Элизабет Ронар — происходили из осевших в Москве нидерландских фамилий. Из их многочисленного потомства выжили три сына и две дочери. Старший, Джон, смолоду вступивший прапорщиком в царские войска, вскоре уехал в Шотландию и поселился в родовой усадьбе Охлухрис, хотя управлял ею нерадиво; в 1698 г. он снова посетил отцовский дом в Москве. Средний, Джеймс (Яков), страстью к ратным подвигам и бесстрашной удалью походил на отца; бросив науки, он в 1689 г. примкнул к восстанию британских якобитов и сражался за них при Килликрэнки; вернулся в Россию под знамена Петра и с кончиной генерала Гордона принял Бутырский полк, но после Нарвы оказался в плену у шведов; в 1702 г. бежал из Стокгольма и при штурме русскими Нотебурга шел в первых рядах; покрытый ранами, он дослужился до бригадира, был возведен за заслуги отца в графы Римской империи и Мальтийские рыцари[6]; умер бездетным в Москве в 1722 г. Его младший брат Теодор (Федор) тоже состоял в бутырцах и в ходе Северной войны получил звание полковника; очевидно, большинство семейных бумаг, в том числе несколько томов "Дневника", перешли к его сыну — скромному петербургскому чиновнику, чье имя нигде не упоминается. Дочери Патрика, Кэтрин и Мэри, по два раза вступали в брак с шотландскими и немецкими офицерами, служившими царю, но рано овдовели и потеряли всех своих детей. Так угас род, который вполне мог бы принадлежать к высшей знати Российской империи.

Даже те, кто полностью признавал достижения Патрика Гордона, порой отмечали, что он "служил в России, но не России"[7]. Это верно лишь отчасти. Он в самом деле неустанно хлопотал о возвращении на родину и не желал умирать на чужбине, хотя московские

---

[5] *Gordon of A[u]chintoul A.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1755. Vols 1—2.

[6] Граф Яков Гордон первым из уроженцев России был принят в Орден Св. Иоанна Иерусалимского (в 1706 г.), именуясь при этом "московитом" (Archives of the Order of Malta, National Library of Malta, 265, f. 180).

[7] *Чарыков Н.В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия. СПб., 1906. С. 559.

власти удерживали его так упорно, будто считали совершенно незаменимым. Он был преданным сторонником дома Стюартов и ревностным приверженцем Римской церкви — первый католический храм в России воздвигнут благодаря его усилиям. Но не подлежит сомнению, что он честно и самоотверженно исполнял свой долг. Один из его биографов справедливо заметил, что он готов был "каждую минуту жертвовать своею жизнью и жизнью других для России и ее военной чести"[8]. Кроме того его связывали самые близкие и доверительные отношения с Петром. Царь часто навещал своего верного генерала и не мог сдержать слез у его смертного одра. 29 ноября 1699 г. "глаза того, кто покинул Шотландию бедным одиноким странником, были закрыты рукою императора"[9]. Похороны Гордона в основанной им церкви в Москве стали одной из самых торжественных церемоний петровского царствования[10].

Личные качества Гордона, как и его заслуги, единодушно превозносились современниками, будь то западноевропейцы или русские. Вот свидетельство австрийского дипломата Иоганна Корба: "Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительная во всем заботливость украшали Гордона. Не гордясь своею известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону московитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам и враждебно относящихся к их славе. Поэтому при возникновении внутренних смут его дом представлял безопасное и надежное убежище для самих туземцев. Часто величаемый Государем именем "Батюшки" (*Patris*), почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью — он снискал себе у всех такое уважение, на какое вряд ли мог бы объявлять притязание иноземец"[11]. Самому царю приписываются такие слова при погребении Гордона: "Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала. Когда б не Гордон, Москве было бы бедствие великое [очевидно, намек на стрелецкий бунт. — *Д.Ф.*]. Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом". А.К.Нартов, приводя эти слова, добавляет: "Сей чужестранец по сказанию тех, кои его лично знали,

---

[8] *Брикнер А.[Г.]* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 37.

[9] Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries. Aberdeen, 1859. P. 193.

[10] О последних годах жизни и погребении Гордона см.: *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698—1699). СПб., 1906.

[11] Там же. С. 255.

любим был не только Петром Великим, но и подданными его. Смерть его была сожалением всеобщим"[12].

Обширное рукописное наследие Гордона, как единое целое, не сохранилось. Не полностью дошла до нас и наиболее ценная его часть — журнал, который он вел почти на всем протяжении своей карьеры. Как и жизнь самого автора, судьба "Дневника" достойна не только научного исследования, но и исторического романа[13]. Из шести уцелевших томов IV и V попали в Московский Архив Коллегии иностранных дел среди конфискованных бумаг опального временщика графа А.И.Остермана, сосланного в Сибирь в 1741 г. Еще четыре тома (I, II, III и VI) в 1759 г. приобрел у потомков Гордона[14] барон А.С.Строганов. От него они перешли к известному ученому и собирателю Г.Ф.Миллеру (1705—1783), после смерти которого также поступили в Архив Коллегии иностранных дел и, наконец, — в Военно-Ученый Архив Главного штаба. Преемник последнего — Российский Государственный военно-исторический архив в Москве — и хранит ныне все шесть переплетенных манускриптов (Ф. 846. Оп.15. Ед. хр. 1—6). Остальные книги, похоже, утрачены безвозвратно, хотя их долго и тщательно разыскивали в России и за ее пределами. Правда, в отечественных и зарубежных собраниях находится немало документов о службе Гордона, а также его письма; отдельные из них увидели свет[15].

Патрик Гордон вел свои заметки для себя и "не предназначал их для всеобщего взора", но их по достоинству оценили уже некоторые из его современников. В 1724 г., возможно по воле самого Петра I, который поощрял историков своего правления и должен был знать о труде Гордона, граф Остерман впервые приступил к русскому переводу с оригинала, но бурная политическая деятельность поглощала все его силы. Нанятый им некий Волков сумел перевести лишь небольшой фрагмент за 1684—1685 гг. Через несколько лет академик Г.З.Байер использовал этот источник для изучения Крымских и Азовских походов,

---

[12] Рассказы Нартова о Петре Великом // Сборник Отделения русскаго языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1891. Т. LII, № 8. С. 104—105.

[13] *Buxhoeveden S., Baroness.* A Cavalier in Muscovy. L., 1932.

[14] У вдовы его внука, бухгалтера Петербургской Академии Наук и переводчика Адмиралтейств-коллегии. Об остальных томах владелица ничего не знала.

[15] РГАДА. Ф. 9, 11, 142, 150, 158, 159, 210. *Konovalov S.* (ed.) Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. XI; *Idem.* Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Ibid. 1967. Vol. XIII; *Dukes P.* Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters // Scottish Slavonic Review. 1988. № 10.

а затем упомянутый выше Г.Ф.Миллер проявил к нему еще большее внимание и задался целью перевести на немецкий язык, поручив дело своему ассистенту Иоганну Штриттеру. Последний усердно взялся за работу, но будучи убежден, что главное в тексте — военные события в России, он сильно сокращал или совершенно опускал все остальное, на его взгляд, не имевшее особого значения. К тому же Штриттер зачем-то изменил форму изложения от первого лица на третье, а его познания в английском языке и палеографии XVII в. оставляли желать лучшего, что привело ко множеству ошибок. В итоге получился не перевод, а вольное переложение или конспект. Недостаток средств и смерть переводчика помешали завершению и изданию труда, который скорее принадлежал Штриттеру, нежели автору.

Тому же Миллеру мы обязаны первым научным очерком о записках Гордона (на французском языке)[16]. Он был частично опубликован в "Опыте трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете" (ч. IV, 1778); перевод этой заметки, а также статья "О начале Преображенского и Семеновского полков гвардии", в которой Миллер использовал сведения Гордона, появились в "Санкт-Петербургском журнале" в апреле 1778 г. До конца XVIII в. вышло еще несколько печатных работ, непосредственно связанных с нашим источником[17]. Но при всем внимании к Гордону в историографии тех лет, да и впоследствии, он обычно остается в тени других соратников Петра, особенно Лефорта. Так, в "Историческом изображении" И.И.Голикова шотландский генерал именуется "сослужебником славного женевца", а биография его изложена вдвое короче[18]. Между тем Лефорт не только годился Гордону в сыновья, прибыл в Россию на

---

[16] Mémoires du Général Gordon écrits par lui-même (1766). В том же году Миллеру было официально дозволено заниматься "Дневником" Гордона (РГАДА. Ф. 199. Портф. 1, № 2).

[17] Описание жизни бывшаго российскаго генерала Гордона // Академический, исторический и географический Месяцеслов на 1782 г.; Известия об осаде Азова в 1695 г. // Месяцеслов на 1783 г. Обе статьи переизданы в "Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разныя годы" (1790. Ч. V). В "Новых ежемесячных сочинениях на 1788 и 1789 гг." —выдержки о Чигиринских походах 1677—1678 гг. В "Российском магазине" (изд. Ф.О.Туманский, июнь и декабрь 1793) — перевод части "Дневника" за 1684—1685 гг.

[18] *Голиков И.И.* Историческое изображение жизни и всех дел славнаго женевца... Лефорта... и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службе Отечества нашего, знаменитаго шотландца войск Его же Величества генерала аншефа Патрика Гордона, известнаго у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М., 1800.

17 лет позже и служил под его командой, но и обладал несравненно меньшими государственными способностями и заслугами.

Журналом Гордона интересовались и его соотечественники. В 1784 г. "Дневник" переписывал по заказу неизвестного аристократа некий Джон Ридли[19]. Из одного стихотворного послания лорда Байрона[20] следует, что в 1818 г. его издатель Дж.Меррей готовил к печати записки петровского генерала; по материнской линии прославленный поэт вел род от Гордонов и носил их имя, так что его свидетельство приобретает особый смысл. Задуманное издание не осуществилось, но этот эпизод в истории "Дневника" имел продолжение. В 1835 г. А.И.Тургенев вспоминал: "В бытность мою в Лондоне известный книгопродавец Муррай [Меррей. — *Д.Ф.*] — друг и издатель Байрона — уступил мне найденную мною у него рукопись, содержащую подробный "Журнал генерала Гордона", шотландца, служившего во время двоецарствия и потом при Петре I. В сем собственноручном, как кажется, журнале означает он хронологически и ежедневно... каждое происшествие его времени... Записки Гордона могут быть любопытны не только для истории сего времени, и особенно для биографа Петра Ве́ликого, но и для занимающихся историею государственного управления в России вообще... Возвращая рукопись сию России, желаю, чтоб она послужила материалом для будущего историка преобразований Петра I, а вместе с сим и доказательством моей преданности и любви к отечеству"[21].

То, что А.И.Тургенев принял сначала за подлинник, на самом деле было копией, снятой с трех последних томов в XVIII в.[22] Вернувшись в Петербург, он сразу же поделился находкой и увлек ею

---

[19] Записки русских людей. События времен Петра Великого. Изд. И.П.Сахарова. СПб., 1841. Приложения. С. 97.

[20] Byron's Poetical Works. L., 1855. Vol. II. P. 394—395:

"Then you've General Gordon,
Who girded his sword on
To serve with a Muscovite master,
And help him to polish
A nation so owlish
They thought shaving their beards a disaster".

Генерал Патрик Гордон
Мечом своим твердо
Служил под Московскою властью,
Учить помогая
Люд странного края,
Что мнил брадобритье несчастьем.

(Перевод мой. — *Д.Ф.*)

[21] *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964. С. 103.

[22] Хранится в Российской Национальной библиотеке, Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Ф. 949, № 16.

своих знакомых. 21 декабря 1836 г. Тургенев отмечает в собственном дневнике: "Сын Келера переводит моего Гордона по Высочайшему повелению, а из Архива вытребовал и оригинал. Мой список с Архивского, но помечен рукою Мюллера... Сегодня о Гордоне. Пошел в дело мой сборник. Пушкину обещал о Шотландии"[23]. Имя Пушкина возникает здесь не случайно — он собирал тогда сведения по истории петровской эпохи.

О том же предмете известно свидетельство чиновника канцелярии Военного министерства Д.Е.Келера (1807—1839): "[17 декабря 1836.] Был на бале у [Е.Ф.]Мейендорфа. Он и жена его говорили с Пушкиным о данном мне поручении перевесть для Государя рукопись генерала Гордона. Я не танцевал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: "Mais où est-il donc? Où est-il donc?"[24]. Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи. Пушкин удивился, когда узнал, что у меня шесть томов *in 4°*, и сказал: "Государь говорил мне об этом манускрипте как о редкости, но я не знал, что он столь пространен". Он спросил, не имею ли других подобных занятий в виду по окончании перевода и упрашивал навещать его". При следующей встрече Пушкин убеждал Келера: "Продолжайте им заниматься, вы окажете большую услугу", — и предложил переводчику свою помощь, обещая показать выписку из Гордона на немецком языке о стрелецких делах[25].

Итак, наш источник привлекал не только крупнейших представителей русской культуры, но и императора Николая I, который даже дал распоряжение Келеру заняться оригиналом и обсуждал этот проект с Пушкиным. Однако злой рок по-прежнему препятствовал начинанию. Пушкин, казалось, вступавший на путь Карамзина, погиб через несколько недель, а Келер пережил его лишь на два с половиной года.

Изучая тургеневский список, Келер узнал о существовании подлинника из статьи М.П.Погодина[26], в знаменитой коллекции которого находилось "изложение" Штриттера. По личному приказу императора все шесть томов были доставлены из Москвы, и Келер приступил к делу. Ему оказывали помощь первые ученые Петербурга, а также высшие сановники Империи: военный министр

---

[23] А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. II. С. 172—173.

[24] "Но где же он? Где он?" (*франц.*).

[25] Дневник Д.Е. Келера (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, № 1150. С. 37, 40).

[26] О русских подьячих XVII в. // Библиотека для чтения, 1834. Т. V. С. 11. Эта статья основана на "Дневнике" Гордона.

граф А.И.Чернышев, статс-секретарь М.М.Брискорн, адмирал А.С.Грейг; последний, выходец из шотландского рода, советовал искать пропавшие тома "Дневника" на родине Гордона. Кроме исторических изысканий в русских архивах переводчик действительно пытался наводить справки в Британии, Австрии и Швеции. В 1837—1838 гг. первые "пять частей" перевода были представлены императору, а Келер удостоен подарков. Но "невероятные труды" и личные невзгоды Келера привели к "крайнему расстройству умственных и физических сил", попытке самоубийства и смерти в лечебнице для душевнобольных[27]. Не совсем ясно, сколько успел сделать Келер, так как подлинник на части не делится; вероятно, это был первый том и начало второго. Как бы то ни было, в печати его перевод не появился, и последующие издатели о нем умалчивают. В 1840-х годах эта рукопись, как и сам оригинал "Дневника", хранилась в Собственной библиотеке Николая I в Эрмитаже[28], но затем след ее теряется.

Труд Келера был подхвачен историком М.Ф.Поссельтом (1805—1875) при содействии начальника Московского Главного Архива Министерства иностранных дел князя М.А.Оболенского, хотя Поссельт вернулся к идее немецкого, а не русского перевода — и воплотил ее. В 1849—1853 гг. в Москве и Петербурге вышло трехтомное, до сих пор наиболее подробное издание "Дневника"[29], к которому и сегодня обращаются ученые. Оно потребовало больших усилий и затрат, взятых на себя князем Оболенским и генерал-адъютантом Ф.Ф.Бергом. Однако нельзя не согласиться, что это сочинение "далеко не удовлетворительно"[30], поскольку оно опирается... на все тот же ущербный перевод Штриттера. Правда, Поссельт

---

[27] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, № 1150; Ф. 1. Оп. 1, № 12135.

[28] РГИА, Санкт-Петербург. Ф. 472. Оп. 17, № 299. Из дела (л. 4) явствует, что в начале 1846 г. Академия Наук просила предоставить ей "рукописи журнала Патрика Гордона для извлечения из онаго необходимо нужных для Академии сведений"; Николай I не позволил выдать "Дневник" из Эрмитажа, но разрешил просмотреть его во дворце.

В РГИА (Ф. 1646. Оп. 1, № 22) хранятся также обширные черновики историка П.М.Майкова (1833—1918) с частичным переводом "Дневника" Гордона и набросками примечаний к нему; очевидно, Майков готовил соответствующее издание. Однако его русский текст опять же основан на немецком переводе Штриттера и Поссельта; в результате польский сейм (у Гордона — *парламент*) именуется рейхстагом и т.д.

[29] Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd.I; St. Petersburg, 1851—1853. Bd. II—III.

[30] *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи. М., 1982. С. 104.

использовал подлинник, значительно расширил объем переведенного текста и снабдил его полезными комментариями и приложениями. В собственном переводе, начиная с 1691 г., он позволил Гордону вести повествование от первого лица. Тем не менее и он допустил немало промахов (в частности, относительно шотландских слов и выражений), а пропуски подлинного текста в его публикации насчитывают десятки страниц, замененных кратким пересказом. Источник вновь подвергся безжалостному и произвольному сокращению, и более всего — первые два тома, где описан домосковский период службы Гордона. При всей своей основательности Поссельт не счел необходимым исправлять ошибки Штриттера и далеко не везде оговорил сделанные купюры, нередко пересыпая текст оригинала собственными замечаниями.

Все опубликованные впоследствии фрагменты "Дневника" так или иначе обязаны своим появлением Поссельту. На пороге Крымской войны родственник Гордона лорд Эбердин — президент шотландского исторического общества "Spalding Club" и будущий премьер-министр Британии — обратился к русскому двору с просьбой предоставить в копии те части "Дневника", где речь идет о родине автора. В 1859 г. по присланному Поссельтом списку "Spalding Club" напечатал первое издание памятника на языке оригинала[31]. В него вошли почти исключительно отрывки с описанием отрочества и начала карьеры Гордона и его поездок в Британию в 1666—1667 и 1686 гг., что составляет лишь малую долю целого.

О качестве долгожданных русских изданий конца XIX — начала XX в.[32], основанных не на подлиннике, а на обратном переводе с немецкого, вряд ли стоит говорить, причем они обрываются уже на Чигиринских походах. Таким образом, ничего похожего на научное издание "Дневника" Гордона доныне не существовало, и по этому поводу приходится признать справедливость упреков "неблагодарной стране, в которой автору суждено было испустить свой последний вздох"[33].

---

[31] См. выше, сноску 9. В приложении к этому изданию помещено 66 документов о поместье Охлухрис и его владельцах, главным образом из рода Гордонов, с 1370 по 1730 г. Многие материалы относятся к Патрику и его родным в Шотландии и России.

[32] *Гордон П.* Дневник. М., 1892. Ч. I—II (Чтения Московского Общества истории и древностей российских. Пер. с нем. М.Салтыковой); Русская старина, 1916—1918; Киев в 1684—1685 годах по описанию служилаго иноземца Патрикия Гордона. Киев, 1875 (Из "Киевских Епархиальных Ведомостей", 1875).

[33] Passages from the Diary... P. IX.

И все же столь видной исторической личности не могло угрожать забвение. В 1878 г. коллега Поссельта по Дерптскому университету и по изучению петровских реформ А.Г.Брикнер выпустил в свет большую статью, посвященную биографии Гордона и его запискам и не превзойденную до сих пор, во всяком случае на русском языке. Автор оценивает достижения "искуснейшего из Петровых генералов" и "патриарха Немецкой слободы" весьма высоко: "Едва ли кто-нибудь из иностранцев, находившихся в России в XVII столетии, имел столь важное значение, как Патрик Гордон. И продолжительностью своего пребывания в России, и участием в самых важных событиях, и положением, занимаемым им в государстве и обществе, он заслуживает большего внимания, чем многие другие более известные современники... Между источниками для истории этой эпохи дневник Гордона занимает одно из первых мест... [и] превосходит все подобного рода произведения"[34].

Критикуя упущения Поссельта, Брикнер с сожалением замечает: "При громадности размеров подлинника едва ли можно рассчитывать на новое издание, более удовлетворяющее требованиям науки... Трудность подлинного наречия дневника и объем его едва ли дозволили бы многим историкам воспользоваться этим источником надлежащим образом. Если... немецкое издание сравнительно мало, можно даже сказать, лишь в виде исключения было принято в соображение исследователями истории XVII в., еще менее можно рассчитывать на научную разработку английского подлинника дневника"[35]. Размеры "Дневника" действительно впечатляют, но Брикнер (и не он один) напрасно винит Гордона в "чрезвычайно плохой и произвольной орфографии", в обилии искажений и темных мест. Напротив, почерк и язык автора довольно ясны и последовательны, особенно для XVII в., а большинство терминов, имен и топонимов не представляют особых затруднений, хотя неточности, конечно, встречаются.

Журнал Патрика Гордона, без преувеличения, — памятник уникальный. Русские летописи, как правило, анонимны и весьма скупы по содержанию, и сам жанр ежедневных заметок о службе и частной жизни в России практически неизвестен до XVIII в. Едва ли не единственное исключение — "Записки" И.А.Желябужского, но они во всех отношениях уступают Гордону. Что касается ино-

---

[34] *Брикнер А.[Г.]* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878 (перепечатано из "Журнала Министерства Народного Просвещения", 1878). С. 1.

[35] Там же. С. 5.

странных трудов о Московии, обращенных к широкому читателю и, возможно, обладающих бóльшими литературными достоинствами (Олеарий, Мейерберг, Коллинс, де ла Невилль и др.), то царский военачальник имеет преимущество в хронологической точности и последовательности событий, в осведомленности и взгляде "изнутри". Не следует забывать и о более широком измерении: ведь помимо России Гордон служил двум другим могущественным державам — Швеции и Речи Посполитой, сохраняя при этом британское подданство, и объездил не только все европейские владения царя от Архангельска до Азова, но и ряд стран Запада; кстати, и в этих странах личные журналы XVII столетия исчисляются единицами, поэтому ценность показаний Гордона еще более возрастает.

Даже будучи необстрелянным рядовым рейтаром, он бдительно следил за военными и политическими событиями в Европе, старался собрать достоверные свидетельства о том, чего не видел сам, и осмыслить происходящее. Впоследствии, используя целую сеть доверенных лиц, раскинутую почти по всем крупным городам на пути между Россией и Британией, Гордон получал быстрые и точные сообщения о зарубежных делах. Другое достоинство автора — его беспристрастность. Несмотря на многолетнюю службу разным коронам, он до конца не сроднился ни с одной из них, нередко воздавал должное противнику, не оправдывал пороки и жестокости своих сослуживцев, признавался и в собственных прегрешениях.

Шесть уцелевших томов "Дневника", при общем объеме рукописи (по авторской нумерации) 3183 страницы, посвящены событиям почти всей жизни Гордона от его появления на свет до 1699 г., когда он, ослабленный болезнью и старостью, уже не вел заметок[36]. Хронологическое деление по книгам таково: I — до начала 1659 г.; II — 1659—1667; III — 1677—1678; IV — 1684—1690; V — 1690—1695; VI — 1695—1698. Два-три тома (или более) за 1667—1676 и 1678—1683 гг. утеряны. Есть и небольшие пропуски по отдельным годам.

Практически весь "Дневник" написан рукою автора, опрятным, разборчивым почерком, хотя плотность текста сильно колеблется, даже в пределах нескольких страниц. Исправления, помарки, ошибки (повторы, явные пропуски слов или букв) и надстрочные приписки немногочисленны; пометы на полях почти отсутствуют, за исклю-

[36] Правда, из других источников известно, что в последний год жизни Гордон не был прикован к постели, иногда участвовал в празднествах, принимал царя и других гостей. Возможно, начатая в 1699 г. тетрадь "Дневника" не сохранилась.

чением дат и кустодов. Годы детства и юности изложены довольно бегло, а обстоятельные записи начинаются с 1655 г., когда Гордон вступил в военную службу. Именно тогда, по-видимому, он и решил взяться за перо. Во многих местах, особенно в ранние годы, заметны признаки последующей доработки. Беспокойная солдатская жизнь, сопряженная с походами, боями, пленом, пожарами и проч., не способствовала сохранности тетрадей, и автору, вероятно, не раз приходилось восстанавливать, переписывать и дополнять их. Однако нет сомнений, что он начал вести "Дневник" раньше, чем полагали прежние издатели: он сам говорит, например, что во время битвы под Варшавой (июль 1656 г.) записал все, что слышал на польском военном совете, в тот же день, а годом ранее сожалеет, что по болезни не смог передать свои впечатления о померанском походе. Живость и подробность изложения, обилие дат, имен и цифр также убеждают в том, что Гордон стремился ловить события по горячим следам, насколько это было возможно.

Если учесть, что Гордон происходил из отдаленной области на северо-востоке Шотландии, учился там же и никогда не жил в Англии, может показаться странным использование им английского, а не шотландского языка (*Scots*). К тому же его привязанность к родине вполне очевидна, и он всегда отчетливо разделяет шотландцев и англичан. Возможно, объяснение кроется в том, что обучение и в школе и в коллегии велось главным образом на латинском, а английское письмо он осваивал посредством литературных сочинений. Однако Гордон прекрасно владел родным наречием, как явствует из орфографии и лексики "Дневника". Это не раз причиняло трудности переводчикам, которые либо ошибались, либо просто пропускали непонятные слова и фразы (например, поговорку *burnt bairns fire dreid* — "обжегшись, дети боятся огня").

Стиль Гордона выдает скорее солдата, чем беллетриста; он довольно сдержан, безыскусен, не всегда гладок и порою суховат, но его никак нельзя назвать бедным. Автор был человеком образованным, хорошо владел несколькими языками, включая латинский, не расставался с книгами, цитировал античных и средневековых писателей, любил произведения Ариосто, Сервантеса и Марло, увлекался театром и музыкой и, как показал недавно Г.Хэрд[37], был корреспондентом "Лондонской газеты" — первой в Британии.

---

[37] *Herd G.P.* General Patrick Gordon of Auchleuchries (1635—1699): A Scot in Russian Service. Unpubl. Ph.D. Dissertation. University of Aberdeen, 1995.

Содержание и тональность "Дневника" постепенно меняются: он все реже выражает личные размышления и переживания, а в последние годы становится все более кратким и бесстрастным. Но к строго хронологическим заметкам он не сводится. Здесь и очерки военных кампаний, и небольшие исторические наброски, и рассуждения о разных предметах (меморандум о государственном управлении и восточном вопросе для князя Голицына от 1684 г.) и т.д. Особенно подробен рассказ о Северной войне 1655—1660 гг. — трагическом времени "Потопа" для Речи Посполитой, когда почти все соседи ополчились на нее, а также о Чигиринских и Азовских походах россиян. В каждом из томов есть кульминационные точки, где взгляды и чувства автора переданы наиболее полно. Так, сознавая значение происходящего и словно собрав остаток сил, он подробно и эмоционально описывает стрелецкий бунт 1698 г.

Перед нами не только нарративный источник, хранящий память о множестве событий на доброй половине европейского пространства в течение полувека, но и ценное собрание документов. Гордон включил в свое повествование немало официальных и частных писем, свидетельств о службе, межгосударственных договоров, полковых списков, прошений, счетов, рисунков обороны чигиринской крепости и т.д.

В огромном по охвату журнале трудно было соблюсти единство стиля и избежать некоторого однообразия, тем более что Гордон касался не только великих, но и будничных событий, а иногда ему просто не хватало времени их запечатлеть. К тому же врожденная осторожность и благоразумие побуждали о многом умалчивать, так как записки могли попасться на глаза недоброжелателям. Можно пожалеть о том, что при встречах со знаменитостями своего века — полководцами, вельможами, правителями — он почти не останавливается на их внешности или характере и нередко даже не раскрывает содержание бесед с ними.

Гордон принадлежал к тому же поколению, что и русский царь Алексей Михайлович, британские короли Чарлз II и Джеймс II, монарх Речи Посполитой Ян Собеский, "князь-кесарь" Петра I Ф.Ю.Ромодановский, гетман Украины Юрий Хмельницкий, — и знавал их всех лично. Он приходился ровесником французскому военному инженеру Себастьену Вобану, английскому писателю Джону Драйдену, голландскому художнику Яну Вермеру и датско-немецкому композитору Дитриху Букстехуде — и, посещая места, где они жили и творили, благодаря своей любознательности вполне мог познакомиться с их произведениями. С другой стороны, он уде-

ляет немало строк монотонному перечислению своих доходов и расходов или расстояний между лежавшими на его пути городами и местечками. Но следует принять мнение шотландского историка Дж.Робертсона: "Нам скорее стоит удивляться настойчивому усердию мемуариста, написавшего так много, чем обвинять его, что не написал больше"[38]. Ведь даже самые обыденные сообщения о ценах на услуги и товары в Москве, Риге или Эдинбурге не лишены интереса.

В то же время "Дневник" изобилует яркими картинами из жизни XVII в. и разнообразными приключениями. Круг сведений, которые можно из него почерпнуть, необычайно широк — от боевой тактики и оружия до денежного обращения, от политики и дипломатии до медицины. Не в последнюю очередь это и удивительная хроника шотландской эмиграции. Куда бы ни забросила Гордона судьба, везде он мог чувствовать себя почти как дома — одних лишь собратьев по клану на польской, шведской, австрийской и русской службе он упоминает несколько десятков.

Предлагаемый перевод рукописи знаменитого "русского шотландца", прямо причастного к важнейшим событиям российской и европейской истории в эпоху перехода от Средневековья к Новому Времени, — первый опыт ее полного научного издания. Я не ставил здесь целью сравнивать показания Гордона с другими источниками, исправлять или восполнять его изъяны — это, при необъятности материала, осуществимо только совместными усилиями ученых разных стран и направлений. Начало уже положено, и когда его сведения поддаются проверке, Гордон, несмотря на неизбежные погрешности, предстает вполне добросовестным и достоверным свидетелем[39]. Прежде всего я стремился возможно более точно передать смысл и дух подлинника на русском языке, по необходимости опираясь на архаичные слова и обороты, а также идентифицировать приведенные автором термины, имена и географические названия.

В заключение, мой приятный долг — выразить искреннюю признательность руководству и сотрудникам Российского Государственного военно-исторического архива, особенно И.О.Гаркуше и М.Р.Рыженкову, — за предоставленную возможность использо-

[38] Passages from the Diary... P. XVI.

[39] Поссельт, сопоставляя факты "Дневника" с авторитетными трудами современников — "*De Rebus a Carolo Gustavo Sveciae Rege Gestis Commentariorum*" Самуэля Пуфендорфа и "*Annalium Poloniae*" Веспазьяна Коховского, нередко отдает предпочтение Гордону.

вать подлинную рукопись "Дневника" Гордона и другие богатства Архива; моим шотландским друзьям Полу Дюксу и Грэму Хэрду — за ценные соображения и неизменное гостеприимство во время моей работы в Шотландии; Ю.М.Эскину — за консультации по обширному кругу вопросов; Иерониму Грале и С.В.Думину — за помощь в переводе польских имен и терминов; А.А.Россиусу — за определение источников латинских цитат; А.Л.Бондаренко — за оформление иллюстраций и карты; моим коллегам по Институту всеобщей истории Российской Академии Наук и Московскому Каледонскому Клубу, а также моей семье — за поддержку и всемерное содействие.

Д.Г.Федосов

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКА

Несмотря на то что в настоящем издании "Дневник" Патрика Гордона публикуется только в русском переводе, представляется не лишним дать хотя бы краткое описание подлинника первого тома "Дневника", хранящегося в Российском Государственном военно-историческом архиве. Такое описание — необходимый элемент источниковедческого анализа, сопровождающего введение документального памятника в научный оборот. Возможно, это позволит уточнить датировку источника и прояснить обстоятельства его создания.

"Дневник" написан на бумаге форматом в четверть листа (in 4°), сложенной в виде тетрадей, позднее переплетенных вместе в единый том. Текст размещен по обеим сторонам листа и занимает площадь 16,5—17 х 12—13 см; размеры полей: сверху 1,5—2,5 см, справа и слева 1,5—2 см, внизу 0,5—1,5 см. Это расположение свидетельствует о том, что текст изначально писался на листах именно такого формата. Судя по почерку, весь первый том написан одной и той же рукой, а сличение с другими документами Патрика Гордона позволяет утверждать, что мы имеем дело с его автографом. Текст не производит впечатления поденных записей, но чередование фрагментов, написанных разными перьями и чернилами разных оттенков (от светло-бурого до почти черного), показывает, что записи делались в несколько приемов, приблизительно от 10 до 50 листов за раз. А вот нумерацию страниц всего тома автор сделал единовременно, видимо перед отдачей рукописи в переплет.

Изучение филиграней бумаги, на которой написан первый том "Дневника", затруднено самим форматом переплетенной рукописи. При формате in 4° филигрань, помещенная, как правило, в середине полулиста, уходит в корешок и остаются видны только ее фрагменты. Но изучение и этих фрагментов дает определенную картину. В основном использована бумага голландского и отчасти французского и немецкого производства, имевшая распространение в России во второй половине XVII в.

С первых листов рукописи прослеживаются филиграни с изображением герба Амстердама (л. 1, 20), головы шута с оплечьем в 7 (л. 10, 11) или 5 (л. 15) бубенцов и пасхального Агнца с крестом (л. 17). Эта голландская бумага именно с 1660-х годов все больше ввозилась через Архангельск[1]. Это может служить косвенным свидетельством того, что первый том "Дневника" был написан автором уже после переезда в Россию. Для такого предположения есть и более определенные признаки. Начиная с 72-го листа и далее неоднократно встречается филигрань с изображением дамы и кавалера, а также подписью "ALLEMODEPAPPIER", которая до сих пор не была описана на документах, датированных ранее 1670-х годов[2]. Даже если учесть контакты Гордона с иноземными купцами и возможную залежность бумаги, то и тогда есть основания полагать, что первый том "Дневника" написан не ранее конца 60-х — начала 70-х годов XVII в. О том же говорят филиграни с двуглавым орлом (л. 134, 137, 245)[3], с литерами CDG[4] и якорем в круге и без круга (л. 198, 199). Филиграни, разумеется, позволяют установить только ранний хронологический предел в истории дошедшего до нас текста.

Сказанное выше вовсе не исключает существования у Гордона каких-то записей "по горячим следам", иначе трудно объяснить высокую степень подробности и точность в датировке, присущие "Дневнику". Тем не менее тот текст, которым мы располагаем, был написан или переписан (возможно, не без авторского редактирования) спустя 10—15 лет после описываемых событий. Читателю следует иметь это в виду.

Особого внимания заслуживает переплет первого тома "Дневника". Он носит совершенно индивидуальный характер и не имеет аналогов в описаниях коллекций русских старопечатных и рукописных книг. В этом нет ничего удивительного. Выдающийся историк книжного дела С.А.Клепиков отмечал, что "к концу XVII столетия получил широкое распространение индивидуальный переплет для знатных лиц, сильно отличающийся по стилю, материалу и

---

[1] *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. 3—5.

[2] *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988. № 1256.

[3] Там же. № 1037—1041.

[4] *Churchill W.A.* Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the 17—18th c. Amsterdam, 1935. № 110, 412.

оформлению от издательских переплетов Московского Печатного двора и Троице-Сергиевской Лавры"[5].

Размеры верхней крышки переплета (нижняя по размеру практически не отличается) составляют: длина 20,6 см, ширина 16,5 см, толщина книжного блока с крышками 3,7 см. Переплет цельнокожаный по картонным крышкам. Кожа гладкая, темная. Судить о первоначальном креплении переплетных крышек с книжным блоком трудно, поскольку переплет реставрировался после 1836 г., о чем свидетельствуют форзацы из бумаги с филигранями Е.Б.Ф. 1836 (Елизаветинская бумажная фабрика Е.Н.Кайдановой под Петербургом). Очевидно, реставрация переплета была связана с работой переводчика Д.Е.Келера. Торцы книжного блока покрыты красной краской, других украшений обрез не имеет. Нет и защитно-декоративных накладных элементов. Имеются ременные завязки, по две на верхней и нижней крышках. Корешок гладкий, без украшений; тиснение имеется только на крышках переплета.

Верхняя крышка переплета обрамлена бордюрной басмой из растительного орнамента с чередующимися в круглых медальонах головами в коронах (по три медальона на каждой роли). На нижней крышке — аналогичная бордюрная басма из двух прокатных полос, и таким же прокатом заполнен центральный прямоугольник без средника (6 полос проката).

На верхней крышке в ромбовидном среднике вытиснена (со следами позолоты) фигура сидящего отрока Христа — так называемый образ Спаса Эммануила. Безбородый юноша с нимбом сидит, скрестив ноги и преклонив голову на левую руку, а правой прижимает к груди сферу, увенчанную крестом (державу). На то, что изображен именно Иисус, указывают монограммы по обеим сторонам головы, а также изображения херувимов. В верхней части средника вытиснены слова "АΣ УСНУХ". Если считать, что буква Σ представляет собой букву З, перевернутую из-за погрешности штампа-матрицы, то мы получим слова "Аз уснух" — начало 6-го стиха 3-го псалма: "Аз уснух и спах, востах, яко Господь заступит мя". В современном синодальном переводе: "Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня" (Пс. 3, 6).

Маловероятно, чтобы переплетчик по своему усмотрению оттиснул какую-то цитату, не связанную с заглавием книги или созданием переплета. С другой стороны, в некоторых современных исследова-

---

[5] Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. М., 1959. Сб. I. С. 137—139.

ниях средневековый средник рассматривается как суперэкслибрис. "Появление на обиходном переплете какого-либо средника не было случайным, напротив, оно отражало уже сложившуюся символико-эмблематическую и литературную традицию Средневековья"[6].

Сам Гордон писал, что всякий раз, когда он попадал в безвыходное положение и стоял на краю гибели, только обращение к Господу с горячей мольбой спасало его. О том же гласит псалом, цитата из которого появилась на переплете "Дневника". Очевидно, таково было желание заказчика. В изображении на переплете довольно редкого для русской иконографии образа безбородого юного Христа можно усмотреть признак украинской школы. Исследователи отмечали, что в орнаментации и деталях русских переплетов конца XVII в. все сильнее сказывалось влияние украинского барокко с его вычурностью и пышностью[7]. Не исключено, что и сам переплет был изготовлен на Украине, где Гордон провел немало лет. В любом случае цитата из псалма, воспроизведенная кириллицей, подтверждает, что хотя события, изложенные в первом томе "Дневника", происходили за пределами России, окончательное оформление своей рукописи Патрик Гордон завершил, находясь уже на русской службе.

М.Р. Рыженков

[6] *Калугин В.В.* Символика сюжетного средника // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. II. С. 33.

[7] *Клепиков С.А.* Указ. соч. С. 141.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Не превозноси и не обвиняй сам себя (*лат.*).

[2] Нравиться всем (*лат.*).

[3] Невозможному (*лат.*).

[4] До середины XVIII в. в Британии использовался юлианский календарь (старый стиль).

[5] *Lambe masse day*, т.е. Lammas — 1 августа. Древний праздник урожая, сопровождавшийся освящением хлебов. Здесь и далее в примечаниях термины подлинника выделены курсивом.

[6] "Разные смыслом одним..." (*лат.*). Жан Депотер, или ван Паутерен, (1460—1520) — автор знаменитых и многократно изданных пособий по латинской грамматике: Ioannis Despauterii Ninivitae, Grammaticae Institutionis Lib. VII docte et concinne in compendium redacti per Sebastianum Duisburgensem, lib. III "De heteroclitis". Edinburgh, 1617. P. 89.

[7] В мае 1639 г. в родном шерифстве Гордона Эбердин начались столкновения между роялистами и ковенантерами — противниками новой церковной литургии, вводимой королем Чарлзом I по англиканскому образцу. Это был пролог многолетней гражданской войны в Шотландии и Английской революции. Почти все Гордоны, включая вождя клана — маркиза Хантли, стояли за короля. В 1644 г. отец и дядя Патрика приняли участие в вооруженных рейдах, но их предводитель, сэр Джон Гордон оф Хэддо, был схвачен и казнен ковенантерами. Враждующие армии подвергли ужасному разорению всю страну, включая окрестности Эбердина.

[8] Т.е. в западной части поместья Охлухрис, которое досталось в наследство матери Патрика и было не из богатых. Гордоны держали его от графов Эрролл.

[9] 10 сентября 1650 г. имя автора впервые встречается в официальном документе. В присутствии Патрика его отец, обремененный долгами, уступил своей сестре и ее мужу, Джеймсу Гордону оф Гринмайр, главную ферму Охлухрис с мельницей за 2500 шотл. марок, с правом выкупа (Particular Register of Seisins for Aberdeenshire. Vol. XIV, ff. 437—439).

[10] В пресвитерианской Шотландии католическое меньшинство, к которому принадлежал Гордон, было ограничено в правах.

[11] Этот синтаксический оборот, хотя и непривычный для современного читателя, отражает стиль подлинника и использован в переводе как элемент архаизации. Он встречается в русской литературе XVIII—XIX вв., например: "Приехав на левый фланг, мне представили... взя-

того в плен кривого гусарского ротмистра..." (*Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 г. // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 240).

[12] *Польск.* Гданьск.

[13] У Патрика Гордона было четыре брата: Джордж (старший), Джон, Джеймс и Александер (младшие) и сестра, чье имя не упоминается.

[14] Англо-голландское соперничество в это время обострилось и в 1652 г. привело к войне.

[15] *Anout.*

[16] Сходный обычай морского крещения описан в "Пиратах Америки" А.О.Эксквемелина.

[17] Гордон использует различные меры длины. По словарю В.И.Даля польская миля составляет 10 верст, немецкая — 7, английская — 1,5 (верста = 1,0668 км). Шотландская миля больше английской примерно на 200 метров.

[18] Шотландцы рано освоили морской путь на восток и во множестве селились в балтийских странах. Уже в середине XVI в. их доля среди жителей Хельсингёра (Эльсинора) составляла почти 14% (*Riis T.* Should Auld Acquaintance Be Forgot... Odense, 1988. Vol. I. P. 155).

[19] Здесь, как и в дальнейшем, Гордон повсюду встречает соотечественников. В Данциге (Гданьске) одно из предместий, упомянутое автором ниже, называлось Schottland. В Польше в первой половине XVII в., по некоторым оценкам, проживало около 30 тысяч шотландцев, в большинстве своем занимавшихся торговлей (*Steuart A.F.* Papers Relating to the Scots in Poland. Edinburgh, 1915. P. X, XVIII).

[20] *Польск.* Бранево.

[21] *Польск.* Эльблонг.

[22] У Гордона *Frawensberg* — *польск.* Фромборк.

[23] Примечание автора на полях.

[24] *Passary* — *польск.* Пасленка.

[25] Krug (*нем.*) — постоялый двор, корчма.

[26] Semmel (*нем.*) — булка.

[27] *Kolesses.*

[28] Орт — четверть талера.

[29] *Польск.* Хелмно.

[30] *Skute.*

[31] *Польск.* Свеце.

[32] Здесь и далее так обозначены лакуны в подлиннике.

[33] *Russes.*

[34] *Польск.* Тчев.

[35] *Dantziker Hooft. Польск.* Глова Гданьска.

[36] *Польск.* Мальборк.

[37] *Monto Spitts.*

[38] *Польск.* Гнев.

[39] *Польск.* Квидзинь.
[40] *Польск.* Нове.
[41] *Польск.* Грудзёндз.
[42] *Польск.* Хелмжа.
[43] *Польск.* Торунь. Автор называет этот город то на немецкий, то на польский лад.
[44] Князья Радзивиллы были протестантами. В их литовском имении Кейданы, где Гордон позже побывал, имелась шотландская колония.
[45] Т.е. пфеннига. Гордон употребляет привычное британское название монеты.
[46] *Seimiks.*
[47] В 1651—1652 гг. Шотландия была завоевана Оливером Кромвелем (1599—1658) и присоединена к Английской республике до реставрации Стюартов в 1660 г.
[48] *Польск.* Щецин.
[49] Карл X Густав (1622—1660), король Швеции с 1654 г., своим вторжением в Польшу начал Северную войну 1655—1660 гг.
[50] Владислав IV (1595—1648) правил Речью Посполитой с 1632 г.
[51] Ян II Казимир (1609—1672). Польский король с 1648 г. Отрекся от престола в 1668 г.
[52] С конца XVI до середины XVII в. и Швецией и Польшей правили монархи из династии Ваза, что приводило ко взаимным притязаниям на престол. В ходе Тридцатилетней войны (1618—1648) было заключено польско-шведское перемирие в Штумсдорфе (1635) сроком на 26 лет.
[53] Якуб Задзик (ум. 1642), архиепископ Краковский.
[54] Т.е. верительную.
[55] Г[устав] Вел[икий] (*лат.*). Очевидно, шведский король Густав II Адольф (1611—1632).
[56] Кристина Августа (1626—1689), королева Швеции в 1632—1654 гг. Отреклась от престола, перейдя в католичество.
[57] Успехи шведской армии в Тридцатилетней войне превратили Швецию в сильнейшую державу Северной Европы.
[58] После принятия Богданом Хмельницким и левобережной Украиной русского подданства в 1654 г. царь Алексей Михайлович начал войну с Речью Посполитой.
[59] Королевский совет.
[60] Оливер Кромвель (1599—1658), вождь Английской революции, с 1653 г. правитель (лорд-протектор) Англии. Гордон, шотландец и роялист, называл его "надменным врагом".
[61] Так передана фамилия Беренс. См. *Nagielski M.* Warszawa 1656. Warszawa, 1990. S. 240.
[62] *Snide mills.*
[63] *Freyerwald, Rusische Moule.*
[64] *Trago.*

[65] *Woywod.*
[66] *Collours* — "знамена" или "хоругви", т.е. польские боевые части.
[67] Возможно, город Шамотулы.
[68] По другим источникам — Ханс Бёттихер, или Бёддекер.
[69] У Гордона даты нередко помечены на полях напротив сплошного текста. В настоящем издании такие даты выделены звездочками.
[70] Trabanten (*нем.*) — телохранители.
[71] Роберт Дуглас (1611—1662). Как и Гордон, которому он покровительствовал, — "младший сын младшего брата из младшей ветви" шотландского рода (Дуглас-Уиттингем). Служил шведской короне с 1631 г., затем барон, граф и фельдмаршал Швеции. Его внук, граф Густав-Отто, попал в плен под Полтавой, присягнул России и стал губернатором покоренной Петром I Финляндии.
[72] В подлиннике над строкой приписано "манифестах".
[73] По-видимому — мародер (*нем.*).
[74] Значение слова неясно. Возможно, искаженный немецкий термин.
[75] *Reformado* (*исп.*) может означать и сторонника реформатской веры, но в военном смысле — волонтера, офицера "сверх комплекта" или, по русским источникам XVII в., "безместного". Гордон употребляет этот термин и далее.
[76] *Poviat.*
[77] *Travale or dying.* Travallie (*шотл.*) — суета, шум, треск. Перевод слова *dying* в данном контексте предположителен.
[78] *Furlong* — британская мера длины, 1/8 мили.
[79] Гордон, набожный католик, оставил здесь пропуск.
[80] *Brandewine.*
[81] Пропуск в тексте.
[82] Этот эпизод хорошо изображает польскую тактику "заманивания".
[83] В польском войске XVII в. "товарищ" — дворянин, который возглавлял хоругвь, отвечая за ее формирование, снабжение и боевые действия.
[84] Так в подлиннике — *mans grease.*
[85] С.М.Соловьев назвал Стефана Чарнецкого (1599—1665) "лучшим полководцем польским" (Соч. М., 1990. Кн. V. С. 564).
[86] По-видимому, еще один соотечественник Гордона.
[87] Пригород Кракова.
[88] *Mogill.*
[89] Регулярные войска, учрежденные в Польше в середине XVI в. Название связано с тем, что их жалованье составляло четвертую часть (кварту) от доходов с королевских имений.
[90] *Sandets.*
[91] *Scepusia. Нем.* Ципс, *венг.* Чепеш, *польск.* и *словац.* Спиш — область, входившая в состав Польши и Венгрии, ныне на территории Словакии.
[92] Осадные рвы и насыпи для закрытого подхода к крепости.

[93] Ян Собеский (1629—1696), впоследствии прославленный полководец, с 1674 г. король Польши под именем Яна III.
[94] *Starosta*.
[95] Краковский университет.
[96] *Kosichewa* — вероятно, имеется в виду местечко Козегловы.
[97] Brandschatzung (*нем.*) — контрибуция.
[98] Львов — центр воеводства Русского.
[99] *Rimanova* — речь явно идет о Лиманове, а не о расположенном слишком далеко Рымануве.
[100] *Arrian* — так в Польше называли протестантов.
[101] Такое ружье с колесным замком называлось "цешинкой" по г. Цешин в Силезии.
[102] *Bredaes hatt* — вероятно, по городу Бреда в Нидерландах.
[103] *Alehous* — буквально, "пивной дом". Неясно, фамилия ли это обозного или шутливое прозвище.
[104] Слово *big*, среди прочего, может означать и беременность.
[105] *Dupshits*.
[106] *Voyt* — староста или городской голова.
[107] *Barracadoing*.
[108] *Hayduckes*.
[109] *Podstarost*.
[110] "Утешенье несчастных — иметь собратьев в печали" (*лат.*). Цитата из "Трагической истории доктора Фауста" (I, 5) английского драматурга Кристофера Марло (1564—1593).
[111] Поскольку Гордон неизменно различает шотландцев и англичан, вряд ли это "польский шотландец", упомянутый выше.
[112] *Aquavitae*.
[113] Шотландское происхождение этого прелата подтверждается не только фамилией, но и нижеследующим наставлением Гордону.
[114] Слово *bowl* многозначно - кубок, чаша, их содержимое, попойка, а также шар или игра в кегли.
[115] Гордон нередко называет гетманов "генералами".
[116] Маршал Юрий Любомирский носил и княжеский титул Священной Римской империи.
[117] *Польск*. Бродница.
[118] Фридрих Вильгельм Гогенцоллерн (1620—1688), прозванный Великим Курфюрстом, он же герцог Прусский. Правил с 1640 г. Заложил основы политического и военного могущества Пруссии.
[119] *Польск*. Радзинь.
[120] Аванпорт Кёнигсберга, ныне Балтийск.
[121] Братьев милосердия (*лат.*).
[122] Прейсиш-Холланд — *польск*. Пасленк.
[123] *Польск*. Бартошице.
[124] *Glinam*.

[125] Так называемые реестровые казаки, состоявшие на службе у польского правительства и внесенные в особые списки.
[126] Т.е. на сейме.
[127] *Columby.*
[128] *Harquebussired.*
[129] По другим источникам — Исраэль Риддарйельм (*Nagielski M.* Op. cit. S. 241).
[130] *Allagrett ab Allagretis.*
[131] *Emperour.*
[132] *Lissna.*
[133] Датский принц Вальдемар, побочный сын короля Кристиана IV, был женихом царевны Ирины Михайловны и одно время жил в Москве, хотя брак не состоялся. Он был ранен при Люблине, где и умер.
[134] *Польск.* Быдгощ.
[135] *Sluchow. Нем.* Шлохау.
[136] *Польск.* Хойнице.
[137] Шанц, или шанец (*нем.* Schanze), — небольшое укрепление, например редут, ретраншемент.
[138] Герцог Прусский, т.е. курфюрст.
[139] Миссия стольника Назария Алфимова весной 1656 г. уже не могла предотвратить русско-шведскую войну.
[140] *Нем.* Speicher.
[141] У Гордона — *parley*, т.е. сигнал о начале переговоров. Термин "шамад" (*франц.* chamade) встречается в русских военных источниках петровской эпохи.
[142] *Puchar.* По другим источникам — Пюхерт.
[143] Благая ложь (*лат.*).
[144] Необходимость (*лат.*).
[145] Следующие пять строк рукописи старательно вычеркнуты.
[146] Болверк — раскат, бастион.
[147] Рейтарский полковник Дэвид Синклер был смертельно ранен и умер днем позже.
[148] *Bockhune.* Иоганн фон Альтен-Боккум — командир драгунской гвардии короля Яна Казимира.
[149] Великий гетман литовский Павел Сапега, вывихнув ногу при падении с коня, покинул поле битвы, и атаку литовских гусар возглавил Александр Полубиньский (*Nagielski M.* Op. cit. S. 129, 162—163).
[150] Хотя текст в подлиннике сплошной, здесь автор, очевидно, пропустил фразу при переписке дневника.
[151] Карл X действительно приказал похоронить одного из польских гусар, павшего на его глазах. Источники именуют его по-разному, но то был не гетман Сапега (*Nagielski M.* Op. cit. S. 174—176).
[152] Ниже Гордон для краткости или по привычке продолжает называть Дугласа генералом.

[153] Голландское слово zoetelaar вошло в английский язык.
[154] Гордон редко упускал случай пообщаться с земляком! Хендерсон, посланный к Яну Казимиру императором Фердинандом III, был главным автором плана действий против шведов.
[155] *Blunia.*
[156] Лейб-рота Дугласа была составлена из отпрысков лучших родов Шотландии.
[157] Здесь автор надолго умолкает о себе самом и переходит к подробному описанию военных действий. См. л. 125.
[158] *Sklad.*
[159] Т.е. комендант Андерсон.
[160] *Tenits.*
[161] Русско-шведская война началась в мае 1656 г. Царские войска взяли Ниеншанц (Канцы), Динабург, Кокенхаузен и Дерпт, но после неудачи под Ригой боевые действия велись вяло.
[162] *Kniaz.*
[163] Александер Лесли оф Охинтул (1590е?—1663). Шотландский рыцарь. Состоял в польских и шведских войсках. На русской службе с 1630 г. (с перерывами), руководил проведением военной реформы и набором полков "иноземного строя", куда призвал немало своих земляков. Один из главных царских полководцев в войнах с Польшей и Швецией. Крестился в православие под именем Авраама Ильича, первым в России получил звание генерала и стал воеводой в Смоленске. Родоначальник российских дворян Лесли.
[164] Т.е. вислинской дельты, прилегающей к городу. Werder (*нем.*) — остров.
[165] Вероятно, Рюдигер фон Ашеберг — командир одного из рейтарских полков Карла X.
[166] В этой схватке Гордон был ранен в голову. См. ниже, л. 141—141 об.
[167] *Польск.* Нытых.
[168] В июле 1656 г. Голландия предоставила Данцигу на 14 месяцев вспомогательный корпус из 1300 солдат под командой Петера ван Персеваля.
[169] *Tolkamet.*
[170] Среди этих пленных был и Гордон. См. ниже, л. 146.
[171] Ныне Мукачево, Украина.
[172] До конца XVII в. Трансильвания оставалась под сюзеренитетом Османской империи.
[173] Lehnung (*нем.*) — содержание, жалованье.
[174] Ср. ниже, л. 162 об. — 163.
[175] *Miedzibeze.*
[176] Очевидно, Соколы на правом берегу Буга. Ср. л. 173 об.
[177] *Halfe cartowes* (*шотл.*) — род артиллерийских орудий, обычно 10- или 12-фунтовых.

[178] Вероятно, имеется в виду бранденбургский генерал Иоахим Рюдигер Гольц.
[179] Гордон повторяет эпизод, описанный выше (л. 79 об.-81).
[180] В качестве залога (*лат.*).
[181] Однако при сохранении численности помянутого вспомогательного корпуса (*лат.*).
[182] Похищенного, захваченного (*лат.*).
[183] *Collof.*
[184] "К Сцилле приходит тот, кто хочет избегнуть Харибды" (*лат.*). По-видимому, слегка измененная цитата из поэмы Вальтера Шатильонского "Александреида" (V, 301). Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, которые обитали на берегах узкого пролива и губили проходивших между ними моряков.
[185] Эта дата относится к событиям, описанным чуть ниже, когда многие трансильванцы оказались в плену у татар.
[186] Янош Кемени (1607—1662). После двухлетнего пребывания в татарском плену и смерти Дьёрдя II Ракоци был избран князем Трансильвании. Погиб в битве с турками.
[187] Подвижное временное укрепление из повозок.
[188] Какой замок имеется в виду — неясно.
[189] Так в подлиннике, но по смыслу в турок переоделись татары.
[190] Т.е. имперская.
[191] Раймондо Монтекукколи (1609—1680). Итальянский полководец и военный теоретик на австрийской службе. Во время этого похода произведен в фельдмаршалы (1658).
[192] Бертольд Хартвиг фон Бюлов.
[193] *Польск.* Тухоля.
[194] *Dreventz.*
[195] Ныне Знаменск.
[196] Епископ Варминский (*лат.*).
[197] Казначей и польный гетман Великого Княжества Литовского (*лат.*).
[198] Служитель короля Венгрии и Богемии, посланный для посредничества (*лат.*). *Ser...* может относиться и к королевскому титулу — Serenissimi, т.е. "Светлейшего".
[199] Вольный барон из Шверина (*лат.*).
[200] В том числе и сам Гордон. Подробное описание событий 1 октября 1657 г. см. л. 187—191.
[201] *Imperialists.*
[202] *Польск.* Старогард.
[203] Шведский "Потоп", войны с казачеством и Россией стали подлинной катастрофой для Речи Посполитой. Эти события унесли от трети до половины населения страны и уничтожили более половины ее производственного потенциала (*Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI—XVIII вв. // Европейское дворянство XVI—XVII вв. М., 1997. С. 193).

[204] Ср. л. 218—219.
[205] Небольшая армия Карла X легко овладела почти всей Данией, перешла по льду пролив Большой Бельт и подступила к Копенгагену. Мир был подписан 26 февраля 1658 г., но война скоро возобновилась.
[206] *Польск.* Прабуты.
[207] *Польск.* Дзежгонь.
[208] В августе — см. л. 225 об.-226.
[209] Высший чин военного суда.
[210] Тем самым, фактически (*лат.*).
[211] *Fishery.*
[212] Этот лист рукописи текста не содержит. Здесь Гордон прерывает изложение общего хода войны и возвращается к рассказу о собственных похождениях с осени 1656 г. См. л. 79 об.
[213] Я согрешил! (*лат.*).
[214] *Hoves.* Hufe (*нем.*) — мера земли, обрабатываемая за день одной лошадью (упряжкой).
[215] Британский синоним графа.
[216] Гордон употребляет немецкое слово *shults.*
[217] См. л. 86 об.
[218] Речь идет о приверженце одной из строгих протестантских сект, возникших в первой половине XVI в. в Нидерландах и Германии.
[219] Очевидно, коса Фрише-нерунг.
[220] Snaphaan (*голл.*), Buschklepper (*нем.*) — разбойник с большой дороги.
[221] Двор (*нем.*).
[222] Бездельник (*нем.*).
[223] General Gewaltiger (*нем.*) — начальник военно-судной службы.
[224] *Campagnia.*
[225] Простаки (*лат.*).
[226] Schäferei (*нем.*) — овчарня.
[227] Двор (*нем.*).
[228] Стрелки (*голл.*). Гордон также использует это слово в пренебрежительном смысле.
[229] Этот бой произошел 4 января. Ср. выше, л. 91—91 об.
[230] Фома Кемпийский, или Томас Хамеркен (около 1380—1471). Нидерландский богослов, вероятный автор знаменитого трактата "Подражание Христу".
[231] Шотландские палаши с широким обоюдоострым клинком и характерной гардой в виде чаши или "корзинки" (basket-hilt) в XVII в. применялись по всей Европе и за ее пределами (Scottish Weapons & Fortifications. Edinburgh, 1981. P. 153—252).
[232] *Piedees* — вероятно, от шотл. peage, т.е. паж, слуга.
[233] *Suleyova.*
[234] Т.е. владельца поместья Скелморли в шотландском графстве Эр.
[235] Skemler (*шотл.*) — нахлебник, тунеядец.

[236] Шкатулки, ларцы (*польск.*).
[237] 31 марта. См. л. 101.
[238] Ср. л. 99 об.
[239] См. л. 136. Король Швеции, похоже, сожалел о своем поступке — ср. л. 185.
[240] См. л. 58 об.
[241] Усадьба (*нем.*).
[242] *So makeing a duane.* Значение слова *duane* неясно.
[243] *Польск.* Дзялдово.
[244] Слово *passe* может означать отпуск или право на проезд. Из контекста неясно, кто имеется в виду — наемники или купцы.
[245] 4 июля — см. л. 111.
[246] Т.е. обходиться без обеда (старинная поговорка).
[247] См. л. 114, 135—137 об.
[248] Т.е. Римского (Германского) императора Леопольда I, союзника Польши.
[249] Дэрк — шотландский кинжал с прямым лезвием и без гарды.
[250] *Halfe stockado* — род колющего холодного оружия.
[251] Не совсем точная цитата из "Скорбных элегий" Овидия (I, 9): "Не сосчитать друзей, пока благоденствие длится. Если же небо твое хмурится, ты одинок" (*лат.*). Речь идет о Джеймсе Лесли, племяннике и наследнике Уолтера Лесли (1606—1667), который прославился на военной и дипломатической службе у Габсбургов, став графом и маршалом Римской империи. Гордон упрекает младшего Лесли в равнодушии к судьбе соотечественников, что не было свойственно шотландцам, где бы они ни находились.
[252] Возможно, прощальний тост ротмистра Мелдрама имел политический подтекст. Кавалерами в Британии называли партию роялистов, противников Кромвеля, к которой принадлежали многие шотландцы-эмигранты.
[253] Король Великобритании Чарлз II (1630—1685) наследовал своему отцу, казненному в 1649 г., но в 50-е годы, пока у власти стоял Кромвель, жил в изгнании.
[254] Рыболовня (*англ.*) — *нем.* Fischerei.
[255] *Glassa.* Хенри Гордон de Glassauche упоминается в одном из актов Большой печати Шотландии в 1649 г. (Register of the Great Seal of Scotland. 1984. Vol. IX. № 2093).
[256] Дословно (*лат.*).
[257] *Locus sigilli* — место печати (*лат.*).
[258] *Two pair* [of butts] — шотландская мера длины.
[259] Царствие Небесное, вечное блаженство (*нем.*).
[260] После казни короля Чарлза I в 1649 г. царь Алексей Михайлович резко ограничил английскую торговлю в России и не принимал послов Английской Республики, но охотно брал на службу британских эмигрантов-роялистов и поддерживал Чарлза II в изгнании.

[261] Покушение не состоялось, хотя заговорщики были готовы пожертвовать шведской службой ради мести за своего короля. Возможно, они узнали о своей ошибке — то был не Джон Брэдшо, председатель суда над Чарлзом I, а его брат Ричард.
[262] Жалованье (*нем.*).
[263] С середины XVII в. шотландская пинта составляла 1,7 литра.
[264] Разделяй и властвуй (*лат.*).
[265] *Hoffe.*
[266] Вероятно, Михальским этот партизан стал именоваться после возведения во дворянство. Ср. л. 232.
[267] Эконом (*лат.*).
[268] На картах Восточной Пруссии XVIII в. это селение обозначено как Warlitz (РГВИА. Ф. 432. Оп. 1, № 1274).
[269] *Scalado*, от escalada (*исп.*) — штурм города с помощью приставных лестниц.
[270] Фамилия Lang распространена и в Германии и в Шотландии.
[271] *Court of guard* — караульня.
[272] *Take the byte and the buffet with it* (шотландская пословица).
[273] *Voylock.*
[274] Т.е. Лесли оф Таллос. Капитан Джеймс Лесли позже унаследовал титул своего дяди и умер в 1692 г.
[275] Вероятно, здесь упомянут полковник Джон Гордон — комендант Эгера, который был причастен к убийству имперского главнокомандующего Валленштейна в 1634 г.
[276] Маркиз Хантли считался вождем клана Гордонов.
[277] *Janofsta.*
[278] *Directour.*
[279] Гордон еще не знал, что русско-шведская война уже завершилась Валиесарским перемирием 20 декабря 1658 г., хотя мир был подписан лишь в 1661 г.
[280] При прочих равных (*лат.*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адольф Иоганн, пфальцграф, шведский генералиссимус 72, 76, 78, 80—82, 112, 123, 125, 131—134, 188, 193—196, 205, 210, 215—217, 221
Алексей Михайлович, царь ("Московит") 24, 81, 83, 102, 103, 138, 140, 226
Аллегретти де Аллегретто, посол 81, 102
Альтенбургская, герцогиня 72
Андерсон Александер, (под)полковник 99, 100, 117, 123, 194—196, 203—206, 209—211, 213, 214, 217—219, 221, 223, 224
Анхальт Иоганн Георг, принц 31, 32
Аргайл, маркиз 156
Аренсдорф, подполковник 175
Арцишевский, подстароста 86, 87, 98
Ашемберг, полковник 107, 145, 146

Баденский, маркграф 78—80, 123, 124, 202
Баниер, полковник 25
Барнс, лейтенант 58, 59
Барнс Фабиан, генерал-майор 25, 170
Бартман Якоб, шкипер 7
Бевередж Джеймс, купец 139
Безум Михаэль, капитан 214
Беренклау, шведский президент 32, 107
Бернет оф Лис Джеймс, рейтар 170
Бернет Джон, рейтар 137, 138
Беткер Ханс, генерал-майор 24, 28
Билау (Бюлов) Бертольд Хартвиг, генерал-майор 123, 135, 192
Бирни Джеймс, рейтар 138
Бирни Джон, корнет 138, 146
Блэкхолл Роберт, священник 9, 10
Бобер, ротмистр 142
Боза Самуэль, полковник 79
Боккун Иоганн, полковник 90, 92
Бомсдорф, подполковник 128
Бооте Херман, полковник 22
Боу, майор 45—47, 55
Боурман, полковник 25
Бретлах Кристиан, полковник 24, 40
Брето, подполковник 192, 194
Броберг, майор 24
Брун Джон, капрал 182, 185
Брун Эндрю, учитель 7
Брэдшо Джон, судья 202
Брэдшо Ричард, посол 202
Бук, подполковник 135, 224
Булл Джон 139

Вальдек, граф 104, 112, 125, 126
Вальдемар, датский принц 81
Вейер, воевода 72, 101
Вейер Людвик, воевода 26
Вейер Якоб, воевода 109
Венцеслав, епископ Варминский 127
Вильчицкий 18
Винтер, полковник 149, 150
Виттенберг Арвид, фельдмаршал 24—26, 28—30, 40, 42, 80, 84, 86, 107
Вишневецкий Димитрий, князь 107
Владислав, король Польши 22

Война, польский офицер 116
Вонсовичи, братья 53
Врангель Карл Густав, фельдмаршал 31, 80—82, 107
Вржесовиц, генерал-майор 51, 101
Вульф, полковник 50
Вюртембергский, герцог 72
Вюрц Пауль, генерал-майор 24, 52, 82, 114, 122, 163
Вюрцбург, генерал-майор 123, 124, 141, 143

Гардин, майор 19
Гардин, ротмистр 19, 21, 28, 29, 33, 40, 42, 43, 52
Гауди, генерал-майор 116, 123, 170
Гембецкий Павел 28
Герлеховский, полковник 69
Герфельд, полковник 72
Гилд Уильям, рейтар 192
Гнезненский, архиепископ 129
Гнезненский, епископ 29
Голштинская, герцогиня 72
Гонсевский Винцентий, гетман 82, 104, 126, 127
Гордон из Кульма 13, 15
Гордон оф Глассо 192
Гордон Джон, отец Патрика 6, 7, 17, 152
Гордон Джон, рейтар 151
Гордон Джон?, полковник 223
Гордон Джордж, брат Патрика 6
Гордон Патрик ("Стальная Рука") 151, 152, 225
Гордон Хенри, подполковник 225
Гордон Хенриэтта, леди 224
Горцки, генерал-майор 116, 134
Гродзицкий Кшиштоф, генерал-майор 130
Грудзинский Андрей, воевода 28
Грудзинский, польский военачальник 123
Густав Адольф, король Швеции 23, 227

Гэрих Александер 7

Дамбар Патрик, рейтар 139
Данкан Джеймс, ротмистр 28, 41, 42, 52, 55, 56
Данкворт, генерал-майор 108, 123, 124
Дарэм, житель Эльбинга 211
Дарэм, капитан 137
Делагарди, графиня 72
Делагарди Магнус, граф 72
Делагарди Понтус, граф 24, 41, 52
Делагарди Якоб, граф 170
Денмарк, майор 134
Депотер Жан 6
Дзялинский, ротмистр 220, 228
Дзялинский, староста 81
Дик Джон 15, 16
Дона, граф фон 145, 152, 205
Доналдсон Джон 8
Донклау, ротмистр 54, 55
Дорфлингер, генерал-майор 104
Драммонд, подполковник 152
Дрэйк, полковник 125
Дубальд, полковник 74
Дуглас, генеральша 86
Дуглас Роберт, фельдмаршал 31, 43—45, 48, 49, 71, 76, 80—82, 92, 93, 95—97, 99, 103, 105, 108, 109, 112, 114, 123, 127, 132, 138—145, 147—149, 152, 154—159, 163, 175, 192—194, 196, 197, 221
Дудерштатт, полковник 29, 124

Жолкевский, польский магнат 224

Задзик Якуб, канцлер Польши 23
Зитценхоф, ротмистр 142
Зомниц Лоренц 127
Зульцбах Филипп, граф 44, 112, 118, 123

Изола Франц, барон д', посол 109, 126, 127

Иннес, францисканец 69, 70
Иордан, дворянин 59
Исбрандт, посланник 108
Ислам-Гирей, крымский хан 74
Израэль, генерал-майор 80, 104
Израэль, генеральша 80

Канасилиус, посол 23
Канненберг Кристоф, генерал-майор 72, 73, 93
Кантерштайн Лоренц 84, 86
Карл X Густав, король Швеции 22—25, 27, 30—32, 37, 40, 42—45, 47, 48, 50—52, 69, 71—74, 76—78, 80—83, 88, 91, 93, 97, 99, 100, 102—119, 123—126, 131, 148, 156, 163, 164, 170, 172, 175, 176, 181, 188, 189, 196, 206
Карл, шведский принц 72
Катберт 228
Катон 5
Квикфельд, прапорщик 209
Кемени Янош, генерал 120, 122
Кемп Джон, рейтар 141, 185
Кёнигсмарк Курт Кристоф, граф 24, 31, 35, 36, 104, 105
Кёнигсмарк, майор 42
Кёнигсмарк, полковник 49
Кит Александер, рейтар 138, 140, 143, 152—155, 184
Кит Джеймс, капитан 183
Кит, рейтар 155
Клингер, майор 126, 143—145, 181
Койет, посол 81
Коллет, капитан 63, 77
Колов Антон 119
Конецпольский Александр, воевода 49, 76, 132, 134, 215
Коннинг Джон 197
Коперник Николай 9
Корицкий, польский магнат 77, 172, 181
Кракау, полковник 22
Краковский, епископ 53, 56, 83, 84
Кристина, королева Швеции 22, 24
Кромвель Оливер 19, 24, 189
Крэнстон, лорд 81, 96, 107, 125, 141, 180, 181
Курас Якоб, капитан 206, 212, 217—219
Курляндский, герцог 23
Кэмпбелл Джон 197, 202

Ланг, ротмистр 213, 215
Ларкин, полковник 25
Левенгаупт, генерал-майор 72, 80
Леопольд I, король Венгрии и Богемии, император 114, 116, 118, 119, 122, 131, 188, 189, 222, 226
Лесли оф Таллос 222
Лесли Александер, генерал 103
Лесли Джеймс, капитан 185, 222
Лесли Уолтер, граф 185, 222
Лещинские, магнаты 16, 85
Линде Лоренц фон дер, фельдмаршал 72, 123, 124, 180, 200—202
Линдсей Джеймс 17
Лихтон, ротмистр 52
Логан Уильям, учитель 6
Лодер Уильям, лейтенант 34, 47
Л'Омбр Антуан, посол 107, 119, 135
Лонский, майор 114
Лэнделс Александер, рейтар 155, 177
Любомирские, магнаты 71, 113
Любомирский Константин 52, 62, 71
Любомирский Юрий, князь 77, 81, 109, 110, 113, 117, 119, 120, 135, 222—225, 227, 228
Людвиг, подполковник 25
Людовик XIV, король Франции 71, 81
Лянцкоронский Станислав, гетман 71, 85

Мардефельд, генерал-майор 72
Мардефельд, полковник 28
Мария Людовика, польская королева, супруга Яна Казимира 82, 90, 135, 223, 224
Масдам, посол 108
Махмет-Гирей, крымский хан 119, 120
Мекленбург-Гюстровская, герцогиня 72
Мелдрам Джон, ротмистр 79, 99, 127, 136, 138—140, 143, 144, 146, 147, 154—159, 166, 170, 175, 180—182, 184— 186, 192—194, 196
Мензис Александер, священник 9
Мензис Томас 9
Меррей Джордж, учитель 6
Мидлтон, генерал 109
Мидлтон Уильям, рейтар 145, 146, 155, 177
Милл Джон 6
Митлах Захариас, капитан 70
Михалко (Михальский), польский партизан 127, 128, 206, 217, 221
Монтгомери Джеймс, рейтар 156—158
Монтгомери Хью, лейтенант 197, 200—203
Монтекукколи Раймондо, граф 122
Морштейн Иоганн 23
Морштейн, польский дворянин 224
Мюллер Бурхард, генерал-майор 25, 31, 51
Мюллер, секретарь 195
Мясковский Максимилиан 28

Нассау Вильгельм Адольф, граф 115
Немирович 77
Нойман, полковник 183
Нэрн Джон, полковник 72

Огилви Мэри, мать Патрика Гордона 6, 7, 17
Оксеншерна Бенгт, граф 86, 93, 107, 123, 135, 192
Оксеншерна, граф 25, 204
Оксеншерна Густав, генерал-майор 123
Оксеншерна Эрик, граф, канцлер 72, 73, 105
Опалинский 18
Опалинский Христофор, воевода 28
Оссолинские, магнаты 86

Персеваль Петер ван, генерал 109
Петерс Бартоломеус 141
Плайтнер, полковник 123
Пневский, майор 223, 228
Подкамер, подполковник 170
Потоцкий Станислав Ревера, гетман 71
Поттинген Франц Эузебиус, граф 52, 80
Пряшковский Войцех 28
Пфлауме, подполковник 131, 206
Пшеимский Христофор, посол 31, 32
Пюхер, полковник 123
Пюхер Иоганн Бальдвин, шведский комиссар 86, 93

Радзивилл Богуслав, князь 104
Радзивилл Ян, князь 15, 16, 75
Радзиевский Иероним, подканцлер 24, 27, 28, 31, 71, 83, 84, 111
Ракоци Дьёрдь II, князь Трансильвании 51, 77, 82, 100, 109—123, 164, 170
Расселл Джон, лейтенант 165, 170, 180, 185, 192, 194
Ратерфорд, полковник 143
Рид, капитан 186
Ритер, подполковник 78, 79
Роза, полковник 25, 111, 126, 181
Росс Джон 87
Росс, рейтар 137

Сакен, майор 222
Саксен, майор 26
Саксонская, курфюрстина 72
Саксонский, курфюрст 72
Сапега Павел, гетман 114
Сапега, польский военачальник 91, 93
Сапега Ян 49, 128, 131, 206, 222
Сапеги, магнаты 167, 170
Свидерский 225
Синклер оф Росслин Лодовик, рейтар 165
Синклер, денщик 156
Синклер, майор 141
Синклер, полковник (разные лица) 25, 76, 89, 93, 131, 213
Скелморли, Монтгомери оф 156, 158
Скотт, лейтенант 152
Скроггс Александер 6
Слих Роберт, купец 15
Смарт Роберт, купец 214, 223, 224
Смит Александер, ротмистр 214
Смит Джон, купец 14
Смит Джон, рейтар 185, 189—193
Смитон Томас, купец 139
Собеский Ян 49, 76, 134, 215, 221—224
Собигурский, шляхтич 109, 114
Соррелл Дэвид 197
Ст[...]фельд, капитан 41
Станиславский, шляхтич 109, 114
Стенбок Густав Отто, фельдмаршал 31, 40, 52, 71, 72, 81, 104, 109, 112, 116, 173, 175, 176
Стивен Роберт, рейтар 138, 176
Стокер Александер, квартирмейстер 184
Стоцкий Ян, шляхтич 62, 63, 66
Стрэйтон Эндрю, рейтар 97, 138, 139, 192, 214
Стрэхен, капитан 180
Стюарт, капитан 222
Стюарт, подполковник 52
Стюарт Роберт, корнет 176, 177, 181
Суза, генерал-лейтенант 122, 135
Суходольский, староста 134, 221

Таубе Иоганн Якоб, полковник 25
Том Хэри, учитель 6
Томсон, майор 152
Томсон Эндрю, купец 224
Торрен, граф де 102
Троттер Роберт, рейтар 180

Уайт Джеймс 18
Уардло, солдат 212
Уилсон Эндрю, рейтар 184
Уоллес, капитан 180
Уоллес, рейтар 137
Уотсон, Джеймс 18
Уотсон Джон, майор 79
Уох, капрал 177
Уэди, солдат 212

Фергусон Джеймс 18
Фердинанд III, император 52, 71, 72, 80, 81, 102, 109, 111, 112, 114, 115, 118
Ферзен Фабиан, полковник 25
Феркар Роберт 18
Фермер Джордж 201
Фиттингоф, полковник 72
Фома Кемпийский 150
Форбс Джон, сержант 207
Форбс, казначей 195
Форбс, квартирмейстер 180
Форбс Томас, капитан 194, 196, 200—204, 206—210, 212, 214, 217—219, 222
Форгель Георг, (под)полковник 41, 42, 52—54, 83, 84, 86, 100, 101
Фрайер Джон, ротмистр 186, 193
Фрайер Уильям, купец 200
Франц, герцог Саксен-Лауэнбургский 21, 24, 40, 52
Фредерик III, король Дании 112, 116, 130, 131, 170, 226

Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский, герцог Прусский 14, 23, 26, 72—74, 80, 82, 83, 88, 92, 99, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 118, 119, 123, 126, 127, 130, 131, 145, 210, 226
Фридрих, ландграф Гессенский 51
Фрэйзер Александер, учитель 7
Фуллартон, майор 152

Хайдельбергский, курфюрст 72
Хальберштадт, ротмистр 58
Ханау, граф 25
Ханс, лейтенант 70
Хантли, Гордоны оф 224
Харри Джон, рейтар 138, 139
Хатцфельд Мельхиор, австрийский фельдмаршал 122, 187
Хедвиг Элеонора, шведская королева, супруга Карла X 80, 105, 112, 138
Хендерсон Джон, генерал-майор 89, 93
Хессен, полковник 28
Хмельницкий Богдан, гетман 51, 74
Хойстер, генерал-майор 122, 128, 132—134, 186, 192
Хольштайн Иоганн 47, 65, 69, 70
Хооде Фридрих, капрал 65, 66, 70
Хорн Хенрик, генерал 25, 123
Хьюм Александер, рейтар 166, 177
Хьюм Томас, рейтар 177
Хьюм Уильям, рейтар 166, 167, 192
Хэлибертон Дэвид, рейтар 155, 177
Хэмилтон, лорд 181, 186, 192, 193
Хэмилтон Малколм, капитан 143

Чарлз (Карл) I, король Великобритании 202
Чарлз (Карл) II, король Великобритании 189
Чарнецкий Стефан 45, 48, 50, 76, 77, 81, 85, 91, 110, 111, 116, 117, 119, 123
Черкасский Я.К., князь 102

Шварцвальд, братья 148, 152, 154
Шварцвальд Ханс 153
Шверин Отто фон 127
Шёнберген, камергер 22
Шёнлебен, генерал-адъютант 163
Шлангфельд 86
Шлахт, майор 24
Шлезвиг-Голштинский, герцог 72
Шлиппенбах, граф 78, 107, 111
Шлихтинг, дворянин 53
Шонек Георг, полковник 213
Шпанко, полковник 128
Шпарр Отто Кристоф, генерал-лейтенант 88
Шпарр, полковник 72
Шпарр, фельдмаршал 122
Штайн, ротмистр 42

Эйлхус, обозный 57
Элиас, сержант 221
Эллан Маргарет 6
Элфинстон Джеймс, рейтар 173, 174, 177
Энгель, полковник 25, 30
Эндрю, слуга 19
Эндрюс, полковник 198
Эрскин Александер, рейтар 177
Эрскин Роберт, рейтар 177
Эрт Уолтер, рейтар 139

Юрген Ханс, рейтар 55

Явицкий, кастелян 116
Ян II Казимир, король Польши 22, 23, 26, 28, 30—32, 37, 43—45, 48, 50—52, 59, 71, 74—77, 82, 83, 85, 88—90, 92—95, 102, 105—107, 109—111, 117—119, 122, 123, 126, 128, 129, 135, 217, 223, 224, 226

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Августув 104
Альтмарк 128, 133, 138, 139
Англия 81, 124
Антверпен 18
Анхольт 8

Балтийское море 23
Барлевиц 211, 217, 219
Бартенштайн 74
Бендзин 50
Берестечко 75
Бернсдорф 25
Беч 71
Блоне 95
Богемия (Чехия) 115, 116, 118, 119, 122, 188
Борнхольм 8
Боцки 167, 168, 172, 173
Бранденбург 188
Браунсберг 9, 12, 15, 72, 109, 137, 138
Бремен 24, 25, 65, 104
Брест Куявский 16, 113, 159
Брест Литовский 16, 116, 123, 170, 173
Бромберг 81, 123, 127, 130
Буг 82, 116, 170, 172, 173, 176
Бук-шанц 99

Вайксельмюнде 8, 72
Вайскирх 109, 154
Вангерин 25
Варка 78, 80, 93
Варминское епископство 9, 73, 82, 112, 128, 132, 215
Варта 17, 30
Варшава 16, 31, 40, 42, 52, 71, 75—83, 86—88, 92, 93, 95, 96, 99, 100, 103, 104, 107, 115—119, 129, 156, 224, 225
Везе 26
Вейерсхоф 12, 26
Велау 126, 127
Великая Польша 16, 51, 80—82, 86, 88, 99, 111, 112, 126, 127, 187, 192
Великобритания 23
Вельке Лумны 87
Вельке Скрипки 173
Вен 8
Вена 119
Венгрия 110, 115, 116, 118, 119, 122, 188
Венгрув 116, 167, 173
Верден 24, 25
Вильно 75
Висла 12—15, 45, 47, 71, 76—78, 81, 82, 87, 88, 99, 105, 108, 110, 111, 115, 117—119, 125, 128, 131, 137, 141, 145—147, 165, 187, 190, 192, 205, 224
Висьнич 48, 59—61, 67, 71
Войнич 48
Вольнь 75
Вольгаст 25

Гамбарт 186
Гамбург 18, 21
Генрихсдорф 26
Германия 17, 24, 62, 227
Гзин 15

Глиняны 74
Гнезно 81
Големб 76, 124
Голландия 23, 73, 108, 119, 189, 227
Гомбин 16
Гостынин 159, 162
Грабя 57, 59
Грауденц 14, 15, 72, 99, 105, 110, 123, 129, 145, 156, 214
Гребин 81, 106, 107, 109, 148, 155
Гросс-Лезевиц 137
Гросс-Лихтенау 109, 152, 154
Грыбув 71
Гютланд 81, 106, 147

Дания 111, 112, 119, 123, 124, 131, 175, 188, 206
Данциг 7, 8, 11—14, 23, 72—74, 81, 82, 104—112, 138, 141, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 202, 205
Данцигер-Хаупт 14, 81, 105, 108, 123, 124, 131, 141, 147, 181, 193, 205
Двина 103
Дембе 47
Диршау 14, 106, 109, 124, 125, 131, 147
Добжинь 187, 192
Добчице 59
Драге 26
Драгхайм 26
Брамбург 26
Дровенца 125, 127, 181, 182, 187, 190—192
Дрогичин 170
Дунаец 52

Ежув 40
Енджеюв 44, 47, 163

Жарнув 43
Жванец 74
Жемайтия 80, 102
Жешув 71
Жнин 81

Завихост 115, 164
Закрочим 99, 100, 116—118, 224
Замосць 71, 76, 84, 100, 185
Затор 50
Збараж 74
Зборов 74
Зиенхаген 141
Зольдау 179

Иновлодзь 41, 43

Казимеж 47, 49, 52, 58, 76, 119
Калиш 27, 99, 101, 126
Каменец-Подольский 74
Камень 167, 172, 173
Кампанья 145, 146
Каролен 28
Карпаты 52, 110, 119
Катценау 197
Кашубия 112
Кеземарк 81
Кёнигсберг 9, 72, 73, 83, 213
Кжемень 116
Клеменс-Фере 134, 137, 141, 197
Клепаж 45
Ковалево 124, 181
Коваль 16, 113, 159
Кодень 170
Козихева (Козегловы?) 50
Кокенхаузен 102, 103

Коле 8
Коло 30, 32, 35
Конин 30
Кониц 81, 105, 107, 111, 124, 127, 210
Копенгаген 8
Косцян 27, 51
Краков 40, 41, 44, 45, 47—53, 57—59, 63, 64, 75, 82, 95, 99, 100, 109, 114, 116, 122, 123, 163, 187
Кристбург 132, 134, 138, 140, 217, 221
Кроне 26
Кросно 59
Круден 6
Крым 117, 122
Ксёнж 44
Кульм 13, 15, 128, 131, 156, 206
Кульмзее 15, 99
Куявия 52

Ламе-Ханд 193, 202
Лангенау 105
Ланьцут 71, 114
Ласин 136
Лемберг (Львов) 52, 71, 75—77, 225
Ленчица 31
Лесё 8
Летцкау 106
Лешно 81
Либштадт 140
Лиманова 52, 57, 59
Липинки 124, 127, 128
Лиссау-шанц 130, 131, 205, 206
Литва 16, 24, 75, 102, 104, 112, 130
Лифляндия 22, 102, 103, 110, 112
Лович 16, 30, 40, 80, 94, 99, 114, 135, 163
Любава 15
Любек 21, 25
Люблин 71, 75, 76, 81, 115, 166, 224
Любомль 79
Лянцкоронский замок 49
Лятович 167

Мазовия 52, 118, 126, 127
Малая Польша 82, 99
Малая Померания 8, 81, 105—107, 111, 112, 125
Мале Лумны 86, 87
Мале Скрипки 172, 173
Малогощ 44
Мариенбург 14, 72, 73, 81, 82, 108, 109, 111, 112, 123, 126, 128, 131—135, 138, 139, 145, 147, 152, 154, 155, 181, 193, 198, 202, 204—206, 211, 212, 215—217
Мариенвердер 14, 110, 132, 145, 146, 156, 157, 193, 205, 212, 213
Меве 14, 106, 124, 130, 146, 147
Мендзибеж 115
Мендзижеч 27
Мехув 44
Млава 177—179
Монтау-Шпиц 14, 124, 128, 206
Моравия 67
Москва 72, 103
Московия 119, 202, 205
Мункач 110
Муроване Гослин 28

Нарев 82, 176

Непорент 88, 90, 92
Неринг 141
Неус 8
Нида 44
Новый Двур 82, 85, 86, 88, 117
Новый Сонч (Сонч) 48, 52, 59, 62, 77, 225
Ногат 14, 134, 137, 138, 141, 197, 205
Нойведель 26
Нойенбург 14
Нойкирх 74, 108, 155
Ноймарк 26, 123, 124, 183
Нойтайх 109, 138, 156
Норвегия 8, 123
Нотец 25, 28

Оденсе 112
Олива 81
Опарув 37
Ополе 52
Опольское княжество 118
Опочно 42, 52
Освенцим 50
Охлухрис 6, 152
Охмэди 6
Охриди 6

Парчев 116
Пассарге 9, 140
Пелыплинский монастырь 127
Петерсвальд 217
Пёткув 114, 119, 163
Пилица 41
Пиллау 73, 80, 81, 105, 108, 126
Пилявцы 74
Пиньчув 115, 163
Пионтек 17, 37
Плоцк 99, 185
Подолия 119
Познань 16, 17, 27—30, 33, 99, 101, 126
Польша 13, 15, 17, 22—26, 31—33, 65, 68, 69, 73, 75, 76, 81, 82, 86, 102, 103, 109—114, 116—120, 122—124, 126, 127, 129, 130, 134, 135, 140, 188, 190, 214, 223, 225, 226
Померания 21, 22, 26, 31, 101, 104, 114, 123—126, 205
Порта (Турция) 111, 117
Прага, предместье Варшавы 80, 88, 92, 93
Прейсиш-Марк 211
Прейсиш-Холланд 74, 83, 109, 134, 137, 140
Прошовице 58
Пруссия 12, 15, 49, 65, 71, 72, 75, 81, 82, 98, 103, 104, 108, 110, 112, 114, 116, 123, 124, 126, 127, 131, 135, 179, 181, 188, 210, 226
Прусское герцогство 126, 211, 212, 215
Пруст 81, 106
Пултуск 82, 100, 176
Пуцк 22, 81
Пшасныш 176
Пшеворск 71
Пшедбуж 38, 44, 114
Пшемысль 77
Пыздры 30
Пясечно 93

Рава 40, 114, 135
Радом 78, 79
Радошице 44, 114, 115
Райгруд 104

Ратиборское княжество 118
Рацебург 21
Реден 72, 99, 135
Речь Посполита 23, 26, 31, 75, 110, 126
Рига 80, 102, 103, 138, 140
Ризенбург 132—134, 213, 221
Роан 8
Роскилле 131
Россия 81, 102

Самптра [Шамотулы?] 28
Сан 71, 77, 78
Сандомир 71, 76, 77, 114
Свенты Кшиж 115
Силезия 40, 48, 52, 59, 74—76
Скаген 8
Скелморли 156, 158
Сломники 44
Служево 113, 156, 158
Слупца 30
Собота 38, 113, 114, 163
Соколы 116, 173
Сонч — см. Новый Сонч
Срода 17, 28, 29, 33
Ст. Бжезины 41

Темпельбург 26
Толькемит 109
Торн 15, 16, 71, 72, 80—82, 85, 86, 99, 110, 112, 113, 117, 118, 123, 125, 127—129, 132—135, 156, 180, 181, 186, 187, 189—192, 194, 210, 214, 221, 223
Трансильвания 72, 77, 117, 119, 120, 123
Триндель 8
Тухель 124, 127
Тыкоцин 82
Тынец 100

Ужендув 115, 166
Уйсце 25, 28
Украина 119
Унеюв 31, 35
Ухтенхаген 25
Уэстертун (оф Охлухрис) 6
Уяздув 86, 94

Фалькенбург 26
Фальстербу 8
Филипув 104, 140
Фрайенвальде 25
Франция 113, 124, 189
Фрауэнбург 9, 10, 103, 105
Фрише-хаф 9, 14, 105
Фюн 112

Хантли 224
Хель 8
Холланд — см. Прейсиш-Холланд
Хони-Крук 6
Хофштедт 26

Цехановец 173
Ципс 48, 59

Ченстохова 51, 111, 116, 117
Черский замок 80
Члухув 81, 107, 127

Швец 13—15, 124
Швеция 22—24, 26, 73, 102, 103, 110—113, 115, 119, 123, 124, 127, 175, 183, 189
Шнайдемюль 25, 28

Шотландия 7, 13, 16, 19, 125, 139, 141, 152, 180, 185
Штаде 21, 81
Штаргард 127, 128
Штеттин 21, 30, 32, 33, 105, 123
Штиблау 81, 106, 147, 148, 152—154
Штрасбург 71, 118, 123, 127, 132, 181, 182, 190, 192—194
Штум 123, 128, 131, 132, 134, 139, 180, 194—196, 202, 206, 211—216, 222
Штутхоф 107

Эбердин 6, 7, 228
Эзель 22
Эллон 6
Эльбинг 9, 11, 72, 73, 80, 111, 123, 124, 128, 131, 132, 134, 135, 137, 139, 155, 180, 192—194, 196—203, 205, 211, 214, 215
Эльсинор 8

Ютландия 8

Яворув 223
Яновец 224
Ярослав 71, 75, 77

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Патрик Гордон. Литография Клюквина с портрета, прежде хранившегося в Эрмитаже (Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Moskau, 1849. Bd. I) (фронтиспис).

Страница рукописи "Дневника" Гордона (Российский Государственный военно-исторический архив, Москва. Ф. 846. Оп.15. № 1. Л. 170 об.) (с. 20).

Старый Эбердин в XVII в. Гравюра Дж.Слезера (*Slezer J.* Theatrum Scotiae. L., 1693).

Новый Эбердин. Фрагмент плана Джеймса Гордона оф Ротимэй, 1661 (Национальная библиотека Шотландии, Эдинбург).

Данциг (Гданьск) в XVII в. Гравюра М.Мериана (Королевская библиотека, Стокгольм).

Варшава в середине XVII в. Гравюра Н.Перелля (Музей истории Варшавы).

Краков в XVII в. Гравюра П.Шенка (Государственный музей, Амстердам).

"К оружию!" Картина Якоба Дюка (около 1600—1667) (Галерея Х.Шикмена, Нью-Йорк).

Карл X Густав, король Швеции. Гравюра И.Фалька, 1654 (Кабинет гравюр, Национальная библиотека, Варшава).

Арвид Виттенберг, шведский фельдмаршал (Там же).

Пфальцграф Адольф Иоганн. Портрет работы С.Бурдона (Музей Фабр, Монпелье, Франция).

Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский. Гравюра И.Мецгера (Кабинет гравюр, Национальная библиотека, Варшава).

Ян Казимир, король Польши. Гравюра В.Хондиуса, 1650 (Polska. Jej dzieje i kultura. Warszawa, 1927. T. 2. S. 85).

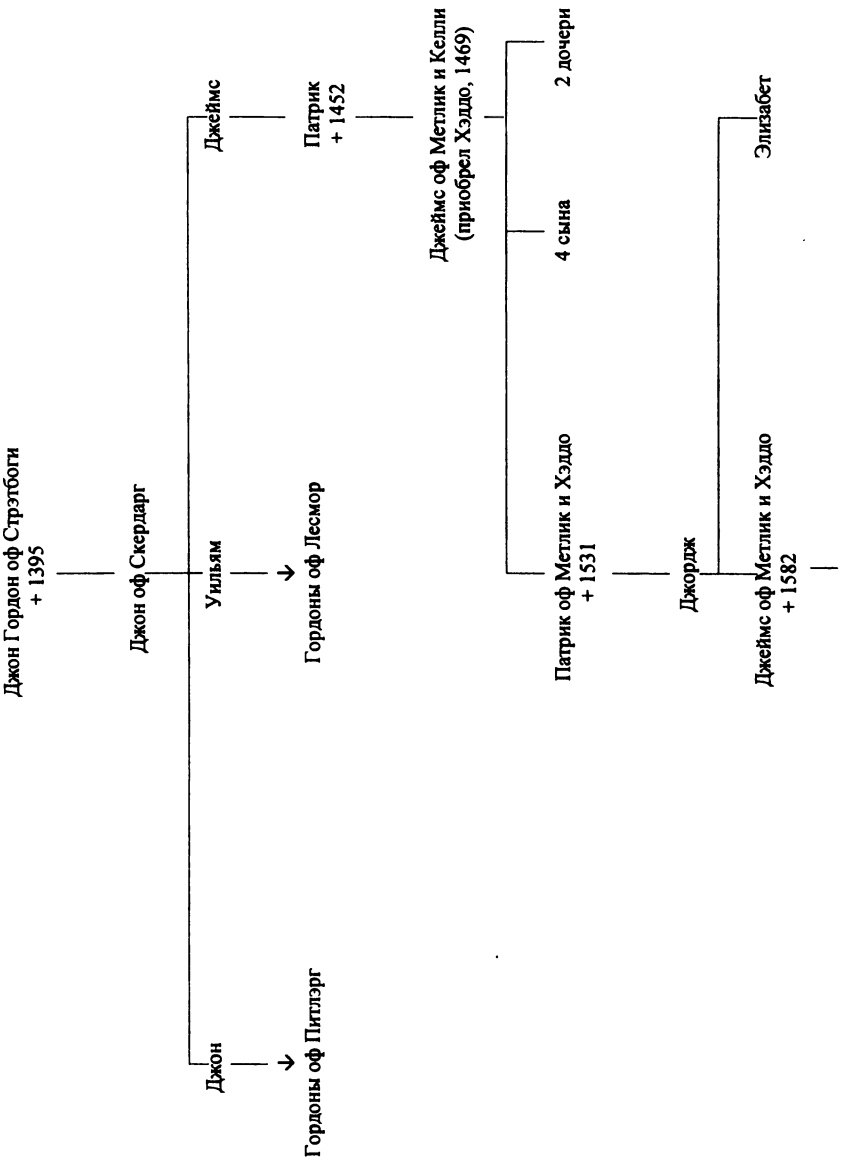
Ян Собеский. Гравюра Дж.Томсона (Ibid. S. 86).

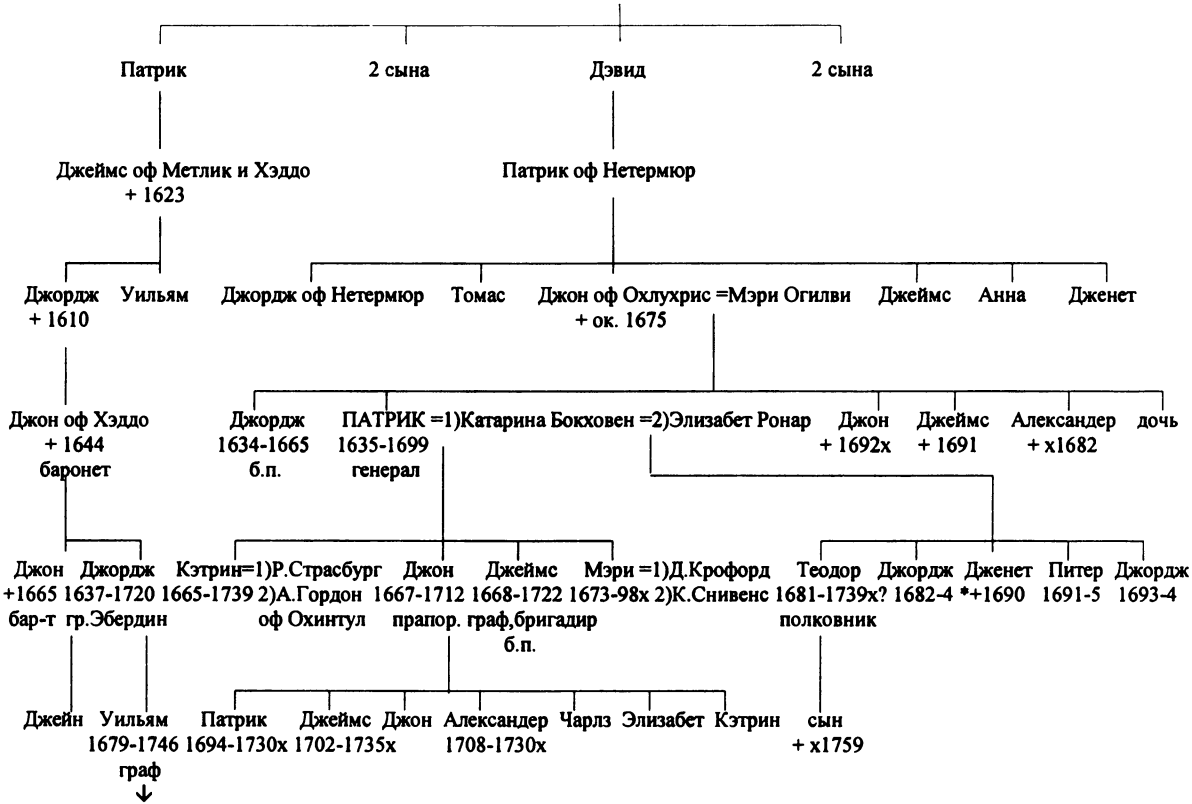
Стефан Чарнецкий. Гравюра К.Майссенса (Ibid. S. 90).

Юрий Любомирский. Гравюра В.Ф.Килиана (Кабинет гравюр, Библиотека Варшавского университета).

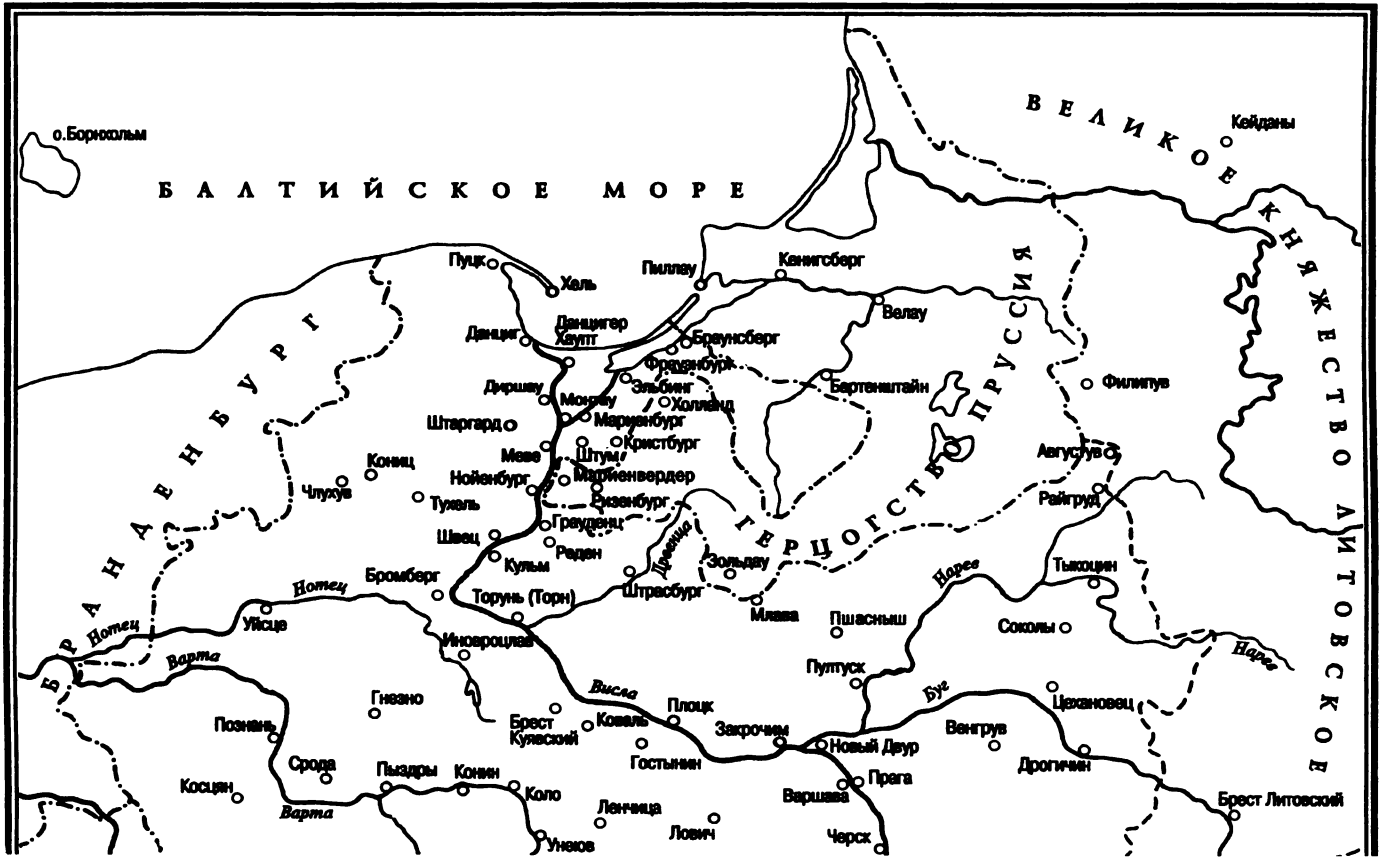
Западноевропейские мундиры середины XVII в. (*Kannik P.* Military Uniforms in Color. N.Y., 1968).

РОДОСЛОВНАЯ ГОРДОНОВ оф ХЭДДО и ОХЛУХРИС
(главные ветви)





* род. + ум. = брак x не ранее (после даты), не позже (перед датой) б.п. без потомства



о.Борнхольм
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
БРАНДЕНБУРГ
ГЕРЦОГСТВО ПРУССИЯ
Кейданы
Пуцк
Хель
Пиллау
Кенигсберг
Велау
Данцигер Хаупт
Данциг
Браунсберг
Фрауэнбург
Эльбинг
Холланд
Дирщау
Монтау
Мариенбург
Штаргард
Кристбург
Меве
Штум
Мариенвердер
Нойенбург
Ризенбург
Конниц
Члухув
Тухель
Грауденц
Швец
Реден
Кульм
Бромберг
Торунь (Торн)
Штрасбург
Зольдау
Млава
Бартенштайн
Филипув
Августув
Райгруд
Тыкоцин
Соколы
Пшасныш
Пултуск
Цехановец
Венгрув
Дрогичин
Брест Литовский
Нотец
Уйсце
Варта
Иноврoцлав
Гнезно
Познань
Срода
Косцян
Пыздры
Конин
Коло
Унеков
Брест Куявский
Коваль
Гостынин
Плоцк
Закрочим
Новый Двур
Прага
Варшава
Черск
Ленчица
Лович
Висла
Дрвенца
Нарев
Буг

ПОЛЬША И ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Польские и немецкие топонимы даны по тексту "Дневника" Патрика Гордона

СОДЕРЖАНИЕ

[ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА] 5
1635—1646 6
1648—1651 7
1653 9
1654 15
1655 18
1656 59
1657 107
1658 128
1659 135
1656 [ПРОДОЛЖЕНИЕ] 135
1657 147
1658 195
1659 223
ПРИЛОЖЕНИЯ 229
Д.Г.ФЕДОСОВ. ЛЕТОПИСЬ РУССКОГО ШОТЛАНДЦА 229
М.Р.РЫЖЕНКОВ. АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКА 246
ПРИМЕЧАНИЯ 250
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 261
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 267
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 273
РОДОСЛОВНАЯ ГОРДОНОВ ОФ ХЭДДО И ОХЛУХРИС 274
КАРТА ПОЛЬШИ И ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ 276

Научное издание

ПАТРИК ГОРДОН

ДНЕВНИК
1635—1659

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Памятники исторической мысли»

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Н.Ф. Лейн*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев, В.М. Ракитина*

Подписано к печати 17.12.2004. Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Гарнитура Академическая. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,5+0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 19,1. Уч.-изд.л. 18,7
Доп. тираж 640 экз. Тип зак. 3774

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ПАТРИК ГОРДОН • ДНЕВНИК • 1635–1659

ПАТРИК ГОРДОН

ДНЕВНИК
1635–1659